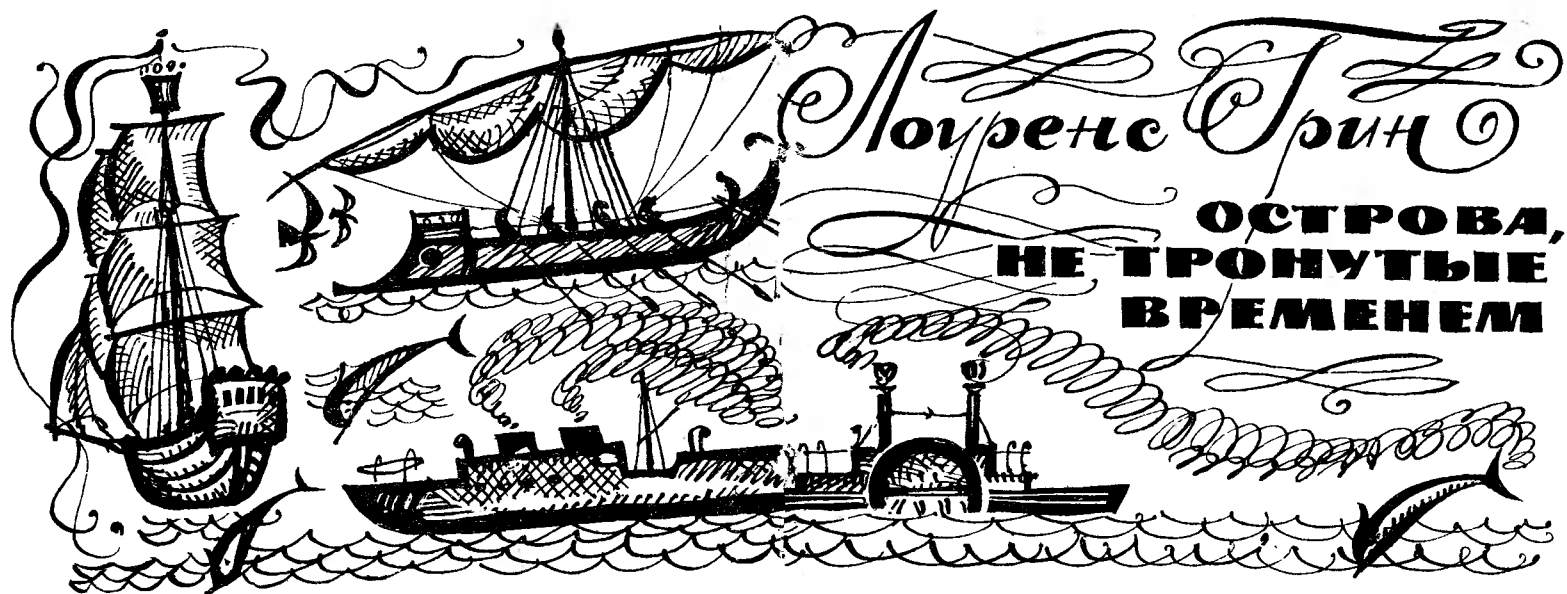




Лоуренс Трин
**ОСТРОВА,
НЕ ТРОНУТЫЕ
ВРЕМЕНЕМ**





Лоуренс Трин

**ОСТРОВА,
НЕ ТРОНУТЫЕ
ВРЕМЕНЕМ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

ISLANDS TIME FORGOT
by Lawrence G. Green
London 1962

Перевод с английского
Г. И. ГОЛОВНЕВА и Г. И. ГАЕВА

Ответственный редактор
Л. А. МИХАЙЛОВА

Грин Л.

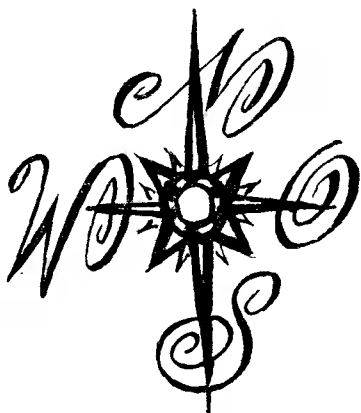
Г85 Острова, не тронутые временем. Перев. с английского. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972.

319 стр. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

Книга представляет собой подлинную энциклопедию разнообразнейших сведений об островах, протянувшихся с севера на юг вдоль побережья Африки, многие из которых (Ассеншен, Сан-Томе, Принсипи, Гомера) почти не известны советскому читателю. Автор сам побывал на этих островах и пережил там много приключений.

И цель моя, покуда жив,
Плыть на закаты, умывая
Все звезды Запада. Быть может,
Огромный вал меня проглотит...
Быть может, достигну я Счастливых Островов
И там великого увижу Ахиллеса.

А. Теннисон
(перевод А. Эппеля)



Глава первая

ОСТРОВ ПРОКАЖЕННЫХ

Все ленивые люди в этом мире, и я в том числе, почему-то крайне равнодушны к чарам одиноких, затерянных в океане островов. Стоит только отыскать для себя подходящий остров, и вам уже кажется, что настало время распрощаться со своим прошлым и начать новую жизнь вдали от раздражающего нас и полного докучливых забот большого города. Если вы разумно выберете себе место уединения, то можете без особых трудов и хлопот прожить там остаток жизни. Идеальный остров нашей мечты — это место, где не нужно работать совсем, за исключением мелких необременительных обязанностей, с готовностью выполняемых для какой-нибудь очаровательной спутницы — компаньонки по уединению.

Признаюсь, однако, что я лично частенько тяготился такого рода добровольным отрешением от мира и не раз ретировался из таких уединенных мест на мою цивилизованную прибрежную равнину¹. По своему характеру я скорее перелетная птица, чем отшельник на далеком острове. Имея возможность всегда жить там, где мне хочется, я тем не менее всегда предпочитал оставаться горожанином.

¹ Автор живет в Кейптауне.— *Прим. пер.*

Так, например, несколько лет назад я внезапно прервал серьезную работу и добровольно изгнал себя на месяц на остров Наполеона — Святую Елену, притивший немногих счастливых, которые живут там все время; но только там я в полной мере почувствовал, что потерял большую часть тех рабочих стимулов, которые вдохновляли меня в городе, — улицы, библиотеки, ежедневные газеты, кино и театры, старые друзья. И я продолжаю тяготиться добровольным отрешением от мира, когда на меня, как говорят, «находит» вдохновение.

Как ни странно, но первым местом, которое надолго расположило меня к себе, оказался островок, где живут прокаженные — люди, навеки оторванные от здоровых жителей земли.

Это произошло за несколько лет до первой мировой войны, в пору моего ученичества, когда я, еще мальчишка, посетил остров Роббен. Все, кто когда-либо путешествовал по морю, направляясь к Южной Африке, знают этот низкий песчаный остров у входа в Столовую бухту, конфигурацией напоминающий кита с маяком на спине.

Никто из многочисленных жителей Кейптауна никогда не был на острове Роббен, хотя единственное препятствие к такой экскурсии — семь миль моря (чаще всего, правда, весьма беспокойного) от города до острова. В прошлом Роббен использовался как концлагерь для осужденных, потом там были сумасшедший дом и больница для прокаженных, а под конец стал укрепленной военной крепостью, «Южным Гельголандом»². Мне нравится старый остров Роббен, и могу вас заверить, что многие прокаженные долго тосковали по своему дому-острову, когда на материке, в тысяче миль от моря, была построена для них новая, превосходная больница.

Впервые я посетил остров по приглашению одного из тамошних врачей — друга нашей семьи. Местечко, надо сказать, пользовалось мрачной репутацией, и я бы, возможно, отказался, если б не этот самый доктор, который настойчиво советовал мне отбросить ненужные мысли о «заразных микробах» и брать всегда

² Роббен претерпел полный цикл превращений; совсем недавно его военный гарнизон был эвакуирован, и остров вновь стал лагерем для заключенных. — *Прим. авт.*

пример с прокаженных, которых даже тяжелая болезнь не лишила способности радоваться жизни.

Сначала остров Роббен показался мне довольно романтичным. Я увидел изъеденные прибоем скалы, о которые разбился голландский корабль «Дагераад» с сокровищами. Золото все еще лежало на дне моря, ласкаемое длинными прядями ламинарий³. Один из берегов острова, «Свалка», получил свое название из-за многочисленных обломков затонувших кораблей — ржавого железа, паровых котлов, остатков мачт, люковых решеток и разбитых спасательных буюв,— нашедших здесь свою кончину.

Кораблекрушения вносят в монотонную жизнь острова какое-то разнообразие: пропал австралийский лайнер, и потом месяцами море выбрасывало на отмени дорогие ковры, меха, одежду. Прокаженные вскрыли огромные бочки — в них еще сохранился ром, — и искушение было столь велико, что мало кто избежал соблазна...

После кораблекрушения одного из них привели к комиссару и предъявили обвинение в краже груза.

— Признаю себя виновным, — с готовностью заявил нарушитель, — но как поступили бы вы на моем месте, если бы вам досталось сразу столько виски?

Первый в жизни бокал шампанского я поднял на острове в доме доктора. Перед первой мировой войной жизнь здесь была так дешева, что многие медицинские работники, получая семьдесят-восемьдесят фунтов в год (их обеспечивали жильем и бесплатным питанием), сумели скопить достаточно денег для того, чтобы жениться. Баранина стоила тогда пять пенсов за фунт, самая лучшая говядина — четыре с половиной пенса, а почки — пени за штуку. К этому можно добавить даровую рыбу, диких кроликов, перепелов и куропаток. Виски продавались за пять шиллингов бутылка, кварта французского шампанского стоила шесть шиллингов, а пиво — три с половиной пенса.

Дважды в месяц островной пароходик превращался в «торгово-экскурсионное судно» и увозил на целый день больничный медперсонал в Кейптуан за

³ Л а м и н а р и и — бурые водоросли длиной до двухсот метров. Образуют крупные скопления в защищенных от волнения бухтах малых островов, препятствующие подходу к берегу судам мелкой осадки. — *Прим. ред.*

необходимыми покупками. Во многих домах острова тихих помешанных использовали в качестве слуг. Если ваш сад или огород нуждался в уходе, то вы могли попросить для этой цели заключенного у начальника тюрьмы и бедняга старательно выполнял бесплатно любую работу.

Мои воспоминания об острове Роббен не ограничиваются, конечно, только впечатлениями школьных лет. В последующие годы, когда у меня уже появилась собственная небольшая яхта, я добился официального разрешения беспрепятственно посещать остров прокаженных и провел там не одно воскресенье. Я помню Роббен в «лучшие времена», когда в поселке было пятьсот сумасшедших и тысяча прокаженных; обслуживающий персонал с членами их семей насчитывал более пятисот человек, в тюрьме же содержалось около ста заключенных. Не раз приходилось мне гулять по пустынным улицам поселка, когда остров уже был совсем покинут людьми (кроме трех смотрителей маяка), и при этом ловил себя на мысли, что скучаю по знакомым лицам.

Прокаженным разрешалось передвигаться по большей части острова в дневное время без всяких ограничений (лишь четверть его была для них запретной зоной). Многие больные ловили рыбу у скал, и им порой удавалось заполучить редчайшие экземпляры морской фауны, например великолепных капских омаров. Тем же, кто изъявлял желание работать, платили небольшое жалованье. Мужчина-прачка и портной зарабатывали по два фунта в месяц, пастух — один фунт, швея — десять шиллингов. Помощниками поваров, слугами, санитарями, садовыми рабочими и малярами, как правило, были прокаженные.

Болезнь на время оставляет некоторых прокаженных. Тогда они уже не опасны для окружающих. Таким больным разрешают вернуться домой, однако многие из них просят оставить их на острове.

В былые дни ремесла на Роббене всячески поощрялись; прокаженным разрешалось строить себе отдельные хижины, если им этого хотелось. На острове для такого строительства было достаточно материала — выброшенные морем останки погибших кораблей. Прокаженные гуляли до десяти вечера, после чего всех их обязывали возвращаться в больничные палаты или

каморки-кубрики, то есть отгороженные закутки в общих барачных спальнях.

И все же жизнь их была в целом довольно однообразной; некоторые признавались, что тоска по дому действует более разрушительно, чем сама болезнь. Больные-крестьяне — а таких здесь большинство — никак не могли понять, почему им не разрешают здесь заниматься сельским хозяйством.

На острове существовал специальный полицейский отряд из двадцати человек, в обязанности которого входило: днем следить за порядком в бараках, а ночью патрулировать берега, скалы и отмели. Но, несмотря на бдительность полицейских, прокаженные время от времени убегали. Труднее всего было построить лодку так, чтобы не выдать своих планов. Остров Роббен — не Алякатрас⁴, и у каждого из его обитателей всегда был реальный шанс незаметно спустить на воду лодку и темной ночью добраться до пустынного материкового побережья в четырех милях от острова. Но беглецов после кропотливого многонедельного труда, потраченного на сбор и обработку плавника — остатков кораблекрушений — и припрятывание кусков брезента и парусины, обнаруживали и вылавливали.

Так, однажды четверо прокаженных, приложив бездну труда, построили себе дозволенную законом хижину, но с тайным подкопом. Они спокойно работали, и никто ни о чем не догадывался до тех пор, пока один из них не совершил роковой ошибки, похваставшись своим «изобретением» перед кем-то из непосвященных. Полиция вскоре узнала про тайник.

Трое молодых прокаженных, умевших, очевидно, держать язык за зубами, каждый день ходили ловить рыбу к северному берегу скалистого острова. Он охранялся не так тщательно, как другие пологие берега, ибо считалось, что отсюда выйти в море почти невозможно. Пока один молодой человек ловил рыбу, зорко посматривая вокруг, двое других строили коракль⁵ из дерева и брезента. Каждый раз после «рыбной ловли»

⁴ Алякатрас — небольшой островок в заливе Сан-Франциско, на котором находится знаменитая федеральная тюрьма США.— *Прим. пер.*

⁵ Коракль — небольшая широкая лодка с ивняковым или деревянным каркасом, обтянутым водонепроницаемым материалом.— *Прим. пер.*

они зарывали свое утлое суденышко в песок. Это повторялось до тех пор, пока его окончательно не подготовили к выходу в море.

Терпеливо ждали беглецы той редкой ночи, какая случается раза три в год, когда океан спокоен, а поверхность его гладка, как озеро. И вот такая ночь наступила. Они выбрались из «кубриков», благополучно прошли мимо стражи и столкнули свой коракль на воду.

Первый парень, пытаясь забраться в лодку, поскользнулся на валуне и упал в воду. Пока товарищи спасали его, коракль отнесло в море. Все трое незамеченными возвратились в бараки, но пострадавшему потребовалась срочная медицинская помощь. Своих товарищей он не выдал, но весь остров уже знал о неудавшейся попытке к бегству.

Во время моего первого визита на остров Роббен его посетил высокопоставленный чиновник с материка, чтобы осмотреть выставку изделий прокаженных. Ему представили многих чудаков, в том числе и неисправимых беглецов. Одного из них звали Джеймс Уолш. Он смастерил лодку, но был пойман полицией. Однако Джеймс сумел снова овладеть ею, прежде чем лодка была уничтожена, и благополучно добрался до материка. Он успел вдохнуть воздух свободы, прежде чем был пойман и возвращен обратно на Роббен. Уолша отпустили после тридцати лет пребывания на острове прокаженных, когда выяснилось, что он никогда и не болел проказой, а его жизнь здесь — «всего лишь» трагический результат ошибочного диагноза.

Бывший офицер прославленного Британского полка, в котором он прослужил восемнадцать лет, представил на выставку цветы, которые выращивал с завидным постоянством, несмотря на все чинимые ему препятствия. Армейская дисциплина укоренилась в нем настолько сильно, что этот прокаженный ни разу даже не пытался бежать.

Героем среди беглецов-прокаженных в годы моей юности считался один молодой фермер, который сумел покинуть остров самым простейшим способом. Его привезли с огромной бородой, что делало фермера хорошо известным на Роббене. В тот день, когда пароходик должен был совершить очередной рейс на материк, он сбрил бороду, преспокойно пришел на при-

стань, смешался с толпой пассажиров и отчалил с ними, не возбудив ни у кого ни малейшего подозрения. Фермер пробыл на родине полгода, прежде чем полиция обнаружила его и снова препроводила на остров.

Двое заключенных, один местный по имени Солидеди, другой белый — некто Бранд, бежали ночью из тюрьмы, добрались до пристани и, вооружившись ломками, стали угрожать часовому, требуя, чтобы он не мешал им снять со шлюпбалки шлюпку... Им удалось бежать на материк. Там Солидеди кого-то убил и ограбил и его повесили в Кейптауне. Бранда поймали и вернули на остров. Часовой, которого оштрафовали за халатность на пять фунтов, говорил мне потом, что он еще легко отделался — те двое вполне могли бы раскроить ему череп.

Несколько позже объявили о побеге заключенного по имени Ян Христиан. Следов его исчезновения обнаружено не было, и власти организовали поисковый отряд из полицейских, к которым присоединились все служащие — поселенцы острова. Они, выстроившись цепочкой, прочесали весь Роббен с одного берега до другого, но безуспешно. Казалось, беглец провел всех. Однако в конце концов он был все же обнаружен... в канализационном люке на территории женской секции лепрозория. Женщины там прятали его и даже кормили.

В 80-х годах XIX века прокаженные содержались на острове в ужасающих условиях. Многочисленные жалобы, обращенные к властям, не давали почти никакого результата. Однажды ночью островитяне подожгли свои жалкие лачуги, заставив таким образом администрацию построить новые жилища. О кошмарной жизни прокаженных в те времена рассказал мне один документ — отчет санитарного врача, датированный 1881 годом:

«Я увидел здесь несчастных, ютящихся в конурах худших, чем собачьи. В длинном, низком, покрытом тростниковой соломой сарае набито свыше сорока человек прокаженных; большинство из них не имеет возможности даже подняться со своих лежанок, чтобы выбраться на воздух. Они сгорают заживо, если тростниковая кровля вдруг загорится. Здесь содержатся вместе и черные, и метисы, и белые. Женщин нет».

Сцена, достойная Гран Гиньоля⁶, произошла в лепрозории острова Роббен. История достоверная. Я читал о ней в официальных отчетах. На остров прибыла специальная комиссия, чтобы рассмотреть жалобы прокаженных: призывы к людскому состраданию существ, которые мечтают только об одном — излечиться от проказы и вернуться домой, — мольбы несчастных, доведенных до отчаяния длительным изгнанием. Хотя проказа и передается только при непосредственном контакте, больным не разрешили приблизиться даже к столу, за которым сидела комиссия. Между ропщущими людьми и столом тесно стояла охрана.

Один из членов комиссии поинтересовался:

— Зачем понадобились такие строгие меры?

— Мы только что раскрыли заговор — они решили заразить всех вас своей болезнью, — ответил начальник охраны.

Ну и ну! От хорошей жизни такое в голову не придет!..

Уникальное в юридической практике Южной Африки дело об убийстве было возбуждено как раз на острове Роббен. Прокаженный сварил как-то немного пива, но отказался поделиться с товарищами. Тогда один из них убил его камнем. Дело должно было слушаться в Кейптауне. Однако, узнав о том, что на материк потребуется доставить тридцать свидетелей-прокаженных, судьи решили вернуть дело на рассмотрение в первоначальную инстанцию — мировому судье острова, наделив его в связи с этим повышенными юридическими правами. Убийца был приговорен к двенадцати месяцам каторжных работ, но, поскольку на острове не было подходящих условий для исполнения приговора, фактически осужденному запретили лишь ловить рыбу в течение данного срока.

Попадались интересные личности и среди вольнонаемных. Как правило, это были люди, потерпевшие серьезные неудачи на жизненном поприще и нашедшие себе прибежище на острове Роббен. Один студент-медик из знатной семьи провалил на родине последние экзамены на звание врача и нанялся работать санита-

⁶ «Гран Гиньоль» («Le Grand Guignol») — название небольшого театра в Париже, ставившего драмы ужасов. — *Прим. пер.*

ром на острове в больнице для умалишенных. Он совершал регулярные поездки в Кейптаун, где выполнял мелкие поручения наиболее обеспеченных островитян. В каждую такую поездку молодой человек тратил в городе все свое жалованье с единственной целью — произвести впечатление дипломированного доктора.

Другой вольнонаемный уволился с работы, покинул остров и за короткое время стал на материке процветающим бизнесменом. Позднее выяснилось, что этот человек сумел тайно проникнуть на покинутую командой «Тэнтэлэн Касл», наскочившую на прибрежные рифы близ Роббена. Партия драгоценных камней, значившаяся в списке грузов потерпевшего крушение корабля, так и не была обнаружена командой спасателей.

Среди умалишенных на острове была женщина из Европы, которая подожгла у себя на родине несколько церквей. И хотя о ее слабости все хорошо знали, ей все же удалось поджечь и психиатрическую больницу. Другой помешанный собирал ненужный металлический хлам, вырезал из кусков железа и стали кружочки и «гравировал» на них профиль королевы Виктории. Таким образом, он полагал, к своему превеликому удовольствию, что скопил себе некоторое «состояние».

Благонравным островитянам разрешено было организовывать вечера танцев. Дочь бывшего начальника острова сказала мне как-то, что лучшим ее партнером оказался убийца, отравивший на воле несколько человек, — он отлично танцевал и был отменно вежлив.

Остров Роббен издавна привлекал внимание португальских мореходов. По данным лиссабонских архивов, один их корабль бросил якорь в Португальской бухте, получившей это наименование еще в 1525 году. Португальцы высадили там осужденных преступников, которые построили себе на острове жилище из камня. Однако следов этого строения не обнаружено, и никто ничего не узнал о судьбе первого поселения четырехсотлетней давности.

Много лет спустя восемь преступников были переданы английским правительством Ост-Индской компа-

нии⁷, с тем чтобы высадить их на Мысе Доброй Надежды. Это случилось в 1618 году; в то время на Мысе Доброй Надежды не было ни одного белого человека. Директорам компании пришло в голову наладить там торговлю с готтентотами и разводить огороды, снабжая свежими овощами свои торговые корабли. Однако никто не соглашался жить на этом опасном аванпосте цивилизации. Тогда директора обратились с петицией к королю Якову I, дабы он помиловал для этой цели несколько осужденных на смерть уголовников. Таким путем восемь преступников, снабженные оружием, боеприпасами, запасом еды и небольшой лодкой, против своей воли очутились на берегу Столовой бухты.

Их главарем был капитан Кросс, служивший до этого в отряде королевских телохранителей. Кросса, человека вздорного и буйного, быстро возненавидели готтентоты. Они напали на него и, по свидетельству очевидца, «закидали стрелами и копьями». Семеро преступников удрали в лодке на ближайший остров, которым оказался Роббен. Однако их лодка так пострадала при высадке, что починить ее было уже невозможно.

Так эти семеро робинзонов оказались на острове Роббен. Питались они, как и все потерпевшие кораблекрушение, сухарями, добавляя к скудному рациону пингвиньи яйца и выловленную рыбу. Через шесть месяцев на горизонте показался корабль «Новогодний подарок». Отчаявшиеся люди стали сооружать плот, чтобы как-нибудь доплыть до судна. Четверо самых нетерпеливых не стали дожидаться рассвета и решили добраться до корабля на не подготовленном к плаванию плоту. Их больше никто и нигде не видел — ни на острове, ни на судне. Трое оставшихся были на следующий день сняты с острова и доставлены в Англию. Но это была их последняя попытка стать свободными

⁷ Ост-Индская компания — крупнейшее торговое общество, сыгравшее исключительно важную роль в английской колониальной политике. Возникла в 1600 г. Пользовалась правом монопольной торговли с Индией и Китаем, обладала собственными армией и флотом, была главным орудием завоевания и колониального порабощения Индии английскими колонизаторами. Получала огромные прибыли, которые явились одним из источников первоначального накопления капитала в Англии. Компания существовала до 1858 г. После ее ликвидации Индия была объявлена владением британской короны. — *Прим. ред.*

людьми. Вскоре после прибытия на родину они украли у кого-то кошелек, были осуждены как рецидивисты и, с учетом прежних преступлений, казиены.

Ван Риебеек, первый голландский губернатор Капской провинции⁸, в XVII столетии превратил остров Роббен в колонию для уголовников. Его люди обнаружили здесь сотни мирно пасущихся овец. Их высадил на острове за несколько лет до прихода голландцев капитан одного английского торгового судна.

Ван Риебеек первым начал возводить на Роббеее укрепления, он же построил маяк — железный помост с фонарем, который зажигался всякий раз, когда на горизонте появлялся корабль голландской Ост-Индской компании.

В 1776 году остров посетил капитан Кук, а вскоре после этого там побывал Ле Вайян, французский путешественник и естествоиспытатель. Ле Вайян писал: «Название острова⁹ происходит, по-видимому, от большого количества морских собак¹⁰, обитающих в окрестных водах. Люди — несчастные изгнанники — трудятся, добывая известняк, и на каждый день им дается определенная норма выработки. В свободное время островитяне ловят рыбу или обрабатывают свои небольшие садово-огородные участки, которые обеспечивают их табаком и другими растениями». На северной стороне острова до сих пор сохранились еще остатки этих садово-огородов: межи и ограды из валунов.

Захватив Капскую провинцию во второй раз, в 1806 году, англичане сохранили Роббеек как лагерь для заключенных. Когда британское торговое судно «Елизавета» встало как-то раз на рейде острова, оно было взято на abordаж двенадцатью каторжниками. Они завладели мушкетами, заперли капитана и всю команду в кубрик и вывели судно в открытое море. Матросы во главе с капитаном были высажены на баркас, который преступники пустили на волю волн. Моряки благополучно добрались до Кейптауна, а вдогонку «Елизавете» послали военный корабль. Каторжников во-

⁸ Капская провинция — бывшая Капская колония.— *Прим. ред.*

⁹ Английский глагол «to rob» означает: «нападать», «грабить». — *Прим. пер.*

¹⁰ Морские собаки — рыба из семейства кошачьих акул. Длина их до одного метра. Цвет тела — красно-желтый с темными пятнами. Ведут придонный образ жизни.— *Прим. ред.*

дворили обратно на Роббен, значительно продлив им сроки заключения.

Пираты тоже, видимо, не оставили без внимания Роббен. Конечно, не обошлось здесь без неизбежных легенд о зарытых кладах. Самое интересное, однако, не в этом. Пираты, по-видимому, оказались виновниками появления на острове английского дикого кролика, и на долгое время Роббен стал гигантским кроличьим заповедником. Это тем более удивительно, что здесь совсем немного травы, которой этот кролик питается. Во время второй мировой войны на остров пришлось выпустить кротовых змей. Но это мало помогло. Даже сейчас, через триста лет после появления кроликов, на них нет никакой управы, и они беспощадно уничтожают огороды.

Прокаженные, как выяснилось, более других подвержены простудным и легочным заболеваниям. Поэтому остров Роббен, утопающий в туманах и постоянно обдуваемый морскими ветрами, с течением времени стал неподходящим местом для лепрозория. С годами случаи заболевания проказой в Южной Африке сократились, а белое население практически перестало ею болеть. Кроме того, содержание островного лепрозория для государства и стоимость лечения большинства больных стали настолько высокими, что в конце концов все прокаженные с острова были переведены в центральный лепрозорий, в Преторию.

Медики, привыкшие к жизни на Роббене, неохотно покинули обжитые, благоустроенные дома. Каждый год (начиная с 1931-го) они нанимали пароход и отправлялись на остров, где целый день на загубленных кроликами огородах справляли трогательные «тризны» в память о добрых старых временах. Как-то раз сильный шторм изолировал ветеранов от цивилизованного мира на целую неделю...

Как уже было сказано, я часто посещал эти покинутые места. Птицы гнездились на разрушенных ветряках. Кролики испуганно шарахались в сторону, когда я подходил к помещению электростанции, которая некогда давала свет всему острову. Морские птицы нашли приют в хорошеньких беседках и в кабинках для купающихся, протянувшихся вдоль берега. Ворота тюрьмы были открыты. Узкоколейка, огибавшая весь остров, заросла густой травой, и вагонетки, которые с

бешеной скоростью носились в былые времена по склонам, ржавели сейчас под солнцем. Сады и огороды, покрытые некогда яркими шапками георгинов и алых гвоздик, пришли в запустение. Но белые с красными крышами дома персонала и крепкие каменные строения, воздвигнутые заключенными из валунов и отесанного гранита, совсем не подверглись разрушению. Зато спортплощадки, лужайки для гольфа и газоны заросли настолько, что сравнялись с окружающими кроличьими загонами. Клуб опустел, бильярдные столы и большую библиотеку продали. На полу я увидел порванный флаг с изображением маяка — эмблемой острова. Около клуба на разросшемся газоне лежала никому уже не нужная трофейная немецкая полевая пушка.

На острове было проложено семь миль шоссейной дороги; в первой половине XX века здесь появились даже автомобили. Несколько старых, развалившихся автомашин бросили теперь на произвол судьбы. Распахнутые окна и двери домов раскачивались при каждом порыве ветра, на полу валялись груды ненужной бумаги и обломки стульев.

Во время второй мировой войны началась новая жизнь острова. Старая деревянная пристань Роббена принимала на сотни тысяч английских фунтов военные материалы, артиллерийские орудия, радарные установки и АСДИКи¹¹, катки для строительства аэродрома, ценнейшее оборудование для обнаружения и обезвреживания магнитных мин. Несомненно, в те годы остров имел большое стратегическое значение — всего семь минут пути на аварийном катере отделяло его от причалов Кейптауна. Был построен новый благоустроенный поселок, предусматривалось строительство закрытой гавани.

Военные традиции на Роббене до сих пор очень сильны. Несколько лет назад в местной церкви была торжественно открыта мемориальная доска в честь островитян, погибших во время второй мировой войны. Инициатором торжества была миссис Фэй Тру, правнучка первого британского офицера, командовавшего гарнизоном острова, капитана Вульфа, чье имя и дата смерти — 1841 год — были первыми высечены на фун-

¹¹ АСДИК — аппарат для обнаружения подводных лодок ультразвуком. — *Прим. пер.*

даментальном камне церкви. Среди присутствующих на торжественной службе был и мистер И. Лэйден, почтмейстер, представитель пятого поколения семьи, безвыездно прожившей на острове всю жизнь.

Моряки и их жены не раз говорили мне, что когда они уезжают на день за покупками в Кейптаун, им не терпится поскорее возвратиться на спокойный Роббен. Двери домов здесь никогда не запираются — воровства нет и в помине. Старший офицер платит всего шесть фунтов в месяц, снимая большой дом, а остальные — и того меньше. Вода и электричество обходятся им менее двадцати шиллингов в месяц. Мясо и молоко, как и раньше, очень дешевы. Школьное обучение — бесплатное.

Не так давно военнослужащие гарнизона во время земляных работ в районе маяка обнаружили человеческий скелет и большое количество серебряных и медных монет, главным образом французских, разных дат, от 1688 до 1726 года. Вероятно, матрос с потерпевшего кораблекрушение судна сумел добраться до берега, но вскоре умер и был засыпан песком. Когда я, будучи еще школьником, приехал на остров, дети показывали мне золотые дукаты и серебряные дукатуны¹², найденные ими среди камней.

Одну сцену вот уже более полувека хранит моя память. Я возвращался в Кейптаун после первой моей поездки на Роббен. На пароходе ехал старый прокаженный, метис, отпущенный из лепрозория. Больной лишился к тому времени уже почти всех пальцев рук и ног, врачи сочли его безопасным для окружающих и разрешили уехать. На палубе играл духовой оркестр. Прокаженный, старый и уродливый, исполнял какой-то танец, напоминающий джигу, и выделял всяческие антраша вплоть до прибытия в Столовую бухту. Я молча стоял, наблюдая, как калека-прокаженный, приплясывая, напевал от радости какую-то мелодию в ритме: «та-ра-ра-бум-би-я!». Весь Роббен представлялся мне тогда в образе этого странного путешественника.

¹² Дукатуны — серебряная монета Нидерландов, бывшая в обращении в XVII—XVIII вв., равна трем гульденам. — *Прим. пер.*

ПТИЧЬЕ ЦАРСТВО

Итак, однажды — мне было в ту пору лет шестнадцать — я увидел объявление, нацарапанное каракулями на грифельной доске, висевшей у входа в контору судовладельца в районе доков Столовой бухты: «Нужен юнга, пароход „Ингрид“».

Уже начались школьные каникулы. Был декабрь трудного 1916 года. В те годы война представлялась мне удачной возможностью удовлетворить мальчишескую жажду приключений, и я был преисполнен решимости попасть на фронт до того, как она закончится. Однако пока передо мной маячила единственная унылая перспектива — протянуть еще один год в школе. А тут, как на грех, потребовался юнга на «Ингрид», и два свободных от школы месяца...

«Ингрид» направлялся к птичьим островам. Это были острова, островки и отдельные скалы, вереницей тянувшиеся вдоль западного берега Капской провинции и далее на север — вдоль пустынного побережья Юго-Западной Африки. Правительство Соединенного Королевства собирало с них богатую дань в виде «белого золота» — гуано¹ и роскошных котиковых шкурок².

Я поднялся по трапу на «Ингрид» и изложил свою просьбу хозяину судна.

— Ты мне подходишь, — сказал он, — будь завтра в семь утра на борту.

Вот и все. Против моего ожидания все решилось очень просто.

В жизни я совершил много ошибок. Однако мое появление с узелком за спиной на палубе «Ингрид» я не считаю глупостью. Ибо, покинув впервые в жизни свой уютный дом, я проделывал потом подобные эксперименты вновь и вновь, менял комфорт на лишения

¹ Гуано — естественный продукт разложения птичьего помета, происходящего в сухом климате. Употребляется как азотное и фосфорнокислое удобрение. — *Прим. ред.*

² Котик — морское водное млекопитающее семейства ушастых тюленей. Длина тела самца до 2 м, вес — до 270 кг. Самки значительно меньше. Летом в период размножения устраивают лежбища на суше. — *Прим. ред.*

и скучную рутину на жизнь, полную опасности. И в целом судьба была благосклонна ко мне.

«Ингрид» — каботажное судно, одно из тех старых посудин, которые построены в Глазго из железа еще в 80-х годах прошлого века — до того, как подешевела сталь. Эта посудина уже почти пятьдесят лет стойко противостояла всем превратностям морской судьбы. Когда я появился на ней, она достигла уже среднего возраста, который, однако, на ней несколько не сказался. Единственное, к чему стоило бы предъявить претензии, — это к рулевому управлению, о чем я догадался впоследствии. В первый день с утра я носил с берега на борт караван хлеба и ящики с пивом. Потом на полубаке помогал помощнику капитана управляться с тросом-перлинем, пока судно при помощи лебедек швартовалось у причала. Мне предстояло научиться драить палубу и начищать до блеска медные части судового инвентаря.

Уже далеко за полдень «Ингрид» миновал часовую башню и выбрался в открытое море. Он вез запасы продовольствия и бочонки с пресной водой для людей, соскабливавших гуано с голых скал близлежащих островов. Первым «портом назначения» значился остров Дассен в тридцати шести милях от Кейптауна.

Какой-то натуралист назвал Дассен «восьмым чудом света». Потом я часто бывал на этом острове — плавал туда уже на собственной маленькой яхте. Это действительно все еще не познанное чудо. В каждый свой приезд на остров я не переставал восхищаться им. И ни разу меня не посетило унылое чувство разочарования.

На карте остров Дассен имеет форму морской звезды. Он лежит на пути мощного и холодного океанского течения³, которое проходит вблизи побережья — от Кейптауна в сторону Анголы на протяжении более тысячи миль. Этот поток холодной воды отбирает влагу у материковых ветров и вместо дождя оставляет суше один лишь туман. Он определяет климат западного побережья Африки, образуя пустыни на берегу и прибрежных островах. Но этот огромный поток приносит

³ Имеется в виду Бенгельское холодное течение у западных берегов Южной Африки.— *Прим. ред.*

с собой и богатство — живых представителей антарктической фауны — китов и пингвинов.

Благодаря этому течению остров Дассен стал настоящим аванпостом Антарктики в Южном полушарии. Исследователи Антарктиды установили, что нигде в высоких широтах нет таких многочисленных колоний пингвинов, как на Дассене. Этот остров — основное гнездовье пингвинов; временами пингвины населяют на небольшом пространстве Дассена — всего четыре квадратных мили — исчисляется миллионами. Удивительный остров, не правда ли? И не только находка для натуралиста. О людях, населявших и населяющих Дассен, тоже рассказывают немало интересного.

Один старик — в прошлом шкипер рыболовного судна — называл этот остров именем д'Альмейда. Происхождение названия связано с именем молодого португальца — офицера каноиерской лодки, заходившей в середине прошлого века в Столовую бухту. Офицер этот заболел тифом и был оставлен на берегу в Кейптауне. Когда он поправился, то стал выходить в море с рыбаками, высаживаться на Дассене и в конце концов решил поселиться на нем навсегда.

И хотя этот низкий, обдуваемый всеми морскими ветрами остров на первый взгляд выглядел не очень соблазнительно, тем не менее д'Альмейда сделал мудрый выбор. Ждали своего часа настоящие «залежи» гуано и огромное количество пингвиньих яиц — бери да продавай. Д'Альмейда построил на острове дом, женился и провел там остаток жизни. Его сын унаследовал «птичий заповедник», но через несколько лет после смерти отца уехал на материк. Внук — Антонио д'Альмейда — был сначала фермером, потом шахтером. Когда на Дассене освободился пост начальника острова, власти вспомнили о нем и сделали соответствующее предложение. Так д'Альмейда в третьем поколении вернулся на Дассен и восстановил там свою династию.

Антонио, добродушный гигант с темными волосами и оливковой кожей, похож на португальца, но, судя по языку, он южноафриканец. Я не смог бы найти лучшего гида на Дассене и лучшего специалиста по местным птицам. Среди домашней птицы и овец я увидел у него в усадьбе двух прирученных бабуинов.

— У моего деда был здесь настоящий зверинец,—

объяснил Антонио.— Он держал много различных антилоп и вообще увлекался изучением животных Южной Африки.

На острове живет шесть колоний пингвинов. Интересно, что каждый пингвин ежегодно пользуется одной и той же ямкой-норкой для кладки яиц. Это проверено и доказано опытами. Все песчаные участки острова, словно соты, пронизаны подобными норами. Любое укрытие лучше, чем ничего. Поэтому пингвина вы увидите там, где лежит кусок китового уса, и там, где валяется какой-нибудь обломок дерева или железа — остаток кораблекрушения, под выступом любой скалы или камня. Ямки-норки, как правило, пингвины обкладывают морскими водорослями и травой, а некоторые из них, наиболее выносливые, употребляют для этой цели даже галечник. Дорожки от нор к морю хорошо обозначены. Пингвины владеют Дассеном так долго, что даже гранит потерял от следов миллиона миллионов пингвинов.

Я видел во время рейса «Ингрид» и другие птичьи острова, а на некоторые из них возвращался потом не раз. Почти каждый островок имеет своего начальника, наделенного всей полнотой власти.

Вскоре после второй мировой войны во время одного из своих путешествий я попал на самый дальний из всех птичьих островов. С трудом добился я места на небольшом правительственном пароходике «Гамтоосс», известном немногим спасательном судне, очищавшем от мин Тобрукскую и другие гавани во время войны. Он уже утратил свой былой военный вид, когда я решил отправиться на нем в путь, и вез сейчас на борту более двухсот цветных рабочих. Каждый из них, едва вступив на трап, начинал с поисков спиртного. Они шатались по палубе: кто с неизменной гитарой, кто с одеялом-пледом; большинство же из них не имело вообще никакого багажа, кроме лохмотьев. Здесь собрался самый бедный кейптаунский люд, ослеславленный возможностью попасть на острова и кое-как прокормиться хотя бы несколько ближайших месяцев.

Остров Голова Пантеры! Здесь, на алмазном побережье Юго-Западной Африки, «Гамтоосс» сделал свою первую остановку. За сто с лишним лет тут уже

побывали каботажные шхуны и пароходики, поэтому к берегу подойти было несложно.

Птичьи острова видели и знали жестокую борьбу и бессмысленную смерть во времена «гуанового бума», дипломатические дуэли между Британией и Германией, фатализм и безумство, дни, наполненные событиями, и годы скуки, а главное — целую плеяду людей авантюристического склада. Они жили и умирали иногда в полнейшей изоляции от общества, если посчастливится — своей смертью, а в большинстве случаев — насильственной.

На севере от Головы Пантеры лежит остров Синклера. «Гамтоосс» осторожно приблизился к нему, чтобы забрать четырех человек, проживших здесь на скале восемнадцать месяцев. Могу вас заверить: этого вполне достаточно, если учесть, что обитали они на островке длиной восемьсот, а шириной — двести ярдов, представляющем собой высокую, скалистую гряду в центре с узкой полосой галечника у воды. На материковой стороне островка стоит дом, вернее, ветхая лачуга, и стена, защищающая от морских котиков постройки и площадки, где обитают пингвины. Все остальное пространство заняли греющиеся на солнце, кашляющие и лающие котики, которые поочередно поднимали свои усатые морды при виде нашего судна и лениво на него глазели.

Один из четырех жителей островка, мистер Роберт Рэнд, изучавший здесь по заданию правительства жизнь морских котиков и морских птиц, оказался натуралистом.

— Одиночество? Нет, мне здесь совсем не скучно, — сказал Рэнд. — Есть радиоприемник. Но дело даже не в этом. Единственно, чего я не сделал сразу, — это не взял с собой достаточного запаса книг. В таком месте книга — самая необходимая вещь. Но я исправил свою ошибку: написал натуралистам всего мира, и те стали присылать мне научную литературу целыми пачками. А самое главное — я занят своей работой с восхода и до заката солнца.

Мистер Рэнд частенько наблюдал за стадом котиков, расположившись в непосредственной близости от них. Он подползал к животным, завернувшись в котиковые шкуры, замаскированный страусовыми перьями, точно так же, как бушмен подкрадывается к дичи.

Эксперимент оказался настолько удачным, что огромные самцы-секачи порой начинали проявлять к исследователю недвусмысленный интерес и ползли навстречу. Их агрессивность смущала бедного натуралиста и вынуждала ретироваться, поспешно сбросив шкуры.

Вот так проходили у него дни и месяцы, наполненные интересными событиями. Рэнд изучал любовные игры котиков и морских птиц и был свидетелем многочисленных и разнообразных драм брачного сезона. Он видел, как из яиц пингвинов и олушей⁴ вылупляются птенцы, следил за их ростом, первыми попытками завоевать воду и воздух. Каждое утро отправлялся ученый на свой наблюдательный пункт как раз к моменту, когда солнце поднималось над безжизненными материковыми пустынями, так же как оно делало это сотни и тысячи лет назад, в те далекие времена, когда по этим берегам бродили динозавры, а пингвины еще не обитали здесь.

Изо дня в день один и тот же прибой с неизменным грохотом разбивался о скалы. Так было, так есть и сейчас, несмотря на то что остров и берег уже нанесены на морские карты. Выйдя из своей хижины, Рэнд оказывался по ту сторону цивилизации — натуралистом в прямом смысле этого слова. Я видел, как терпеливо переносил он лишения, не унывал и даже находил прелесть в такой отшельнической жизни. Ее нельзя было даже сравнить с нудной работой над университетскими учебниками в лаборатории. Здесь скромным, но безошибочным путем он добывал знания «из первых рук» и обогащал ими человечество.

Невдалеке от Головы Пантеры расположился остров Плумпудинг. Пудингом, однако, он выглядел только на расстоянии. На деле это весьма унылый и уж совсем «неаппетитный» островок. Двое подвижников — француз и норвежец по имени Алек — высадились здесь год назад, чтобы заботиться о птицах. У них не было лодки, и, когда француз серьезно заболел, не нашлось ни малейшей возможности оказать ему меди-

⁴ Олуши — семейство морских птиц, длина тела до 1 м, вес — до 3,5 кг. Оперение белое, длинные маховые крылья — черные. Шея и ноги короткие, клюв изогнут. Хорошо плавают, ныряют, гнездятся большими колониями на скалах. Распространены главным образом в Южном полушарии. — *Прим. ред.*

цинскую помощь. Больной скончался. Норвежцу совсем не улыбалась перспектива оставаться одному наедине с трупом. Тогда он построил плот и, погрузив на него запас воды и провизии, направился к берегу. Сильное северное течение, подхватив плот, понесло его вдоль полосы бурунов, а Алек, цепляясь за него, проплыл более семи — десяти миль, пока его не выбросило на берег в маленьком заливчике близ Помоны⁵.

Остров Плумпудинг образовался в результате вулканической деятельности. Он имеет кратер с жерлом, лежащим выше уровня моря. В прежние годы жерло использовали как саркофаг, куда ставили гробы с трупами умерших: ведь на скалистом островке негде было даже вырыть могилу. В связи с этим неизбежны легенды о спрятанных в гробах сокровищах и украденных драгоценностях. Однако современные подрядчики «гуановых артелей» не настолько алчны, чтобы польститься на подобную приманку.

Каждый из маленьких островов имеет свои особенности. Самый крупный из них — остров Владения (Посэши). Вы можете быть невысокого мнения об острове в какие-нибудь две мили длиной (с севера на юг), полмили шириной и семьдесят футов высотой. Но я все же решил воспользоваться возможностью побывать на нем.

Поселок здесь более походит на деревню. Вы спускаетесь на длинную и крепкую пристань, идете мимо складов гуано и котиковых шкур вдоль огороженных белой стеной птичьих гнездовиц с их тысячеголосым гомоном, минуете лодочный навес и попадаете на новый гигантский птичий базар с его невообразимым гамом. Потом дорожка выводит вас к добротным баракам для рабочих. За ними «камбуз» (этот старый матросский термин бытует здесь на всех островах). Далее находится большая складская постройка-магазин, жилые помещения для молодых белых помощников подрядчика (или старшины сборщиков гуано) и, наконец, его собственная «резиденция».

Все предметы первой необходимости на островах — жилища, топливо, еда — предоставляются бесплатно. Не только сам подрядчик, но и вся его семья практи-

⁵ Помона — населенный пункт южнее Людерица в Юго-Западной Африке. — *Прим. ред.*

чески получают все, в чем нуждаются. Если дети учатся в школе-пансионате на материке, то правительство платит две трети суммы, причитающейся за их обучение и содержание. Керосин и свежее мясо более или менее регулярно доставляются с материка; в общем, все проблемы быта здесь разрешены или разрешаются. А ведь жители этих островов едят, как я заметил, помногу и с завидным аппетитом: от подрядчика до самого молодого рабочего. Мне рассказывали о человеке, который мог съесть за один присест пятьдесят пингвиных яиц. По питательности одно такое яйцо равно двум с половиной куриным.

Подрядчики обязаны, правда, обеспечивать себя мебелью, поэтому некоторые из них изготавливают ее своими руками. Несмотря на длинный перечень служебных обязанностей, жизнь подрядчика на острове довольно проста, ибо сезон сбора гуано продолжается не более четырех месяцев в году. Ежегодно по окончании сезона несколько рабочих остаются на острове добровольно — красить дома, пристани и лодки. Большую часть года жена подрядчика имеет в своем доме даровых слуг. Таким образом, заработная плата от правительства, деньги за котиковые шкурки, а кроме того, бесплатная пища и жилье дают возможность этим семьям накапливать сотни фунтов стерлингов в год.

Гораздо хуже с медицинским обслуживанием. Даже рождение нового человека на островах — чрезвычайное происшествие. Я знал двух подрядчиков, которые вынуждены были сами принимать роды у своих жен. Один из них рассказывал:

— Была кроме моей жены еще одна женщина на острове, но она отказалась помочь — сказала, что не хочет нести ответственности, если что случится... Я ждал рыбацью лодку, которая должна была подойти в это время к острову, но и она не подошла. Что ж, пришлось браться за дело самому. Я так переволновался, что никому больше не пожелал бы очутиться на моем месте в такой момент. Хорошо, хоть жена сама была акушеркой до того, как вышла замуж. Она говорила мне, что надо делать...

Как правило, для удовлетворения медицинских нужд на островке достаточно домашней аптечки. Набор медикаментов в ней примерно такой, какой хранил



Островитян заботила еще и нехватка пресной воды

в доброе старое время судовой стюард: антисептические средства, вазелин, слабительное (александрийский лист, касторка, ямайский инбирь, горькая соль), бальзам, камфарное масло, растирания, йод. Здесь вы найдете и устаревшие притирания — цинковую и ртутную мазь, бинты с корпией, и широко известную микстуру от кашля, и лекарство от желудочных заболеваний — все то, что помогало от недугов людям в прошлом столетии. Ну, а когда случалось что-нибудь серьезное и перечисленные лекарства помочь не могли, тут уж подрядчику оставалось надеяться только на себя.

Островитян заботила еще и нехватка пресной воды. Когда-то, в давние времена, запасы воды на острове Владения иссякли. Один островитянин вызвался отправиться на материк через бухту Элизабет, а потом через песчаную пустыню за помощью в немецкий поселок, находившийся в Ангра Пекене (ныне — город

Людериц). Он умер в пути, немного не дойдя до цели: немцы нашли его тело на дюнах, кто-то опознал незнакомца, тогда и догадались о цели его визита... Так ценной человеческой жизни было спасено население острова.

Впоследствии на острове Владения были установлены солнечные конденсаторы — своеобразные стеклянные террасы, по которым морская вода маленькими струйками стекала вниз, оставляя на поверхности стекла большую часть своей соли. Конденсаторы давали около семидесяти галлонов относительно пресной воды в неделю. Но, как заметил один старый рабочий, к этой водичке еще надо привыкнуть!

В начале XX столетия на острове Владения один золотоискатель нашел четыре испанских дублона и крышку от денежного сундука. Он продал монеты немцу-нумизмату в Людерице и вернулся на остров с несколькими ящиками кукурузного виски. Событыльники рассказали, что они во время его отсутствия перерыли все вокруг счастливого места, но не нашли больше ни одной монеты.

После того как немцы обнаружили алмазы не на островах, а на материке⁶, маленькие островки также стали объектами исследования. Я знал одного старателя, мистера Дэвида Уилсона, который был специально послан капским правительством на остров Владения, чтобы проверить гипотезу о существовании там алмазов. Уилсон провел на острове больше года. Он промыл три тысячи лотков мелкого гравия и песка на разных участках, что дало ему в результате 223½ карата алмазов на сумму 511 фунтов 10 шиллингов.

— Я избрал довольно-таки странный способ времяпрепровождения: пробыть целый год на необитаемом острове! — резюмировал Уилсон. — Я промывал алмазоносный песок везде, где надо и где не надо, и никогда не забуду эту смесь гальки, наносного песка, котикового волоса, зубов, костей и глины, в которой искал алмазы. Добавьте сюда юго-восточный ветер силой в четыре-пять баллов, дующий двадцать дней в

⁶ Прибрежные россыпи алмазов были обнаружены впервые в песках Людерицкого побережья в 1908 г. В то время Юго-Западная Африка была колонией Германской империи. В настоящее время алмазные россыпи открыты во многих местах побережья от Анголы до Капской провинции. — *Прим. ред.*

месяц, постоянный жалающий поток водяных брызг — и вы получите полное впечатление о жизни на острове. Даже после Калахари⁷ и Кимберли⁸ здесь было что вспомнить.

Уилсон вернулся в Кейптаун в феврале 1911 года, сдал алмазы и сделал подробный отчет властям. Как уже говорилось, найденные алмазы были оценены в 511 фунтов стерлингов, а расходы, затраченные на их добычу, составили 825 фунтов. Поэтому Уилсон несколько не удивился, когда власти решили отказаться в дальнейшем от подобных рискованных предприятий, чтобы не нарушать покоя птиц и не лишаться ценных запасов гуано.

Самый маленький из прибрежных птичьих островов — Эйкбоу — расположен немного севернее Людер-рица. Тысячи олушей покрывают весь ромбовидный островок подобно мириадам белых мух, облепивших глазированный торт. Самая высокая точка острова достигает всего тридцати футов над уровнем моря, и если бы не скалистый массив между островом и океаном, именуемый Малым Эйкбоу, то с острова все уже было бы давно смыто при первом же хорошем шторме. Длина Эйкбоу — три десятых мили, а ширина — одна десятая. Птицы заселили его в большей степени, чем любой другой остров на всех морях и океанах. Я не помышлял никогда раньше увидеть такого изобилия птиц, какое нашел здесь, на Эйкбоу. Это новое, неведомое до сих пор чудо света. Натуралисты нашли способ считать птиц и утверждают, что в наиболее благо-

⁷ Калахари (Kalahari, от «карри-карри» на языке бечуанов — «мучимые жаждой») — природная область в центральной части Южной Африки. Занимает обширные высокие (около 900 м над уровнем моря) равнины, перекрытые молодыми песками, лишенные поверхностного стока. Климат Калахари — тропический, засушливый, полупустынный (на западе) и пустынный (на юго-западе). Путешествие по безводным равнинам Калахарн сопряжено с большими трудностями и риском. Однако собеседник автора, говоря об условиях поисков алмазов, подразумевает при этом не собственно Калахарн, а район Верхнего Карру, где алмазы были обнаружены в долинах реки Оранжевой и ее притока Ваал—

Прим. ред.

⁸ Кимберли — город в Южной Африке, основанный в 70-х годах XIX в. в связи с открытием и разработкой месторождений алмазов (алмазных, или кимберлитовых, трубок). —

Прим. ред.

приятные сезоны на Эйкбоу ночевало до миллиона олушей.

Мое появление на Эйкбоу не совпало с таким благоприятным сезоном, но мне удалось все же наблюдать сотни тысяч олушей, собравшихся на этом крохотном островке в полумиле от берега. Из-за обилия птиц он напоминал большой кусок мела. Сплошная мешанина машущих крыльев, резкие и неприятные крики, сливающиеся в неумолчный гам... Птицы, ветер, прибой, непрерывные звуки: «Парá! Парá! Парá!», издаваемые голодными олушами, едкий аммиачный запах, исходящий от гуано... Таким Эйкбоу останется в моей памяти.

Все строения острова сосредоточены на северном его конце и по площади занимают территорию нашего обычного маленького дачного участка. Дома отгорожены от птиц высокой стеной. Люди на Эйкбоу живут под непрекращающимся дождем птичьих перьев, и если бы не стена, то давно уже задохнулись бы от них.

Бенджамен Моррель, капитан американского парусника, побывал на Эйкбоу в поисках морского котика. Человек с воображением, он даже в мыслях не смог себе представить истинных размеров богатства, лежащего прямо на поверхности земли, под птицами. Капитан вел дневник. Его запись об острове, датированная 6 октября 1828 года, гласит: «Это отличное место для охоты за самым большим океанским левиафаном⁹, за настоящим усатым китом¹⁰. Их много подходит здесь близко к берегу примерно в середине июня. А два месяца, октябрь и ноябрь, остров буквально покрыт пингвинами и олушами. Сюда приплывает также большое количество котиков. Мы взяли тысячу шкурок всего за несколько дней. Поверхность острова покрывает слой птичьего навоза толщиной до двадцати пяти футов».

Если бы Моррель добыл не тысячу котиковых шкурок, а много больше, то все равно ценность их никогда не превысила бы того богатства, которое заключал в себе «птичий навоз». Через несколько лет капитан смог бы лично оценить важность своего открытия, если бы вновь побывал на Эйкбоу. Дело в том, что ко времени его визита на остров ученые США и Европы еще не

⁹ Левиафан — по библейским преданиям, огромное морское чудовище.— *Прим. ред.*

¹⁰ Усатые киты — подотряд беззубых китов.— *Прим. ред.*

были достаточно осведомлены о подлинной ценности гуано. Несколькоими годами позже записки Морреля попали в руки одного дальновидного ливерпульского дельца, по имени Эндрию Ливингстон. В 1843 году он послал свой бриг «Эн» на Эйкбоу и вернулся в Англию с целым состоянием, упрятанным под палубой.

Британский торговый флот переживал тогда тяжелый период своего существования. Ливерпуль был наводнен безработными моряками. Безмолвные суда рядами стояли на якорях у опустевших причалов. Такого застоя не помнили со времен торгового спада в «голодных сороковых» прошлого столетия. В другое время за тею с Эйкбоу посчитали бы чистейшим безумием.

Как это часто бывает, предприятие Ливингстона вскоре перестало быть тайной, и целые флотилии судов кинулись на «уборку» и дележ баснословных «урожаев». Всю территорию острова застолбили, точно в его недрах таились золотиносные россыпи или целые залежи алмазов. Каждая пароходная компания имела там свой участок.

Прошло немного времени, и вся видимость порядка на острове исчезла — царствовал закон силы. В общей неразберихе борьбы за гуано в дело шли даже кирки и заступы. Мертвых хоронили тут же, в толще гуано, после чего бесцеремонные «старатели», обрабатывая места захоронения, раскапывали мертвецов и снова хоронили в гуано...

Наконец, из Кейптауна на остров для наведения порядка отправили пятидесятипушечный фрегат «Изиду» под личным командованием адмирала сэра Джона Маршалла. Адмирал, прославившийся своей расправой с последними пиратами в африканских водах, быстро навел порядок среди мятежных сборщиков гуано.

А торговые суда все приходили. О впечатлениях тех дней сохранились записки адмирала Маршалла в старом вахтенном журнале, который мне удалось разыскать в военно-морских архивах Саймонстауна: «Вобразите флот, в составе примерно двухсот двадцати пяти парусников, многие из которых давно следовало сжечь; капитанов — с сомнительной репутацией и с не признающими дисциплины командами; вечно пьяных матросов и рабочих, которых собралось здесь более трех с половиной тысяч. Образовалась самая шумная

якорная стоянка в мире. Тем не менее наблюдать этот „великий флот“ в обстановке, я бы сказал, незаурядных опасностей — одно удовольствие. С превеликим хладнокровием управляют они с такими трудностями, при которых другие определенно спасовали бы, проявляя при этом бесстрашие и чудеса искусства судовождения. Волны так огромны и сильны, что „Изида“ непрерывно клюет носом, заливая пушки на верхней палубе. К этому нужно прибавить полнейшую незащищенность острова от западных штормовых ветров, да и от любых ветров вообще».

Каждый вновь прибывший корабль посылал на берег своих старателей, и население Эйкбоу (к октябрю 1844 года) возросло до шести тысяч. Основная масса «залежей» гуано к этому времени была уже разработана, и северная оконечность острова превратилась в сплошной палаточный городок. Люди, отлынивая от работы, укрывались здесь днем и буянили по ночам. Палатки так близко подходили друг к другу, что не было никакой возможности вылавливать там лодырей и продавцов спиртного.

Ноябрь 1844 года принес с собой неожиданный шторм с юга. На якорной стоянке вплотную, корма к носу, стояли в это время двести пятьдесят судов. Все одновременно начали поспешно поднимать якоря, ставить паруса и, расталкивая соседей, уносить подобру-поздорову свои рангоуты и бушприты. Каждый капитан и каждый матрос молил бога о том, чтобы благополучно выбраться из этой заварухи. Гуано было забыто. Все, кто мог бы наблюдать со стороны эту сцену, оставили бы для себя незабываемое зрелище на всю жизнь. В тот день море было побеждено. Столкновения и кораблекрушения казались неизбежными, но старые морские волки, большинство из которых выбрались в открытое море, проявив недюжинное искусство, отделались лишь поцарапанными шпангоутами и порванными снастями. Бывалые моряки, перенесшие этот шторм, вспоминают и другое светопредставление, случившееся примерно сорока годами раньше. Они участвовали в битве при Трафальгаре¹¹, но после кошмара у Эйкбоу один из моряков заметил:

¹¹ Трафальгарская битва — морское сражение у мыса Трафальгар 21 октября 1805 г. между английской и франко-испанской эскадрами, закончившееся победой англичан.— *Прим. ред.*

— Даже Трафальгар не был таким адом.

Около ста тысяч тонн гуано вывезли с острова до шторма. Отчеты показывают, что в декабре 1844 года Эйкбоу посетили триста английских и пять американских судов, но кульминация всей этой лихорадки была отмечена в январе 1845 года. Тогда у крохотного островка стояло на якоре четыреста пятьдесят судов.

За всю кампанию с Эйкбоу в Британию доставили около трехсот тысяч тонн гуано, которое продавали в среднем по семь фунтов стерлингов за тонну. Последнюю скалу на острове очистили от птичьего помета в конце мая 1845 года. Остров и окружающие его воды, которые повидали за этот короткий промежуток времени так много человеческих страданий и лишений, так много удачной и безнадежной игры со смертью, были оставлены птицам.

Эйкбоу спас Британию в трудный момент ее истории, сравнимый разве с тем ударом, который постиг ее снова столетием позже. Крупные фирмы вырастали в Ливерпуле как на дрожжах благодаря дурно пахнущему (в буквальном смысле слова) богатству Эйкбоу. Все это время остров оставался официально необитаемым, и Британия не закрепляла его за собой, несмотря на то, что там уже давно развевался Юнион Джек¹². И все эти выдающиеся события развернулись с легкой руки капитана Бенджамена Морреля, бездумно написавшего роковую фразу в своем дневнике: «Поверхность острова покрывает слой птичьего навоза толщиной до двадцати пяти футов».

Наконец, судьба острова была решена, о чем свидетельствует сохранившаяся доска с надписью:

«К сведению всех:

Этот остров — Эйкбоу — с сегодняшнего дня взят мною во владение, и именем Ее Британского Величества королевы Виктории отныне объявляется колонией Мыса Доброй Надежды.

*(подпись) Оливер Дж. Джонс
21 июня 1861 г. Капитан судна Ее Британского Величества «Неистовый»*

Все претензии о правах на землю или территорию острова Эйкбоу должны предъявляться Его Превосходительству губернатору мыса Доброй Надежды.

Да хранит бог королеву!».

¹² Юнион Джек — британский национальный флаг.

гнездах, приветствовали их громкими криками. Над нами тысячами летали олуши, а внизу, на холодных волнах прибоя, резвились пингвины. Под аккомпанемент огромного хора птичьих голосов стояли мы у могильных крестов на восточном берегу. Мило вспоминал людей, которых знал раньше...

Здесь были захоронены кости моряков столетней давности. Жертвы кровавых драк из-за гуано, работавшие когда-то под началом Мило. Они растаскивали добро с потерпевших крушение кораблей, выходили на вельботах за китами в океан, устраивали по субботам импровизированные кошачьи концерты, проводя на Эйкбоу бóльшую часть жизни.

Мило была знакома история каждого деревянного креста. Вот он надолго остановился перед небольшим мраморным надгробием. Я запомнил надпись:

*«Памяти
Джона Гоува
Родился 31 июля 1824 года
Умер 23 октября 1893 года».*

— Чудно,— сказал Мило.— Я застал еще этого человека в живых; он появился здесь лет сто назад, вскоре после начала гуановой лихорадки.

— Сто лет на Эйкбоу! — проговорил я, слегка поживившись от вечернего бриза.

— Да, да! Сначала Джон Гоув, потом я,— продолжал Мило с несвойственной ему задумчивостью в голосе.— Он прибыл на остров с компанией американцев на «Алабаме», так назывался их корабль, военный, как они говорили... Но это было еще до меня. Редкий человек был этот Джон Гоув. С ним никогда не обходилось без анекдотов.

Барбьера сидел на скале, возвышавшейся над птичьим гнездовищем, белые олуши взмывали над нами, и кружили, и кричали, заполняя собою все пространство вокруг. Но мой собеседник, казалось, не видел и не слышал птиц.

— Да, редкий человек был Джон Гоув,— повторил он.— Подрабатывал чем придется; как и я, например, разводил свиней и тому подобную живность. На свой страх и риск торговал котиковыми шкурками и дичью. Как-то один американский шкипер спросил его: «Нет

ли у тебя еще чего-либо на продажу?» Джон, проразмыслив немного, ответил: «Капитан, у меня есть два человека, которых я мог бы продать: грек Джордж из Смирны и Джимми Грин из Галифакса. Они умерли совсем недавно и хорошо сохранились — вполне можно использовать как мумии. Оба лежат в оцинкованных ящиках». Американец взглянул на товар и... завершил сделку ящиком голландского джина да коробкой черутов¹³. Джон Гоув не сказал потом никому на острове, откуда у него джин, опасаясь, как бы люди не подумали, что Джордж и Джимми покинули свои могилы. Узнай они правду, ему бы несдобровать.

Мы молча смотрели на надгробную плиту. Мило покачал головой.

— Отличный моряк и хороший парень был этот Джон Гоув,— добавил он,— но не было у него уважения к мертвым... Те «мумии» нашли свое пристанище в десятицентовом музее Нью-Йорка.

От Эйкбоу до Меркурия — всего один короткий послеобеденный рейс на «Гамтооссе». Подход к Меркурию — самый драматический момент моего вояжа. Мыс Дельфин маячил перед нами, как некая гибралтарская скала. Это самая южная точка залива Спенсера — голая и мрачная, довольно непривлекательное место на всем побережье.

В одной миле от Дельфина, почти в центре залива остров Меркурий — острая белая пирамида с пещерой со стороны океана. Голая скала с массаами кричащих птиц, ста тридцати футов в высоту и не более четверти мили в длину. Пока «Гамтоосс» подходил к острову, мы не заметили на нем никакого присутствия человека.

Вдруг прямо на белой скале показались два деревянных домика на бетонных сваях. Взвился флаг. На соединительной галерее появились люди.

Да ведь это то самое место, вдруг вспомнил я, где люди один за другим сходили с ума и продолжают сходить теперь. Одного взгляда на Меркурий было достаточно, чтобы объяснить трагедию. Даже внешний

¹³ Черут — сорт сигар с обрезанными с обеих сторон концами.— *Прим. пер.*

вид острова-скалы производил какое-то роковое впечатление; это было место, которое хотелось только посетить, но уж во всяком случае не оставаться надолго.

«Невозможно представить себе ничего более дикого и унылого, чем этот изолированный кусочек суши,— писал один старый капитан.— Единственное, что может побудить человека на добровольное заключение в эту тюрьму,— надежда быстро разбогатеть; даже ссылка на каторгу не кажется мне более суровым и более карающими приговором для человека, чем жизнь сборщиков гуано на этом острове».

Я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь доброволец с острова Меркурий разбогател здесь; и по сей день трудно найти цветных рабочих, которые согласились бы поехать туда хоть на сезон. Зато смерть здесь постоянно напоминает о себе. На крутой поверхности скалы я увидел странную баррикаду из камней и цемента.

— Здесь наше кладбище,— сказал мне подрядчик.— Меркурий отличается от Эйкбоу тем, что на нем совсем нет почвы, где можно было бы хоронить людей. Так что приходится скреплять цементом гроб со скалой и обкладывать его камнями. Прелестное местечко для вечного успокоения, не правда ли?

Подрядчик привел меня в свой деревянный дом. Жена его ждала ребенка, и я подумал, что Меркурий, пожалуй, «прелестное местечко» для этой беременной женщины. Домик был гораздо хуже жилых построек на других островах, где подрядчики с семьями жили в солидных строениях с большими кухнями.

По острову можно только карабкаться вверх и вниз: плоскость ограничивается лишь тридцатифутовой верандой, опоясывающей оба домика. Вплотную к комнате-квартире подрядчика примыкает «каюта» его помощников, где умещаются всего две койки; далее идет вторая хижина на сваях, в которой находится «камбуз» и каморка — общежитие для рабочих. Под домами цементная комната — склад и бак с пресной водой.

Далее цивилизация здесь не распространяется. Там и сям понастроены барьерчики, мостки и перильца; но все равно всякий раз, карабкаясь по склонам Меркурия, я испытывал головокружение. Да и вообще с мо-

мента высадки на остров не чувствовал себя в безопасности.

Я поднимался на вершину Меркурия ко входу в знаменитую «Дремлющую топку», при одном воспоминании о которой мой желудок начинает бунтовать. Это естественная воронка со скважиной-ответвлением, пересекающая всю скалу с востока на запад. Вы сверху можете слышать плеск волн, бьющихся у ее отверстия далеко внизу.

Не один сборщик гуано поскользнулся здесь на птичьем помете, похоронив себя навеки в бездне пещеры. Пришлось даже принять меры предосторожности и положить на опасное место железную решетку. На большей части скалы люди работают связанные одной веревкой, как альпинисты. Скала крутая, весьма опасная — вот почему на Меркурий сейчас посылают только молодежь.

Какой-то неизвестный капитан, а может быть шкипер китобойного судна проявил явные признаки гениальности, присвоив острову имя «Меркурий». Вся эта огромная глыба дрожит подобно ртути всякий раз, когда волна прибоя подымается на юго-западе и врывается в пустоту пещеры. Подрядчик продемонстрировал мне это на примере. Он поставил на стол стакан, наполненный до краев водой. Раздался очередной грохочущий звук внизу, в пещере, и вода перелилась через край. В хороший шторм деревянные домишки трясутся на своих цементных опорах совсем как при землетрясении.

Сокрушительная приливная волна несется прямо сквозь Меркурий; она выходит через небольшой тоннель с материковой стороны острова. Сколько же еще пройдет времени, прежде чем пустотелый содрогающийся остров сплющится под напором воды? А ведь это неизбежно: остров не может трястись вечно. В этом столетии, или в последующем, или веком позднее — он все равно превратится когда-нибудь из стройной пирамиды в скопище гальки и камней.

Я встретил подрядчика, который прожил на Меркурии четыре года. Все это время он был здесь единственным белым человеком. Раз в три месяца из Людерица приходил катер с мясом, овощами и письмами и отчаливал еще до того, как подрядчик успевал прочесть письма и подготовить ответ. В настоящее время он же-

нат и в какой-то мере приобщен к цивилизации, но часто вспоминает об этих четырех годах одиночества на Меркурии.

— Трудно было? — спросил я его.

— Да нет, я скопил денег и в общем не унывал, — ответил он. — Один раз только впал в отчаяние, когда вскрыл письма после того, как катер уже ушел, и узнал, что мать умерла.

«Гамтоосс» поворачивал на обратный курс у островка Птица Голлама — неприветливой маленькой скалы. Необитаемый многие годы, он слывет одним из самых недоступных в мире. Несомненно, по этой причине там скопилось такое множество морских котиков.

Этот островок появился, вероятно, в результате мощного вулканического извержения. Он весь усыпан глыбами и обломками коричнево-красного гранита, базальта и лавы, нагроможденными один на другой. Высочайшая его точка — всего лишь сорок футов над уровнем моря, а длина по окружности — полмили (меньше, чем Меркурий). Волны тяжело бьют по смертоносным рифам, протянувшимся от северной до юго-западной оконечности островка. Здесь нет ни одного достойного упоминания укрытия, и волны прибоя режутся совершенно беспрепятственно. Человек, высаживаясь на Птицу Голлама, рискует жизнью.

Мне захотелось узнать, кто такой был этот Голлам, человек, давший название неприветливому островку. На старой морской карте я нашел другое его имя — Голланд, и это, вероятно, правильное. По всем признакам так звали американского китобоя или охотника за котиками.

Морские котики, которые облюбовали этот и все другие близлежащие островки и скалы, получили наименование «капских». Это их южноафриканская разновидность, не встречающаяся более нигде в мире. Капский котик может передвигаться при помощи своих нижних плавников (ластов), в то время как арктические и антарктические котики, имеющие такие же плавники, к этому не способны.

Большие самцы достигают в длину шести-восьми футов. Вес некоторых секачей — до девятисот фунтов. Длина самок — не более четырех с половиной футов,

как раз вполовину самца. Котики рождаются совсем темными, спустя некоторое время они становятся серебристо-серыми, и только к концу жизни приобретают темно-коричневую окраску.

Весной каждого года, когда на острова приплывают большие стада котиков, начинается брачный сезон. Свирепые самцы-секачи заявляют свои права на облюбованные впадины и уступы в скалах и готовы ежеминутно вступить в схватку с любым соперником. Самки рожают одного детеныша — это нормальный приплод, реже — двух, но никогда больше. Они должны появиться на свет на суше, ибо детеныш, рожденный в море, не выживает.

Брачный сезон котиков — самый шумный, я бы сказал, даже буйный период жизни одиноких островков. Ни один самец не успокоится, пока не соберет вокруг себя двадцать-тридцать самок. Все это происходит в обстановке ежечасной, ежеминутной боевой готовности, необходимости постоянно вызывать на поединок других самцов.

Южноафриканские шкурки уступают аляскинским. Качество котиковой шкурки определяется температурой воды, а арктические воды способствуют густоте и мягкости меха тамошних котиков. Тем не менее нью-йоркские скупщики пушнины всегда охотно берут шкурки новорожденных котиков, предлагаемые правительством Соединенного Королевства. В последние годы цены на них приравниваются к другому предмету роскоши — каракулевым шкуркам, производимым на внутренней территории Южной Африки.

Котику нетрудно взобраться на Птицу Голлама, так как значительная часть скалы на острове отлого спускается в воду. Однако здесь свирепствуют волны, и людям приходится высаживаться в других местах. Отлогая скала, как сказал мне один старый рабочий, была когда-то местом кораблекрушения. Об этом свидетельствуют старинный якорь и другие останки корабля, застрявшие в ее расщелинах.

— Это какой-то сумасшедший дом, — так охарактеризовал мне Птицу Голлама один бывалый моряк. — Он вытряхивает из человека всю душу. Если здесь установится на три дня подряд хорошая погода — считайте, что вам повезло. Но это бывает крайне редко. Самое треклятое место на земле...

Итак, мой читатель, вы получили теперь известное впечатление о чуде маленьких островов — «белом золоте», которое производят птицы. И если вы никогда прежде не затрудняли себя занятиями орнитологией, то, понаблюдав за морскими птицами, вскоре станете натуралистами-любителями.

Пингвины — самые популярные из всех птиц и самые интересные, по мнению многих зоологов. Психолог может добавить: так произошло потому, что эти существа чем-то напоминают человека, как и обезьяны. Колонии на гуановых островах дают полное представление о повседневной жизни пингвинов, как мне показалось, более впечатляющей, чем у пчел. Пингвины не заполняют облюбованное ими пространство так плотно и тесно, как олуши, вы можете даже с известной осторожностью проникнуть в их колонию.

Со всех сторон на вас будут нацелены штыки — острые клювы, и стоит поглубже вклиниться в ряды птиц, как они начнут свирепо клевать вас в щиколотки. Два десятка голов будут все время поворачиваться вслед за вами — ведь глаза у пингвинов не вращаются, два десятка тел напрягутся от ярости — к ним вторгся чужак. Стоит посмотреть на то, как сравнительно маленький по величине пингвин громким шипением, достойным самой кобры, выражает свое неудовольствие.

Когда птицы спешат, то скользят вниз по склону, как на салазках. На ровном месте бегущий пингвин то и дело припадает на свой белый живот. И ковыляют они на своих лапах-плавниках, всегда как бы подбоченившись, неизменно утрачивая при этом какую-то долю столь присущего им чувства собственного достоинства, пока не достигнут дружественного моря. Тут пингвин мгновенно преображается, создавая целую поэму движений. Понаблюдайте за ним на мелководье — он словно летает под водой! Шесть минут без дыхания! А самую забавную штуку выкидывает он, когда мчится со скоростью двадцати миль в час и выстреливает себя из воды точно у избранной им скалы. Удивительный расчет времени в сочетании с чувством дистанции!

Если пингвины — самая интересная из птиц, то олуша — самая красивая. Раз в год над островами появляется огромная масса птиц. Ежегодное возвращение олушей к своим гнездовьям — незабываемое и

волнующее зрелище, событие в жизни на островах. Как правило, в марте все олуши, и молодые и старые, в течение чуть ли не одного дня снимаются со своих гнездовищ и улетают из Южной Африки в известном одним им направлении — куда-то на север. До самого конца июня ни одной птицы на островах нет, но к июлю их ждут снова. За этими переменами лучше всего наблюдать на острове Эйкбоу.

Когда зимнее солнце садится, вы слышите одни только резкие крики пингвинов; гнездовища олушей пустуют и безмолвствуют. Но еще перед рассветом издалека откуда-то начинают доноситься резкие звуки, прерывающие пингвиныи голоса, — вы с удивлением убеждаетесь, что этот шум — биение тысяч крыльев. Восходит солнце, и перед вашим взором — побелевший остров, буквально кишачий олушами, — не остров, а скорее белое шевелящееся тело. Тысячи тысяч птиц. А с севера облако за облаком продолжают прилетать новые стаи. Их столько, что даже лучи солнца с трудом пробиваются к земле. Олуши могут быть рассеяны по всей Южной Атлантике, однако чувство времени у них безошибочное; в течение всего лишь двадцати четырех часов они завладевают своими старыми гнездовьями на островах, где отдыхали и откладывали яйца в предыдущий сезон. Мне кажется, что эта точность индивидуальна, она обусловлена каким-то «сигналом», по которому брачующиеся птицы год за годом возвращаются в одно и то же место.

Птицы «поселяются» плотной массой, крыло к крылу, все время ссорятся, но никогда не дерутся, как пингвины. Потом в течение июля и августа вы можете наблюдать трогательные сцены самого изысканного ухаживания. Каждая пара птиц то сгибает, то выгибает шею, «целуется» клювами, высоко поднимает их к небу. Каждая самка откладывает одно белое яйцо в лунке на почве или в морских водорослях. Два яйца — уже редкость.

Огромные олуши, как самолеты, нуждаются в длинной дорожке для взлета, чтобы благополучно оторваться от земли. Это — тяжелая птица, весом до трех с половиной килограммов, с сигарообразным телом. Хотя с таким, как у них, размахом крыла — шесть футов, — казалось бы, не так трудно взлететь прямо с земли, тем не менее олуши «запускают» себя в воздух

с высоких «аэрэдромов», если таковые, конечно, имеются. Молодые птенцы предпочитают для взлета низкие стены, опоясывающие острова. В первое время они так часто и с таким шумом срываются в воду, что приходится только удивляться, откуда берется у птиц столько дерзости и отваги, чтобы решаться на все новые и новые попытки. На земле молодые обьевшиеся олуши беспомощны, как воздушные лайнеры, передвигающиеся по аэродрому за тягачами. Только потеряв некоторую часть своего сала, могут они подниматься в воздух, исправно махать крыльями и даже улетать в поисках пищи далеко от гнездовья.

Капская олуша гуановых островов — близкая родственница североатлантической или, как ее еще называют, «олуше обыкновенной» канадских утесов и скал Британских островов. Она немного меньше «олуши обыкновенной», которая идет на королевский стол в Шотландии. Северную олушу трудно отличить от южной — разве что у последней более светлый острокопечный хвост, — в остальном же они одинаковы. У той и другой — красивые желтые головки с бледно-голубыми клювами и холодные голубые глаза, длинные узкие крылья с темными кончиками и ослепительно-белым оперением тела, защитные воздушные мешки вокруг шеи и зоб, который предохраняет тело во время охоты на рыбу методом «пикирующего бомбардировщика», так как падает она в воду подобно удару молнии. Охоту олушей мне никогда не надоест наблюдать. Они патрулируют над водой примерно на высоте ста футов, высматривая в море свой любимый деликатес — сардину. Обнаружив косяк, олуши описывают над ним круги, и каждая птица намечает себе жертву. Потом все они устремляются вниз подобно королевским рыбакам¹⁴, причем с распростертыми крыльями, так что приходится только удивляться, как эти несущиеся со свистом к воде птицы выдерживают силу удара о нее.

На гуановых островах Юго-Западной Африки олушей во много раз больше, чем во всех их колониях Северной Атлантики. По точным подсчетам, произведенным в 1939 году, на Британских, Фарерских островах, в Исландии, на Ньюфаундленде и островках реки

¹⁴ Королевский рыбак — птица из семейства Alcedinidae с большой головой, хохолком, крепким клювом и ярким оперением. — *Прим. ред.*

Святого Лаврентия было зафиксировано всего сто шестьдесят пять тысяч гнездящихся птиц и семьдесят тысяч молодых олушей, в то время как на юге, на одном Эйкбоу, их зачастую насчитывается до миллиона, да еще миллионы гнездятся на других островах.

Пеликан, как и олуши, самая ненавистная птица для подрядчиков гуановых островов. Создается впечатление, что пеликаны-родители имеют обыкновение предлагать своих птенцов на съедение молодым олушам, чтобы как-то разнообразить их рыбную диету, потому что везде, где бы вы ни обнаружили пеликаньи яйца, они всегда оказываются вдребезги расколотыми. Пеликаны кормятся обычно в прибрежных лагунах, совместными усилиями выгоняя рыбу на мелководье. В то же время эти громадные птицы легко ныряют. Всплеск от удара пеликана о воду слышен за полмили.

Самой важной птицей на островах с точки зрения «производства» гуано является корморан, известный также под названием «хохлатый (или длинноносый) баклан», которого в Южной Африке неизменно называют «дукером». Гвани перуанских островов — это тоже корморан, чем-то похожий на белогрудого дукера африканских островов. Доктор Р. К. Морфи, американский орнитолог, считает гвани ценнейшей птицей в мире. И так как помет гвани — в объеме всего перуанского «урожая» гуано — оценивается миллионами долларов в год, то его определение вполне справедливо.

Еще есть перелетный дукер — track-ducker — черная птица зловещего вида. Он тоже унавоживает африканские острова. Мильтон¹⁵ описывает сатану в облике корморана, и после наблюдения над дукерами в их гнездах я с ним полностью согласен. Их голые птенцы отвратительны. А черное оперение взрослых особей в сочетании с ужасной привычкой, сидя на гнезде, извивать по-змеиному шею производят отталкивающее впечатление. Все птицы с островов прожорливы, но дукер демонстрирует свою жадность более других. Он ест, пока рыба не начинает вылезать изо рта, но и тогда продолжает ее глотать.

Стаи перелетных дукеров летят вереницей низко

¹⁵ Мильтон, Джон (1608—1674) — английский поэт и публицист, последователь германской культуры эпохи Возрождения.—
Прим. ред.

над водой, с разведчиками впереди, высматривающими рыб. Они могут заглатывать рыбу весом в фунт или осьминога с десятидюймовыми щупальцами, последнего, правда, с трудом. Дукер, сидящий на скале со своей пищей, напоминает питона, медленно заглатывающего антилопу.

Все эти птицы ведут нас через двери природы в разнообразный и увлекательный мир. Во многих отношениях этот мир спокойнее нашего, ибо там не так уж много проблем и у маленького ластоногого народца — пингинов, и у крылатых красавиц олушей. Это всегда удовольствие — проникнуть в уединенный и неиспорченный мир соленого воздуха и морских водорослей, забытый Временем мир, всегда несущий утешение для беспокойного человеческого сердца. Может показаться странным решение провести жизнь среди морских птиц, но нельзя отрицать и того, что гуановые островки стали местом избавления для многих людей, бежавших от ужасов цивилизации.

Я оставлял Людериц во второй половине дня. Подгоняемый сильным ветром «Гамтоосс» спешил выбраться из гавани под непрерывным обстрелом водяных брызг, перелетевших через капитанский мостик. Погода была прекрасная. Пароход поворачивал на юг, я стоял в одиночестве на палубе и думал об островах. Слева по борту над побережьем небо было голубым, дальше, над дюнами пустыни, — розовым, а совсем далеко позади, в синеве Южной Атлантики, белел Эйкбоу.

Эйкбоу и его птицы. Час назад они бесцельно парили над кормой подобно альбатросам, проносясь над фордеком и отдыхая на салингах. Теперь они качаются на вспененных волнах, проносятся над ними, касаясь крыльями гребней, ныряют в море за рыбой, кружатся над кораблем, пока не настанет час их возвращения. Далеко отсюда, на Эйкбоу, ждут их тысячи супругов и супруг, прихорашиваются и чистят клювами перья.

И вот уже последние, оставшиеся, расстаются с Великой Свободой Голубой Воды — инстинкт зовет занять свое место в рядах тесно прижавшихся друг к другу миллионов.

Они держат курс на Эйкбоу, точно как самолеты, возвращающиеся домой по лучу радиолокатора. Аккуратен и величествен полет птиц в этот час, когда они заслоняют весь горизонт. Веками повторяется эта вечерняя сцена над Эйкбоу; она поэтична и навеивает соответствующее настроение на очарованного пернатыми кочевниками наблюдателя, вызывая у него глубокие чувства...

Нет ничего лучше природы. Поэтому я и приехал сюда. И понял, почему Джон Гоув остался здесь надолго. Джон Гоув, а за ним Мило почти век жили на этой белой скале в голубом океане, вечные ветры задубили их лица, а птицы — это великое чудо природы — постоянно стояли перед их глазами.

Глава третья

ТРИСТАН ХРАНИТ СВОЮ ТАЙНУ

Далеко-далеко, среди бурного моря, яркого солнечного света и чистого воздуха Южной Атлантики расположен остров, тайной которого хотели бы обладать медики всех стран. Остров этот — Тристан-да-Кунья¹, а секрет — долголетие и отличное здоровье его жителей.

¹ Тристанский вулкан уже считался потухшим, когда в 1961 г. произошло его извержение, которое заставило 270 жителей острова покинуть свои дома. Я встречал этих людей в Кейптауне; все они чувствовали себя «не в своей тарелке» в этом чуждом для них мире. Тем не менее до конца своих дней они оставались такими же наивно-благородными простаками, какими были на Тристане. Эта глава была написана до извержения вулкана, и я ничего не изменил в ней. Весьма возможно, что некоторые островитяне лелеют мечту вернуться когда-либо на остров и снова начать робинзонкрузовскую жизнь своих отцов и дедов. И, вероятно, почти все возвратились бы туда, если бы им представилась такая возможность. Поговаривают, что на Тристане остались зарытые клады. — *Прим. авт.*

Тристан-да-Кунья — архипелаг из четырех вулканических островов в южной части Атлантического океана. Обитаем только самый крупный из островов (его площадь 117 км²). После неожиданного и очень сильного извержения вулкана в октябре 1961 г. большинство жителей острова, покинувших его, вернулись обратно в 1963 г. — *Прим. ред.*

Другие острова тоже, конечно, могут похвастаться своими долгожителями, ибо люди, живущие изолированно от внешнего мира, гарантированы от эпидемий и тяжелых заболеваний больших городов. Но Тристан побил в этом отношении все рекорды. Население этого острова словно живет совсем в другом мире, навсегда освободившемся от болезней.

В ранние годы моих путешествий по островам мне не раз представлялась возможность посетить черный вулканический берег Тристана. Мне было двадцать лет, когда я работал репортером одной из газет. Не раз в то время я уговаривал капитана каботажного судна взять меня в плавание. Примерно раз в год каботажник ходил из Саймонстауна к Тристану с почтой и продуктами для островитян. Тогда другой возможности посетить остров не представлялось. Я был необыкновенно счастлив, впервые ступив на землю Тристана в 1920 году; судьба улыбнулась мне и в 1923 году, когда я провел на острове несколько дней, попав туда с «очередной почтой». Что-то горело во мне все время в те молодые годы, побуждая снова и снова выискивать случай посетить Тристан-да-Кунью.

Сейчас это беспокойство несколько улеглось, уступив место желанию разгадать тайну острова. Первое, что буквально поражает каждого вновь прибывшего на остров,— это великолепное здоровье жителей, и старых и малых. Причем способность островитян доживать до глубокой старости — качество наследственное. В нашем сегодняшнем мире люди, живущие в нормальных условиях, рассчитывают, как правило, дотянуть до семидесяти, а для островитян Тристана (особенно женщин) семьдесят — возраст только лишь где-то выше среднего: они достаточно активны и в девяносто. Я знал четырех сестер на Тристане, которые наиболее показательны в этом отношении. Одна дожила до ста четырех, другая — до ста двух лет, третья — до девяноста девяти, и только четвертая, известная Бетти Коттон, дотянула всего лишь до девяноста четырех.

Доктора и зубные врачи время от времени осматривают островитян, но ни одна из медицинских комиссий не может, естественно, провести на острове столько лет, сколько необходимо, чтобы разрешить эту загадку.

Я ходил в 1923 году от дома к дому вместе с военно-

морским врачом, посланным на остров специально для того, чтобы составить отчет о состоянии здоровья этого удивительного маленького народа и изучить «эффект кровосмешения», то есть результаты браков между кровными родственниками. Сегодня вы найдете на острове более двухсот жителей — все они потомки брачных союзов от первоначальных восьми мужчин и семи женщин².

Врач уверял меня, что потомство от браков между двоюродными братьями и сестрами было абсолютно здоровым. Он столкнулся с феноменальным явлением — великолепными зубами островитян — и был совершенно ошарашен долговечностью жителей.

— Секрет долголетия — в чем он? О, если бы у меня было достаточно времени! — сказал мне врач. — А что я могу выяснить за три дня? Тут нужно три года, за этот срок еще можно что-либо сделать.

После первых двух визитов, не посещая острова, я получил возможность поддерживать постоянный контакт с жизнью на Тристане. Джон Хагэн, интеллигентный островитянин, поселившийся в Кейптауне в конце прошлого века, оказался для меня превосходным информатором. Он посетил в 1923 году свою родину вместе со мной на каботажнике и обратил мое внимание на такие детали островной жизни, которые я сам никогда бы не заметил. Его жизненный путь был полон приключений и драматических эпизодов, и мне показалось заманчивым узнать поближе этого человека с далекого острова, человека, сумевшего приспособиться к непривычной для него жизни в городе и выжить в нем.

Джон, высокий крепкий блондин с голубыми глазами и длинными красивыми усами, совершенно не похож на типичного смуглого тристанца. Он прибыл в

² Пятеро первых поселенцев острова уговорили дружески расположенного к ним капитана Амма, торговая шхуна которого часто заходила на Тристан, привезти им с острова Святой Елены женщин. Он без труда нашел добровольцев — пятерых женщин, здоровых и с покладистыми характерами. Женщины были цветные, и одна — африканка. Капитан Амм не сразу решил взять свой романтический груз на Тристан. Это было в 1821 г. Он прибыл на рассвете, ссадил женщин на берег и поспешия уплыть, пока будущие мужья безмятежно спали. Мужчины сначала выражали свое недовольство, но других вариантов не было, и в конце концов все благополучно переженились. Позднее на острове поселились еще две пары. — *Прим. авт.*

Кейптаун перед началом англо-бурской войны³ и участвовал в ней, а после демобилизации поступил работать в Трамвайную компанию вагоновожатым. Единственными известными ему до этого колесными экипажами были тачки и запряженные волами повозки, но он довольно быстро приоровился к электрическому трамваю и водил по Кейптауну старые открытые вагоны, которые были тогда самым быстрым транспортным средством. Он постоянно подбирал меня на остановке «Оранжевая улица» по пути из школы домой. Хагэн вышел на пенсию после сорокатрехлетней службы в Трамвайной компании, а умер в возрасте семидесяти одного года (его мать, верная традиции долгоживущих женщин на Тристане, отлично чувствовала себя до самой смерти и скончалась в девяностолетнем возрасте). Хагэн оживил передо мной многие страницы прошлого Тристана, часто рассказывая о своей родине, и от него я получил кое-какие нити, ведущие к секрету удивительного здоровья островитян.

Меня всегда интересовало, прожил бы Хагэн дольше, если бы остался на Тристане? Жизнь в Кейптауне была для него нелегкой, особенно зимой, когда Хагэн, проводя многие часы в трамвайном вагоне, ни днем ни ночью не был защищен от яростного дождя, за исключением разве что легкого капюшона на голове. Я думаю, его жизнь укоротила цивилизация. Там, на Тристане, люди заправляют осветительные лампы пингвиным жиром, и мерцающие лучи такой лампы для Хагэна были бы, вероятно, более полезны, чем электрический свет фар кейптаунского трамвая.

Как-то раз я спросил Хагэна, почему на Тристане женщины живут дольше, чем мужчины. Он дал мне понять, что остров вовсе не утопия. Все дело в том, что мужчины здесь умирают довольно часто случайной, неестественной смертью. Так, например, трое первых поселенцев в один «прекрасный день» исчезли без следа — скорее всего, были убиты. Беглец с китобоя, прожив одиннадцать лет на острове, постепенно терял рассудок и в конце концов утопился. Матрос, чудом спасшийся

³ Англо-бурская война (1899—1902) — захватническая война Англии против южноафриканских республик — Оранжевого Свободного Государства и Трансвааля. Буры — потомки европейских, главным образом голландских, колонистов в Южной Африке.— *Прим. ред.*

после кораблекрушения, нашел бочонок рому, прибывший к берегу, и допился до белой горячки. Другой потерпевший кораблекрушение тоже тронулся умом: бродил по горам месяца два, питаясь яйцами морских птиц, и умер, по всей вероятности, от солнечного удара. Дед самого Хагэна перерезал себе вены и тем самым покончил многолетнюю вражду с подрядчиком. Несколько островитян нашли свою смерть, сорвавшись с крутых скал, тянувшихся почти вдоль всего Тристана. Один или два погибли в пасти акул. Еще один умер от ушибов и увечий, охотясь за горными козлами. Маленького мальчика унесло в море разбушевавшейся после ливня горной речкой, протекавшей через поселок.

Но самая страшная трагедия произошла в 1885 году. Это была какая-то непостижимая мистерия. Пятнадцать мужчин (тринадцать из них — семейные) вышли в море на деревянном вельботе навстречу торговому паруснику, проходившему мимо острова. Вельбот был подарен островитянам британским правительством в знак благодарности за помощь потерпевшим кораблекрушение и обладал лучшими мореходными качествами, чем парусные лодки. На вельбот был погружен скот, который островитяне надеялись обменять на муку и прочую бакалею.

Питер Грин, губернатор острова, наблюдал в подзорную трубу за вельботом и парусником; они шли рядом. «Парусник стал удаляться от берега, потом мы увидели вельбот у него за кормой,— писал он.— Оба судна были на расстоянии четырех миль от нас. Когда парусник снова стал виден, то наша лодка оказалась так далеко на востоке, что разглядеть ее можно было лишь с трудом. Мы высматривали вельбот целую ночь. Наутро отправили две поисковые партии по берегу вокруг острова. Но они не обнаружили никаких следов вельбота».

И никто больше его не видел. Сначала решили, что с потерпевшего аvariю вельбота люди перебрались на барк. Оставшиеся на берегу долгое время были уверены, что их родственники найдутся. Однако капитан парусника «Вест Райдин» на запрос ответил, что у него не было никакого контакта с островитянами на вельботе и он не может объяснить его исчезновение.

Море, правда, было в тот день беспокойным, но

знаменитые тристанские лодочники отваживались выходить на промысел и в худшую погоду. Питер Грин был уверен, что вельбот подошел к паруснику. Скорее всего, его перегрузили (пятнадцать человек и скот), и судно перевернулось вместе со всей командой.

Там был и отец Хагэна. Его мать потеряла трех братьев. На острове после катастрофы осталось всего четверо взрослых мужчин, причем один из них — идиот. Жители решили покинуть остров, где произошла эта ужасная трагедия, и поселиться в Южной Африке. В это время Хагэн и попал в Кейптаун.

Тристанцы надолго запомнили это бедствие. Если мужчины, отправившись в далекий рейс за яйцами к группе птичьих островов, долго не возвращаются, память о великой трагедии не дает покоя измученным женщинам.

Это происшествие привело к любопытной закономерности: на острове мальчиков стало рождаться больше, чем девочек. С течением времени мужское и женское население было сбалансировано. Только этой загадкой природы и можно объяснить тот факт, что у тристанцев больше старух, чем стариков. Хагэн говорил мне, что женщины на острове вполне здоровы, кроме разве редких «припадков». Из его последующих пояснений я понял, что речь здесь шла об обыкновенной истерии, вызванной, по всей видимости, суровыми моральными обетами, неукоснительно соблюдаемыми в островной общине. Некоторых «припадочных» женщин посещают религиозные видения. Все побывавшие на острове доктора диагностировали подобные «припадки» как форму подсознательного протеста против обетов, вызванного длительным подавлением естественных эмоций. Я не склонен относиться к этому явлению серьезно, поскольку женщины в других отдаленных общинах страдают такими же нервными заболеваниями.

Рождаемость на Тристане не представляет опасной проблемы, хотя роженицы обходятся здесь без квалифицированной медицинской помощи — она для них недоступна. Около восьмидесяти лет назад один морской врач проверил метрические книги на Тристане и отметил, что только пятеро из всех рожденных здесь детей умерли в детстве. После первой мировой войны на острове имелась всего одна акушерка, которая пере-

няла свое искусство от матери и передала его потом двум дочерям. Они не применяли никаких антисептических средств. И тем не менее новорожденные на Тристане не умирали, если не считать нескольких мертворожденных.

Вероятно, немногие из вас согласятся со мной, если я скажу, что ключ к долголетию тристанцев можно отчасти найти в том, что каждый грудной ребенок вскармливается материнским молоком. Более того, детей из-за нехватки коровьего молока не отнимают от груди, пока им не исполнится двенадцать, а то и шестнадцать месяцев! Многие дети с островов и сегодня редко видят свежее молоко после того, как их оторвали от материнской груди.

Тристан — остров больших семей, начиная с того времени, когда на нем вообще поселились люди. Около ста лет назад, когда на остров прибыл первый священник, он нашел там всего девять семей в среднем по семь детей в каждой.

Наиболее знаменательной в истории Тристана, с точки зрения медиков, была смерть капрала королевской артиллерии Уильяма Гласса, основателя поселка на острове. Он прожил шестьдесят семь лет, несмотря на явные признаки злокачественного поражения кожи на губах и лице. Кроме этого случая, заболеваний раком не было зарегистрировано на Тристане ни до смерти Гласса в 1853 году, ни после нее. Таким образом, огромный интерес, который проявляет современный мир к этому далекому острову, обусловлен не только долголетием его жителей, но и отсутствием там раковых заболеваний. Недавно специальная комиссия исследовала все книги регистрации смертей, существующие на острове со времени основания там первого поселения, с целью проверить предположение о наличии на Тристане этой фатальной болезни. Ни одного заболевания раком, за исключением случая с Глассом, не было обнаружено.

Все другие болезни со смертельным исходом также незнакомы тристанцам. Целый отряд медиков незадолго до второй мировой войны в течение нескольких недель обследовал население острова. Они брали кровь на анализ и проверяли зрение. Медики установили, что имеют дело с самыми здоровыми людьми на земле: никаких признаков венерических, почечных

заболеваний, туберкулеза, артрита или хотя бы диспепсии.

Каждого врача, попавшего впервые на Тристан, поражает великолепное телосложение мужчин, женщин и детей. Мужчины довольно высокие, мускулистые и крепкие, но не производят впечатления цирковых силачей. Почти у всех женщин до конца жизни хорошая фигура. Ноги у них стройные и сохраняют красивую форму, по-видимому, благодаря удобной обуви — мокасинам из воловьих шкур, которые они носят здесь постоянно. Молодые юноши и девушки иногда шутливо борются между собой; неосторожный парень легко может оказаться при этом побежденным худенькой девчонкой. Люди постарше состязаются в быстроте преодоления крутых горных склонов с тяжелой ношей на плечах.

Не нужно доказывать того бесспорного факта, что Тристан добр только к тем, кто не позволяет себе вольного обращения с его высотами и морскими глубинами. Однако тристанцы непозволительно легкомысленно обходятся с тяжелыми бочонками и ящиками, наживая себе грыжу. При этом они продолжают таскать непосильный груз и ворочать тяжелыми веслами без бандажей и даже без кистевых перевязок. Несколько старомодных бандажей, найденных на острове, — всего лишь семейная реликвия.

Такого зрения, как у тристанцев, пожалуй, не встретишь ни у кого на земле. Интересно было бы устроить состязание между ними и южноафриканскими бушметами, которые также обладают удивительно острым зрением. Эта уникальная способность тристанцев особенно поражает тех, кто впервые попадает на остров: жители Тристана различают корабль на горизонте и даже могут описать все оснастку судна задолго до того, как вы его увидите. Тристанцы не ахти какие любители чтения, но все же следует отметить, что они не пользуются очками даже в старости.

Один священник, живший на острове незадолго до второй мировой войны, постоянно обращал внимание на какое-то сверхъестественное чутье, свойственное тристанцам. Они, казалось, знали заранее, когда остров посетит корабль; настроение их накануне этого события передавалось собакам, а те всю ночь напролет лаяли и выли... И ни разу за все годы пребывания свя-

щенника на острове не было случая «ложной тревоги».

Как только из какой-нибудь цивилизованной страны приходит судно, островитяне вскоре начинают страдать от простудных заболеваний (разве что суда из Антарктики не заносят инфекции на остров — это было отмечено еще первыми американскими китобоями). Когда корабли не заходят на остров, эпидемия прекращается и создается впечатление, что микробы не находят здесь среды для существования и размножения. На Тристане суровая зима, но дожди и сильные ветры не вызывают у людей простуды.

Хагэн говорил, что он совсем не чистил зубов, когда жил на острове. Свою первую зубную щетку он приобрел в Кейптауне.

— Никто на Тристане, — сказал он, — не чистит зубов щеткой и пастой, кроме пастора и членов его семьи. Некоторые трут зубы тряпицей, смоченной в соленой воде, перед тем как идти в воскресенье в церковь.

Там мне открылось новое тристанское чудо. У островитян лучшие в мире зубы. На Тристане побывало за последние годы с полдюжины дантистов. Один норвежец привез с собой даже рентгеновскую установку и лабораторное оборудование. Он сделал снимки и слепки зубов всех островитян: от крохотных молочных зубов новорожденного до пожелтевших от никотина клыков восьмидесятилетнего Сэма Свейна. Все они оказывались безупречными, но врач продолжал их до тошно исследовать в поисках хотя бы одной каверны.

До некоторой степени его вознаградили замужние женщины, которые сообщили дантисту, что не испытывали зубной боли до тех пор, пока не забеременели. Короче говоря, врач сообщил в своем отчете, что половина жителей острова не страдает заболеваниями зубов. Кариес, если он обнаружен, очень незначительный и редко проникает в глубь зуба. Чаще всего поражен только один зуб, и пациент, как правило, даже не знает об этом.

В слюне одного островитянина, возвратившегося только что из Кейптауна, где прожил год, была обнаружена кислотообразующая бактерия *Valillus acidophilus*. Повторный анализ через несколько недель показал, что бактерия исчезла. Болезни десен тоже редки среди тристанцев. И хотя почти у каждого взрослого есть камни, они этого даже не замечают. Зубы у всех

слегка желтоватые, но крепкие и ровные. Ссылки от-дельных медиков на пиорею, очевидно, недоказа-тельны. Дантист, побывавший на Тристане за шесть лет до норвежца, заявил, что он обнаружил там два случая заболевания, но, как потом выяснилось, оба его пациента родились не на острове.

Отличные зубы и великолепное здоровье зависят в определенной степени от рациона питания. Я соби-рался даже сказать «в большей степени», но в таком случае здоровяки-тристанцы снабдили бы медицин-скую науку еще одной тайной, а мне не хочется выгля-деть догматиком...

Давайте познакомимся с пищевыми ресурсами ост-ровитян. Их рацион состоит из однообразной диеты: рыбы и картофеля. Безусловно, многое можно доба-вить к такой диете, но факт остается фактом — три-станцы будут вынуждены покинуть свой остров или умереть с голоду, если вы лишите их этих двух основ-ных видов питания.

Весной это меню несколько разнообразится: репа и капуста, морковь и лук. Яблоки собирают в это же время еще зелеными, ибо если их оставить созревать, то все достанется крысам. Ранний картофель выкапы-вают перед рождеством, и в это же время некоторые жители позволяют себе роскошь зарезать овцу. Охот-ники отправляются в глухие уголки острова и стре-ляют там диких коз. С января по апрель помимо рыбы и картофеля на столах у тристанцев появляются ма-лимаки⁴ и их жирные птенцы.

С апреля по август на Тристане — скудный сезон. Кроме рыбы и картофеля, есть нечего. Но вот приходят к концу запасы картофеля, а погода препятствует рыбной ловле. Островитянам знакомы настоящие го-лодные зимы.

Август и сентябрь — месяцы, когда альбатросы, пингвины и другие морские птицы, откладывая яйца, тысячами собираются на Найтингейле — самом недо-ступном из остальных островков тристанской группы. Около двадцати тысяч уток-качурок забивают в это время тристанцы, получая мясо и жир. Пингвиным салом заправляют осветительные лампы.

Сам остров немного может добавить к этому меню.

⁴ М а л и м а к — альбатрос, буревестник.— *Прим. пер.*

Островитяне держат кур и гусей, но не столько для еды, сколько для продажи на заходящие суда. Даже для крепких челюстей тристанцев мясо этих птиц представляется слишком жестким. Местная ягода, похожая на нашу клюкву, растет в узких ущельях вдоль побережья, но собирать это лакомство — дело нелегкое.

Соль добывалась раньше из морской воды, сейчас она всегда есть в магазине. Местные повара и хозяйки употребляют ее совсем мало или вообще обходятся без соли. Соль никогда не использовалась для сохранения рыбы, мяса или убитых морских птиц. Много полезной пищи портится по этой причине в летний период. Я не уверен, что отсутствие соли в какой-либо степени вредит жителям острова. Если островитяне своим отличным здоровьем хотя бы отчасти обязаны свежей пище, которую они употребляют без соли, то об ее отсутствии не стоит сожалеть.

В качестве приправы для супа используются дикорастущие сельдерей и горчица. В тех случаях, когда не хватает привозного чая, для заварки употребляют местный, «островной» чай.

В наши дни на острове появился магазин. У жителей Тристана есть теперь и собственный промысел: каждое лето они собирают в море лангустов на вывоз, что дает им возможность приобретать те продукты и предметы ширпотреба, которые раньше считались непозволительной роскошью. Скорее всего, это явление временное, но, возможно, оно означает переход тристанцев к новому образу жизни. Во всяком случае, здоровье островитян этим не определяется — ведь поколения долгожителей выросли в тот период, когда мука и сахар, чай и кофе были для них почти недоступны.

Не нужно быть врачом-диетологом, чтобы заметить отсутствие в традиционном меню тристанцев продуктов, без которых в цивилизованном мире не обходится ни один человек. Масло, например, редко встречается на острове. Отсутствуют в пище витамины и минеральные соли, преобладают углеводы и фосфаты. На острове не растет пшеница, так что жителям Тристана месяцами приходится сидеть без хлеба. Однако они не умирают с голоду, и недостаток «основных» компонентов в пище не приводит к рахиту или цинге.

Все дантисты сходятся во мнении, что твердая

пища предохраняет зубы от разрушения, между тем тристанцы ее почти совсем не употребляют. Когда у маленьких детей прорезаются зубы, им дают вареные бараньи кости. Однако этот рацион очень скоро сменяется «мягкой» пищей — рыбой и картофелем.

Для полноты картины следует рассказать и о тех заболеваниях, которые на острове все-таки встречаются. О простудах я уже говорил. Эпидемия свинки вспыхнула один раз в прошлом столетии и раз — в этом. Дизентерия уже зарекомендовала себя на острове как летняя болезнь, ибо не очень склонные соблюдать личную гигиену островитяне не считают нужным бороться с мухами. Врачи обнаружили всего один случай язвы двенадцатиперстной кишки. Больной прожил пятнадцать лет вне острова. Цивилизация подняла также его кровяное давление, в то время как давление у семидесятилетних тристанцев, не покидавших острова, нормальное.

Чего не удастся избежать жителям Тристана, так это аллергии. Ее привезли с собой один англичанин из первых поселенцев и две женщины с острова Святой Елены. С тех пор вот уже полтора столетия астма и мигрень, катар и экзема передаются по наследству из поколения в поколение.

Бен Свейн, мужчина с изуродованными руками, может внушить мысль о вырождении поколения из-за кровосмесительного брака многим посетителям Тристана. Бен — овчар и пастух, простой веселый парень, прекрасно справляющийся со своими обязанностями, вовсе не отсталый в умственном отношении, вечно насвистывал себе что-то под нос. Он, правда, страдал припадками, но даже такой человек, стоящий ниже среднего тристанца по уровню физического развития, сумел дожить до глубокой старости.

Я ожидал встретить случай наследственной неполноценности как результат большого количества кровосмесительных браков. Но и здесь Тристан преподносит сюрприз. Мой приятель, морской врач, убедился, как я уже говорил, в отсутствии здесь каких-либо признаков вырождения: если родители здоровы, то и их дети не только не обнаруживают склонностей к заболеваниям, но, наоборот, сохраняют тенденцию аккумулировать необходимые качества для укрепления своего организма. Физический тип тристанца выше среднего;



В строительном искусстве и в управлении лодкой тристанцы не знали себе равных и вызывали восхищение у бывалых моряков.

особенно ярко проявляется это у детей. Они, правда, застенчивы, лица их ничего не выражают, что может создать ошибочное представление о врожденной тупости. Стоит, однако, преодолеть скованность, как дети обнаруживают и ум, и доброту, и воспитанность.

В период моих первых посещений Тристана (в 1923 году) только один островитянин из пяти умел читать и писать; словарный запас у них был весьма невелик. Представления о внешнем мире островитян были довольно смутными, но в своем кругу грамотей считались людьми выдающимися. В строительном искусстве и в умении управлять лодкой тристанцы не знали себе равных и вызывали восхищение у бывалых моряков (идиоты, как известно, такими качества не обладают) ⁵.

⁵ Лодки на Тристане — предмет восхищения всех моряков. Берега острова представляют собой крутые склоны из вулканического конгломерата, поэтому лодка должна быть достаточно легка, чтобы ее можно было бы успеть вытащить на берег до подхода большой приливной волны. Для этого лодки делают из брезента, натянутого на шпангоуты из яблоневоего дерева. В последнее время на обшивку шли шкуры морских слонов. Лодки достигают двадцати пяти футов в длину, управляют ими шесть гребцов и один рулевой. — *Прим. авт.*

Огэстес Эрл, английский художник и натуралист, был, наверное, первым посетителем Тристана, который попытался объяснить причину столь крепкого здоровья островитян. В 1824 году ему пришлось провести на острове восемь месяцев, так как судно, на котором он приплыл, было унесено сильным штормом в море. Эрл отмечает в своем дневнике «удивительные результаты каждодневного физического труда и умеренности в еде». «Пища островитян грубая,— пишет Эрл,— они никогда не видят масла. Молоко и картофель — постоянные блюда их меню, бывает рыба, когда посчастливится ее поймать, и свежее мясо, если удастся подстрелить дикую козу... Я лично наслаждался здесь крепчайшим сном. Капитаны проходящих судов не раз предлагали этим людям медикаменты из своих запасов, но они отказывались под тем предлогом, что никто из них не чувствует себя больным».

Питер Грин, голландец, мудро правивший островом целых полвека, имел у себя запас лекарств и помогал островитянам, когда они в этом нуждались. Однако к его помощи жители прибегали так редко, что пополнить запасы медикаментов пришлось только через двадцать лет. Сам Питер Грин умер в начале этого века в возрасте девяноста четырех лет.

Следует отметить, что образ жизни тристанцев не всегда был по душе миссионерам, работавшим на острове. Миссис Бэрроу, супруга священника, прожившего там три года, писала о своем муже вскоре после того, как они в начале XX века покинули Тристан: «Бедный Грэхем, он так сдал, что выглядит на двадцать лет старше».

Был еще один священнослужитель, мой приятель, преподобный Генри Мартин Роджерс, который провел уже целый год на острове, к тому времени как я попал туда в 1923 году. Он пробыл там еще более двух лет в ожидании судна, которое увезло его с Тристана. Ребенок Роджерса, родившийся на острове, и его жена чувствовали себя хорошо. Но то был тяжелый период в истории острова, и сам Роджерс умер вскоре после возвращения в Англию. Я убежден, что к безвременной кончине его привели те тяготы и лишения, которые Роджерс вынес во время своего добровольного изгнания на Тристане. Весь последний год жизни на острове он с семьей влачил полуголодное существование. Вот

одна из записей в его дневнике: «Сегодня у нас на обед был чай. И на ужин тоже чай. Дети все время бегают по чужим кухням, где только готовится еда... Но я не виню их».

Однако даже те островитяне, которые познали голод на Тристане, продолжают любить одинокий остров и мечтают увидеть его снова. А в одной из последних публичных лекций тот же Мартин Роджерс заявил: «Рев атлантических волн все еще звучит в моих ушах; я до сих пор чувствую запах ламинарий на берегу, а перед моими глазами, как живые, стоят умоляющие заплаканные лица людей, которые просят нас поскорее возвратиться. Мое сердце всегда там, и я не теряю надежды когда-нибудь снова вернуться в эту маленькую островную общину, к своей пастве, которую я полюбил на всю жизнь!»

Тристан до сих пор хранит свой секрет. Я не могу сказать, почему эти голодающие островитяне, которые живут во влажном климате и не выполняют элементарных гигиенических правил, смогли стать самыми здоровыми людьми на земле. Скорее всего, причина этому — неприхотливая пища, здоровый климат, устоявшиеся привычки, неплохие жилищные условия, почти полное отсутствие инфекционных заболеваний и влияния наследственности. Даже такой простой и всем давно известный «фактор», как случайный или периодический пост, может оказаться более полезным для продления жизни, чем мы это себе представляем. Естественная пища без добавлений и специй, имеющих сомнительную ценность в данных условиях, дополняет нарисованную мною картину. Возможно, более цивилизованным народам тоже стоило бы уделять больше внимания свежей рыбе и картофелю. Нельзя не принять во внимание и тот факт, что на Тристане вообще не употребляют никаких алкогольных напитков, да и курящих здесь очень мало.

В конце концов существует остров, очень далекий от внешнего мира, остров, который сам по себе сыграл какую-то роль в возникновении этого чуда природы. И страдающий ностальгией островитянин, как мне казалось, мог приблизить меня к раскрытию тайны в гораздо большей степени, чем квалифицированные медики. На Тристане я впервые встретил такого человека — звали его Том Роджерс. Позднее в Кейптауне,

куда он периодически приезжал раз в год в больницу, чтобы подлечить варикозную язву на левой ноге — единственное заболевание такого рода на Тристане, — я сошелся с ним поближе. Том Роджерс был единственным островитянином со вставными зубами, которые он с гордостью демонстрировал тем, кто никогда не видел такого дива.

Он был уже стариком, когда покидал Кейптаун в последний раз. Роджерс достаточно хорошо познал «цивилизацию» и все время тосковал по своему вулкану в середине океана с его унылой вершиной, окутанной облаками, по картофельным полям и покрытым тростником хижинам, — все это он называл своим домом. Нога Роджерса так и не зажила, но ему не терпелось вернуться на родину. Мне очень хотелось услышать из его уст что-либо, относящееся к «секрету» Тристана, и я «прижал к стене» беднягу Тома, допытываясь, почему он стремится уехать из Кейптауна. Роджерс сказал наконец:

— Здесь в городе всегда шум и гвалт, все носят тяжелую одежду. И все едят: и утром, и днем, и вечером. Вы спрашиваете, почему я возвращаюсь на свою землю? Я не могу долго быть в городе, мне совсем не интересно стало здесь, мистер, и я еду назад, на мою родину, уже навсегда. Вот и все.

Глава четвертая

ОСТРОВ ЗАТОНУВШИХ КОРАБЛЕЙ

Во времена оживленного мореходства жители острова Тристан-да-Кунья прославились своим мужеством при спасении судовых команд, потерпевших кораблекрушение. Капитаны парусников проверяли хронометры, проходя мимо тристанского пика, а некоторые из них заходили после многомесячных морских скитаний в эту «кладовую Южной Атлантики», чтобы пополнить продовольственные запасы свежим мясом и зеленью. И у тех же Тристанских островов только за прошлое столетие тринадцать кораблей остались на вечную стоянку.

Гостеприимство, проявленное тристанцами по отношению к потерпевшим, принесло островитянам заслуженные почести и награды: портрет королевы Виктории с ее собственноручной надписью, золотые часы, деньги и различные подарки. После крушения «Алланшоу» британское правительство прислало тристанцам сто фунтов стерлингов. Это было, пожалуй, самое необычное морское бедствие из всех ему подобных, хотя и в других кораблекрушениях хватало драматизма (ниже я расскажу, например, о «Бленден Холле» и его сокровищах).

Знаменитым «тристанским спасителем» почти полвека был Питер Грин. Он сам спасся на острове, после того как его шхуна «Эмили» затонула, и остался фактическим правителем Тристана. При его правлении островитяне не раз рисковали жизнью и делились со спасенными последним, что у них было. Экипаж одного судна кормился таким образом на острове почти год, пока его не подобрал проходящий корабль.

В доме Хагэна я видел каменную доску с выгравированным названием американского судна — «Мейбл Кларк». Один из членов его экипажа женился на дочери Питера Грина; и воистину кораблекрушение оказалось единственным источником прилива свежей крови в замкнутую островную общину. Не удивительно, что большинство тристанских детей получили свои имена по названиям кораблей, нашедших печальный конец у берегов острова.

Крысы появились на Тристане в 80-х годах прошлого века после того, как там погиб «Генри Б. Польш». Они буквально опустошили остров¹. Крысы принесли с собой свирепых блох, которые вынудили меня и морского капеллана после нескольких ночей безуспешной борьбы с ними обращаться в лазарет крейсера

¹ Один из моих друзей в Кейптауне попытался сыграть роль Дудочника (Дудочник — персонаж германской легенды — избавил от крыс город Хамельн: играя на свирели, он увлек их за собой из города к реке, где все зверьки утонули). Собрав кротовых змей, он в 1936 г. послал их на остров с туристским лайнером «Каринтия». Однако какой-то островитянин сунул руку в мешок со змеями и так испугался, что уронил драгоценный подарок в воду. Тристанцы воспринимают крыс как неизбежное зло. У них никогда не хватало решимости бороться с этим наваждением, и, с тех пор как крысы появились на острове, там перестали произрастать злаковые культуры. — *Прим. авт.*

за мазью или притиранием против укусов этих насекомых.

Существует предположение, что «Генри Б. Поль» и другое судно, «Эдвард Виттери», были посажены на мель у Тристана с целью получить страховую премию. Однако хотелось бы в связи с этим обратить ваше внимание на тот факт, что и обычных бурь в этих местах оказалось вполне достаточно для гибели четырех парусников только за два года: с 1870-го по 1872-й.

Случай с «Алланшоу» не похож на другие. Один из членов экипажа этого судна, матрос первой статьи Пэдди Сондерс, обосновался позднее в Кейптауне. За два года он пережил три кораблекрушения и не хотел более испытывать судьбу. Ему я и обязан историей об «Алланшоу», имеющей, кстати, непосредственное отношение к жизненным перипетиям моего старого приятеля Джона Хагэна.

«Алланшоу» был полностью оснащенным судном с железной обшивкой, водоизмещением в тысячу шестьсот тонн, одним из транспортов, принадлежавших Джеймсу Нурсу. Он вышел из Ливерпуля в феврале 1893 года, направляясь с грузом соли в Индию; как правило, судно забирало в Калькутте законтрактованных индийцев-кули и на обратном пути развозило их в Наталь, на остров Маврикий и в другие попутные места. Но этот вояж «Алланшоу» был последним. Корабль в судовом регистре Ллойда стоял в рубрике 100 А1², команда на нем была отменная, и все равно это не спасло его от гибели.

Судно было обречено, потому что капитан его, тридцатилетний ирландец А. С. Томсон, оказался психически ненормальным. Когда судно выходило в море, никто этого даже не подозревал, однако в первые же дни плавания команду насторожило поведение Томсона. Он разговаривал только со Стюартом Уотерсом, первым помощником, или с двумя другими помощниками, да и эти диалоги носили весьма лаконичный характер: вопрос — ответ — приказание. Матросов Томсон почти не замечал. «Алланшоу» вышел в открытое море, но капитан появлялся на палубе всего лишь раз, в полдень, чтобы определить по секстанту местонахождение корабля.

² А1 — судно первого класса. — *Прим. пер.*

Позднее Пэдди Сондерс узнал, что трое младших чинов с бака имели штурманские и капитанские свидетельства, в то время как штурманом и помощниками наняли совсем не тех людей. У этих троих моряков были собственные секстанты, и они быстро обратили внимание на навигационные ошибки, которые допускал капитан, определяя местоположение судна.

Сондерс обратил также внимание на то, что пятеро матросов из команды оказались косыми. А ведь старые морские волки считают, что присутствие на судне даже одного косоного приносит беду! Вдобавок один новичок, по имени Робертс, проболтался, что все суда, на которых он служил, терпели кораблекрушения. Так что на «Алланшоу» было немало Ион³, предпринявших судьбу судна.

«Я видел, что капитан все время чем-то озабочен, вроде не в своей тарелке, но мне и в голову не приходило, что он ненормальный,— рассказывал мне Сондерс.— Он никогда ничего не говорил во время моих вахт у штурвала, но я исподволь изучал его и только под конец пришел к выводу, что у него с мозгами не все в порядке».

На тридцатый день плавания уже стало ясно, что капитан явно ненормален. Он приказал убрать всю оснастку и снаряжение из спасательных шлюпок — мачты и паруса, весла и рули, пресную воду и съестные припасы. Все это было унесено в трюм, а шлюпки подвешены к бортам и надежно принайтовлены. Создалось впечатление, что капитан одержим навязчивой идеей — как бы его команде не захотелось удрать с корабля! И если, не дай бог, кто-нибудь оказался бы за бортом, то человека уже не спасти — ни одну шлюпку нельзя было бы спустить на воду.

Утром 23 марта прямо по курсу корабля показался Тристан. Первокласное судно «Алланшоу» на всех парусах несло к острову со скоростью двенадцать узлов в час. В два часа пополудни «Алланшоу» все еще держал курс на остров. Вся команда, за исключением, вероятно, капитана, поняла, что это небезопасно.

³ Иона — библейский пророк, который ослушался бога. Был проглочен китом, прожил некоторое время в его желудке, потом кит выплюнул Иону на берег. У моряков Иона — нарицательное имя человека, приносящего несчастье кораблю.— *Прим. пер.*

Один из моряков, имевший штурманские права, подошел к штурвалу. Он попытался немного изменить курс корабля, чтобы избежать столкновения, время от времени слегка поворачивая штурвал, когда капитан уходил к себе в каюту. Но у Томсона был компас-репитер; внезапно он с криком выскочил на палубу:

— Проклятие! Держать прежний курс.

Тогда матросы пошли к Уотерсу, первому помощнику, и попросили его взять на себя командование судном, пока еще не поздно. Шотландец Уотерс, человек семейный, всегда был очень осторожен, а такое действие могло означать для него не только потерю работы, но и лишение штурманских прав. А ведь как часто в истории моря старшие помощники в чрезвычайных обстоятельствах отстраняли капитана и брали команду на себя!

Все матросы стояли недвижимо в ожидании конца «Алланшоу», и у многих душа, как говорится, ушла в пятки. До последнего момента моряки надеялись, что капитан все-таки даст приказ изменить курс, но он этого не делал. В два часа сорок пять минут капитан спустился вниз, и Уотерс окликнул рулевого:

— Осторожнее со штурвалом! Мы приближаемся к земле!

— Слушаюсь, сэр! — отозвался рулевой.

Даже тогда корабль еще мог быть спасен, но в ту же минуту на палубу вышел капитан, отослал Уотерса и подтвердил прежний курс — к гибели... В следующий момент судно заскрежетало, послышался тяжелый удар.

— Освободить шкоты и фалы! — иступленно закричал вдруг капитан.

Корабль накренился, и вода хлынула на палубу.

— Спустить шлюпки! — раздался новый приказ капитана.

Но это было не так просто — спустить в считанные секунды крепко принайтовленные шлюпки! Матросы стали обрубать найтовы, и, пока судно еще не успело погрузиться, им удалось спустить на воду, не повредив, только одну спасательную шлюпку и одну гичку.

Капитан Томсон залез в проломанную лодку и стал в ней, скрестив руки на груди.

— Живее, сэр! Прыгайте в воду! — крикнул ему Уотерс. — Мы вас подберем!

— Обо мне не заботьтесь, спасайтесь сами! — отозвался капитан.

Через мгновение волна перевернула лодку, и Томсон больше не появился над водой.

Из-за сумасбродства капитана двадцать шесть человек остались на плаву, в двух лодках, в беспокойном море и без единого весла. Они оторвали несколько досок с днища шлюпки и стали кое-как отгребать в сторону от тонущего корабля. Макдональд, Робертс и два марсовых матроса остались на «Алланшоу», привязав себя к бизань-мачте. Наверное, они решили, что так безопаснее, чем в спасательной шлюпке. Они понадеялись, что за ними вернуться, когда море успокоится.

В тот день несколько островитян, в том числе и семидесятилетний Джон Хагэн, собирали пингвиные яйца на Пещерном мысу. Они видели, как «Алланшоу» наскочил на риф, и потом заметили две лодки, стремящиеся преодолеть прибой. Тристанцы поспешили вниз, к берегу... Они успели как раз вовремя, чтобы показать потерпевшим наиболее безопасное место для высадки. Одну лодку перевернула волна, и измученные люди чуть было не утонули, но их успели вытащить. Джон Хагэн спас жизнь, как он потом узнал, третьему помощнику Джорджу Коллису.

Через несколько минут корпус «Алланшоу» разломился на две части, и корабль погрузился в воду. Лишь остатки палубы с бизань-мачтой торчали над водой с четырьмя людьми, привязанными к снастям.

Этих четверых подстерегала большая опасность. Двое из них, матрос Бомпа и один из марсовых, отвязались от мачты и поплыли к берегу. Еле живые они выползли на сушу. На рассвете море немного поутихло, и островитяне отважились подплыть на парусной лодке к месту катастрофы. Они подобрали пять ящиков с припасами, но не нашли оставшихся двух членов команды — матроса Макдональда и новичка Робертса. Бизань-мачту, по-видимому, вместе с ними ночью отнесло в открытый океан.

Тем, кто остался в живых, островитяне помогли добраться до поселка, где потерпевшие поселились на время в семьях тристанцев, которых было тогда на острове около пятидесяти. Питер Грин отпраздновал свое восьмидесятипятилетие как раз в то время, когда там жили моряки с «Алланшоу». Джордж Коллис по-

лучил пристанище в доме матери Джона Хагэна. Вскоре Коллис и Хагэн стали друзьями.

По счастью, как раз незадолго до описываемых событий на Тристан заходил флагман кейптаунской военно-морской базы «Рэйли» и оставил большой запас чая, какао, кофе, муки и других продуктов, не имевшихся на острове. Еды было много в те дни; несмотря на крыс, ее надолго хватило и своим и чужим. Пэдди Сондерс, который был гостем Бетти Коттон, рассказывал мне доверительно о великолепных лангустах, зажаренных в масле, и о картофельном пюре на молоке, которым его потчевала хозяйка.

Сондерс говорил мне также, что морякам приходилось спать в гамаках, подвешенных к потолочным перекрытиям, ибо крысы при каждой возможности норовили укусить за ногу...

Как-то в самом начале апреля на виду острова появился барк «Клан Фергюсон». Уотерс как самый старший по чину из потерпевших кораблекрушение поплыл наперерез кораблю, чтобы упросить капитана взять команду «Алланшоу» на борт. Однако тот отказался и ничего, кроме писем, не взял. Двумя неделями позже так же поступил капитан итальянского барка «Беппо», и моряки с «Алланшоу» снова остались на Тристане.

— Я думаю, они принимают нас за банду пиратов,— прокомментировал эти неудачи Пэдди Сондерс.— Итальянцы, те вообще вышвырнули наших ребят за борт и перерезали фалинь⁴. Вид у нас был, конечно, «подходящий» — все заросшие и в лохмотьях.

Один гуманный капитан им все же попался. Это был хозяин германского судна «Теодор», который согласился взять с собой сразу всю команду «Алланшоу». Она пробыла на Тристане около трех месяцев.

Двое из моряков решили остаться на острове. Первый, Г. Х. Картрайт, женился на одной из дочерей Хагэна, прожил на острове еще год, а потом перебрался с женой в Кейптаун. Вторым был Джордж Коллис — офицер, которому полюбилися одинокий остров.

Но история «Алланшоу» на этом не кончилась. В Кейптауне была собрана судебная комиссия по рас-

⁴ Фалинь — небольшой пеньковый трос, который привязан к шлюпке для ее буксировки или швартовке от пристани.—
Прим. ред.

следованию причин гибели судна в составе мистера П. Найтингейла — председателя и капитана М. Х. Пенфолда — морского эксперта. Уотерс сообщил комиссии, что он читал навигационную инструкцию перед выходом в рейс. Зная, что приближаться к южному берегу Тристана ближе чем на две мили небезопасно, он предупреждал капитана Томсона о близости к рифам острова, но тот игнорировал его слова.

— Я больше не стал ему ничего говорить, потому что капитан был человеком с тяжелым характером и не терпел никакого вмешательства... — заявил Уотерс.

Суд установил, что капитан «Алланшоу» Томсон был абсолютно трезв в момент катастрофы. Далее в решении судебной комиссии говорилось: «К несчастью, в результате катастрофы погибли сам капитан и двое моряков из его команды, а кроме того, потеряны первоклассный корабль и весь груз. Катастрофа произошла в результате ошибки капитана, и ответственность за все несет он сам. Первый помощник, видя, что судно находится в опасной близости к берегу, обязан был воспрепятствовать действиям капитана. Суд считает, что ошибка помощника послужит ему уроком на будущее».

Очевидно, никто не считал нужным информировать комиссию о том, что капитан Томсон страдал каким-то душевным заболеванием, иначе он не направил бы намеренно свое судно на тристанские скалы. Секрет поведения капитана открылся мне благодаря тому же Пэдди Сондерсу, который побывал на месте происшествия несколькими неделями позже — вместе с островитянами, более всего интересовавшимися, не прибило ли за эти недели к берегу еще чего-либо ценного из корабельного имущества.

— Я нашел водонепроницаемый бумажник с портретом девушки и несколькими письмами, адресованными капитану. Среди них было одно, в котором она сообщала, что считает себя свободной от обязательств по отношению к Томсону, — сказал мне Сондерс. — Я считал, что мне не пристало сохранять эти письма у себя, и уничтожил их там же, на месте.

Так вот в чем был секрет безумия капитана Томсона! Круг замкнулся, и фатальная история гибели «Алланшоу» прояснилась.

Джон Хагэн, как вы помните, переселился в Кейптаун в конце прошлого столетия, не имея никакого представления о цивилизованном мире.

— У меня было всего пять фунтов в кармане, масса надежд в сердце и ни одного знакомого в Кейптауне,— сообщил мне Хагэн.— Но я знал, что у меня есть верный друг Джордж Коллис, который останется моим другом, где бы он ни был.

Коллис вернулся на море и плывал капитаном на многих судах. Удивительно, что он только один раз заходил в Кейптаун, но в то время его друга Джона Хагэна в городе не было. Как бы там ни было, они поддерживали дружеские отношения в течение полувека. Время от времени Коллис посылал Хагэну небольшие подарки, которые тот ценил больше всех сокровищ: целую китовую челюсть, трость и тому подобное. «Я никогда не забуду твоей доброты и твоей матушки»,— писал Коллис.

Состарившись, Коллис поселился в Англии. Он часто рассказывал своим друзьям и знакомым о Тристане и собирался посетить остров на собственной яхте. Этому плану не суждено было, однако, осуществиться. Коллис заболел и незадолго до смерти, в 1947 году, написал своему старому другу: «Я хочу оставить тебе что-нибудь на память».

Хагэн лежал в постели в это время с сердечным приступом. Он задолжал доктору и по закладным за дом в Вудстоке — старик еле сводил концы с концами на маленькую пенсию.

Вскоре Хагэн узнал о смерти своего друга Коллиса и через некоторое время получил письмо от стряпчего из Англии. Бедняга унаследовал тысячу пятьсот фунтов стерлингов.

Так закончилась история с «Алланшоу», через пятьдесят пять лет после того, как Хагэн спас человеческую жизнь в тристанском прибое и приобрел себе друга на всю жизнь.

ОСТРОВА СОКРОВИЩ В АТЛАНТИКЕ

Тристан-да-Кунья — остров сокровищ. Я слышал о легендарных кладях и на других островах Северной и Южной Атлантики, где на поиски спрятанных драгоценностей было затрачено денег больше, чем эти острова смогли возместить своими предполагаемыми кладами. Но кто может знать заранее... Только очень благоразумные люди не говорят о богатстве, пока его нет в руках.

Это — страсть, которая захватывает людей всех рангов и сословий. Мне известно, к примеру, что сэры Эрнст Шэклтон¹ и Фрэнк Уорсли во время своей последней экспедиции на «Поиске» рассчитывали найти пиратский клад, захороненный на каком-то острове в Южной Атлантике. Шэклтон, как и другие до него, был заинтересован также в «белом золоте» — так называют гуано на тристанских островах.

«Поиск» заходил на острова Селваженш (Спасения), принадлежащие Португалии, — маленькую группу необитаемых островов, известную тысячам пассажиров южноафриканских почтовых пароходов, курсирующих между Мадейрой и Канарскими островами. Знают о них многие, но мало кто представляет, сколько средств и тяжелого труда было затрачено в разное время на поиски там сокровищ. Я видел эти вулканические образования так близко, что мог разглядеть в бинокль ямы и воронки на их поверхности, вырытые различными охотниками за кладами. Капитаны проходящих торговых судов предпочитают держаться от островов Селваженш на почтительном расстоянии, так как эти островки изобилуют тысячами подводных скал и рифов.

Один старый и известный искатель приключений, сеньор Афонсо Коельо из Фуншала² (Мадейра), поведал мне еще никому не известную историю островов Селваженш и их сокровищ. Он знал острова лично,

¹ Шэклтон, Эрнс Генри (1872—1922) — английский путешественник, исследователь Антарктиды. — *Прим. ред.*

² Фуншал — административный центр острова Мадейра. — *Прим. ред.*

его отец около двух месяцев специально провел там в поисках клада.

— Отец ухлопал уйму денег, а выгоду получил я. Позднее расскажу вам об этом,— пообещал мне Афонсо Коельо.

Коельо был голубоглазым, коренастым, живым стариком лет семидесяти, когда я впервые познакомился с ним в Фуншалском порту несколько лет назад. Отец Афонсо Коельо был португальцем, а мать — валлийкой; говорил он по-английски с валлийским акцентом. Еще мальчишкой Коельо ушел из дому и нанялся на британскую паровую яхту «Утро», ходившую в научную экспедицию в Антарктику. Вернувшись из плавания, он стал служащим фирмы Блэнди и проработал там свыше сорока лет: Коельо отвечал за буксировку судов и снабжение их углем в открытом море. Во время второй мировой войны он был отмечен британским правительством наградами и отличиями за спасение потерпевших английских моряков с судов, потопленных германскими рейдерами.

Я считал, что Коельо всегда сообщал мне самые надежные сведения, и поэтому был весьма заинтригован, когда он рассказал мне, что острова Селваженш, по всей вероятности, хранят не одно сокровище. Очевидно, поиски кладов там начались вскоре после казни знаменитого капитана Кидда³ в 1701 году в Лондоне. И также очевидно, что его судебный процесс внушил кое-кому идею о зарытых пиратских кладах; судя по описанию ограбленных им кораблей (включая и ценности «Квида Мершанта»), легко можно предположить, что эти награбленные сокровища где-то спрятаны, причем в немалом количестве.

В вахтенном журнале Кидда сказано, что все сокровища выброшены в море, но вряд ли кто-нибудь поверит такой явной нелепости. Остров Кокос в Тихом океане и Лонг-Айленд близ Нью-Йорка считались островами сокровищ Кидда. Но какой-то матрос из его команды якобы распространил слух, что в их число входит и один из островов Селваженш.

Который же? Их всего три, расположенных в ста пятидесяти милях южнее Мадейры. Остров Селва-

³ Капитан Кидд (1645—1701) — знаменитый шотландский пират.— *Прим. пер.*

женш-Гранди — неправильный четырехугольник с ост-роконечной вершиной посередине и базальтовыми колоннами, каждая сторона которого равна примерно одной миле. Второй островок меньше и холмистее, а третий — всего лишь небольшое геологическое обнажение в форме треугольника.

Лорд Бексли, английский политик и финансист, убедил первого лорда Адмиралтейства послать в 1813 году корабль флота ее величества «Прометей» к островам Селваженш. Кажется маловероятным, чтобы такой влиятельный человек мог действовать только на основании слухов или поверить сомнительного свойства «морским картам», продаваемым в Англии на каждом углу разными мошенниками. «Голубые куртки»⁴ высадились на острове со шупами и заступами, но не нашли ничего. Капитан «Прометея» Геркулес Робинсон, отвечавший за эту экспедицию, доложил, что португальские рыбаки незадолго до прибытия «Прометея» на остров нашли там два сундучка с серебряными долларами.

Капитан Робинсон снова посетил острова Селваженш в середине прошлого века, организовав поисковую экспедицию на свои средства. Он поставил небольшую яхту на якорь там, где стоял в 1813 году «Прометей», однако нашел береговую линию сильно изменившейся, потерял все ориентиры и вновь потерпел неудачу. Он не успокоился и стал наводить справки о сокровищах на Тенерифе. Там ему рассказали, что на островах Селваженш до него три месяца провели представители Ливерпульского синдиката, которым удалось найти и увезти с собой ценностей на двадцать тысяч фунтов стерлингов.

Побывал там на своем знаменитом «Проворном» и известный охотник за сокровищами, яхтсмен и военный корреспондент Е. Ф. Найт. В 1889 году на пути к южному Триндади⁵, куда он плыл в поисках зарытых кладов, Найт заходил на острова Селваженш. Это плавание он отлично описал сам. Четыре дня «Проворный» стоял у одного из островов. Найт усердно исследовал его, но усилия были тщетны. Известно еще об

⁴ «Голубые куртки» — форма матросов британского военно-морского флота.— *Прим. пер.*

⁵ Имеется в виду остров Тринидади (влад. Бразилии).— *Прим. ред.*

одной поисковой партии, которая откопала на островах Селваженш человеческий скелет и медную монету с изображением английского короля Георга III.

Нет сомнения в том, что в 1911 году на остров Селваженш-Гранди высаживали специальный отряд с немецкой канонерской лодки «Пантера» — она была замечена в местных водах британским лайнером. Это было в период международной напряженности, связанной с «Агадирским инцидентом»⁶. Капитан лайнера доложил о «Пантере» своему командованию. Но сделано тогда ничего не было. Однако вскоре после объявления войны, в 1914 году, на Селваженш будто бы для поисков немецкого склада боеприпасов и зарытых пушек был послан адмирал Стоддарт. Никакого военного снаряжения он там не нашел, тем самым подтвердилась догадка о том, что немцы на самом деле искали здесь сокровища.

Рыбаки с Мадейры, которые хорошо знают острова Селваженш, считают, что все награбленное добро с «Эль корсеро» (капитана Кидда) было уже давно обнаружено и увезено браконьерами с Канарских островов. Другие полагают, что приливы за два с лишним столетия размыли берега островов и унесли в океан зарытые богатства.

Мой приятель Коельо имеет собственное мнение на этот счет. Он сказал мне, что слышал о сокровищах Кидда еще от отца, но сам, как я понял, придерживается совершенно иной версии относительно их судьбы.

— Все началось с того, — сказал он, — что стряпчий, живший по соседству с нами, обнаружил в Мадридской библиотеке какой-то список драгоценностей. Долгое время спустя после походов капитана Кидда некий пиратский корабль перехватил судно с драгоценностями, шедшее из Мексики. Все награбленное решили спрятать на самом маленьком из островов. По моим расчетам, это должно было случиться в начале прошлого века. Часть команды зарывала на острове ценности, когда поднялся сильный шторм, который унес корабль в океан. Оставшиеся пираты скорее всего

⁶ Агадирский инцидент возник в 1911 году в связи с прибытием в марокканский город Агадир германского военного корабля, что привело к острым противоречиям между Францией и Германией, пытавшимися с помощью военной силы разделить Марокко. — *Прим. ред.*

погибли от жажды. Корабль разбился у берегов Сахары, а команда была взята в плен арабами. Кто-то из моряков решил записать свои приключения и нарисовал чертеж с указанием местонахождения клада. Его записки в конце концов попали в Мадридскую библиотеку. Мануэль Гонсалес из Фуншала узнал эту историю от стряпчего и отправился на своей яхте к островам Селваженш. Он копал на одном из них. Я видел его канавы и ямы, когда попал туда с отцом вскоре после него. Отец привез с собой шестьдесят испанцев-землекопов, они ковырялись два месяца — и все безрезультатно. На островке — только один ровный берег. Если что-нибудь и спрятано на нем, то скорее всего в песчанике этого берега. Вся остальная территория скалиста, и там трудно найти потайное место. При сильных северных ветрах весь остров омывается волнами. Я придавал большое значение экспедиции, предпринятой на остров после второй мировой войны и оборудованной специальной аппаратурой. Не могу понять, почему она ничего не обнаружила.

Коельо полагал, что самым подходящим местом для сокровищ может служить пещера на восточном склоне острова Селваженш-Гранди в двадцати футах над уровнем моря. Нависшая над ней скала не позволяет обнаружить вход в пещеру, пока не окажешься совсем рядом.

— Эта пещера — настоящий кафедральный собор, и, мне кажется, пираты знали о ней, — замечает Коельо.

Я говорил, что острова Селваженш были необитаемы, и упоминал о том, что Коельо разбогател там. Он брал в аренду все три островка с 1937 по 1942 год и привозил туда на шхуне каждый год группу рабочих, чтобы убивать и засаливать птиц сагарраса⁷, которыми изобиловали эти острова. Эти птицы больше известны как буревестники, мясо которых пользуется большим спросом среди населения Мадейры и близлежащих островов. Шестнадцать человек команды Коельо за один зимний сезон оципали и засолили на острове Селваженш-Гранди двадцать семь тысяч буревестников. Люди жили там месяцами, питаясь хлебом и

⁷ Сагарраса — черно-белая морская птица из семейства морских чаек (или альбатросов) величиной с голубя. — *Прим. пер.*

рыбой, кукурузной кашей и сладким картофелем, а вино пили только по воскресеньям. Они собирали также птичье перо для подушек и матрацев, добывали тонны моллюсков — «блюдечко» для продажи на рынке в Фуншале, разработали карьер с ценным «бутылочным» мрамором, соскребали тоннами гуано на птичьих гнездовищах.

На этом и разбогател Коельо. Зоологи тоже обнаружили там для себя кое-какие богатства, а именно: бесхвостую крысу, маленького черного дикого кролика, который еще Дарвином был ошибочно принят за новый вид, и таких интересных птиц, как средиземноморские буревестники — самые крупные из обитающих в водах Атлантики.

Коельо полагает также, что клад островов Селваженш был выкраден испанскими браконьерами, приплывавшими в здешние воды из Лансароте (Канарские острова). Он даже сам однажды видел их на одном из островов.

— Очень бедные люди — рыбаки, — вспоминал Коельо. — Четверо мужчин выглядели настоящими пиратами, женщины — в одних отрепьях, а дети — их было больше двадцати — совсем голые. Питались они моллюсками, рыбой, маисовой кашей и дикими кроликами. Голодная жизнь, скажу я вам, и уж если где что плохо лежит — ну, это они не прозевают!

В течение нескольких десятилетий XIX в. Тристанда-Кунья был настоящим «складом» сокровищ в золотых монетах и банкнотах на сумму тридцать пять тысяч фунтов стерлингов. Поясню, в чем дело.

В 1864 году, во время Гражданской войны в Америке⁸, бриг «Жаворонок» был преднамеренно посажен капитаном на мель у Тристана, получил пробоину и затонул. Северянин Говард Саммерс, владелец и капитан брига, преследуемый южанами, предпочел потерять корабль, но сохранить ценности.

Г. Саммерс и К. А. Гендерсон, его старший помощник, ухитрились перенести на берег сундук с деньгами так, что команда ничего не знала об этом. Деньги были

⁸ Гражданская война в США (1861—1865) — война между Южными и Северными штатами, явившаяся результатом борьбы двух социальных систем — рабства и наемного труда. — *Прим. ред.*

заработаны честным путем — за несколько торговых рейсов-операций. Сундук спрятали в самой дальней от поселка скальной пещере. Очень скоро вся судовая команда «Жаворонка» была подобрана проходящим мимо острова кораблем. Капитан Саммерс умер, так и не сообщив никому, где зарыт сундук с деньгами: смутное было время.

Гендерсон, старший помощник, остался единственным обладателем тайны; он много лет терпеливо ждал, пока кто-нибудь снарядит ему судно в плавание за оставленными на Тристане деньгами. Такой случай представился в конце прошлого столетия: на шхуне «Скиталец» Гендерсон отправился на остров и вернулся на родину с деньгами.

Это сенсационное путешествие не осталось без внимания вездесущих репортеров. Сразу же явился миру сын Гендерсона и предъявил через суд права на половину вывезенной отцом суммы. Процесс освещался в «Морском журнале» за апрель 1901 года. Саммерс-младший выиграл его и получил 17 500 фунтов.

Самое старое и знаменитое тристанское сокровище — большой медный котел, наполненный золотыми монетами и серебряной посудой, — стало целью серии раскопок, производившихся регулярно через каждые пятьдесят лет. Предполагают, что клад был зарыт на острове Джонатаном Ламбертом из Сайлема (США), первым постоянным поселенцем Тристана. Он приплыл туда охотиться на тюленей и за один только сезон 1811 года добыл тысячу галлонов тюленьего жира. Ламберт убивал котиков в те периоды, когда они сотнями приплывали к берегам острова, кроме того, он продавал свежее мясо китобоям в сезоны охоты на китов (в иные дни среди тристанских островов шныряло до двух десятков вельботов из Нью-Бедфорда⁹). Ламберт, должно быть, заработал много денег, однако утверждать это с полной уверенностью трудно.

Говорят еще, что Ламберт был пиратом и привез с собой на Тристан большие богатства. Однако заявление, которое он сделал миру через «Бостонскую газету» незадолго до своего переселения на Тристан в 1810 году, дает основание полагать, что вряд ли в то

⁹ Нью-Бедфорд — портовый город на Атлантическом побережье США, штат Массачусетс. — *Прим. пер.*

время Ламберт был богатым человеком. «Я намереваюсь поселиться там, где смогу спокойно наслаждаться жизнью, чтобы не испытывать постоянных материальных затруднений, которые преследуют меня всю жизнь, и вне пределов досягаемости всяческой лжи, надувательства и несчастий, сопутствующих человеку в большом мире».

Сейчас это может показаться неправдоподобным, но я впервые услышал о сокровищах Ламберта от человека по имени Уильям Коттон, отец которого — Александр Коттон — служил во флоте под командованием адмирала Нельсона на корабле «Виктория» и участвовал в Трафальгарской битве. Александр Коттон появился на Тристане в 1816 году, когда там находился английский гарнизон, и стал одним из жителей небольшого поселения, основанного капралом королевской артиллерии Уильямом Глассом.

У Ламберта было два товарища — итальянец Томмазо Корри и некий Эндрью Миллет. С появлением англичан Ламберт и Миллет исчезли. Из первых поселенцев остался один Корри, к которому потом присоединился испанец по имени Панчо, беглый матрос. Корри сообщил англичанам, что Ламберт и Миллет отправились на маленькой шлюпке ловить рыбу и не вернулись. Вероятнее всего, предположил он, что они утонули. Однако на острове сложилась другая версия, что Корри убил своих напарников, с тем чтобы завладеть деньгами Ламберта. Панчо не смог пролить свет на эту историю, потому что он появился на острове после исчезновения Ламберта и Миллета.

Уильям Коттон рассказывал мне всю историю так живо, будто происходило это не далее, как вчера. Его отец часто описывал ему войсковую лавку на острове, где белым солдатам, матросам и пятидесяти готтентам гарнизона продавалось вино и капское бренди.

— Корри всякий раз хвастал перед отцом своими деньгами и говорил, что оставит их в наследство тому, кого полюбит в гарнизоне больше всех, — вспоминал Уильям Коттон. — Клад не мог быть спрятан далеко от поселка, ведь он частенько бегал за деньгами, когда они у него кончались. На острове в те времена повсюду рос кустарник. Скрываясь за ним, солдаты не раз пытались выследить Корри, однако никому это так и не удалось. Отец заверял меня, что клад зарыт где-

то в черном песчанике у скалы над Малым Берегом, между двумя водопадами. Я сделал вывод, что место это сравнительно близко от бывшего дома моей сестры Бетти Коттон, то есть от последнего дома на краю поселка, если идти вниз, к берегу.

Сколько же денег было у Ламберта? Этого никто не знает, хотя некоторые островитяне и упоминают о тысячах. Тем не менее туманные намеки, которые, основательно нагрузившись, часто делал Корри, не проходили мимо ушей его собеседников.

— Если я буду тратить по фунту в день всю мою жизнь, то все равно еще много останется! — говаривал он со смехом, угощая солдат гарнизона.

Корри вполне мог быть убийцей. Во всяком случае, за это говорит его расточительство и широкий размах во время выпивок.

Корри умер внезапно от разрыва сердца, не успев раскрыть кому-нибудь свою тайну. Многие искали его деньги, но ни разу лопата или кирка не стукнулась о стенку медного кувшина.

Не так давно совершенно случайно мне в руки попал документ, имеющий отношение к тристанскому сокровищу. Речь идет о личном дневнике гардемарина Уильяма Барнби Грина, плававшего на корабле флота ее величества «Фалмаусе», заходившем на Тристан до появления там английского гарнизона и второй раз — после ухода англичан с острова.

«Кругом казармы, изготовленные к бою батареи, на всех вышках — часовые; остров представляет собой настоящую морскую крепость, — писал Грин. — Но уже через двенадцать месяцев Тристан был брошен на произвол судьбы — в ожидании новых хозяев. Осталось на нем только три человека, да и то на время. Они прослышали о какой-то крупной сумме денег, якобы оставленных неким Корри. Деньги были им накоплены и, по обычаю, где-то спрятаны. Маловероятно, что сумма эта превышает сотню долларов, и еще менее вероятно, что можно их найти».

К сожалению, гардемарин не сообщает, на каких фактах основываются его утверждения. Некоторые островитяне говорят, что Панчо знал о кувшине с деньгами и увез их с собой, когда покидал остров. Есть еще одна версия: клад навеки остался в земле в результате больших оползней на берегах острова.

Одна группа «охотников до сокровищ» даже выкопала в 1821 году скелет Корри. Это были пассажиры злополучного «Бленден Холла», сидевшие на острове в ожидании попутного судна. Корри выразил недовольство тем, что люди нарушают его вечный покой. Островитяне утверждают, что дух его в штормовые ночи посещает их — единственное привидение на этом заброшенном острове за все время его существования.

Уильям Коттон, очевидно, знал больше о сокровище, чем нынешние тристанцы. Он покинул с семьей остров в 70-х годах XIX века, построил себе новый дом в Саймонстауне и жил охотой на китов и рыбной ловлей. Умер он в 1925 году в возрасте восьмидесяти трех лет. Его сын, Джордж, которому недавно исполнилось восемьдесят пять, родился на Тристане и считался в свое время прославленным гарпунером. Тристан одарил обоих самым значительным богатством на земле — отличным здоровьем и долголетием.

Еще юношей Уильям Коттон каждый год плавал на парусной лодке вместе со взрослыми с Тристана на остров Инаксессибл. Все восемнадцать миль пути они молились о том, чтобы море было спокойным. Инаксессибл — тоже остров сокровищ, и Уильям часто вспоминал дни, проведенные на нем в поисках денег и драгоценностей, оставшихся после гибели «Блендена Холла» — судна Ост-Индской компании.

Это было классическое кораблекрушение, известное даже новичкам, начинающим изучать историю моря, хорошо описанное армейским офицером Кригом. Он вынужден был записывать свои впечатления на обрывках старых газет и пользоваться «чернилами» из пингвиной крови; но от этого, по-моему, его описания только выиграли.

«Бленден Холл» неся к острову Инаксессибл в густом тумане и был вышвырнут огромной волной на берег. За исключением двух матросов, все благополучно выбрались на сушу. Команде удалось спасти провиант, паруса и много других полезных вещей с корабля. Несколько мачт с оснасткой до сих пор торчат из песка на северо-западном берегу.

Однако жизнь лагеря потерпевших кораблекрушение скоро стала невыносимой из-за склок, начавшихся между двумя женщинами. Матросы почувствовали себя свободными от дисциплины и, поняв, что никто им,

по-видимому, не будет платить больше денег, опустошали один за другим бочки со спиртными напитками, прибываемые к берегу, и обворовывали пассажиров.

У доктора Макленнона сначала сломали дорожный сундучок, а позже украли его. У Джона Пеппера, служащего Ост-Индской компании, пропали золотые часы, деньги и драгоценности, стоившие сотни фунтов. Потерпевшие с «Бленден Холла» были спасены тристанцами после трехмесячных лишений на острове Инаксессибл. Однако пропавшие драгоценности, деньги и дорогие вещи так и не нашлись. Вероятно, матросы решили, что их будут обыскивать, и сочли за лучшее упрятать свою «добычу» на острове Инаксессибл.

Среди пассажиров оказалась одна женщина. Она на всю жизнь запомнила доброту тристанцев. Ее сын, преподобный Дж. Г. Барроу, был так растроган рассказами о гостеприимстве островитян, что решил поехать на Тристан в качестве миссионера. Через много лет после гибели «Бленден Холла» он приехал туда с женой и прожил на острове три года.

Одна экспедиция за сокровищами на острова Южной Атлантики в самом начале XX века закончилась судебным процессом в Олд Бейли¹⁰. Речь идет о капитане Томасе Керри, отплывшем в Атлантику из Англии на небольшой паровой яхте «Пандора» в 1904 году.

Керри интересовали сокровища любого рода, в том числе и «белое золото» — гуано (о котором я уже упоминал), имевшееся на островах Тристан-да-Кунья и на острове Гоф¹¹. Он получил разрешение британских властей добывать гуано при условии, что будет бесплатно перевозить почту и необходимые товары на Тристан. В газетах объявили дату отплытия «Пандоры». На судно полилась целая лавина библий, газет, книг и других подарков — в основном продукты и одежда — для островитян. Это нужно было видеть

¹⁰ Олд Бейли — в прошлом уголовный суд в Лондоне — *Прим. пер.*

¹¹ Остров Гоф расположен восточнее архипелага островов Тристан-да-Кунья. — *Прим. ред.*

своими глазами! Тристанцы имеют уже такое количество библий и другой религиозной литературы, что им хватит ее на века. «Доброжелатели» посылали любую печатную продукцию, все, что им попадалось под руки, даже совершенно неудобочитаемую литературу, в твердой уверенности о невыразимой тоске аборигенов по печатному слову. Я собственными глазами видел груды каталогов, рекламирующих эскалаторы и другие нововведения цивилизации, совершенно неизвестные на Тристане.

Капитан Керри довольно быстро установил, что трюм и все палубы его судна так загромождены «печатным словом», что «Пандору» нельзя будет вывести из порта. Даже ванные и душевые кабины были завалены книгами. Еще не расставшись с Темзой, он приказал выбросить добрую часть макулатуры за борт; оставили лишь упаковочную бумагу, которая пригодилась для борьбы с клопами.

Первым портом назначения был Лас-Пальмас, где на судно сели еще два молодых пассажира — Рональд Маккен и Уолтер Лоис, совершавших оздоровительную морскую прогулку. Когда «Пандора» достигла Тристана, молодые люди сошли на берег и остались там, пока судно совершало маленький круиз на острова Инаксессибл и Найтингейл по каким-то своим таинственным делам. Когда «Пандора» вернулась к Тристану, капитан Керри обнаружил, что Маккен исчез. Как потом выяснилось, Рональд, отправившись без провожатого погулять по обрывистому берегу острова, сорвался и разбился насмерть. Лоис сначала сопровождал его и чуть было не разделил судьбу товарища. Он отделался только легкими ушибами, провалившись в неглубокое ущелье. Когда Лоис пришел в сознание, то увидел вокруг множество крыс; он стал кричать, и только благодаря этому юношу нашли и спасли отправившиеся на поиски островитяне. Они принесли в поселок также тело Маккена, похоронив его на местном кладбище.

«Пандора» посетила еще остров Гоф, лежащий в двухстах тридцати милях восточнее Тристанских островов, прежде чем повернула окончательно на север, в сторону Америки. Я позднее расскажу об этом далеком острове, а сейчас упомяну только, что визиты «Пандоры» на южноатлантические островки в открытом

океане оказались напрасными и никаких богатств ее капитану не принесли.

На обратном пути в Англию у Керри были неприятности с командой; одного матроса пришлось заковать в кандалы и отдать под суд по прибытии на родину. Весь экипаж был возмущен, и, когда с командой произвели расчет, в порту поползли слухи о том, что капитан Керри якобы присваивал себе подарки, предназначенные островитянам, и продавал их в разных портах. Отовсюду вылезли с претензиями «дарители», пославшие на «Пандору» библин и книги. Капитану было предъявлено обвинение в грабеже, и дело, как я уже говорил, передали в Олд Бейли. Однако у Керри появилось серьезное алиби: Уолтер Лоис засвидетельствовал суду, что он лично наблюдал и фотографировал выгрузку подарков на Тристане. Суд прекратил дело, особо отметив, что для капитана груз явился непредвиденным и несправедливо требовать, чтобы он вез полторы тысячи книг в маленькую общину, состоявшую из неграмотных людей.

Двумя годами позже, невзирая на «результаты» вояжа «Пандоры», в Южную Атлантику за сокровищами отправилась еще одна экспедиция. Для этой цели был выбран двадцатитонный дуврский смэк¹² «Незабудка». Капитан Пирсон, командир корабля, был старым морским волком, но его попутчики — два брата и их приятель — никогда до этого в море не выходили.

Они нагрузили свой смэк провизией на три месяца, оставив всего три фунта наличных денег. Тем не менее Пирсон нанял еще повара-метиса на островах Зеленого Мыса, рассчитывая уплатить ему жалованье из тех сокровищ, которые они добудут на Тристанских островах.

Искатели приключений попытались высадиться на острове Гринидад¹³. Алчные мечты о драгоценностях заметно померкли, когда команда «Незабудки» увидела гигантские волны прибоя, не позволившие им сойти на берег.

Остров Инаксессибл был их следующей якорной

¹² Смэк — одномачтовое рыболовное судно. — *Прим. пер.*

¹³ Остров Тринидад (Trinidad — исп. «троица») — расположен в Атлантическом океане у северо-восточных берегов Южной Америки. Свое название получил из-за трех горных вершин, видных издалека. — *Прим. ред.*

стоянкой. Однако и там они не нашли ни сокровищ с «Бленден Холла», ни гуано, на которое тоже рассчитывали. Три овцы и одна собака — вот все, чем встретили их тристанцы. К этому времени припасы на «Незабудке» настолько истощились, что путешественники очень обрадовались свежей баранине. Остров Найтингейл тоже не смог предоставить им ничего ценного, кроме птичьих яиц. Когда смэк подплывал к Тристану, запасы кончились. К счастью, на острове обитал в то время некий благородный человек по имени Каспар Киитл, стремившийся торговать с Кейптауном овцами и скотом. Киитл снабдил изголодавшихся людей бараниной, рыбой, сладким картофелем и молоком, с тем чтобы они продали все это в Кейптауне. Отдохнув восемнадцать дней на Тристане, Пирсон и его спутники отправились на остров Гоф, искали там гуано,ловили свежую рыбку и отбыли в Столовую бухту.

На рождество 1908 года «Незабудка» прибыла туда с тристанской почтой, проделав уже за те семь месяцев, что вышла из Англии, путь в десять тысяч миль. Трюм смэка был практически пуст, не считая нескольких фунтов муки, чая и четырех галлонов протухшей воды. Охота за сокровищами окончилась печально. Капитан Пирсон продал в Кейптауне «Незабудку», и она на многие годы превратилась во вспомогательное судно для доставки на берег рыбы.

Тех, кто еще не оставил мечты обогатиться за счет нового гуано на Тристанских островах, я отсылаю к отчетам доктора Г. Вильберта Дугласа, геолога, плававшего на «Поиске» и бравшего на Тристане пробы, и мистера Дж. О. Роуэтта, бизнесмена, который субсидировал Шэклтона. Они провели анализы гуано, скопившегося там за последнее время, и считают, что нитраты отсутствуют в нем начисто. Таким образом, птичий помет уже не представляет собой сейчас ценности для промысла. Однако правда о реальных возможностях островов сокровищ не останавливает все новых и новых искателей приключений.

Гоф, этот прелестный одинокий остров, лежащий в стороне от группы островов Тристан-да-Кунья, был когда-то объектом охоты за алмазами, охоты фантастической, которая стоила одной человеческой жизни и тысяч фунтов стерлингов. Авантюризм до сих пор живет в крови человека и самых инертных людей часто преобразует до неузнаваемости, делая их алчными и предприимчивыми.

Долгое время я собирал сведения об острове Гоф и людях, которые волею судьбы попали туда в поисках нового Кимберли — не куда-нибудь на материк, а в самую середину океана. Все началось в Кейптауне, вскоре после первой мировой войны, с того момента, когда капитан торгового флота Персиваль «явился миру» с кيسетом, наполненным типичными сопутствующими речным россыпям алмазов минералами — гранатами и лунными камнями, карбонатами и агатами, «кошачьими глазами»¹ и оливинами. В кисете было завернуто также несколько крохотных, но подлинных алмазов. Персиваль разложил все эти камни перед мистером А. С. Гарденом (по прозвищу «Рыжий»), главным директором южноафриканской китобойной и граулерной фирмы «Ирвин и Джонсон К⁰».

— Я хочу, чтобы вы направили экспедицию туда, где найдены эти камни, — предложил Гардену капитан Персиваль.

«Рыжий», шотландец по происхождению, был весьма уравновешенным дельцом, хотя иногда и отваживался на такие рискованные операции, польза от которых казалась понятной только ему одному. Гарден терпеливо выслушал Персиваля, а потом ответил, что разбирается лучше в рыбе, чем в алмазах.

— Я твердо убежден, что эти алмазы с острова Гоф, — заявил Персиваль. — И пришел к вам потому, что ваши суда проходят мимо этого острова на пути в Южную Георгию. Не так уж трудно высадить на Гофе несколько человек и подобрать их на обратном

¹ Самоцветный кварц, светящийся подобно кошачьим глазам. — *Прим. пер.*

пути. Это будет кое-чего стоить, конечно, но я настолько уверен в алмазах, что вкладываю в долю тысячу фунтов собственных денег.

Даже такой закоренелый скептик, как «Рыжий» Гарден, был поражен этим предложением. Однако для начала он послал все принесенные минералы специалисту-геологу и получил ответ. Специалист назвал камни типичным алмазонасным «промывным песком», подобным тому, какой встречается на аллювиальных приисках вблизи Кимберли. В обстановке большой секретности Гарден подписал контракт с Персивалем.

Старый трамп² Гардена «Вудвилл» вышел с грузом из Кейптауна на китобойную станцию острова Южная Георгия в мае того же, 1919 года. Было условлено, что трамп оставит экспедицию на острове Гоф и подберет ее через два месяца, когда пойдет с китовым жиром обратно в Кейптаун. Персиваль набрал команду из шестнадцати человек, имеющих опыт добычи алмазов, во главе с неким Дж. Г. Фентоном. От фирмы «Беркли» был приглашен старатель по имени Франсуа Ксавье Ксиглер. Среди одиннадцати местных рабочих были один бушмен и один зулус. Все они когда-то работали на приисках.

Незадолго до отплытия экспедиции в ее состав включили двух поселившихся в Кейптауне тристанцев: Вилли Свейна, плотника лет тридцати, не боявшегося ничего на свете, кроме мышей, и Джеймса Хагэна, старика, уже побывавшего на Гофе в качестве охотника на морских котиков.

Под конец предусмотрительный «Рыжий» Гарден решил пополнить экспедицию одним из своих сыновей, который должен был исполнять обязанности «официального наблюдателя». Кто знает, что может случиться с этой алмазной экспедицией, иметь в ее составе своего человека никогда не помешает. Многому из того, что мне удалось узнать о путешествии за алмазами, я обязан искателю приключений Родерику Гардену, которому в то время исполнилось тридцать лет. Гардену было уже за пятьдесят, когда он представил мне на некоторое время свой дневник и фотографии и рассказал, как было дело. Но даже этот

² Трамп — грузовое судно для перевозки товара в любом направлении, в отличие от лайнера, который совершает рейсы по определенному маршруту. — Прим. пер.

«официальный наблюдатель» не знал «главного героя всей драмы».

Прежде чем продолжить свой рассказ об острове Гоф, я хочу обратить ваше внимание на подоплеку этой странной истории, о которой до сих пор только упоминалось, но ни разу не рассказывалось более или менее подробно. Остров Гоф был открыт в начале XVI века португальскими мореплавателями. Фамилия навигатора, нанесшего впервые на карту этот зеленый клочок новой земли, была забыта. В XVII веке капитану Гофу, командиру британского корабля «Ричмонд», шедшему как-то своим курсом в южных водах, показалось, что он видит остров примерно в четырехстах милях к востоку от острова, отмеченного португальцами. Вероятнее всего, капитан Гоф видел облако или айсберг и записал его в судовой журнал как остров. Да и вряд ли Гоф вообще видел когда-нибудь кусочек суши, названный впоследствии его именем.

Американские охотники на тюленей неоднократно посещали Гоф в XVIII и XIX веках, но эти суровые и замкнутые моряки предпочитали помалкивать о своих охотничьих угодьях, опасаясь соперничества. Первое подробное сообщение об острове Гоф было сделано капитаном британского военно-морского флота Питером Хейвудом, который посетил его на «Нерее» в 1811 году. В своем дневнике Хейвуд пишет: «Остров представляет собой сплошные высокие скалы, подымающиеся почти отвесно из моря, по изломам которых каскадами спадает несколько красивых водопадов».

Хейвуд знал, что на острове есть американские промысловики-тюленщики. «Они немало обрадовались, когда я сказал, что сюда со дня на день прибудет корабль, который заберет их с острова,— писал он.— Впрочем, они вовсе не голодали и даже не испытывали недостатка в пище, так как ловили в скалах разных птиц, зажигая по ночам огонь, на который те летели в таком несметном количестве, что можно было их бить палками».

Нет сомнения, что эти промысловики по своему невежеству питались редчайшими в мире экземплярами птичьей флоры. Гоф — остров редкостей, о чем я расскажу ниже.

Остров Гоф оставался необитаемым целыми десятилетиями. Тюлений промысел был там не таким удач-

ным, как на островах, расположенных южнее, ближе к Антарктиде. В конце XIX века американское промысловое судно «Фрэнсис Аллин» высадило там группу охотников, среди которых оказался Джордж Камер, второй помощник, человек интеллигентный, немножко натуралист. Он дал первое достоверное описание острова, его птиц и жизни промысловиков. По его словам, охотники в основном питались яйцами пингвинов, попомя свое меню картофелем, который посадили поселенцы, ранее их побывавшие на острове, мясом убитых тюленей и морских слонов.

Группа промысловиков, с которыми охотился Камер, построила себе хижину на северном берегу острова. Однажды в октябре во время бурана охотники поздним вечером возвращались на свою стоянку. Один из них, Хосе Гомес, отстал от товарищей... На следующий день его нашли замерзшим. В течение многих лет единственное, что оставалось от пребывания человека на пустынном острове, это — мемориальная деревянная доска с надписью:

«Хосе Гомес, погиб в снегу».

В составе команды «Фрэнсиса Аллина» был молодой тристанец Роберт Франклин Гласс. Мне довелось познакомиться с ним довольно близко, ибо я жил в его доме во время своих посещений острова Гоф. Во второй раз он встретил меня шутливыми словами:

— Входите, мистер Грин, ваши постоянные апартаменты ждут вас!

Я хочу, чтобы вы запомнили имя Гласса, ибо вам еще придется встретиться с ним как с важным действующим лицом этой истории.

Последняя промысловая экспедиция на остров была высажена лет семьдесят назад со шхуны «Дикая Роза» (Кейптаун). Удачи у охотников было мало, и их попытки вываривать пингвиний жир оказались безуспешными. Когда шхуна вернулась за промысловиками, они так обрадовались, что перепились и сожгли свои хижины.

Мореплаватели посещали остров Гоф и в начале XX века и всегда благополучно возвращались обратно вплоть до 31 мая 1919 года, когда сюда прибыла первая экспедиция искателей алмазов. Вот как рассказывает об этом Родерик Гарден:

— Мы не рассчитывали добраться до острова Гоф живыми. Старый «Вудвилл», трамп водоизмещением в три тысячи тонн, был списан незадолго до конца войны и оставлен в числе действующих на плаву только потому, что не хватало исправных судов. Вскоре после выхода из Кейптауна мы попали в шторм, и капитан Гудвин с минуты на минуту ждал самого худшего... Огромные волны с Атлантики шли сплошной стеной. В какой-то момент, когда корабль закрутился на месте, спасательные шлюпки разбились о шлюпбалки. Неделю мы почти ничего не ели.

Вот так, содрогаясь под напором волн, «Вудвиллу» пришлось за две недели покрыть расстояние в полторы тысячи миль от Кейптауна до острова Гоф. Остров этот поразил Родерика. Он не представлял себе, что Гоф окажется таким большим и длинным — восемь миль в длину и четыре в ширину, — поднимающимся над уровнем моря почти на три тысячи футов. Некоторые береговые скалы возвышались на полторы тысячи футов. Остроконечные вершины и причудливые скальные образования маячили над каменными бухтами и избитыми прибоем берегами. Это был зеленый остров, не тронутый ни человеком, ни крысами, ни овцами, которые опустошили Тристан. Горы покрыты снегом, но льда на Гофе никогда не бывает. Для тех, кого одиночество не тяготит, идеальнее прибежища и придумать нельзя. В этом смысле оно даже лучше, чем Тристан-да-Кунья.

Самое интересное на острове — узкая горная долина на восточном берегу. Это единственное подходящее место для высадки и единственное понижение рельефа, откуда сравнительно легко можно проникнуть внутрь острова. На склонах долины растут папоротники и отдельные деревья, дернины трав; есть здесь пещера и горная речка. Выше вас ждут первобытный лес и таинственная каменная вершина, известная под названием Кабаний Клык.

Родерик поплыл к берегу на первой лодке, рулевым на которой был Хагэн. Волны швырнули ее на береговые камни. Если бы не герметически запаянные баки, державшие лодку на плаву, люди вообще не смогли бы вернуться на корабль. Один Родерик предпочел остаться на острове и забрался на ночь в пещеру, на стенах которой оставили свои имена многие



...Новоявленные островитяне построили себе «коттедж» из камней, крытый пучками травы

предыдущие искатели приключений. Родерик сказал мне, что видел надпись, нацарапанную известным исследователем Антарктиды Скоттом³. Но мне кажется, он спутал его экспедицию с шотландской Scotia, которая останавливалась на Гофе в 1904 году и пробыла там три дня. В пещере было столько крыс, что Родерик попросил прислать ему на берег кошку. Объезжая кошка вернулась на корабль. Слава богу, что никто не додумался оставить на острове кота и кошку, ибо их потомки «навели бы порядок» в этом птичьем раю.

Участники экспедиции не взяли с собой ни овец, ни кур, поскольку «Вудвилл» восемь дней стоял на рейде и посылал на остров продукты и необходимое снаряжение всякий раз, когда море было относительно спокойным. Из животных Родерик взял с собой только бульдога, который сопровождал его повсюду. Судно, как я уже говорил, должно было вернуться к острову через два месяца, но запаса еды экспедиции оставили

³ Имеется в виду Роберт Фолкон Скотт (1868—1912), английский полярный исследователь, достигший Южного полюса.—
Прим. пер.

на полгода. У них были солонина и свинина в бочонках, сухари и мясные консервы.

— Мне на всю жизнь запомнился сушеный картофель,— говорил Родерик,— тоненькие желтые ломтики, которые раздувались, когда их варили, и имели при этом отвратительный привкус.

Целую неделю Родерик и его спутники спали в пещере.

— Нас чуть не выдуло ветром в первую ночь, и пришлось «пришвартовываться» стальным тросом,— продолжал свой рассказ Родерик.

Затем новоявленные островитяне построили себе «коттедж» из камней, крытый пучками травы на тристанский манер, и назвали его Бостонской виллой. Очаг в нем был сработан на славу, и большую часть пойманной рыбы коптили на этой «вилле». Одиннадцать цветных матросов перебрались жить в пещеру. Теперь экспедиция была готова приступить к поискам алмазов.

— Одноглазый и однорукий Фентон, самый старший из нас, стал нашим начальником. Фентон,— вспоминал Родерик,— был очень суеверен и верил в спиритизм. Как-то раз Фентон услышал таинственный стук в дверь нашего «коттеджа» вскоре после отплытия «Вудвилла». Стук этот, по его мнению, был не случаен: теперь обязательно что-то должно случиться с судном. Потом в дверь стучали еще несколько раз, что в какой-то степени подтверждало его пророчества. Фентон изучал христианское учение и, когда у меня заболел зуб, объяснил мне, что боль существует только в моем воображении. Хорошо еще, что я умудрился достать немножко бренди, которое мне помогло.

Ксиглер, старатель-изыскатель, был сильным добродушным мужчиной. Он научил меня стрелять и часто доверял мне свою винтовку, когда я отправлялся на охоту.

Оба бывших тристанца оказались тоже славными парнями и сообщали нам по мере необходимости местные названия птиц и рыб. Рабочие экспедиции до плавания на «Вудвилле» не видели моря. Как-то раз я взял их на рыбалку, и, когда вытащил лангуста из воды, один так перепугался, что с диким криком выпрыгнул за борт.

Таков был личный состав экспедиции на остров

Гоф. Капитан Гудвин снабдил ее морской картой. Крестом был отмечен район на северном берегу острова. Если верить капитану Персивалю, алмазы и сопутствующие им минералы были найдены в двух местах: в Долинке, где мы жили, и в пункте на северном берегу, условно называемом «Пекарная Печь». Пекарная Печь — пещера с квадратным устьем — действительно походила на печь. Горная речка, как предполагалось, должна была нести алмазоносный песок вниз. Капитан Персиваль утверждал также, что алмазоносные образования на острове в обоих местах были замечены после обвалов и что это была типичная «голубая глина» с углеродистыми вкраплениями.

Фентон был все время настроен оптимистически, — продолжал Родерик. — Ксиглер, человек более практичный, не находил ничего, что подтверждало бы наличие алмазов в Долинке. Прошло два месяца, прежде чем появилось солнце и море стало настолько спокойным, чтобы мы смогли объехать вокруг острова на нашей лодке. Горной речки в отмеченном на карте месте не оказалось. Тогда Ксиглер заявил, что шансы найти алмазы на Гофе весьма ничтожны.

Все это время рабочие рыли канавы в Долинке, пропускали породу через промывочную машину и бурлили скалу, которая могла оказаться одной из тех, где, по мнению капитана Персиваля, случился горный обвал. Было обследовано большое число пещер, но безрезультатно — нигде никаких признаков алмазов.

Юный Родерик Гарден оказался, как видно, самым удачливым членом экспедиции — рыбалка была восхитительной. Особенно понравилась разновидность океанской флоры, которую тристанцы называли «голубой рыбой». Попав на крючок, эта рыба так сопротивлялась, что часто рвала леску. Подстраховываясь веревкой, Родерик лазил по скалам и собирал яйца малимака. Пингвины в том году появились на острове поздно, но они запрудили всю Долинку, и яйца можно было собирать сотнями. Юноша охотился также на морских слонов. Иногда он исчезал часов на пять — бродил по плато в поисках гнездовий блуждающего альбатроса⁴. Много молодых «гони», как называют их

⁴ Блуждающий альбатрос (*Diomedea exulans*) — большой альбатрос, с белым оперением и черными отметинами в верхней части тела, обитающий в южных водах. — *Прим. пер.*

тристанцы, пошли в котел. Родерик собирал дикий сельдерей в Долинке. Иногда ловил водяных пастушков — это уже был деликатес. «Их было очень трудно ловить в подлеске», — вспоминал он.

Путешествуя вокруг острова во время отлива, участники экспедиции находили на берегу останки потерпевших кораблекрушение судов — мачты, рангоуты, люковые решетки и т. п. Официально же сообщалось только об одном кораблекрушении у острова Гоф — гибели парусника «Филена Винслоу» (Портленд, штат Мэн, США), шедшего мимо острова в 1878 году с грузом угля. Команду парусника спасло проходящее судно, после чего она была высажена на Тристан. Родерик Гарден и его спутники не сомневались в том, что остров видел конец не одного пропавшего без вести судна.

— Если корабль идет сквозь туман на полной скорости и разбивается о скалы западного берега — там они очень круты и глубоко уходят под воду, — то никому не спастись, — говорил мне Родерик. — Я думаю, что такая участь постигла и «Копенгаген».

Шли месяцы. Люди на Гофе стали беспокоиться: что могло случиться с «Вудвиллом»? Ни один корабль не показывался на горизонте. Иногда виднелся движущийся по морю мимо Долинки огонек, но это скорее всего был мираж. Однажды загорелась хижина тристанцев. Один рабочий умер, задохнувшись. Все члены экспедиции собрались вокруг полузатопленной водой могилы, и Фентон совершил заупокойную службу.

Вышел табак. Отъявленные курильщики стали рыскать по острову в поисках каких-нибудь подходящих листьев. Юный Родерик, который припрятал несколько пачек табака, выдавал его скупыми порциями в особых случаях.

Искатели алмазов тщетно высматривали в море памятный корпус «Вудвилла». Допивали последний чай; в кофе, правда, недостатка не было. У рабочих в изобилии была кукурузная мука, кроме того, они варили из сахара самогон.

Хлеба не было. Его вообще не ели на острове. Предпочитали корабельные сухари и немного хорошего австралийского масла, хранившегося в герметически закупоренных жестяных коробках. Оставалась неиспользованной мука — просто потому, что хлеб печь не умели.

Никто не подумал взять с собой какую-нибудь настольную игру, чтобы убить время, и Родерик смастерил шашечную доску. Книг было мало.

Рабочие еще долгое время после того, как все надежды найти алмазы пошли прахом, продолжали рыть землю и промывать породу. Вероятно, они опасались сойти с ума от безделья. По-видимому, только из-за скуки алмазная экспедиция оставила по себе ту «память», которая так озадачила командира «Поиска» Фрэнка Уайлда и последующих посетителей острова Гоф. Ксиглер нашел большую сланцевую плиту двухдюймовой толщины и «выгравировал» на ней свои инициалы. Остальные последовали его примеру. Потом плиту поставили в пещеру, оставаясь в приятном неведении относительно того, что ее обнаружат последующие поколения путешественников, скопируют все, на ней начертанное, а газеты мира облетит сенсационное открытие, именуемое «Загадкой острова Гоф».

Даже юный Родерик, этот выносливый и полный энтузиазма Робинзон Крузо, был обрадован появлению на горизонте «Вудвилла». 3 октября он бросил якорь у берега вблизи Долинки. Экспедиция провела четыре месяца на острове — вдвое больше намеченного срока. Люди почти забыли об алмазах. Когда капитан Гудвин сошел на берег, все столпились вокруг, желая узнать причины задержки судна.

— На корабле начался пожар, как только мы отплыли от острова. Пришлось ждать, пока морские волны не потушат его, — объяснял капитан. — Потом, уже южнее, напоролись на айсберг. В общем, плохой сезон. Бочки с жиром вмерзли в землю на китобойной станции, и пришлось с помощью пара вывозить груз из плена.

Фентон понимающе кивал головой:

— Помните таинственный стук в дверь? Я говорил вам: что-то неладное с «Вудвиллом»...

— Ну, а как у вас с алмазами? — беспокойно прервал его капитан Гудвин. — Повезло?

Он едва поверил, когда услышал правду. После нескольких слов в свое оправдание Фентон протянул Гудвину карту, которую получил от него перед высадкой, и показал отмеченное крестом место на северном берегу, где должна была быть горная речка и где ее на самом деле не оказалось.

— Вы искали не в том месте! — сердито воскликнул капитан. — Четыре месяца — и все впустую. Кто за это будет отвечать?!

Гудвин и Фентон поднялись на борт «Вудвилла» и сверили карты.

— Я совершенно уверен, что произошла какая-то дьявольская ошибка, — говорил мне потом Родерик Гарден. — Гудвин имел подлинную карту с пометками капитана Персиваля в том месте, где значилась Пекарная Печь. У Фентона была идентичная карта, но крест почему-то стоял в другом месте. Представляете, какая сцена разыгралась на борту «Вудвилла» в тот день!

Было решено оставить Долинку и попытаться счастья у Пекарной Печи. Когда экспедиция перебиралась на корабль, Гудвин спросил у Фентона, не сохранился ли у них бочонок уксуса, который он по ошибке прислал им после высадки. Уксус будто бы предназначался для Южной Георгии, а на деле в бочонке было бренди, но с другой этикеткой — дабы не вводить в искушение команду. Казалось, за четыре месяца никто не додумался проверить бочонок. Однако когда Гудвин перевернул его, то обнаружил просверленное отверстие. Кто-то все-таки учуял содержимое и, по-видимому, еще на корабле тайком попользовался им.

«Вудвилл» обогнул остров и бросил якорь у Пекарной Печи, где Гудвин вместе со старателями сошел на берег. Долго задерживаться было нельзя: корабль стоял под парами, и могло не хватить угля до Кейптауна. Этот краткий визит к Печи ничего не дал, но капитан Гудвин не успокоился. У всех было ощущение, что поиски алмазов у Пекарной Печи должны быть успешными. Однако не оставалось ничего другого, как возвращаться.

«Рыжий» Гарден встретил своего сына на пристани. Он ничего не знал о результатах экспедиции, так как рация на «Вудвилле» действовала только в радиусе ста миль.

— Мир подписан, генерал Бота⁵ умер, и масло подскочило на пять шиллингов за фунт, — известил он прибывших.

⁵ Бота, Лус (1862—1919) — генерал, южноафриканский государственный деятель, первый премьер-министр Южно-Африканского Союза (1910—1919). — *Прим. пер.*

Родерик получил свое жалованье «наблюдателя» — из расчета один фунт в месяц. Потом отец послал его учиться в Шотландию. Загадка острова Гоф осталась ждать своего разрешения.

Решено было (все еще под большим секретом), что капитан Гудвин отправится на остров Гоф на паровом китобое «Трулс» и будет искать там алмазы до тех пор, пока не удастся доказать их наличие или отсутствие у Пекарной Печи. Гудвин оставил Кейптаун 12 января 1920 года и провел на Гофе четырнадцать дней. Он говорил мне много лет спустя, что в те дни не находил себе покоя по двум причинам: отсутствия алмазов на острове и недостатка угля на судне. Со второй бедой команда кое-как справилась: матросы убивали морских слонов и заправляли топки китобоя ворванью. В конце концов Гудвин решил встретиться с человеком, который первым сообщил об алмазах на Гофе.

Этим человеком был Роберт Франклин Гласс, которого я уже представлял вам и который принимал меня во время визитов на Тристан. Чтобы как-то понять возникшую ситуацию с гофскими алмазами, я хочу поближе познакомить вас с моим приятелем Глассом, авантюристом по натуре. Я не имел права ничего говорить о нем в связи с этой историей до тех пор, пока в 1943 году он не умер в возрасте семидесяти лет, не таким уж старым по тристанским понятиям.

Гласс, когда я с ним встретился, был высоким, жилистым человеком, уже повидавшим мир, служил он на шхуне «Фрэнсис Аллин» (на которой и попал на Гоф), на барке «Ласточка» (Бостон) и на кейптаунской каботажной шхуне «Лилла». Работал в Англии и в США, носил медали за службу в разведотрядах Китченера⁶. В общем, был не простым островитянином, а личностью, можно сказать, мирового масштаба. После англо-бурской войны он вернулся на Тристан, чтобы оправиться там от овладевшего им тяжелого депрессивного состояния. На острове Гласс вырастил большую семью — шестерых сыновей и двоих дочерей, что уже не давало ему возможности вновь пуститься в глобальные авантюры.

⁶ Китченер, Гораций Герберт (1850—1916) — английский государственный деятель и фельдмаршал; командовал английскими войсками во время англо-бурской войны.— *Прим. пер.*

В эти первые, самые трудные годы жизни на острове после своего возвращения Гласс жил только теми немногими днями, когда на Тристан заходило какое-нибудь судно и можно было приветствовать его традиционным возгласом: «Корабль на горизонте!» Среди таких судов, посетивших остров за время первой мировой войны, было и то, которым командовал капитан Персиваль.

Гласс вел в свое время поиски алмазов на речных приисках близ Кимберли, в Южной Африке. Он привез оттуда образцы алмазоносного песка и несколько пустячных алмазов. Дальновидный Гласс показал все это капитану Персивалю и дал ему понять, что богатые залежи драгоценных камней ждут своего часа на острове Гоф — в Долинке и в Пекарной Печи. Несомненно, Гласс хотел заполучить грузовое судно для доставки на Тристан дефицитных бакалейных товаров. Это дало бы ему также возможность поменять лишний скот на лесоматериалы и парусину.

Персиваль плавал мимо Гофа, но никогда не бывал там. Он передал образцы «Рыжему» Гардену и положил таким образом начало алмазной лихорадке.

Итак, Гудвин направился на Тристан, чтобы переговорить с Глассом. Роберт отстаивал свою версию до конца. Он сплавал с Гудвином на «Трулсе» на Гоф и даже помог взорвать пещеру в Пекарной Печи. Но когда разворотили всю эту Печь, не обнаружили и следа алмазов или сопутствующих им минералов. И все же Гласс продолжал утверждать, что его образцы взяты именно там.

Итак, капитану Гудвину пришлось отправляться восвояси. Он вернулся на Тристан, одарил островитян чаем, мукой и другими необходимыми продуктами. А команда, сойдя на берег, стала менять свою одежду на циновки из пингвиньих перьев и другие тристанские редкости... Уходя в Кейптаун, «Трулс» забрал с собой еще и скопившуюся почту. Я думаю, что после этой экспедиции Гласс остался в полной уверенности, что алмазы «сыграли» свою роль во всей этой истории.

Позволю себе кое-что добавить в целях предостережения искателям приключений. Геологи, посещавшие остров Гоф в последние годы, установили, что на острове нет геологических структур, содержащих в

себе хотя бы отдаленные признаки, напоминающие о наличии там алмазов.

Родерик Гарден никогда не жалел о своем юношеском увлечении «погоней за несбыточным». Сделанные им старые фотоснимки до сих пор волнуют его воображение, напоминают места, где он месяцами бродил со своим бульдогом; он до сих пор отчетливо слышит рев морских слонов в ночи, свист крыльев буревестника и звуки «чак-чак» водяного пастушка.

— Самым таинственным реликтом из всех, что я видел на Гофе,— говаривал он,— были отпечатки ног предшествующих посетителей острова: мох изменил свой цвет, постарел и завял, а отпечатки остались. Это было непостижимо, даже страшновато...

Настоящее богатство острова Гоф состоит в уникальных представителях животного и растительного мира. Только там да еще на нескольких далеких и малодоступных островках вы найдете лежбища морского котика, известного в науке под названием *Arctocephalus gazella*. Только на острове Гоф есть одна-единственная рощица уникальной софоры, мистического дерева-цветка⁷, родичи которого растут в далекой Новой Зеландии. Только в речных кустарниках острова обитает маленький глянцевито-черный водяной пастушок с красным гребешком и малюсенькими, бесполезными крылышками; он всегда суетлив и свистит от испуга. Только здесь вы увидите бесстрашную зеленую овсянку, которая может прыгнуть вам на плечо. Эти сокровища неоценимы и не идут ни в какое сравнение с алмазами.

У Роберта Гласса имелось еще немного алмазонасного песка, когда я в 1923 году заехал к нему на пару дней. Он достал какой-то мешочек, когда мы вечером остались одни, и таинственно прошептал:

— Мистер Грин, я побывал на острове Инаксессибл и нашел там алмазы. Думаю, что кто-нибудь заинтересуется в Кейптауне и снарядит сюда пароходик. Я мог бы показать место...

⁷ У софоры на ранней стадии развития молодые ветви переплетаются, как лианы, а очень маленькие листочки не опадают годами. У взрослого дерева стебель и ветви распрямляются, листья становятся длиннее, и дерево сбрасывает их первые два года перед началом цветения.— *Прим. ред.*

Но в то время я уже знал немного Гласса и был наслышан об «алмазной истории». Жаль только, что «Рыжего» Гардена не было со мной в тот вечер!..

Глава седьмая

ОБЛОМОК ПОСРЕДИ ОКЕАНА

Теперь перейдем к другому одинокому острову, о котором я слышал еще с детства. Это высокий хребет с тремя пиками и клубящимся над ними туманом. Три пика, где до сих пор растут папоротники, камедные¹ и капустные деревья². Когда-то весь остров был покрыт лесами. Множество деревьев и растений, которых не найти нигде больше во всем мире; они пережили и людей и их коз. Я выбрал именно это место, чтобы не только обозреть остров и океанские дали, но и подумывать о своей жизни.

Первозданная природа делает остров более унылым, чем он есть на самом деле. Причудливый ландшафт, пропасти, базальтовые иглы и вулканические трещины создают впечатление некоторой неуверенности и ненадежности. Океан пуст, ибо вблизи не видно земли. Как здесь ориентироваться? Это, наверно, самый древний кусок земли в мире. Он приводил в восторг Дарвина³, то есть не сам остров, а его причудливые растения, невиданные насекомые и окаменелые ископаемые, которые служили ученому звеном в цепи эволюций живых существ. Речь идет об острове Святой Елены, осколке земли, оставшемся в середине океана

¹ Камедное дерево выделяет из надрезов коры камедь — густой сок, применяемый в медицине. Наиболее известное камедное дерево — акация сенегальская (*Acacia Senegal*), дающая камедь желтоватого цвета.— *Прим. ред.*

² Капустное дерево (*Cordyline australis*), или драцена южная, растет в Новой Зеландии на открытых влажных равнинах. Часто используется как декоративное дерево. Фибра из листьев идет на приготовление щеток. По внешнему виду несколько напоминает ветвящуюся пальму.— *Прим. ред.*

³ Остров Святой Елены Чарльз Дарвин посетил в июле 1836 г., возвращаясь в Англию после кругосветного путешествия на корабле «Бигль». — *Прим. ред.*

после древнего катаклизма. «Нет более интересного места на земле для натуралиста», — писал о нем много лет назад естествоиспытатель Меллис.

Огни светились у кромки воды на всем берегу от бухты Просперис до бухты Долины Лимонов, пока судно, на котором я подплывал к острову перед рассветом, огибало крутую береговую линию. Это были костры рыбаков, которые при помощи шипов и веревок спускались с отвесных и угрюмых скал, чтобы ловить морского угря, макрель, серебряную рыбу-тарпона и вкуснейший «бычий глаз» — все, что годится для обеденного стола. Рискованное это занятие, особенно когда приходится взбираться обратно в гору с полными мешками улова. Но людям надо есть, и, кроме того, Святая Елена славится на весь мир своей прекрасной рыбой.

На первый взгляд остров производит мрачное впечатление. С высоких прибрежных утесов, посещаемых только птицами, не видно чистых, плодородных полей, тихих одноэтажных домиков-коттеджей, солидных особняков или больших домов. Остров кажется тюрьмой, хотя за высокими стенами укреплений есть небольшой изолированный участок земли площадью в сорок семь квадратных миль, который сохранил очарование английского захолустья, прелесть поселков прошлого века, когда такие небольшие коттеджики служили настоящим прибежищем страждущим и гонимым. Стоит, однако, вашему судну подойти к якорной стоянке города Джемстаун, который расположен на северо-западном берегу острова, как Святая Елена предстает перед вами совсем в ином виде. Джемстаун, на мой взгляд, играет более значительную историческую роль, чем какой-либо другой город. Вы ощущаете историю в старых орудийных окопах и пороховых погребах, располагавшихся в свое время по всей линии порта, в английском замке XVII века с его заполнявшимся водой рвом, запирающим долину. Эта картина хорошо знакома каждому коллекционеру по маркам и художественным открыткам.

Став лицом к городу, вы увидите перед собой узкий горный проход между двумя отвесными скалами — Холмом Мундена справа и Лестничным Холмом — слева. Над уровнем моря эти скалы поднимаются на одну пядю мили, а просвет между ними заполнен дам-

бой и зубчатыми стенами замка. Со старого парапета вы можете любоваться шпилем церкви Св. Джемса с металлической рыбкой вместо флюгера. В узкой треугольной долине виден город: белые дома и большие деревья. Если вы будете стоять и смотреть довольно долго, то вам непременно посчастливится увидеть кого-либо из местных жителей, спускающегося по знаменитой лестнице Иакова⁴, семьсот ступенек которой связывают долину с высокогорной частью острова.

— Эта... славный астгавок, сэг, только... если б поболе деньжат,— произнес лодочник с гнусавым островным выговором, когда вез меня к пристани.

Это в общем правильная оценка острова и его жизни.

Я предъявил в таможне бутылку французского бренди и бутылку хереса, которые купил на борту судна пароходной компании «Юниэн Касл».

— Без выплаты пошлины разрешается провозить только одну бутылку,— сказал, улыбаясь, таможенник.— Но пошлина очень низка. За вами— стакан вина...

Я воспринял это как своеобразную форму приветствия путникам, впервые попадающим на остров, и отправился в отель на Мэйн-стрит.

С первого взгляда Консульский отель в Джемстауне не производит впечатление заведения, где хозяин не знает, какими бы еще экзотическими блюдами попотчевать гостя. Правда, у мистера Джорджа Мойса, островитянина, арендовавшего это старое здание под отель, жила молодая женщина, миссис Ричардс, постоянно торчавшая в старомодной кухне и исполнявшая, как я полагаю, функции жены и кухарки. Отель был реликтом былой славы острова и знаменитого консула Французской империи.

По одной стороне Консульского отеля тянулась деревянная галерея, такая же шаткая, как выступающий вперед балкон. Она служила своеобразным мостиком к ванным комнатам. Каждое утро я заставал мистера Мойса растапливающим ванные колонки сухими банановыми листьями. Однажды я заметил, что клеенка на полу моей ванной сдвинута. Через отверстие вели-

⁴ Лестница Иакова — согласно Библии, лестница от земли до неба, которую Иаков увидел во сне.— *Прим. пер.*

чиной с блюдце можно было наблюдать за миссис Ричардс, которая внизу, в кухне, жарила яичницу с беконом.

Жизнь в отеле казалась довольно беспокойной. Но ни ночные кошачьи концерты на Мэйн-стрит, ни крики громкоголосых майн⁵, будившие меня на рассвете, и даже ни дороговизна (Джордж Мойс брал с меня четыре гиней в неделю — деньги совсем не маленькие) не досаждали мне. Здесь царилла какая-то приятная атмосфера, которую я почувствовал с первого же дня, когда приступил к отличному ленчу, состоявшему из глубоководного лосося, местной ягнятины, жареного картофеля, капусты и бананов.

Обслуживали меня главным образом дети. Марион, хорошенькая и застенчивая официантка лет четырнадцати, и мальчики, которые стелили постель и приносили в номер горячую воду. За газовыми колонками в ванной Мойс следил сам; у меня создалось впечатление, что он сознательно не поручал им эту работу из опасения, что они могут переусердствовать и взорвать отель.

Шли дни. Я проникался все большей симпатией к жителям Святой Елены, как к самому приятному людскому сообществу из всех, какие я когда-либо встречал. Те, кто знает остров, согласятся со мной — там живут самые дружелюбные и приятные люди на земле.

Когда разговаривают между собой малограмотные островитяне, то зачастую почти невозможно уследить за их речью. В течение столетий они постепенно создали свой, устойчивый диалект английского языка, понятный одним лишь жителям Святой Елены, — ничего более ужасного я не слышал даже у себя на родине. Посторонний человек, впервые попавший на остров, услышав эту тарабарщину, с удивлением спрашивает:

— На каком языке они говорят?

Когда ему отвечают, что это — английский и что островитяне никогда не говорили ни на каком другом языке, он отказывается верить.

Сэр Джемс Харфорд, губернатор, охарактеризовал мне жителей острова как «цветных англичан». В одном

⁵ Майна (myna) — птица из семейства скворцовых.—
Прим. пер.

из ранних официальных отчетов о них писали как об «англичанах по расе и воспитанию». Далее добавлялось, что они приравниваются по своему положению к тем, кто родился в Англии, и что английский — единственный язык, на котором говорят на острове. Я согласен с этим определением в целом и не совсем в некоторых частностях.

Меллис — вернемся к 70-м годам XIX века — писал о жителях Святой Елены как о потомках португальцев, голландцев, англичан, малайцев, индийцев и китайцев. Ни от португальцев, ни от голландцев на острове не осталось и следа. Люди всех рас и национальностей, включая малагасийцев и китайцев, подверглись в этом едином «плавильном котле» коренным изменениям, но осталось преобладающим англо-индийское влияние. Коренной островитянин на вид мало отличается от белого. Но при ближайшем рассмотрении все улыбающиеся лица варьируются в цвете от белого до черного. Проявляется африканская наследственность, которая восходит еще ко временам рабства. Браки между островитянами и африканцами были, однако, редки в то время, и поэтому характерно африканские черты не типичны сейчас для жителей Святой Елены.

С рабством аборигены острова познакомились после 1659 года, когда английская Ост-Индская компания стала отправлять экспедиции на Мадагаскар за рабами. Каждое судно компании, которое заходило на Святую Елену, должно было оставлять там одного раба — мужчину или женщину — по выбору губернатора. В первое время на острове было больше черных рабов, чем белых. Потом положение изменилось. В конце XVII века доктор Джон Фрайер из Кембриджа зарегистрировал на Святой Елене четыреста англичан — мужчин, женщин и детей. На лондонских афишных тумбах в ту пору появились объявления, призывавшие жителей Великобритании поселиться в островном раю Святой Елены. Среди тех, кто откликнулся на этот призыв, оказалось много жертв Великого Лондонского пожара⁶. Молодые женщины, которым был обещан бесплатный проезд в Англию через год, «если они к тому времени раздумают», заполнили каюты и

⁶ Великий Лондонский пожар — пожар в Лондоне 1666 г., во время которого фактически сгорел весь город.— *Прим. ред.*

палубы кораблей. Однако прошло много времени, прежде чем поселенцы и их потомки акклиматизировались на острове. Пират Дампьер писал: «Кое-кто из моих ребят по уши втрескались в девчонок на Святой Елене. Эти девки, хоть и родились там, все равно мечтали выбраться из этой тюрьмы. Молодые, и кроме тех, что приехали из Англии,— девчонки что надо! Миленькие, с хорошими фигурками и одеты, как картинка!» Африканцы из Западной Африки не попадали на Святую Елену вплоть до 1840 года, когда бывший Адмиралтейский суд возбудил дело против работорговцев. На острове организовали три приемных лагеря для «освобожденных африканцев», как они тогда назывались. Предприниматели, фермеры и купцы стали нанимать бывших рабов обоюго пола к себе на службу. Одни из них перекочевали потом в Вест-Индию, где ощущался недостаток рабочей силы. Другие так привыкли к своим работодателям, что остались жить на Святой Елене. Согласно невольничьему обычаю они часто присваивали имена своих хозяев. Однако осталось здесь и много древних имен, характерных для времени рабства, таких, как Сципион и Катон (из Лонгвуда)⁷, Цезарь с залива Сэнди-Бей, Август, Меркурий... Помпеев, кажется, уже нет. Был, конечно, и лорд Нельсон, а также Вотервич, получивший свое имя по названию корабля, который вызволил его из рабства. Меллис считал, что к 1875 году бывшие рабы составляли одну шестую часть населения острова. Однако они почти не смешивались с местным населением, и за три десятилетия было отмечено только шесть межрасовых браков.

Вскоре после моего прибытия на Святой Елене была устроена сельскохозяйственная выставка, где я мог увидеть восхитительные местные овощи, разложенные на стендах, сооруженных из ветвей дикого имбиря и бамбука. Здесь я наслаждался местным диалектом восторженных посетителей, переходивших от одного экспоната к другому. Школьники имели свой стенд, любовно украшенный цветами, на котором они разложили выращенные ими плоды. Отец одного из учеников взял

⁷ Лонгвуд — плато в северо-восточной части острова Святая Елена, где находилась резиденция Наполеона I.— *Прим. ред.*

на себя роль зазывалы, и я с удовольствием слушал его.

— Не проходите мимо этих молодых людей! Обратите внимание, они сами все вырастили! Как красиво! А они ведь еще так молоды, поглядите-ка, а?!

Проходивший мимо школьник лет тринадцати не внял, однако, его призывам и с пренебрежением бросил товарищам:

— Уж лучше пойти посмотреть буль-буля!⁸

Школьный учитель из Англии сказал мне, что островной диалект менее правилен грамматически, чем большинство других диалектов английского языка, и обладает ограниченным словарным запасом. Сегодня на Святой Елене осталось не так уж много жителей, не умеющих читать и писать, но уровень грамотности продолжает оставаться низким. Даже на таком маленьком острове для каждого дистрикта характерно свое наречие: джемстаунцы отличаются поговору от лонгвудцев, а жители Блю Хилла — от жителей Сэнди-Бея.

Островитяне заявляют, что каждый дистрикт имеет не только собственное, местное наречие, но и свой физический тип и что они могут с одного взгляда определить, где именно на острове родился тот или иной человек. Занятые повседневным и тяжелым, в основном сельским, трудом люди ведут простой и спокойный образ жизни. Они честны и правдивы в большей степени, чем горожане. Судите сами: за месяц моего пребывания в Джемстауне я не слышал ни об одном случае воровства.

Жители Святой Елены пользуются акцентом Сэма Уэллера⁹, путая «V» и «W» наподобие диккенсовских кокни. «She vore a weil»¹⁰, — сказала при мне одна женщина. Возможно, эта особенность привнесена в их речь бездомными переселенцами — кокни, попавшими на остров после Великого Лондонского пожара. В этих говорах смешанных рас есть также что-то от девонширского наречия.

Пожилая женщина всю ругает свою спутницу на

⁸ Буль (bull) — бык (англ.).

⁹ Сэм Уэллер — персонаж романа Ч. Диккенса «Записки Пикквикского клуба». — Прим. ред.

¹⁰ Правильно «She wore a veil» — «Она носила вуаль» (англ.).

одной из глухих улочек Джемстауна. Та молча выслушивает, а затем спокойно отвечает:

— Ай-ай-ай! Зачем ты себя обманывать?.. Все, что ты наговорила, есть только про тебя!

Коренной житель Святой Елены, который родился и учился в Англии, но прожил потом шестьдесят лет на острове, говорил мне, что островитяне за эти годы стали намного самостоятельнее, у них сильно поубавились застенчивость и робость. В первые дни пребывания на острове он все время ловил себя на мысли, что за ним наблюдают из-за каждой двери и шторы. Он даже представлял, как шепчут ему вслед:

— Кто это? Кто он такой? Что говорит? Что делает?

Застенчивость и грубоватость жителей в значительной мере преодолевались распространением на острове просвещения. Проходили десятилетия, и психология рабства исчезла, хотя многие островитяне даже и сейчас, как мне кажется, не решаются открыто выражать свое мнение. Они привыкли еще к обращению: «сэр» и «мадам» на свой манер. Часто, например, молодая девушка адресуется к женщине, старшей по возрасту, называя ее «сэр».

Время от времени жители Святой Елены по необходимости занимаются словотворчеством, что приводит к забавным курьезам. Например, на предложение оформить соглашение о какой-либо совместной работе в письменном виде островитянин может ответить:

— Ол райт, только вордификация¹¹ пойдет по вашей части.

Одна услышанная на острове фраза надолго засела в моей памяти. Так, островитяне предпочитают говорить не «в прежние времена», а «в предыдущие времена».

Святая Елена — остров прозвищ. Это неизбежно там, где многие жители носят одну и ту же фамилию. Прозвища эти даются не без юмора. Я встречал людей с именами: Почка Угря, Пирожок-с-Рыбой, Свеча, Бецман, Буфер-и-Бампер. Доллар Кларк приходил в отель стричь меня. Сыр Томас был в составе крикет-

¹¹ Точно такого слова в английском языке нет, по-видимому, это словообразование должно означать «составление самого документа». — *Прим. пер.*

ной команды. Томас — наиболее часто встречающаяся на острове фамилия, и один из ее носителей сказал мне как-то:

— Кинь камень, попадешь в Томаса.

Здесь живет девушка по имени Тыква и мужчина, которого зовут Дерево-в-Цвету. Когда глава семьи выбирает себе «вторую фамилию», ее обязаны носить все остальные ее члены. Так, вы можете познакомиться с вышедшей на прогулку семьей: Бенжамином Валетом Треф, его женой — Герти Треф и их сыном — Кириллом Треф. Я вспоминаю одного глухонемого, лучшего слесаря-водопроводчика на острове, известного под именем Молчаливый Парень.

Вера в колдовство и «дурной глаз» живуча на Святой Елене, как и вообще в глухих английских деревнях. Предрассудки и суеверия встречаются в самых разнообразных проявлениях. Фермеры, к примеру, смотрят в чашку с водой, надеясь рассмотреть на поверхности лица своих недругов.

Великому Чарльзу Дарвину нравились островитяне и их скромный образ жизни, но он сетовал на пищу, состоящую только из риса и небольшого количества солонины. «Низкий прожиточный минимум тяжело отражается на этих беднягах», — замечал он. Сейчас рис стал роскошью на острове, да и стол островитян заметно изменился — появились в большом количестве рыба, картофель, хлеб, чай, а кроме того, и местные деликатесы.

В истории Святой Елены наступил день, после которого она оказалась вынужденной расстаться с большей частью своих сыновей. В этот день достопочтенная Ост-Индская компания, правившая островом почти два столетия, передала его британскому правительству¹². Во время кампании за бережливость и экономию, которая вслед за этим последовала, старые служащие Ост-Индской компании стали терять свои доходы, и пришло то время, когда бывшим высоким чиновникам компании ничего не оставалось, как пахать землю бок о бок со своими старыми слугами-африкан-

¹² Упадок могущества голландской Ост-Индской компании наступил в XVIII в., когда Голландия, бывшая до того крупнейшей торговой державой, не выдержала конкуренции с Англией и уступила ей свои позиции.— *Прим. ред.*

цами. Первая партия эмигрантов отправилась в Кейп¹³ в 1838 году. Позднее сотни людей были вынуждены покинуть остров.

В годы расцвета китобойного промысла многие островитяне нанимались моряками на американские спаутеры¹⁴. Поселившись в Нью-Бедфорде и других китобойных портах, некоторые из них стали процветающими американскими бизнесменами. Наследства, которые они оставляли бедным родственникам, живущим на Святой Елене, были весьма значительны. Уже совсем недавно несколько молодых юношей и сотни девушек переселились в Британию. Мужчины, как мне кажется, чаще возвращаются из эмиграции на Святую Елену, чем женщины.

Белые жители Святой Елены формально всегда имеют возможность добиться университетской стипендии. Но практически это невозможно. Поэтому ни один из них не стал обладателем ученой степени. В деловом отношении островитяне проявляют себя с лучшей стороны. На острове много небольших бакалейных лавочек, которые снабжаются южноафриканскими рыбными консервами, английским печеньем и джемами. Недавно один владелец такой лавочки умер, не оставив завещания. Когда в его поисках родственники перерыли весь магазинчик, то обнаружили припрятанными пятнадцать тысяч золотых соверенов. Остров имеет свои секреты.

На Святой Елене есть семьи с примечательной историей, но поселенцы XVII века фактически не продолжили своих родов. О том, что они существовали когда-то, можно узнать лишь по географическим названиям на карте: «Долина Фрэнсиса», где сейчас проходят спортивные состязания и устраиваются сельскохозяйственные выставки; «Башенка Лафкина», где находится официальная резиденция военно-морского врача; «Обрыв Билли Бёрча», где некогда был убит островитянин с такой фамилией; «Источник Чаба», который снабжает водой Джемстаун; «Отмель Сили», «Пролив Ханта» и «Горный Проход Кэйсона». Я полагаю, что здесь остались какие-либо следы и от Бэгли, потомка

¹³ Кейп — бывшая Капская колония.— *Прим. пер.*

¹⁴ «Спаутер» («Китовый фонтан») — так назывались суда китобойного промысла.— *Прим. пер.*

Орландо Бэгли, который в 1694 году был старшиной присяжных.

Известны случаи, когда островитяне, отрезанные от внешнего мира скалами, создавали себе целые богатства. Вероятно, семья Торнов — наиболее характерный пример проявления деловых возможностей людей, живущих на изолированном от цивилизованного мира острове.

Первый Торн, кажется, был йоркширцем, прибывшим на Святую Елену в середине прошлого века в качестве рядового солдата и женившимся на женщине не то индийского, не то малайского происхождения. Старый солдат умер бедняком, но его сын — Уильям — накопил большие деньги. Уильям имел десять сыновей и двух дочерей. Четыре сына еще и сейчас живут на острове, но никто из них не мог мне сказать, каким образом их отец сделал первый шаг к богатству. Этот пробел в биографии мне хорошо знаком, ибо он характерен для большинства богатых людей. Никто из них не знает, как они накопили первую тысячу фунтов. Можно только строить догадки.

Внизу, у береговой линии близ Джемстауна, Уильям Торн в молодости вместе со своими друзьями разбираал на части старые невольничьи корабли, захваченные в свое время британским флотом. Эти корабли были обшиты медными пластинами. Значительная часть меди и бронзы попадала в руки Торна. Эти его действия были расценены как кража, возникло уголовное дело, но Торн поспешно женился на главной свидетельнице, в результате чего она не смогла дать показания против него.

Вскоре после удачной женитьбы Торн купил два парусника, потерпевшие впоследствии бедствие у берегов Святой Елены. Один из сыновей сообщил мне, что его хитрый папаша дал взятку инспектору, который доложил своему начальству о непригодности судов и нецелесообразности их ремонта. Таким образом, Торн заполучил оба парусника за несколько сотен фунтов, в то время как они стоили многие тысячи.

Один из парусников — французский барк «Меридиан» — залатали и послали на остров Вознесения за гуано. Семьдесят человек, нанятых Торном, несколько месяцев подряд соскребали со скал небольшого островка Ботсуэйн-Бёрд ценный птичий помет, тысячи тонн

которого покрывали всю его поверхность. Затем «Меридиан» отплыл в Лондон, где судно и весь груз были проданы. Гуано в то время шло по десять фунтов за тонну. Другой парусник, «Ройял Гарри», оказался непригодным к плаванию. Торн хотел послать его с грузом кокосовых орехов в Вест-Индию, но он не смог даже отплыть от порта. Однако хозяин сумел продать его за высокую цену. Тем временем между Торном и британским Адмиралтейством возникла тяжба по поводу концессии на сбор гуано, которая окончилась в пользу Торна и принесла ему шестьдесят тысяч фунтов дохода.

Торн послал двух сыновей служить простыми матросами во флот, но сам предпочел большую часть жизни провести на Святой Елене, где все его предприятия оказались исключительно удачными. Он финансировал даже строительство трамвайной линии в Японии и получил большие дивиденды. Торн снарядил шхуну «Проворный» для торговли с проходящими судами, которые не заворачивали к Святой Елене. Шхуну нагружали свежим мясом, овощами и яйцами, и она подплывала к кораблю, матросы которого, соблазненные такими роскошными продуктами, вскрывали часть ящиков с хозяйским грузом, предлагая его для обмена. Возвращалась шхуна с мешками отборного австралийского зерна и другими ценными товарами, стоившими в несколько раз дороже свежей провизии.

Долгая жизнь Уильяма Торна оборвалась трагически примерно четверть века назад. Он поссорился с сыном и по дороге домой свалился со скалы. Завещание Торна содержало необычный пункт — он лишал жен своих сыновей наследства, если те не проведут большую часть жизни на Святой Елене. Мне говорили, что трое его сыновей получили в наследство сто сорок тысяч фунтов — немалую сумму, если учесть мизерность всех налогов и обложений на острове.

Добавлю, что сыновья пошли по правильному пути, и их репутация незапятнана. Один, который неудачно дебютировал, вступив в права на наследство, открыл первый кинотеатр на Святой Елене. Сейчас он организует партии местных девушек для отправки — в качестве домработниц — в Англию, используя для этой цели почтовые пароходы. Прекрасные усадьбы с отлично сохранившимися старыми домами, расположен-

ные в Джемстауне и за чертой города, принадлежат большей частью братьям Торн. Один из Торнов, много путешествовавший и повидавший мир, сейчас доживает свой век в такой усадьбе.

Еще Наполеон в свое время отмечал, что единственная стоящая вещь на Святой Елене — это кофе. Кофе здесь действительно замечательный. Но я обнаружил и другие стоящие вещи, которые незадачливый император не сумел оценить при жизни. По-настоящему следовало бы создать поварскую книгу острова Святой Елены по рецептам некой миссис Бинтон, попавшей в свое время за какую-то провинность на этот благоухающий обломок суши и сумевшей использовать свое пребывание на нем самым замечательным образом. Поскольку никто, кажется, еще не говорил на эту тему со времени Наполеона, то я позволю себе высказать свои впечатления об удаленной от больших материков кладовой и кухне, которая увеличила мой вес на три фунта за короткое время.

Ван Линшотен, голландец, в конце XVI века писал о «великом изобилии рыбы, настоящем чуде, потому что ее на простой загнутый гвоздь можно ловить сколько пожелаешь и она такой вкусноты, какой я никогда не чувствовал раньше. Это подтвердит каждый, кто хоть раз побывал на острове».

Когда-то, много лет назад, рыбаки Святой Елены жили со своими женами и детьми, как дикие животные: в скальных пещерах в глубине острова. Сейчас рыбаки-профессионалы выходят далеко в море на вельботах с двойным днищем нантакетского¹⁶ образца или на быстроходных гичках с квадратной кормой. Специалисты утверждают, что Святая Елена — рай для рыболова. Особенно славятся большие желтоплавниковые тунцы; с простой лодки их можно наловить больше дюжины за день. Трое первоклассных южноафриканских рыбаков, «предводительствуемые» генералом Чарльзом Бринком, за двадцать дней рыбалки поймали на удочку около восьми тонн промысловой рыбы.

За тунцом нужно отойти к западу от острова мили

¹⁶ Нантакет — остров и порт восточного побережья США.—
Прим. пер.

на три-четыре. Местные рыбаки ловят его пеньковой лесой в двадцать одну нитку (стренду), которая особым образом свертывается кольцом в лодке. Никто не должен двигаться, когда рыба тянет лесу, иначе она вырвет коварную снасть из руки или сорвет с ноги (если рыбак придерживает ее ногой). Рекордный тунец, выловленный у острова Святой Елены, весил четыреста фунтов и был восьми футов в длину.

Тунец, если употреблять его в пищу длительное время, может приестся, но островитянам он никогда не надоедает. Они называют его «альбакоре»¹⁷ и готовят из него похлебку с луком, картофелем, петрушкой, чебрецом и стручковым перцем. «Никогда не забывайте класть в еду перец, если вы живете на Святой Елене»,— обязательно скажет вам любой повар на острове. Чаще всего хозяйки готовят тушеного тунца: он разрезается на куски, начиняется петрушкой, хлебными крошками и яйцом и тушится в горшке; к этому блюду подается подлива с луком и томатами. Приготовленный таким образом тунец по вкусу напоминает мясо. Недаром его называют «говядиной Святой Елены». Тунцовый ливер, зажаренный в глубокой сковороде, ничем не напоминает рыбу, а скорее похож на телячью печень.

Ваху, которая, как мне кажется, в точности похожа на флоридскую,— другой предмет спортивного рыболовства в водах Святой Елены. Эти серо-голубые рыбины достигают веса сто сорок фунтов и, будучи пойманными на крючок, часто целиком выскакивают из воды, а потом на огромной скорости бросаются прочь, вступая в яростную борьбу с леской. На острове ваху известна как барракуда; это простительная ошибка, ибо сходство между двумя видами рыб поразительное! Готовят ваху так же, как и тунца, но эта рыба дорогая, поэтому островитяне считают ее «рыбой для белых».

Еще одна хорошая рыба местных вод, которую, однако, островитяне редко едят,— кавалли¹⁸. Ее назы-

¹⁷ Альбакоре — морская рыба семейства макрелевых, куда входят также тунец, бонито и т. д.— *Прим. пер.*

¹⁸ Кавалли — лошадиная макрель, рыба семейства макрелевых с колючими плавниками, узким туловищем и вилкообразным хвостом.— *Прим. пер.*

вают «лососем Святой Елены». Мистер Ф. Освелл Джонс, хранитель джемстаунской библиотеки, известный на острове повар, объяснил мне, что кавалли нужно сначала немного поджарить, потом положить в горшок, добавить лук, петрушку, побеги чебреца и красный перец и варить на парѹ. Масло подается к столу.

Самые распространенные рыбы на Святой Елене — макрель и бонито. Макрель засаливают в бочонках, и она выручает многие бедняцкие семьи в голодное время. Бонито так прожорлив, что рыбаки таскают его из воды непрерывно, сотнями за час, прямо на якорной стоянке Джемстауна. Рыбу жарят или готовят из нее котлеты. Вяленый бонито также выручает людей в неурожайные сезоны. Частенько на берег выскакивает летающая рыба, преследуемая дельфинами, но вы никогда не найдете ее на джемстаунском рынке. Это любимое блюдо островитян.

Между прочим, костры, которые я заметил вдоль берега, приближаясь впервые к острову, горели не только для того, чтобы привлечь рыбу к берегу. На плоских скалах под крутыми обрывами рыбаки разводят костры из плавника и варят на них «плов» в горшочках — из риса, картофеля, небольшого количества бекона или соленой свинины, порошка кэрри¹⁹ и лука. Свежепойманную рыбу тут же чистят и кладут поверх всего остального. «Плов» варится на парѹ и служит основной пищей во время рыбацкого уик-энда. «Пловом» здесь называют восточное блюдо из риса, мяса и специй. Горшочками служат двадцативосьмифунтовые консервные банки из-под маргарина.

Наибольшее удовольствие доставил мне осьминог с кэрри, более известный на острове под названием «рыба-кот»²⁰.

Встречается на Святой Елене и мясо дельфина, загарпуненного и принесенного на рынок подвыпившей компанией моряков. Мясо дельфина по вкусу похоже на свинину, в то время как ливер, подаваемый с луковым соусом и беконом, — это подлинное наслаждение для гурмана.

¹⁹ Кэрри — специя из корня желтого имбиря, чеснока и других пряностей. — *Прим. пер.*

²⁰ Рыба-кот — одна из разновидностей бесчешуйчатых рыб с длинными щупальцами-усиками, похожими на кошачьи усы. — *Прим. пер.*

Каждый вечер к порту Джемстауна тянутся несколько лодок — они направляются в Руперт-Бей на охоту за «пнями» и «длинноногими». Это две разновидности морского рака, или лангуста. Бамбуковые ловушки, похожие на верши для омаров, утяжелены железными грузилами и снабжены приманкой — головами тунцов. Они опускаются на пятнадцать морских саженей; бамбуковые вешки (поплавки) остаются на поверхности. Нельзя сказать, что «пень» так же вкусен, как мэнский омар, но он мне показался нежнее кейптаунского. Повара Святой Елены подают его вареным с кэрри и сливками. Мистер Мойс в Консульском отеле угостил меня «пнем», который был порублен, возвращен с небольшим количеством масла и приправ в свою раковину, посыпан тертым сыром и испечен до темно-коричневого цвета. Это, на мой взгляд, самый лучший способ обращения со всеми представителями данного семейства.

Яйца серого буревестника стали редкостью на острове в наше время (власти запретили их собирать), хотя они попадают на птичьих скалах. Их завозят на Святую Елену с соседнего острова Вознесения, где этот вид буревестника (*Sterna fuscata*) гнездится в большом количестве. Яйца буревестника дороже, в пищу они употребляются в вареном виде.

Как-то в один из уик-эндс рыбак поймал на удочку восьмифунтовую черепаху. Он взобрался на скалу с этой черепахой за спиной. Она попала в мои руки, и я попробовал «бифштекс» из черепахи, которая была зажарена с луком и подана на стол с сочной подливой, состоящей в основном из хереса. «Бифштекс» показался мне немного пряным. Но суп из молодой черепахи, которая кипятилась на медленном огне в огромном казане в течение двух дней (это уже было в Консульском отеле), был самым восхитительным блюдом, которое я когда-либо отведал.

Святая Елена — остров-сад и остров-огород. Фернандо Лопес, калека-португалец, первый поселенец острова, посадил здесь базилик, петрушку, мяту, шпинат, фенхель (сладкий укроп), анис и горчичное семя для своих соотечественников, страдавших цингой. Китайские фазаны с белыми обручами на шеях были акклиматизированы на острове тем же португальцем и стали объектом охоты островитян в течение четырех с

половиной столетий. Красноногие куропатки — кеклики — были привезены сюда с берегов Персидского залива, а цесарки — из Западной Африки. И хотя ранние поселенцы были изолированы от окружающего мира, они никогда не голодали. Здесь пышно цвели фиговое дерево, лимон, апельсин, гранат и финиковая пальма.

Ямс импортировался с Мадагаскара и сотни лет служил пищей для рабов. Жители Святой Елены называют себя иногда «ямсовой скотиной» — из-за того, что это растение было когда-то их основным продуктом питания. Я испытывал некоторые трудности, пытаясь убедить обитателей Консульского отеля в необходимости разнообразить ямсом свое меню: эффект был такой, как если бы я уговаривал жителя лондонского Вест-Энда отведать береговичка²¹. Любой мелкий арендатор на острове выращивает ямс для собственных нужд, хотя было счастливое время, когда американские китобой специально заходили за ним на Святую Елену.

Остров поставлял Англии также мясо диких оленей, сейчас уже вымерших, и черную смородину, которую мне частенько подавали на завтрак в отеле. Пудинг с черной смородиной — исконное блюдо жителей Святой Елены. Черной смородиной начиняют здесь также клецки. Капитан Блай привез с Баунти²² на Святую Елену хлебное дерево²³ и другие растения островов Тихого океана. В начале XIX века один путешественник писал: «На каждой ферме здесь растут апельсины, лаймы²⁴, лимоны, фиги, виноград, гуайявы²⁵, бананы, персики, гранаты, дыни, арбузы, тыквы. Здесь один яблоневый сад дает владельцу доход пятьсот фунтов в год».

²¹ Береговичок, или литорина — вид морского моллюска-улитки, водится в полосе прилива.— *Прим. пер.*

²² Баунти — острова в Тихом океане вблизи Новой Зеландии.— *Прим. пер.*

²³ Хлебное дерево — тропическое растение Малайского архипелага. Восемь видов деревьев рода *Artocarpus* дают съедобные плоды на стволах и толстых ветках. Плоды употребляются в пищу в вареном и поджаренном виде, из перебродившей мякоти пекут лепешки, из древесины и коры получают дубильные и красящие вещества, из волокон — грубые ткани.— *Прим. ред.*

²⁴ Лайм — разновидность лимона.— *Прим. пер.*

²⁵ Гуайява (гуава) — деревья и крупные кустарники семейства миртовых; возделываются повсеместно в тропических странах. Плоды гуайявы кисло-сладкие, ароматные и сочные, обладают высокими вкусовыми качествами.

Немногие островитяне могут позволить себе есть мясо в будние дни, но и это в основном всего лишь козлятина. Правда, всегда можно подстрелить дикого кролика, а многие жители даже разводят их.

Часть экспонатов сельскохозяйственной выставки на Святой Елене имеет торговую марку Лонгвуда. Это значит, что ферма в том месте, где когда-то жил Наполеон, процветает и поныне. Мне посчастливилось увидеть на острове несколько редких сельскохозяйственных культур. Водяной кресс, или жеруха²⁶, которая растет в диком виде вдоль горных речушек, в свое время пользовалась хорошей репутацией среди моряков, страдающих цингой. Портулак²⁷ заменяет здесь шпинат. Дикая малина продается на рынке — из нее островитяне готовят джемы и желе. Ангелика²⁸ растет высоко, среди папоротников пика Дианы. На выставке я купил горшок местного светло-желтого меда. Этот мед собран пчелами с каффир-корновых растений²⁹, другие пчелы предпочитают алоэ и кактусы, и у них мед темнее и гуще.

Равнина Дедвуда, за Лонгвудом, изобилует в ноябре грибами, но самые лучшие из них растут вокруг пустой могилы Наполеона в Долине Сэйн. Артишоки, гуайявы, гранат-гранадилла³⁰ и несколько видов других экзотических растений и фруктов тоже произрастают на острове. Дикий картофель — редкое явление. Чаще встречаются томаты и сладкий перец. Здесь есть еще дикая мята, которая высушивается и служит «эрзац-чаем» или же разбрасывается в доме как средство против мух.

На Святой Елене — пять разновидностей банана. Есть и дикий банан, растущий в ущельях. Естественно, что местные повара не пренебрегают этой даровой пищей. Бананы идут большей частью на приготовление

²⁶ Жеруха — растение с белыми цветами семейства горчичных. — *Прим. пер.*

²⁷ Портулак — двудольное растение, употребляется в качестве приправы. — *Прим. ред.*

²⁸ Ангелика — растение из семейства морковных, употребляется для приправ, а также в парфюмерии и медицине. — *Прим. пер.*

²⁹ Автор имеет здесь в виду каффрское сорго — травянистое растение семейства злаковых, культурные виды которого используются в пищевых и кормовых целях. — *Прим. ред.*

³⁰ Гранат-гранадилла — вишневая ягода. — *Прим. пер.*

пудингов, но есть особое блюдо-деликатес, которое называется «гордость банана»: бананы жарят, посыпают сахарным песком и под конец «маринуют» в роме или бренди.

Кофе был впервые посажен здесь губернатором Пиком более двухсот лет назад. Кофе Святой Елены завоевал первый приз на Лондонской выставке в середине XIX века и стоил на Лондонском рынке пени за фунт — самый дорогой в мире.

Островитяне неразумно уничтожали раньше кофейные кусты на своих полях, освобождая их под лен. Позже они раскаялись, и сейчас большая часть кофейных кустов восстановлена. Вы еще можете встретить старые кусты, использующиеся в качестве живой изгороди, на которых зреют зерна. Самый последний сорт, растущий на острове, — чистый «мокко», который не поддается никаким вредителям растений. Кенийский кофе³¹ также выращивается и на государственных землях и частным порядком. Засушливые сезоны наиболее благоприятны для произрастания кофе. В это время урожай самый лучший. На более низких участках, в районе Сэнди-Бея, в затененных ущельях, растет дикий кофе. Кусты его, усыпанные чистыми белыми цветками и красными зернами, достигают высоты пятнадцати футов.

Когда-нибудь вы еще услышите о кофе острова Святой Елены. Он достаточно приятен на вкус и сам по себе, но лучший букет дает в смеси с другими сортами. Кофе поможет вернуть острову былую славу и процветание, и я верю, что арендаторы — суровые труженики земли, с их очаровательными коттеджиками, ямсом и выюнными осликами — будут еще получать прибыли от этого сокровища.

³¹ Кенийский кофе — наиболее распространенный вид кофе, выращиваемый на плантациях в Кении и других странах Восточной Африки. В отличие от арабийского растет на небольшой высоте. — *Прим. ред.*

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД-ОСТРОВ

«Существует только один вход на Святую Елену, а выходов — вовсе никаких» — так говорят люди, влюбленные в остров и не собирающиеся его покидать. Вход — это Джемстаун. Его еще называют «единственным в своем роде маленьким городом»: ведь он одновременно и столица и единственный город на Святой Елене.

В самом деле, Джемстаун крайне своеобразен. Видимо, по чистой случайности в нем почти полностью сохранилась старинная архитектура. Прогулка по Мэйн-стрит переносит вас в волшебную атмосферу XVIII века. Дома эпохи короля Георга¹, расположенные по обеим сторонам улицы, заглядывают друг другу в окна с решетчатыми переплетами. На маленьких квадратиках стекол домов и сейчас можно разобрать нацарапанные алмазом имена людей, живших здесь много лет назад. Еще в начале XX века детишки носили отороченные бобровым мехом треуголки и гофрированные льняные воротнички. Некоторыми своими растениями Джемстаун все еще напоминает ранневикторианскую эпоху, и знатоки утверждают, что Мэйн-стрит как бы целиком перенесена из Танбриджа².

Я сам составил карту города от крепостных ворот до конца долины. Теперь во рвах, некогда окружавших крепость, устроены теннисные корты и немногие заметят семь «почтовых камней», вмазанных в стену. Художник сравнил бы вход в крепость с огромной камеей — столь изящна каменная кладка, столь причудлива игра света и тени на ступенях, на деревьях, на вымощенной булыжником мостовой. Над входом в замок — герб английской Ост-Индской компании. Здесь же увидите высеченную на камне самую старую на острове надпись на английском языке. Этот камень установил Уилл Фремлин, капитан судна «Дельфин»,

¹ Георг III (1738—1820) — король Англии с 1760 по 1820 г. Один из вдохновителей экспансионистской колониальной политики английского правительства.— *Прим. ред.*

² Танбридж Уэллс — небольшой городок в графстве Кент (Англия).— *Прим. ред.*



Дома эпохи Георга, расположенные по обеим сторонам улицы, заглядывают друг другу в окна с решетчатыми переплетами

который впервые попал на Святую Елену в 1645 году, когда та еще была необитаема.

А если выйти на каменную галерею, окружающую замок, то нетрудно представить себе духовой оркестр, играющий в зале гавот, и островитян, столпившихся поглазеть на роскошную свиту Наполеона.

Рядом с крепостью — здание суда и библиотеки, а в самом конце площади — почти всегда пустующая тюрьма. Внимание посетителей прежде всего привлекает лестница Иакова — несомненно, одно из чудес острова. Лестничный Холм получил свое название еще до конца XVII века, потому что здесь задолго до того, как были проложены первые дороги, с самого крутого места спускалась веревочная лестница. Нынешняя лестница Иакова построена военными инженерами в 1830 году. По обеим сторонам ее по рельсам движутся тележки, в которых доставляли из Джемстауна в форт амуницию и все необходимое. Продукцию острова спускали по наклонной плоскости вниз в тележках, снабженных предохранительным устройством, — изобре-



*Над входом в замок — герб английской
Ост-Индской компании*

ние местного органиста, которое позволяло им удерживаться на месте, если веревка обрывалась. До сих пор можно видеть цементную площадку, на которой мулы вращали кабестан, приводивший в движение весь механизм.

Если вы не жалуетесь на свои ноги, то попытайтесь все-таки взобраться по лестнице наверх, но помните, что далеко не всем, кто решался на это путешествие, удавалось закончить его на вершине. Всего здесь семьсот ступенек, и каждая высотой в одиннадцать дюймов, так что преодолеть их все нелегко (одна ступенька



Если вы не жалуетесь на свои ноги, то попытайтесь все-таки взобраться по лестнице вверх

располагается вровень с землей, поэтому в путеводителях указывается, что всего их шестьсот девяносто девять). Общий наклон лестницы составляет тридцать девять градусов. Это — большая крутизна, и у многих начинает кружиться голова. Островитяне поднимаются по лестнице, как-то странно откидывая ногу назад, что помогает им взбираться по крутым ступенькам и щадить мышцы ног. Дети-старшеклассники мчатся к школе, расположенной наверху, вовсе не задумываясь о трудном подъеме, который представляет непреодолимое препятствие для многих людей.

Рельсы расположены по обеим сторонам лестницы Иакова так близко, что ребяташки кладут на один из них голову, а на другой — ноги и соскальзывают вниз со скоростью, которая приводит в ужас тех, кто это видит впервые. Дети упражняются таким образом еще с тех пор, когда солдаты, жившие в верхних казармах, оказавшись в Джемстауне во время ленча, вызывали ребят вниз с едой, причем суп нужно было доставить в город прежде, чем он остынет. Вот тогда-то дети и изобрели способ соскальзывать вниз по рельсам, ба-

лансируя судками на животе. Сотни мальчишек могут взбежать вверх и спуститься по лестнице за восемь минут. Для этого нужно большое умение и крепкие нервы, что встречается разве только у гидов, которые бегают вверх и вниз по египетским пирамидам. Насколько мне известно, несчастный случай здесь был только один, да и то в нем никто не повинен: жертвой стал моряк, который попытался спуститься вниз по рельсам после посещения таверны.

На самом верху лестницы Иакова — старая служба связи. Теперь там живет гостеприимный полковник в отставке. Он превратил бывшую станцию в уютный домик, из окон которого открывается перед вами замечательный вид.

Я никогда не забуду одного из прекрасных вечеров. Полковник стоял у окна с бокалом рубинового джина в руке. Утесы на острове вписывались в длинную оконную раму. В тот вечер отсюда отплывала в Антарктику флотилия китобоев. Казалось, что за горизонт уходит целая армада. Гости полковника пристально вглядывались в отходившие суда. Опускалось солнце. И вдруг оно подарило нам всем редкое зрелище: «выстрелило» зеленым лучом... Этот эффект «зеленого свечения» я наблюдал впервые.

Интересна еще одна деталь: свою кровать полковник соорудил на уровне перил, ограничивающих площадку от скал со стороны моря. Человек, который спит беспокойно, несомненно, упал бы через перила и скатился вниз до самых западных скал. Но полковника высота нисколько не смущала. «Правда,— говорил он,— я иногда роняю чашку с чаем, но за свою жизнь спокоен».

На Лестничном Холме имеются и другие достопримечательности. К вершине ведет, например, дорога, которой теперь уже никто не пользуется. На ней имеются зарубки, выбитые губернатором Пайком в 1717 году. Теперь дорога ограждена каменной стеной, и это вполне оправданно; здесь есть место, названное по фамилии сержанта Эмери — Скачком Эмери, которого испуганная лошадь сбросила на скалы. Далее — Французский Прыжок, напоминающий об автомобильной катастрофе. Французский вице-консул потерял тут управление своей машиной, пробил стену и приземлился без единой царапины в толине двумястами футами

ниже. Все-таки машины со стальной крышей — замечательная вещь!

В Джемстаун возвращаются по шоссе, двигаясь медленно и осторожно. У Мэйн-стрит начинается общественный парк — здесь некогда в заключении содержались буры. Огромные деревья — пипулы, или индийские баньяны³, — более двухсот лет назад были посажены вдоль дороги в долине губернатором Данбаром. Над парком по склонам холмов вьется крутая зигзагообразная дорога, которую называют Тропинкой Сестер. В начале прошлого века губернатор Петтен проложил ее для двух своих дочерей. Именно эта картина предстала перед глазами Наполеона, когда он сошел на берег острова Святой Елены⁴. Было уже темно, и ему пришлось провести первую ночь в пансионе, принадлежащем ботанику мистеру Порто, находящемуся на государственной службе. Как ни печально, но этот странный очаровательный домик в 1937 году был продан за двести фунтов. Затем его снесли и построили здесь гараж. Почти невероятно, но это так: комнату, которую выбрали для Наполеона, с окнами, выходящими в парк, за десять лет до этого занимал сэр Артур Уэлсли, впоследствии герцог Веллингтон⁵.

Далеко не каждый памятник Святой Елены достоин восхищения, но в этой части Джемстауна есть несколько монументов, заслуживающих самого пристального внимания. Один из них стоит в парке, построен он на деньги моряков с корабля «Вотервич» в память о друзьях, погибших в сражениях с работорогцами.

Часто обретают громкую славу медики не только

³ Баньян — название нескольких видов деревьев рода фикусовых (*Ficus*) семейства тутовых. Обычно баньяном называют бенгальский фикус (*Ficus bengalensis*) родом из Индии — дерево около 30 м высоты, с огромной кроной, поддерживаемое столбовидными воздушными корнями. Плоды баньяна съедобны, из волокон коры изготовляют веревки, бумагу. Отдельные части растения имеют лекарственное значение. — *Прим. ред.*

⁴ Наполеон I был сослан на остров Святой Елены в 1815 г. и умер там в 1821 г. — *Прим. ред.*

⁵ Веллингтон, Артур Уэлсли (1769—1825) — герцог, английский полководец. В 1815 г. командовал объединенными силами Англии, Голландии, Ганновера и Брауншвейга в войне против Наполеона. 18 июня 1815 г. войска под командованием Веллингтона при поддержке прусских войск под командованием Блюхера разгромили армию Наполеона в сражении под Ватерлоо. — *Прим. ред.*

за свое искусство врачевания, но и за большую гуманность. Человеком с такой славой оказался доктор В. Дж. Дж. Арнольд, памятник которому воздвигнут посреди площади. Надпись на нем гласит:

«Лучшему другу Святой Елены»

Арнольд, ирландец по происхождению, приехал на остров в качестве военного врача, а когда ушел со службы, то стал заниматься частной практикой. Потом его назначили колониальным врачом. А в 1925 году, незадолго до смерти, он стал губернатором острова. Доктор Арнольд посвятил Святой Елене не только свое искусство, но и каждый пенни своего заработка. Бедные боготворили его. Он сам приезжал к ним и не только не брал с них деньги, но и оплачивал из своего кармана лекарства, если у больного не на что было их купить.

Наиболее знаменитая семья на Святой Елене — династия Соломонов. В церкви Св. Джемса, что стоит в начале Мэйн-стрит, я нашел мемориальную табличку Солу Соломону (1817—1892). Первого человека из этой семьи, который случайно оказался на острове, тоже звали Сол. Он остался на Святой Елене в 1790 году, потому что заболел на корабле, который держал курс в Индию. Вскоре Сол Соломон выздоровел и стал известен как «король торговцев Святой Елены». Он уговорил своих братьев Бенджамена и Джозефа оставить Лондон и переселиться к нему. В то же время здесь появляется и Чарльз Соломон — вероятно его третий брат. (Церковные хроники регистрируют браки и крещение членов семьи начиная с 1789 года.) Интересно отметить, что Соломоны еще в начале XIX века издавали на острове газеты.

Сол Соломон Первый был поклонником Наполеона. И конечно же, Соломоны снабжали Лонгвуд провизией. Когда я был на острове, в Лонгвуде откопали монеты достоинством в полпенни, на которых выбиты имена Соломона и его партнеров — Диксона и Тейлора. К моменту, когда тело Наполеона увозили с острова, Сол Соломон был на Святой Елене французским консулом. Именно он организовал все необходимое для эксгумации и получил за это медаль. Его родственница, мисс Гидеон, изготовила необходимые для процедуры французские флаги, за что принц де Жон-

виль подарил ей золотой браслет с рубинами, жемчугами и изумрудом⁶.

Последним в династии был достопочтенный Г. У. Соломон, кавалер ордена Британской империи. Детей у него не было, и большинство своих предприятий на острове он продал одной лондонской фирме. Так спустя полтора века династии Соломонов пришел конец.

На острове осталось совсем немного евреев, так как та маленькая колония, которая первой образовалась вокруг Сола Соломона, фактически вымерла. Исчезли, например, Гидеоны.

Первым Гидеоном на острове был Льюис Гидеон Соломон, брат Сола, который стал опускать имя Соломон, чтобы его не путали с остальными членами семьи. Льюис Гидеон был партнером фирмы «Соломон, Гидеон и Мосс», а также часовщиком и ювелиром; Наполеон доверил ему уход за часами в Лонгвуде. Гидеон дружил с врачом Наполеона О'Меаром и снабжал его свежими газетами. Теперь в результате крещений и смешанных браков никого из этих евреев уже нет — ни в религиозном, ни в расовом смысле. Изучение истории островов учит многому, в частности тому, что небольшие национальные общины на отдаленных участках суши быстро растворяются среди местного населения.

Мэйн-стрит изобилует воспоминаниями об известных личностях. Рядом с домом Порто стоял любопытный двухэтажный старый домик, в котором находилось американское консульство. На каждом этаже — по одной комнате. Дома больше нет, но не забыто имя последнего консула, капитана Коффина. Кроме этих двух домов, на Мэйн-стрит, кажется, все осталось по-старому. Почти каждый дом, даже самый большой — жилой, и в каждом имеется большой подвал с запорами, где прежде жили рабы. Лестницы и веранды перед некоторыми домами напоминают об архитектурных вкусах, господствовавших в старом Кейптауне.

Вымощенные мостовые и чугунные решетки на вид очень почтенного возраста. На некоторых домах имеются даже железные подставки для масляных ламп. Освещение на улицах появилось к концу правления ко-

⁶ Тело Наполеона I в 1840 г. было извлечено из могилы (эксгумнировано) на острове Святой Елены и захоронено в Доме инвалидов в Париже.— *Прим. ред.*

ролевы Виктории⁷, а до этого вы должны были сами поставить лампу в раму и зажечь ее.

Мэйн-стрит — одна из самых интересных улиц, какие я знаю. Здесь тихо, лишь иногда можно услышать шелест старых банановых листьев, которые гонит перед собой пассат. Улица наполнена ароматами горящих поленьев и свежего хлеба — его выпекают в кондитерской Венджамона. Кавалькада осликов, вступающая в город с грузом дров и овощей, домашней птицы и фруктов, — типичное зрелище на улицах города.

Самое же необычное явление на Мэйн-стрит — это иностранец. В первое утро своего пребывания в Джемстауне я решил перед завтраком прогуляться от гостиницы до набережной. Проходя вдоль сада, я заметил человека, который подметал улицу. Когда он увидел меня, то от удивления окаменел на месте с метлой в руке и продолжал стоять, как громом пораженный, до тех пор пока я не скрылся за крепостными воротами.

Я уже говорил о том, что Джемстаун называют «маленьким городом». И это действительно так, но главное — то, что он совершенно изолирован, жизнь здесь протекает у всех на виду. И если вы решили вести двойную жизнь, то боже упаси делать это в Джемстауне.

Я все еще бреду по Мэйн-стрит. Вот кафе, куда пришли выпить чашечку кофе с бутербродами несколько посетителей, приехавших в Джемстаун за субботними покупками. Эти люди высланы на остров из метрополии. А вот дом, который не так давно был продан последним из Соломонов, — огромное здание, где как-то давала концерт сама Патти⁸. Я рассказывал уже о моей гостинице, о Консульском отеле, но здесь еще много таких домов, и каждый — история, записанная на старых кирпичках. В дни китового бума, когда американские моряки решили нажить себе капитал на китобойном промысле, жены шкиперов оставались, бывало, в отеле и здесь дожидались своих мужей, ушедших в южный океан.

⁷ Виктория (1819—1901) — королева Великобритании в 1837—1901 гг. Первые десятилетия ее правления совпали с периодом утверждения промышленной и колониальной гегемонии Англии.— *Прим. ред.*

⁸ Патти, Аделина (1843—1919) — знаменитая итальянская певица (колоратурное сопрано).— *Прим. ред.*

Рядом с Консульским отелом — старая живописная лавка «Малабар». Так называлось судно, которое разбилось, но груз его удалось спасти. Он был сложен как раз в этой лавке. На площади есть еще одна — ее называют «Рикмерс», по имени другого такого же судна — «Уилли Рикмерс». «Малабар» принадлежал Соломону, а чуть ниже по улице располагалась его контора, откуда он много лет руководил своим бизнесом, охватывавшим практически всю деловую жизнь Святой Елены. На острове нет банка, но мой чек я обменял в конторе Соломона. Без Соломона трудно представить себе остров Святой Елены.

За лавкой «Малабар» Мэйн-стрит разветвляется. В конце ее, ведущей к морю, стоит старый дом с шуточным наименованием «Чайник» — он действительно похож на старинный сосуд для чая. В начале прошлого века под деревьями, окружающими дом, происходил аукцион рабов. Брали свечу высотой в один дюйм, зажигали ее, и тому, кто давал последнюю цену, пока еще горела свеча, и доставался продаваемый раб.

Если идти от Мэйн-стрит по переулку влево, вы попадете в торговые ряды: благоухающая пекарня, лавка зеленщика и универмаг «Звезда», принадлежащий фирме Соломона. Магазины украшены к рождеству, витрины заполнены игрушками. И ни одной нет стоимостью более нескольких шиллингов — патетическая иллюстрация нищенского уровня жизни на острове.

Далее следует почта — весьма бойкое место, особенно в дни, когда приходят пароходы: ведь марки Святой Елены всегда в цене. В комнате над почтой во время моего визита на остров жил художник Освелл-Джонс — довольно бодрый старик, который всегда носил берет и ленточки трех войн. Старик рассказывал о себе: начал он свою творческую деятельность певцом в хоре Вестминстерского аббатства, потом был театральным художником, режиссером нескольких первых английских фильмов, расписывал церкви.

— Я никогда не имел постоянной работы, — говорил Освелл-Джонс.

При этом он вовсе не жаловался.

Будучи дежурным офицером в казармах Каср-эль-Нил в Каире, он был свидетелем того, как в военную комендатуру привели офицера без фуражки и ремня, в комнатных туфлях. Патруль принял его за жулика.

Этот человек оказался Лоуренсом Аравийским⁹. Вскоре после этого случая Освелл-Джонс послали в Джидду передать четверть миллиона золотых sovereignов для поддержки арабского восстания. И здесь он еще раз встретился с полковником Лоуренсом.

Освелл-Джонс женился на образованной островитянке. Его жена — она работает в библиотеке — научила меня разбираться в островной кухне.

— Я никогда не вернусь в Англию, — сказал мне Освелл-Джонс.

Самым старым человеком на острове в то время, когда я там побывал, был мистер Уоррен, который долгое время держал здесь аптеку. Он до сих пор заглядывает в свою аптеку, расположенную через дверь от почты. Семья Уорренов нередко приглашала меня в гости в свой дом на улице со странным названием «Дупло-в-Полдерева». Из окон дома видны бескрайние просторы океана. Когда я познакомился с «папашей» Уорреном, ему был восемьдесят один год. Прожив всю жизнь на острове, он сохранил, однако, весьма широкий кругозор. Это человек с большим юмором и чувством собственного достоинства, хорошо знающий свое дело.

Сестра Уоррена вышла замуж за аптекаря, который обосновался на Святой Елене и научил ее брата премудростям аптекарского искусства. После его смерти осталась редкая коллекция фотографий, рассказывающих об истории острова, среди них есть и такие, которые имеют большую историческую ценность. У самого Уоррена есть любопытная антикварная мебель. Он уверяет, что подставки его кровати — с подлинной постели Наполеона. Много лет назад он купил за пять шиллингов стол из красного дерева, сделанный искусным плотником. За ящиком стола Уоррен обнаружил письмо, написанное в XVII веке губернатором острова Антони Биллом. Письмо губернатор адресовал сыну, предостерегая своего отпрыска от увлечения вином и женщинами...

Уоррен рассказывал, что, работая в аптеке, он ни-

⁹ Лоуренс, Томас Эдуард (1888—1935) — английский разведчик, известный своей разведывательной, диверсионной и закулисной дипломатической деятельностью в странах Ближнего и Среднего Востока (в Сирии, Палестине, Египте, Аравии, Индии и Афганистане). — *Прим. ред.*

когда не получал более пятисот фунтов в год и все же этих денег хватало для вполне сносного существования семьи, состоящей из сына (сейчас он фермерствует в Девоне) и двух дочерей (обе замужем за связистами кабельной службы). Как-то один иностранец спросил Уоррена:

— Сколько мне надо здесь зарабатывать, чтобы сводить концы с концами?

— Трудно сказать, — ответил Уоррен. — Дайте мне понаблюдать за вами с полгода, узнать ваши привычки, и тогда уже я смогу ответить.

На острове много бедняков и внебрачных детей. Один епископ заметил Уоррену, что Святая Елена — самое аморальное место на земном шаре.

— Я совершенно не согласен с вами, — возразил аптекарь. — Прежде чем это утверждать, вам следовало бы побывать в Марселе или Буэнос-Айресе. Правда, благодаря солдатам, морякам и торговцам на острове много детей, не знающих своих отцов, но посмотрите, какие это здоровые ребяташки!

Я надеюсь, что, «блуждая» вместе с вами по Мэйн-стрит, мне удалось показать, что на Святой Елене живут самые разные люди.

От лавки Уоррена пройдем к дому Веллингтона. В этом сером здании с высокой лестницей сейчас салон ремесленных изделий Святой Елены. Когда на остров заходят лайнеры (это случается не часто), пассажиры идут сюда покупать кружева, бусы и полированные деревянные подносы с инкрустированным изображением пика острова. В этот дом в 1805 году переехал жить сэр Артур Уэлсли Веллингтон, будущий победитель Наполеона.

Мэйн-стрит заканчивается поселком, где раньше жили португальские моряки, основанным пришельцем из Южной Африки ван Риебеekom. Последние дома на Мэйн-стрит принадлежат государству. Здесь живут директор школы Ле Бретон, начальник порта мистер Бизар, здесь же расположено несколько государственных учреждений. На месте, где сейчас стоят эти дома, португальцы, собрав деревянную оснастку с потерпевших галеонов, выстроили нечто вроде храма. Поэтому поселок был назван «Храмовой Долиной» и носит это название по сей день.

Когда Наполеон в свое первое утро на Святой

Елене поехал по Мэйн-стрит, он свернул налево к «Чайнику» — на улицу, которая с тех пор носит его имя. Двухэтажные домики и коттеджи здесь очень древние, на постройку лестницы и стен шло дерево с разбитых кораблей.

В славные времена парусного флота у берегов Джемстауна бросало якорь в год до тысячи, а то и до полутора тысяч судов. Тогда на улице Наполеона располагались таверны для моряков. Девушки уговаривали дезертировать с кораблей матросов, которые вели разгульную жизнь у Боббинса или в других заведениях подобного рода до тех пор, пока у них не оставалось ни гроша. Тогда хозяин предьявлял гулякам расписки и выпроваживал их из заведения.

Поверните от «Чайника» направо, и вы увидите полицейского, регулирующего движение (непыльная на Святой Елене работа), рынок и рыбный базар и затем, за поворотом, уходящую вверх Базарную улицу. На острове нет почтовых ящиков. Но выйти из положения всегда можно. Отдайте письмо полицейскому, который стоит неподалеку от рынка, и он вручит его первому же водителю, едущему в нужном направлении.

На Базарной улице мне показали маленький автомобиль, сделанный в Англии, с номером «1». Стоил он семьдесят фунтов. Это — историческая машина, первый автомобиль, появившийся в 1929 году на острове, и он все еще был на ходу. До сих пор меня не покидает ощущение, что этот остров, удаленный от нашего безумного мира, следует оставить как последнее прибежище лошадей и колясок. В 1919 году автомобильное движение было здесь запрещено, и, когда этот вопрос вновь обсуждался девять лет спустя, многие поддержали запрет. «Время редко играет существенную роль в предпринимательской деятельности на Святой Елене», — писал по этому поводу губернатор.

Один из жителей, поселившийся на острове, чтобы убежать от прогресса, заявил, что покинет его, как только в порт прибудет первый автомобиль. И все же запрет был снят. Мистер Соломон купил себе автомобиль (тот самый, который я видел), а ненавистник прогресса вскоре приобрел второй. У меня самого есть права на вождение машины по острову, и все же я жалею, что познакомился со Святой Еленой не в те ленивые времена, когда здесь царили коляски.

На Базарной улице есть маленькая приветливая таверна «Белая Лошадь», а неподалеку еще одна — «Черная Лошадь». На этом месте раньше тоже продавали рабов. Эдуард Константин, директор школы, большой знаток истории острова, показал мне старое здание на этой улице, в котором разместилось Общество любителей механики и дружеской взаимопомощи. Такие общества, имеющие долгую традицию, играют важную роль в жизни острова. Их члены, обычно бедные люди, в рамках общества помогают друг другу в трудную минуту. Мистер Константин был президентом этого общества. Он открыл черный сундук, который эксперты Британского музея могут отнести к плотницкому искусству XVI века, показав фальшивое отверстие для ключа на передней его доске и подлинное, скрытое — сверху. Этот сундук, несомненно, поплавал на кораблях. Когда-то в нем хранились деньги общества, и поэтому даже теперь, когда кто-либо получает помощь, говорят, что он «попользовался сундучком». Обществу принадлежат также кресла палисандрового дерева времен королевы Анны и закругленные роговые подсвечники, которые некогда украшали каюты парусных судов.

— Остров — превосходное место для людей, разыскивающих антикварную мебель, — сказал мистер Константин.

Когда владелец одного из магазинов на Базарной улице показал мне коробку с разными монетами, я поинтересовался, много ли на острове нумизматов. Правда, сейчас здесь пользуются валютой Англии, но в прошлом в обращении было много денег самого различного происхождения. В XVII веке в ходу были в основном испанские доллары, которые называли еще «осмеринами». Позднее, когда на остров благодаря развитию торговли с Востоком стали заходить корабли других стран, моряки привезли сюда свою валюту. Здесь пассажиры морских судов избавлялись от нестандартных денег, которые охотно принимали торговцы Джемстауна. Так, в XVIII веке островитяне обнаружили, что им приходится жонглировать валютой семнадцати стран. В ходу были золотые дублоны и бенгальские мохеры, мoidоры, пагоды со звездочкой и венецианские цехины. В кассовых ящиках магазинов мадрасские рупии звякали о дукатуны, а немецкие

кроны, доллары Марии Терезии, португальские жозе, голландские гульдены, риксдоллары и франки — об английские шиллинги¹⁰. Однако в начале XIX века, несмотря на это разнообразие, обнаружилась нехватка мелкой монеты. Тогда Сол Соломон заказал на Лондонском монетном дворе для своей фирмы монетки по полпенса. Хотя их было начеканено более семидесяти тысяч, в наши дни они встречаются довольно редко.

Если идти вверх по долине от Базарной улицы, вы попадаете в Китайский переулок, где некогда жили китайские рабочие. Они прибыли на остров при губернаторе Битсоне в начале XIX века. Это были не рабы, а наемные сельскохозяйственные рабочие, которые за свой труд получали пищу и по шиллингу в день. Одно время их насчитывалось на острове более шестисот человек. Иногда люди из Макао вступали в драку с кантонцами, но в общем-то работали они хорошо и дружно. У китайцев был свой храм на территории плантации. В наши дни на Святой Елене нет ни одного коренного китайца, но у некоторых островитян отчетливо прослеживаются характерные для этой нации узкие глаза и высокие скулы.

На окраине Джемстауна расположилось несколько романтических старых поместий с садами. Одно из них — Уэльский дом. Здесь меня принимала мисс Причард, потомок старой фамилии, известной как на Святой Елене, так и в Южной Африке.

Полковник Причард был в числе тех, кто следил за Наполеоном. Внук полковника служил инспектором в Иоганнесбурге, и его именем названа одна из улиц этого города. Сейчас в Уэльском доме остался сад площадью в акр — это лишь малая часть того знаменитого сада, который поставлял провиант судам английской Ост-Индской компании. Мисс Причард всегда угостит вас манго, папайей, бананами, инжиром, японской мушмулой; гуайявами, грушами и розовыми яблоками. На холмах Святой Елены созревают все тропические фрукты. В саду мисс Причард я видел

¹⁰ Мохер (мохур) — старая золотая индийская монета, равна примерно 15 рупиям; мондор — старая золотая монета Португалии и Бразилии; пагода — старинная индийская золотая монета с изображением пагоды; риксдоллар — серебряная монета стоимостью около доллара, имевшая хождение в Нидерландах, Германии и Дании. — *Прим. пер.*

хлебное дерево и бразильскую вишню, финиковые и кокосовые пальмы, красные и белые олеандры, бугенвиллии двух видов.

Выше дома мисс Причард стоит последний — Мальдивский дом, или Мальдивия. Две сотни лет назад здесь размещался госпиталь, а теперь это официальная резиденция военного врача. Название Мальдивия напоминает о путешествии корабля «Дрейк» в 1734 году, который держал курс на Англию. Пересекая Индийский океан, моряки обнаружили вдали от суши лодку, в которой сидели десять жителей с Мальдивских островов. Все они умирали от жажды, и трое погибли уже на борту корабля. Пятерых мужчин, женщину и мальчика оставили на Святой Елене; они работали в саду, который и был назван Мальдивией. Здесь некоторое время отбывал ссылку вождь зулусов Дингаан¹¹. Жизнь его на острове, где вождь постоянно страдал от холода, скрашивали приветливая долина и окружавшие его соплеменники. Мне понравилось поместье Мальдивия с его маленькими окнами, остекленными кустарным стеклом. К сожалению, в деревянных стенах дома завелись белые муравьи, и вряд ли это историческое здание простоит больше десяти лет. Оно разрушится и придет в упадок, как и многие дома на Святой Елене. В саду Мальдивии растет самое большое манговое дерево на острове.

Воду для всех садов в долине берут из ручья, который называется «Поток». В ручей вода попадает из водопада «Сердце», который грохочет как раз над Мальдивией. Еще недавно наводнения были сущим бедствием для островитян. После сильного дождя в узкий каньон Джемстауна врывалась стена воды. Форты и плантации размывались, поля ямса покрывались камнями, потоки обрушивались в дома и подвалы. Самое большое наводнение за последние сто лет произошло в 1878 году: дома, магазины и мосты были разрушены, а улицы на много дней оказались забаррикадированы стволами деревьев, которые принесли с собой бешеные потоки. Не обошлось и без человеческих жертв.

¹¹ Дингаан (год рождения неизвестен — умер в 1843 г.) — верховный вождь зулусов в 1828—1840 гг. Потерпел поражение от англо-бурских войск при реке Инкоме в 1838 г. — *Прим. пер.*

Когда пересекаешь старый ров и проходишь через ворота к нижней части Джемстауна, то слева можно увидеть камень, на котором выбита линия, показывающая, как высоко стояла вода, прежде чем через ворота прорвалась в море.

Однажды я вел маленький, взятый напрокат автомобиль по серпантинам Лестничного Холма. Неожиданно на скале появилась мемориальная табличка. На ней были высечены имена девяти погибших 17 апреля 1890 года: с этого места на город обрушилась каменная глыба весом в полторы тысячи тонн.

Путешествуя по горам Святой Елены, следует быть очень осторожным. Скалы Джемстауна печально знамениты; в истории острова записано немало смертельных случаев, когда люди гибли, сорвавшись со скал, или были раздавлены оползнями. Обильные дожди и жаркий климат сильно разрушают, особенно на крутых местах, коварные вулканические породы — базальты, а также рыхлые сланцы. Катастрофа 1890 года была самой ужасной, но она может повториться, и с еще более тяжелыми последствиями.

В числе погибших 17 апреля были годовалый ребенок и мужчина шестидесяти лет. Кроме того, двенадцать человек было ранено, четырнадцать домов разрушено, большие участки дороги разбиты. Внизу я видел валуны, которые вызвали всю эту трагедию.

Я верю не столько официальным документам, сколько показаниям очевидцев. Без труда удалось разыскать старых людей, которые еще помнили катастрофу.

— Было два часа ночи. Все спали,— рассказывает мистер Уоррен,— когда с оглушительным шумом раскололась скала. Воздух наполнил запах серы, казалось, будто разверзся ад. Ночь была темной, хоть глаз выколи. Это было ужасно. Весь город охватила паника, и никто не знал, куда бежать.

Большинство жертв нашли свою смерть в постели. Рассказывают о самых причудливых капризах судьбы. Крышу дома госпожи Мак-Лафлин пробили две каменные глыбы, но все его обитатели отделались лишь несколькими шишками. Двадцатипятитонная скала упала во двор дома мисс Бэгли, обрушила спальню и придавила хозяйку между кроватью и гардеробом. Ее, как и многих других, спасли моряки с корабля «Ар-

чер», который в ту ночь стоял на якоре у острова. Моряки вышли на берег, вооруженные лопатами и тачками, ломом и кирками, и отрывали мертвых и раненых при свете фонарей. В знак сочувствия жертвам они основали фонд помощи; каждый член экипажа всех стоявших на рейде кораблей, начиная от капитанов, пожертвовал свою суточную зарплату.

Кое-кто из жителей острова жили в то время в пещерах, хотя это и было запрещено. Глыба пролетела как раз над входом одной из пещер, но никто внутри не пострадал.

На Святой Елене не особенно заботятся о памятниках. В память о погибших в 1890 году рядом с почтой на Мэйн-стрит был сооружен великолепный фонтан. Теперь он уступил место куда менее интересной электрифицированной стоянке для машин.

5 мая 1921 года, ровно через сто лет после смерти Наполеона, батарея на Лестничном Холме отметила эту дату залпом из пушек небольшого калибра. Она дала пятьдесят выстрелов в этот день и еще пятьдесят на следующий, а через четыре дня после этого весь утес с той стороны холма, что обращен к морю, сполз вниз. На этот раз обошлось без жертв, но это событие послужило напоминанием тому, что подобные катастрофы неизбежны. Геологи полагают, что, с тех пор как остров поднялся над поверхностью океана, он потерял около трети своей массы. И на этом деле, видимо, не кончится. Так что Святая Елена — не место для залпов.

Не раз и не два остров оказывался прибежищем робинзонов. Жуан-ди-Нова Каstellо, португалец, открывший остров в 1502 году, оставил здесь несколько коз, ослов и свиней. (Жаль, что и коз тоже¹².) А через пятнадцать лет на острове появился первый поселенец. Это был португальский дворянин Фернандо Лопес; за измену и предательство палач в Гоа¹³ отре-

¹² Козы уничтожают кустарниковые заросли и молодую древесную поросль, способствуя таким образом быстрому исчезновению естественной растительности.— *Прим. ред.*

¹³ Гоа — бывшая колония Португалии на западном побережье полуострова Индостан. Занимает небольшую территорию Малабарского берега на стыке штатов Бомбей и Майсур и прилегающие мелкие острова.— *Прим. ред.*

зал ему правую руку, большой палец левой руки, уши и нос. Тем не менее Лопес выжил и уехал из Гоа на судне, шедшем в Лиссабон.

Корабль зашел на Святую Елену пополнить запасы свежей воды. К этому времени Фернандо Лопес пришел к выводу, что в таком виде не может предстать перед женой: он спрятался в лесу и выждал, пока судно отплывет. К счастью, матросы пожалели несчастного и оставили ему бочонок сухарей, вяленое мясо, сухую рыбу, соль и старую одежду. Они зажгли костер, от которого в дальнейшем поддерживал Лопес огонь. В прощальном письме матросы советовали Лопесу подавать сигналы проходящим судам и просить о помощи, если он будет в чем-либо нуждаться.

Корреа, португальский историк, составил живое и подробное описание приключений Лопеса. Создается впечатление, что изувеченный «Робинзон» вовсе не чувствовал себя несчастным, потому что на острове не было ни одного человека, который смотрел бы на него с отвращением или сожалением.

В то время остров был покрыт лесами. На пляж заползали черепахи. Иногда Лопесу удавалось убивать одичавших коз или свиней. Он собирал «много нежных корешков, есть которые было весьма полезно». Рыба ловилась без труда. Через некоторое время Лопес нашел камни, из которых высекал искры, так что теперь можно было уже не заботиться о поддержании огня. Жил он в пещере, которую вырыл в Храмовой Долине.

Прошел год, и у острова бросило якорь португальское судно. Лопес испугался, что его отправят обратно в Индию и бросят в тюрьму. Он убежал далеко в лес, взобрался на скалу, откуда следил за тем, как судно отчаливало от острова. Вернувшись в пещеру, «Робинзон» обнаружил запас сухарей, португальские сыры, рис и другой провиант; было приложено также и письмо, в котором говорилось, чтобы он не прятался, а просил о чем захочет у команды проходящих судов. Никто его не тронет. Это была хорошая новость для отшельника. На пляже он обнаружил захлебнувшегося морской водой петуха, которого потом выхаживал.

И все же Лопес по-прежнему не доверял людям. Еще долгих десять лет он скрывался в лесах, когда

над скалами показывался парус. Его пещеру посетили сотни португальских моряков. В конце концов об отшельнике на Святой Елене прослышал король Жуан III, который направил ему письмо с прощением всех прегрешений и гарантией безопасного возвращения в Лиссабон.

Однако Лопес все еще колебался. И тут на острове в образе яванского мальчика-раба появился «Пятница». Мальчишка удрал с корабля. Но «Робинзон» и «Пятница» не сумели ужиться друг с другом. Когда очередное судно причалило к берегу, яванец предложил морякам показать место в лесу, где скрывался Лопес. Так он и был обнаружен. Однако португальский капитан не собирался силой везти Лопеса в Португалию и выдал ему в этом письменную гарантию. Лопес обещал в свою очередь не скрываться более в лесу от моряков.

Наконец настал день, когда Лопес принял великое для себя решение вернуться на родину. В Португалии он был принят королем и королевой, потом отправился в Рим исповедоваться в грехах и имел здесь аудиенцию с Папой. Когда Папа спросил о самом большом его желании, Лопес ответил:

— Я хотел бы вернуться к мирному уединению Святой Елены, но боюсь, что король откажет мне в этом.

Благодаря поддержке Папы Лопес вскоре вернулся на остров. На этот раз он обосновался здесь более комфортабельно. «Он показывался на глаза и даже беседовал с моряками, те снабжали его семенами и растениями,— сообщает Корреа.— Он посадил много тыкв, гранатовых деревьев и пальм. Держал уток, кур, свиней и коз с козлятами, причем животные быстро размножились и дичали в лесах».

Лопес умер в 1545 году, прожив в одинокой долине, на месте теперешнего Джемстауна, почти тридцать лет. Одиночество устраивало его и позволило примириться с физическими недостатками, которые стали бы, наверное, проклятием всей его жизни.

Среди отшельников острова следует также упомянуть африканских и яванских рабов и рабынь, бежавших вплавь с португальского корабля. Гигантские эвкалипты, которые в изобилии росли на острове, были отличным убежищем, и найти беглецов оказалось не-

возможным¹⁴. Рабы питались фруктами и овощами, посаженными Лопесом, одичавшим крупным и мелким рогатым скотом. Неясно, покинули ли они остров или вымерли; известно лишь, что вновь пришло время, когда на острове остались одни животные. Разве только иногда с португальских судов привозили на Святую Елену больных моряков, которые, поправившись, уплывали потом на следующем проходящем мимо судне.

Иногда сюда заглядывали и пираты, в том числе знаменитый английский пират Эдуард Фентон. Побывал здесь и смутьян Бермудес¹⁵. Он поссорился с капитаном и настоял на том, чтобы его вместе с рабами высадили на берег. Бермудесу пришлось дожидаться целый год, пока на остров зашел другой корабль. В 1583 году на Святую Елену высадились три посланца из Японии. Они направлялись в Рим, так как кто-то из миссионеров-иезуитов посоветовал им просить аудиенции у Папы. Нужно признать, что это была довольно странная затея, особенно принимая во внимание расстояние Японии от Европы, которое по тем временам представлялось почти непреодолимым.

Около ста лет португальцам и их друзьям — испанцам удавалось держать в секрете самое существование острова, на который заходили только португальские суда. В конце концов англичанам удалось выведать секрет у штурмана испанского галеона, который был ограблен и сожжен корсаром, англичанином Джоном Кавендишем¹⁶. Кавендиш нашел остров в 1588 году и составил отличное описание его. На Святой Елене к тому времени жили только рабы, но Кавендиш обнаружил в долине церковь, сложенную из кирпичей, и два дома. «Эта долина — самое большое и самое приветливое из ущелий. Здесь очень приятно жить, вся земля засажена фруктовыми деревьями и полезными растениями, — писал Кавендиш. — На острове тысячи коз, притом диких, иногда стадо их растягивается чуть ли не на милю. Они очень проворно бегают, и

¹⁴ Эвкалипты были привезены из Южной Африки, куда, в свою очередь, попали из Австралии. — *Прим. ред.*

¹⁵ Бермудес, Хуан (умер в 1575 г.) — испанский путешественник XVI в., открывший Бермудские острова. — *Прим. ред.*

¹⁶ Кавендиш, Томас Джон (1555—1592) — английский пират, мореплаватель. В 1586—1588 гг. совершил кругосветное плавание, пройдя из Атлантического океана в Тихий через Магелланов пролив. — *Прим. ред.*

все же их так много, что нам удалось убить не один десяток».

Кавендиш тогда еще не знал, что козы станут проклятием острова. Эти рогатые дьяволы погубили все съедобные растения. Только в последнее время удалось найти на них управу. По-видимому, ко времени, когда остров посетил Кавендиш, козы еще не затронули культивированные участки, потому что он описывает долину «настолько заполненной фруктовыми деревьями и отличными посадками, словно это был ухоженный сад. Длинными рядами тянутся деревья с лимонами, апельсинами, гранатами, финиками и фигами; одни деревья стоят в цвету, на других висят зеленые плоды, третьи увешаны зрелыми фруктами».

Из голландцев, первыми побывавшими на острове, стоит упомянуть Ван Линшотена, который назвал Святую Елену «зеленым раем», «волшебной находкой для португальских судов, где моряки могут отдыхать и пополнять свои запасы». Но настали времена, когда португальцы едва осмеливались бросать якорь близ острова, который они некогда колонизовали. Хроникер тех времен пишет: «Их права оспаривали громким языком пушек англичане и голландцы».

Когда Ван Риебеек основал первое поселение в Капской провинции, остров был необитаем. В 1654 году он выслал на остров галеон «Тюльп» навстречу возвращавшемуся с востока голландскому судну. На «Тюльп» перегрузили большую часть запасов риса, сахара и пшеницы. Позднее уже сам остров снабжал Ван Риебеека. Например, со Святой Елены ему на корабле «Нахтглас» завезли саженцы фруктовых деревьев. А через некоторое время, в 1658 году, Святая Елена был занята англичанами под командованием капитана Джона Даттона, и остров уже перестал быть «ничьей землей».

Глава девятая

ОСТРОВ ИЗГАННИКОВ

На первый взгляд крепость острова Святой Елены кажется тюрьмой с суровым режимом для тех, кого отправляли сюда в ссылку. Сначала я тоже так ду-

мал, однако, изучая хронику крепости, нашел там много сообщений, свидетельствующих о том, что человеческая изобретательность может преодолеть оковы тюрьмы, даже затерянной среди океана.

Однажды вечером я прогуливался вдоль мола и смотрел на проходившие рыбачьи боты. Тогда еще был жив Чарли Мойс, старый рыбак, который уверял, что знает всю подлинную историю Святой Елены и помнит все события, происходившие на острове. Он часто похвалялся, что если бы жил во времена Наполеона, то сумел бы вывезти императора с острова из-под носа английской армии и военных кораблей, конечно если бы бывший император отблагодарил его соответствующим образом. Чарли Мойс рассказал мне о людях, которые безуспешно пытались бежать с острова, и о тех, кому это удалось.

В тот вечер Чарли показал мне на открытую рыбачью лодку, узкую, заостренную с обеих сторон, футов тринадцати длиной.

— Старый вельбот, — заметил Чарли. — В такой лодке, мистер, можно добраться до самой Бразилии. Конечно, если в нее сядет человек с головой.

В лодке лежали четыре тунца и связка необыкновенно вкусной рыбы — «бычьего глаза». Рыбаки пробыли в море не один день. Я видел, как они выносят на берег свои примитивные орудия лова: бамбуковые мачты, паруса, изготовленные из домотканой парусины, каменный каллик — самый простой из всех якорей, бочонок с водой, нарезанную на кусочки макрель — наживу, на которую сбежались теперь сюда все портовые кошки.

Да, уже много веков люди выходили в море на суденышках ничуть не больших, чем этот крохотный вельбот, имея под рукой лишь самое необходимое, а то и вообще безо всего. И многие из них выживали.

Одно из моих первых открытий в архивах был протест президента английской Ост-Индской компании против решения сделать Святую Елену местом заключения Наполеона — документ, который историки оставили как будто бы без внимания. По-видимому, британское правительство выбрало именно этот остров потому, что сюда не заходили иностранные суда. Президент, однако, указывал на то, что компания не хочет брать на себя никакой ответственности, так как

«попытка Наполеона к бегству может увенчаться успехом». Он уведомлял также, что войсковые части, которыми располагает компания, «самого последнего сорта». И все же предупреждения не возымели должного действия на правительство. Известно только знаменитое изречение Уоррена Хастингса: «Святая Елена слишком красивое место, чтобы стать государственной тюрьмой».

Наполеону, как известно, удалось бежать лишь в могилу. Однако, когда бывший император прибыл на остров, он был еще вполне здоров и легко мог взбираться на скалы. Площадь острова составляет всего сорок семь квадратных миль, но у него очень изрезанная береговая линия. В те времена, так же как и теперь, можно было найти людей, которые знали тропы, не обозначенные на картах. По ним из Лонгвуда вполне можно было добраться до неохраемых участков побережья, усеянного нагромождениями камней. Наполеону, таким образом, потребовались бы лишь опытный проводник и судно с командой, укрытое за скалами. Ему легко удалось бы пройти мимо сторожевых постов Лонгвуда в достаточно темную ночь; это было бы намного безопасней и проще, чем бегство из немецких концентрационных лагерей во время второй мировой войны. Прежде чем занялся новым днем, судно Наполеона оказалось бы уже вне пределов досягаемости, так как в век парусов капитаны не боялись погони. Основным препятствием оставался только сам океан. В Южной Атлантике погибали многие, но большинству удавалось все же спастись. Так что трудно согласиться с критиками губернатора сэра Хадсона Лоу, которого обвиняли в том, что тот жесткими предписаниями и обилием сторожевых постов унижил Наполеона. Следует, однако, не забывать, что Лоу предложил Наполеону выбор для поселения в любом месте на острове, за исключением Джемстауна, с условием, что бывшего императора дважды в сутки будет посещать британский офицер. Наполеон отказался, и только тогда губернатор принял меры, чтобы история на Эльбе не повторилась на Святой Елене¹.

¹ Остров Эльба был местом первой ссылки Наполеона I (с 4 мая 1814 г. по 26 февраля 1815 г.), последовавшей вслед за крушением наполеоновской империи и отречением Наполеона от престола.— *Прим. ред.*

Меня интересовали бытующие на острове легенды о попытках Наполеона к бегству. Скорее всего они совершенно необоснованны. Считают, что Сол Соломон, «король торговцев на Святой Елене», предлагал бывшему императору прислать в чайнике свернутую шелковую лестницу. По этой лестнице Наполеон будто бы должен был спуститься со скалы прямо в ожидавшую его внизу лодку. Существует другая версия, рассказанная мисс Бэгли, которая в 1894 году была экономкой крепости, и записанная адмиралом сэром Гербертом Кинг-Холлом, бывшим в то время капитаном корабля британского флота «Мэгпай». Бэгли было тринадцать лет, когда умер Наполеон. Она рассказывает, что император чуть было не сбежал, спрятавшись в бочке. Заговорщики перенесли его на подветренную сторону острова, где дожидался уже стоявший на якоре американской китобой. Однако английские солдаты проверили содержимое бочки, и заговор был раскрыт.

В то же время меня несколько не удивляют истории об удачных побегах рабов, солдат и других дезертиров. Так, в начале XX века со Святой Елены сбежал военнопленный бур. Святая Елена триста лет назад принадлежала английской Ост-Индской компании². В начале XIX века война с Францией явилась причиной того, что на острове начались перебои с продовольствием³. Солдаты были голодны, им не платили. Один сержант, по имени Джексон, поднял восстание, бросил захватил несогласных с ним в подземелье крепости и захватил небольшой корабль, называвшийся «Фрэнсис и Мэри». Джексон и его сподвижники прихватили с собой не только воду, продовольствие, но и казну компании и другие ценности. В качестве заложника и штурмана они взяли также на борт опытного капитана. В хрониках острова нет больше никаких упоминаний об этой истории, но скорее всего оснащенный всем необходимым корабль благополучно добрался до материка.

² Остров Святой Елены был захвачен Великобританией в 1673 г.— *Прим. ред.*

³ Великобритания вела войну с Францией под лозунгом борьбы против «наполеоновской тирании». В действительности это была война за европейские рынки, торговую и колониальную гегемонию.— *Прим. ред.*

В XVIII веке попытку к бегству осуществили четыре солдата, служившие во времена жестокого губернатора Пайка. Их звали Флеркас, Бейтс, Поултер и Шоулс. Отслужив положенный срок, они должны были возвратиться домой. Но Пайк не захотел с этим считаться и не отпустил их в Англию. Тогда Флеркас, портной по профессии, начал изучать навигацию. Однажды ночью они украли баркас, взяли с собой месячный запас продовольствия и, покинув Святую Елену, доплыли до острова Невис в Вест-Индии⁴. Директора компании сделали Пайку следующий выговор в письменной форме: «Создается впечатление, что Вы вели себя слишком предубежденно в деле Флеркаса и тех троих, которые бежали на баркасе, так как за неподчинение Вашему приказу им угрожала смерть. Флеркас и Шоулс приехали в Англию в июле, чтобы представить доказательства в свое оправдание и пожаловаться на Вашу жестокость, которая вынудила их прибегнуть к такому отчаянному шагу. Они привезли журнал, согласно которому проделали путь в 1428 лиг. По-видимому, Флеркас весьма способный моряк».

И действительно, он оказался одаренным мореходом. Ведь если пересчитать лиги в мили, то получится что-то около четырех с половиной тысяч миль... Правда, подобный же подвиг совершили сто лет спустя один артиллерийский сержант, шесть солдат и раб по имени Джон-Надежда. Они тоже выкрали ночью баркас, взяли на борт воду, провиант, семь мушкетов и были таковы. На острове все считали, что они погибнут. Однако на следующий год из поездки в Англию вернулась одна африканка, которая сопровождала свою госпожу, и заявила, что видела дезертиров в Лондоне, слышала их рассказы о том, как они доплыли до Бразилии.

Вскоре Джон-Надежда вернулся на Святую Елену; он утверждал, что вовсе и не собирался бежать, а дезертиры вынудили его присоединиться к ним.

В XVIII веке остров на шлюпках, катерах и других небольших посудинах покинуло немало солдат и рабов. Я нашел упоминание о подобных побегах в одном документе, из которого следовало, что беглецы

⁴ Остров Невис находится в группе Малых Антильских островов.— *Прим. ред.*

были «неграмотными и недобрыми людьми, провизии у них было всего на несколько дней, так что они, без сомнения, погибли».

Самым удивительным (и самым отчаянным) был побег, организованный в 1799 году канониром Мак-Кинноном. Он часто подолгу прогуливался по острову со своим другом, солдатом Джоном Брауном. Однажды, когда они смотрели с высокой скалы на безбрежную гладь океана, Мак-Киннон сказал, что на этом удаленном от всего мира острове чувствует себя, как в тюрьме.

— Я готов рискнуть чем угодно, лишь бы вернуться в Англию, — добавил он.

Браун согласился присоединиться к нему. Еще четверо солдат — Самюэль Мак-Квинт, Чарльз Бригхаус, Уильям Парр и Теренс Конвей — также решились на побег. Прежде чем стать солдатом, Парр некоторое время служил моряком. Это был человек «с приятными манерами и наружностью». Он полагал, что капитан Лелар с американского китобоя «Колумбия», стоявшего в гавани, не откажет им в помощи.

Капитан предложил взять с собой всех шестерых. Однажды ночью они отправились в море на маленькой лодчонке, чтобы пересечь на китобой, стоявший на швартовых. Но едва беглецы ступили на американское судно, как услышали барабаны на берегу и увидели цепочку фонарей, приближавшуюся к гавани; им показалось, что побег обнаружен. Парр предложил сойти с корабля, выйти в море и там дожидаться «Колумбии». Капитан Лелар согласился. Парр взял с собой квадрант, карту, перо, чернила и бумагу на случай, если потребуются прокладывать курс; капитан китобоя дал им бочку воды и двадцать пять фунтов хлеба. В лодке лежала бухта каната, пять весел, но паруса не было; она протекала, и все шестеро постоянно вычерпывали воду шляпами. Они вышли в море по курсу, о котором договорились с американцами, но так и не сумели встретиться с «Колумбией».

Когда стало ясно, что надеяться не на что, они сделали из платков парус и взяли курс на остров Вознесения, где думали продержаться, питаясь мясом черепах, до прихода какого-либо судна и назвать себя моряками, потерпевшими кораблекрушение. Браун заявил, представ два года спустя перед судом: «Взяв сом-

нительный курс, оторванные от людей и полные неопределенных надежд, мы отправились навстречу жестокой и злосчастной судьбе».

Беглецы покинули Святую Елену 10 июня. Через восемь дней они увидели тучи птиц над водой, но остров Вознесения так и не показался. Парр сказал, что они, видимо, прошли мимо него, и сменил курс с веста на норд — в направлении Рио-де-Жанейро. Из рубашек беглецы сделали парус. Плыть оставалось еще долго, и Парр уменьшил рацион до одной унции хлеба и двух глотков воды в сутки на человека.

— Чтобы убить время и не думать о нашей страшной участи, мы беседовали о прелестях городской жизни, о радостях молодости, о друзьях, которых увидим в Англии,— вспоминал Браун.

Через пятнадцать дней после побега хлеб кончился. Мак-Квин начал жевать бамбук, остальные последовали его примеру. Как-то ночью Браун вспомнил о том, что можно спастись от голода, употребив в пищу кожу. Первый кусок ботинка он выплюнул, потом взялся за внутреннюю часть подошвы; она показалась на вкус приятней, и Браун распределил ее между товарищами.

— Но и это нам не помогло,— продолжал он свой рассказ.

Через три недели Парр поймал дельфина. Это оказалось очень своевременно, как говорит Браун:

— Мы все упали на колени и возблагодарили господа за его доброту.

Несчастные разорвали тушу и развесили куски для просушки. На дельфиньем мясе продержались еще четыре дня. Но вскоре снова начал мучать голод. Парр, Бригхаус, Конвей и Браун решили покончить счеты с жизнью и потопить лодку. Двое других возражали, говоря, что бог, который создал человека, всегда найдет, чем его накормить.

— Мы едва ворочали языком,— сообщал Браун,— и были настолько слабы, что, проделав самые необходимые движения, требовавшиеся для управления лодкой, покрывались холодным потом.

5 июля все были уже в таком плачевном состоянии, что Мак-Киннон предложил кинуть жребий — один из них должен был умереть, чтобы спасти остальных. Другого выхода не было. Парра освободили от уча-

ствия в этой лотерее, потому что он болел тропической лихорадкой. Парр написал номера и бросил их в шляпу. Остальные с закрытыми глазами вытащили записки и положили в карманы. Только после этого увиделись, что номер пятый должен умереть. Фатальный номер оказался у Мак-Киннона, человека, который затеял эту игру со смертью. Он сдержал слово.

Утром 8 июля Браун заметил, что цвет моря изменился, а вскоре прямо по курсу показалась земля. Берег омывался сильным прибоем, а беглецы были слишком слабы, чтобы удержать лодку на плаву. Она перевернулась. Мак-Квиит и Бригхаус утонули, а Парра, Конвея и Брауна волной выбросило на сушу.

Они оказались в Бразилии. В хижине на берегу жили индейцы, которые и сообщили о происшествии правительственным чиновникам. Губернатор округа прислал им молоко и рис.

— Мы уже давно ничего не ели, и поэтому каждый кусок пищи стоил большого труда,— вспоминал Браун.

Между тем дезертиры уже придумали в свое оправдание целую историю. Их привезли в Сальвадор⁵, и здесь Парр рассказал губернатору, что он капитан судна «Салли» из Ливерпуля, которое-де потерпело кораблекрушение. Печальная история несчастных мореплавателей настолько потрясла жителей Сальвадора, что они собрали фонд помощи потерпевшим и дали каждому по двести фунтов. Парр и Конвей отправились в Европу, а Брауна оставили в больнице в Рио-де-Жанейро.

Когда Браун выздоровел, его завербовал капитан английского корабля «Диадема». Корабль шел к Кейптауну, и тут Браун сознался, что он дезертировал со Святой Елены.

— Я хочу, чтобы о наших муках узнали все солдаты гарнизона на Святой Елене и чтобы никому больше не пришла в голову эта ужасная затея,— закончил Браун свое признание.

К нему отнеслись со снисхождением, простили дезертирство, и первый же чиновник Ост-Индской компании взял его с собой на родину.

⁵ Сальвадор — крупный порт на восточном побережье Бразилии.— *Прим. ред.*

Для Брауна эта история кончилась благополучно, но в хрониках острова сохранилось одно ужасное свидетельство трагедии в открытом океане — это записка, оставленная Мак-Кинноном, перед тем как он вскрыл вены на руках. Он писал: «Мой дух угасает, надежда оставила меня, но я все еще живу любовью к моим детям и товарищам. Должен ли я погибнуть от голода в этой водной пустыне?.. Когда я оглядываюсь вокруг, то вижу бледные лица и лихорадочные глаза товарищей по несчастью; мне кажется, что они упрекают меня за то, что я вверг их в беду. Да, моя гибель будет расплатой за то, что я уговорил их бежать от долга, от общества, от всего того, чем наполнена человеческая жизнь».

Глава десятая

ОСТРОВ ВОЗНЕСЕНИЯ (Ассеншен)

На вид остров Вознесения (Ассеншен) угрюм и неприветлив, окутан мистикой, как, впрочем, и все, что встречается в океане. Он видел много страданий и трагедий. И все же островитяне вполне серьезно станут уверять вас, что это — одно из счастливейших мест на свете. Меня всегда поражала их удивительная привязанность к своей родине.

Вулканическая головешка, заброшенная среди Южной Атлантики, приводила в уныние пассажиров океанских лайнеров, курсирующих в этих районах. Покидая остров Вознесения, они с благодарностью думали о собственной судьбе, которая уносит их все дальше от этих мест. Потерпевший здесь кораблекрушение еще до того, как остров стал обитаем, несомненно погиб бы от жажды. В этом можно не сомневаться.

Признаться, вначале я тоже не был пленен чарами острова. Но если какое-то место поражает меня, то особенно интересно раскрыть его секреты. В данном случае сделать это оказалось непросто.

С помощью губернатора острова Святой Елены и пароходной компании «Юниэн Касл» мне удалось

дважды побывать на острове Вознесения. Благодаря связистам кабельной службы и их женам, которые были моими попутчиками и много рассказывали о годах, проведенных на острове, я, как мне думается, докопался до его тайн.

Чтобы посетить остров, надо иметь два специальных разрешения — от капитана вашего судна и от губернатора Святой Елены или магистрата острова Вознесения. Решение капитана зависит от погоды — могут внезапно появиться гигантские валы и придется уходить в море, оставив пассажира на острове до подхода следующего судна. Поэтому пассажирам редко разрешают высаживаться на острове.

Только эксцентричные чудачки вроде меня добровольно рвутся на берег. «Передо мной открылся остров, не прелестно улыбочивый, а оскаленный страшной гримасой», — писал Чарльз Дарвин, глядя на появившийся перед ним ландшафт. Он не смог найти там и деревца. «Ад с притушенным огнем» — так отозвался о нем один американец.

Остров Вознесения состоит из сорока маленьких потухших вулканических вершин. По форме он весьма приблизительно напоминает колокол с кромкой длиной около двадцати миль и верхушкой, увенчанной пиком Грин (875 м), уходящим в облака. Это фантастическое нагромождение шлака, потоков черной лавы и песка, зловещих холмов и вулканических кратеров. Геологи утверждают, что остров образовался довольно поздно, ему всего пятьдесят тысяч лет. Ассеншен и по сей день стоит неприкрытый, и пройдет еще много тысячелетий, прежде чем остров оденется в подобающий ему зеленый наряд тропиков. «Чертово Поддувало», «Кубок Дьявола», «Манеж Дьявола», «Пещера Мертвеца» — какими только зловещими прозвищами не награждали остров! Лава и пыль, скорпионы и москиты — настоящий остров-пустыня, тоскливая, выжженная солнцем.

Остров Вознесения взывает ко мне, напоминая, что еще не нашлось автора хотя бы одной каблограммы, которая поведала бы миру о жизни, прикрытой завесой тайны. Связисты и их жены проводят годы в непривычной, подчас романтической изоляции. Одному такая ссылка кажется приятной, для другого она — тяжкое испытание, но чаще всего исполнена драматизма. Однако тайны на острове всегда есть. Весь XIX и

начало XX века кабели, проложенные по дну океана, обслуживают торговые трассы, соединяют отдаленные атоллы и океанские острова с большими городами. И на всех пунктах трассы связисты стойко выдерживают превратности судьбы. Они знают радость и горе, их терзают приступы одиночества и подстерегает немало опасностей. Собравшись, связисты рассказывают друг другу самые фантастические истории, какие можно представить, но никто из них не пишет мемуаров. Полистайте «Зодиак», журнал кабельной службы. Просмотрите любую подшивку, и вряд ли вам удастся обнаружить что-нибудь, кроме описаний обедов и крикетных матчей, а также немногочисленных рассказов о путешествиях, иллюстрированных превосходными фотографиями.

Я встретился однажды с Эдгаром Миддлтоном, бывшим кабельным связистом, написавшим пьесу под названием «Жена Потифара» и заработавшим на ней восемьдесят тысяч фунтов. Однако ни в этой пьесе, ни в какой-либо другой напечатанной им работе не отразились воспоминания о его жизни на станции кабельной службы. Мне еще ни разу не приходилось встречаться с подобным пренебрежением к великолепной теме.

Итак, перед нами остров Вознесения — одна из заброшенных станций кабельной связи, никем не воспетая, остров, над бесплодными берегами которого витает большой знак вопроса.

Был День Вознесения, когда Жуан-ди-Нова завидел остров в дымке облаков. Шел 1501 год. Капитан направил корабль к береговым отмелям и бросил там якорь. Жуан-ди-Нова и его моряки были, несомненно, первыми, кто ступил на остров. По всей вероятности, именно они оставили здесь коз для потерпевших кораблекрушение, так как о наличии коз упоминают более поздние путешественники.

Остров Вознесения, подобно Столовой бухте, давно уже служит океанским почтовым ящиком. Наваретт, монах-путешественник нищенствующего ордена, посетивший остров в конце XVII века, писал: «Моряки всех наций имеют обычай оставлять здесь письма, запечатанные в бутылку, которую кладут в одну из расщелин в скалах, и первое же судно, которое идет в противоположном направлении, забирает эти письма».

Эта расщелина на юго-восточной оконечности острова помечена бакеном и до сих пор зовется Почтовым Ящиком.

Вначале на остров заходили только португальцы, и они проделали тропу от северо-восточного залива до вершины. Ее можно проследить и сейчас. Они же, видимо, поставили на нынешней горе Крестовой, что доминирует над городом Джорджтаун, деревянный крест. В одном из манускриптов (я нашел его среди вахтенных журналов и дневников библиотеки Британского музея в Лондоне, интересуясь прошлым острова) высказано предположение, что в этом месте похоронен моряк и большой крест поставлен над его могилой.

До 1816 года остров Вознесения не принадлежал Британии, но английские корабли заходили на него за сто и больше лет до этого. Голландец Струис упоминает, что в 1673 году англичане использовали Ассеншен как место встречи судов. «Весь остров,— пишет он,— совершенно белый от помета чаек, бакланов и диких гусей, которые прилетают на остров для спаривания; прокормиться им нетрудно — берега завалены здесь дохлой рыбой».

Ровно через двести лет после открытия острова на нем появились первые жертвы кораблекрушения. Это был Уильям Дампир¹ со своими людьми. Дампир, в прошлом пират, стал со временем знаменитым путешественником. Он возвращался из долгого плавания, во время которого по поручению британского Адмиралтейства обследовал побережье Австралии. Его судно, двухпалубный «Роубак», дало течь, и насосы не могли откачать воду. Дампир вынужден был посадить судно на прибрежную мель на юго-восточном берегу острова между Пемзовой Пещерой и Столовой бухтой (в последние годы здесь были обнаружены остатки корпуса и рангоута, возможно, они принадлежали «Роубаку»). Потом он велел сделать плот и переправил на берег команду — с постелями и сундуками.

У Дампира осталось еще время, чтобы снять паруса и сделать из них палатки. Удалось спасти также большую бочку с солониной, мешок риса и тридцатише-

¹ Дампир, Уильям (1652—1715) — английский мореплаватель, совершивший три кругосветных плавания.— *Прим. ред.*

стигаллонную бочку свежей воды. К несчастью, среди команды оказались воры, и некоторые продукты пропали. Люди страдали от жажды, но на шестой день Дампир увидел в долине коз и, выслеживая их, добрался до водооя, который до сих пор называют «Ручьем Дампира». Здесь осадки выпадают на толстый слой глины, с которого вода стекает на скалу, обросшую мхом и папоротником — адлантумом². Эта струйка воды и спасла команду Дампира.

На полпути к вершине Грин находится Пещера Дампира — здесь жили потерпевшие. Они питались крабами, морскими птицами, черепаками и козами. Как полагается каждому островитянину, Дампир, по легенде, недалеко от пещеры зарыл клад. Немало моряков и сосланных на остров телеграфистов искало этот клад, но все впустую. Если вы внимательно прочтете (как это сделал я) отчет самого Дампира о гибели «Роубака», то не найдете никаких упоминаний о сокровищах. Дампир жалуется, что во время гибели корабля потерял все свои книги и бумаги, и это единственное, о чем он сожалеет. Он нашел дерево, на котором были вырезаны якорь и якорная цепь, здесь же стояла и дата: 1642 год. После сорокадневного пребывания на острове Вознесения моряков подобрала эскадра из трех военных кораблей и одного судна Ост-Индской компании. Через несколько лет мы вновь видим Дампира во главе экспедиции, той самой, во время которой на острова Хуан-Фернандес попал Александр Селкирк (Робинзон Крузо). И он же был капитаном судна, которое через пять лет забрало Селкирка.

Через четверть века после гибели «Роубака» здесь потерпел крушение и погиб еще один моряк. История эта была записана в дневнике, найденном возле его скелета. Английский капитан Моусон, плававший на судне «Комптон», нашел кости и скорбное послание (эту реликвию Ассеншена я тоже обнаружил в Британском музее). Автор дневника, очевидно, был моряком. Его бросили на острове за какие-то серьезные прегрешения, о которых он не распространяется. Ему оставили Библию, палатку, бочонок воды, немного вина, топор, два ведра, старую сковородку, охотничье

² Адлантум — папоротник с тонким стеблем. — *Прим. пер.*

ружье с небольшим запасом патронов, котелок для чая, лук, горох, рис и соль.

Вскоре начались суровые испытания. Очутившись один в пустынном месте, он все время испытывал страх за свои немногочисленные припасы. «Мне мучительно и страшно,— писал он,— я потерял всякую надежду, и пусть всемогущий господь защитит меня».

Он взобрался на скалу, надеясь увидеть судно или высмотреть что-нибудь съедобное, привязал к бесполезному теперь уже ружью свою рубашку и оставил этот маленький символ отчаяния на вершине. Теперь его неотступно преследовал, как он выражался, «сумасшедший голод».

Через некоторое время несчастному удалось убить несколько морских птиц. Он освеживал их, засалил и высушил на солнце. Скромное меню помогали разнообразить черепахи, но вряд ли существовал еще человек, которому это благородное мясо доставляло бы столь мало удовольствия. Он постоянно помнил о необходимости пополнять запасы воды, и вскоре с несколькими луковицами в кармане совершил путешествие на юг острова. Здесь моряк нашел растение, похожее на портулак, и съел его; другие же, незнакомые корешки и травы употреблять в пищу боялся.

По дороге назад он посадил в землю оставшиеся луковицы в надежде, что они взойдут. Из дневника видно, что моряк начал сходить с ума. Ему часто являлись видения, поэтому проследить за всеми его перемещениями по острову невозможно. Одно место, однако, читается достаточно ясно: «Я нашел жирную черепаху, у нее было много яиц; я приготовил отличный обед, сварив яйца с рисом. Остатки я закопал — боялся зловония, ведь черепахи на острове были настолько большими, что одному трудно съесть столько мяса за короткое время, а сохранить его из-за жары было невозможно».

Несчастный пытался ловить рыбу, но без успеха. Однажды ему удалось найти расщелину, по которой текла вода (может быть, это был Ручей Дампира), но, вероятнее всего, позже он потерял ее след. От ходьбы по застывшей лаве башмаки быстро износились, подошвы ног потрескались. Возможно, поэтому он не смог вернуться за водой. На последних страницах дневника только и говорится, что «об ужасной жаж-

де», которую не удается утолить яйцами морских птиц или черепашьей кровью. Вот что пишет моряк в конце дневника: «Я стал ходячим скелетом, силы окончательно оставили меня, я больше не могу писать. Я искренне раскаиваюсь в грехах, которые совершил, и молю господу, чтобы никогда ни одному человеку не выпало на долю тех мук, которые я испытал. Ради спасения других я записал эту историю, чтобы люди не поддавались искушениям дьявола. Я возвращаю свою душу тому, кто дал ее мне, надеясь на милосердие в...»

В конце XVIII века в поисках неизвестной «Южной земли» на остров Вознесения привел свой «Резолюшн» капитан Кук³. Суровый ландшафт и на него произвел мрачное впечатление.

— Безжизненность этого места превосходит все ужасы острова Пасхи и Огненной Земли, хотя здесь нет снега,— замечает Кук.

— Это всего лишь беспорядочное нагромождение камней.

Люди Кука нашли на восточном побережье острова остатки судна, на котором произошел пожар, заставивший команду искать спасения на берегу. «Отчаянная ситуация, в которую попала группа людей на этом бесплодном острове, вынужденных ждать, пока их не подберет какой-нибудь проходящий корабль, вызвала чувство жалости даже у моряков»,— писал Кук. Однако у Кука не хватало топлива, и он взял с собой уцелевшие деревянные части судна для растопки. На острове поймали также двадцать четыре черепахи, которыми в течение трех недель кормили команду.

Остров Вознесения стал британской колонией в 1815 году и местом ссылки преступников. Наполеон был пленником острова Святой Елены, и те острова, которые могли бы быть использованы его союзниками как опорные базы для побега, занимали английские гарнизоны. Так, в 1815 году на этот остров черепах явились закон и порядок в виде двух английских военных кораблей — «Перуанца» и «Зенобия». Они оста-

³ Поискам неизвестной «Южной земли» (Антарктиды) была посвящена вторая экспедиция Джеймса Кука (1728—1799) в 1772—1775 гг. Остров Вознесения он посетил дважды: на пути в южные широты и при возвращении.— *Прим. ред.*

вили на берегу двенадцатимиллиметровую карронаду⁴ и экипаж корвета во главе с молодым лейтенантом Капиджем. А через год остров уже был внесен в официальные реестры как «Ассеншен — остров ее королевского величества». Сам поселок, где стоял гарнизон, стал называться «Гарнизон», и это имя навечно прилепилось к нему, хотя позднее он и получил вполне благозвучное название «Джорджтаун».

В Гарнизоне имелись каменная постройка для офицеров, палатки для солдат и матросов и лачуги круменов⁵, переселенных из Западной Африки. Дождевую воду собирали в деревянные или железные бочки. Трудности жизни на острове были, видимо, известны Адмиралтейству — недаром начальнику гарнизона полагалась специальная надбавка к жалованью (четыре шиллинга в день). После смерти Наполеона Адмиралтейство решило покинуть Тристан, а остров Вознесения стал местом отдыха экипажей кораблей, ловивших работорговцев вдоль побережья Западной Африки, где свирепствовала в то время малярия.

— Раны быстро заживают, переломы срастаются, воспаления проходят, люди не жалуются на здоровье,— пишет об этом времени один морской офицер.

В 1829 году по поручению Королевского инженерного общества остров Вознесения посетил капитан Брэндрет, благодаря которому жизнь здесь стала вполне сносной. Он спланировал систему оборонительных сооружений и схему водоснабжения. Вода на острове всегда была роскошью — еще с тех времен, когда Дампир чуть не умер от жажды. Ее никогда не бывает в избытке: ведь проходит несколько лет, прежде чем на Ассеншене прольется сильный дождь. Тогда здесь, как в сахарских «вади», появляются бурные потоки, но уже через день жадная лава впитывает в себя всю воду до капли. Вначале Гарнизон получал воду в бочках со Святой Елены и других соседних островов, потому что дождевых осадков в ручье Дампира не хватало. Брэндрет соорудил бассейн на небольшой скале и проложил трубы от нее до Гарнизона.

⁴ Карронада — устаревшая шотландская короткоствольная пушка.— *Прим. пер.*

⁵ Крумены — группа родственных народностей, населяющих прибрежную лесистую зону Либерии и западные районы Берега Слоновой Кости.— *Прим. пер.*

Но для пополнения корабельных запасов и этой воды было недостаточно. Одно время использовали солнечные конденсаторы. Более современный агрегат, пришедший им на смену, дает несколько тысяч галлонов свежей воды в день. Однако каждый, кто затевает стирку, должен пользоваться водой из своего дневного рациона.

Брэндрет прорубил также толщу лавы и соорудил колодец, который одно время давал до тысячи галлонов пресной воды в день. Потом колодец высох, его забыли. Попытки снова восстановить колодец оказались неудачными. Некоторые полагают, что на острове есть подземная река. Действительно, из глубины иногда доносится журчание воды, но если она и существует, то еще никогда не выходила на поверхность.

Мне посчастливилось в одном старом отчете найти описание острова Вознесения, принадлежащее самому Брэндрету: «Редко кто жалуется здесь на жизнь,— пишет Брэндрет.— Это объясняется чудесным климатом, постоянством состава жителей и отменным здоровьем, а также здравым смыслом, тактичностью, справедливостью и уравновешенным характером команданта».

Некоторые из моряков занимались сельским хозяйством и привозили на остров своих жен. В пещере рядом с ручьем Дампира Брэндрет увидел однажды низкорослую краснощекую женщину, уроженку Девоншира. Ее муж вырубил в толще лавы гостиную и спальню, стены были оштукатурены, побелены, пол покрыт парусами.

Однако молодой поселок всегда находился под дамокловым мечом желтой лихорадки. Тогда эту страшную болезнь еще не умели лечить, и она уносила с собой много жизней. Поэтому теперь Ассеншен — остров кладбищ. Многочисленные могилы остались памятником тех трагических лет, когда на рейд приходили старые канонерки с командой, зараженной желтой лихорадкой, на борту которых десятками лежали покрытые брезентом трупы. Один из таких кораблей, «Бенн», в 1823 году занес болезнь на остров. Умерла третья часть всех жителей, а из экипажа корабля выжило только шестнадцать человек.

Этот урок не был забыт. Когда в середине XIX века к острову приблизилась «Бонетта» с больными ма-

лярией на борту, ни одному из членов экипажа не решили сойти на берег. «Бонетта» бросила якорь против причала, известного под названием «Бухта Утешения», и только в этом уединенном месте смогли высадиться моряки. Здесь они и умерли, один за другим, копая могилы для погибших товарищей, а потом и для себя, пока еще оставались силы. Каждый день люди из Гарнизона оставляли поблизости пищу и воду, но они не смогли спасти обреченный экипаж. Последним умер корабельный хирург. Он ухаживал за своими больными до конца и был найден мертвым в неглубокой яме, которую выкопал для себя последним. Потом это место было переименовано, и на современных картах оно значится как «Бухта Безутешная».

Коменданты острова в те годы, когда он представлялся таким же одиноким, как судно посреди океана, были его «капитанами» и имели на нем почти неограниченную власть. В настоящее время начальник кабельной службы одновременно является мэром, но телефон, связывающий остров со Святой Еленой и с остальным миром, в какой-то мере ограничивает его полномочия. А в прошлом веке комендант был не только капитаном «каменного фрегата», но еще и губернатором, и единственным законодателем, и главным палачом, и суперинтендантом порта, и следователем, и общественным прокурором, и тюремщиком, и официальным президентом всех местных обществ, а также директором столовой, библиотеки и спортивного клуба. Как правило, он был капитаном торгового флота, но этот пост занимали также и офицеры королевских военно-морских сил.

Однажды местный врач вручил диктатору острова документ, в котором сообщалось о рождении ребенка. Суровый законник написал «утверждаю» и поставил свои инициалы. В течение долгого времени дети, рожденные «на борту» Ассеншена, считались как бы появившимися на свет на море и регистрировались в корабельных приходских книгах.

Жены морских офицеров не всегда живут в ладу между собой. Не все они соглашаются с общественной ролью, которая выпадает им соответственно рангу мужа. Оспаривалось даже место на передних скамьях в церкви, пока один умный капитан не вынес решения: «Пусть здесь сядут старшие по возрасту».

У меня есть вырезка из «Адмиралтейской газеты», в которой рассказывается, как в конце XIX века десять офицерских жен образовали свои кланы и не разговаривали с соперницами по несколько месяцев. Когда появлялась особая необходимость, они писали друг другу письма. Куда более покладистыми оказались супруги боцманов и старшин; дома, в которых они жили, до сих пор называются «Улицей Согласия».

Одному коменданту предложили наказать мужей за грехи своих жен. Он сделал необходимый опрос и решил оставить эту мысль: как выяснилось, некоторым женам доставило бы удовольствие сделать неприятность своим мужьям.

В конце концов комендант вынужден был отказаться от своего поста, заявив, что ему было послушно любое судно в плавании, но он ничего не может поделаться с женской командой Ассеншена.

Конечно, тому, кто никогда там не бывал, трудно себе представить особенности жизни на острове. Как-то жена одного морского офицера, как только ступила на берег, спросила:

— Где же резиденция губернатора? И где его экипаж?

— Вон там — палатка коменданта, а здесь — тележка, одна на весь остров, мэм, — вежливо ответил моряк.

Восемьдесят лет назад на остров приехал мистер Хилл⁶. Здесь ему удобнее было определять точное расстояние от Земли до Солнца. Он провел на Вознесении шесть месяцев. Его жена нашла, что вести на острове хозяйство довольно трудно. В булочной ей давали зачерствевший хлеб. В семь утра звонил колокол, и все опрометью кидались за своей скромной долей молока, которое привозили с гор.

— Как у вас насчет овощей? — спросила как-то у повара миссис Хилл.

— Только сладкий картофель, да и привезут его не раньше следующей пятницы.

— А где живет мясник? — спросила миссис Хилл.

— У нас его нет, — ухмыльнулся кок. — Волам и овцам не хватает еды и питья, и обычно они подыхают раньше, чем их успевают забить.

⁶ Хилл, Джордж Уильям (1838—1914) — американский астроном, специалист в области небесной механики. — *Прим. ред.*

— Но уж, конечно, здесь полно рыбы? — не унималась супруга астронома.

— Обычно есть, мэм, но не во время шторма.

Остров Вознесения был свидетелем многих драм на море. Нередко изможденные люди с пересохшими глотками с надеждой смотрели на пик Грин, в то время как волны неделями носили их в шлюпках после кораблекрушения. Сюда пришвартовывались конфискованные суда работников, и африканцы, ступив на камни острова, уже становились свободными. Одно время здесь жило столько круменов из Западной Африки, что пригород Гарнизона называли Крутаун.

Несколько раз на якорь у берегов острова Вознесения становились два британских военных корабля — «Черепеха» и «Флора». Позднее «Черепеху» решили использовать для защиты острова, и в 1844 году она вновь появилась у его берегов. «Черепеху» сделали потом угольным дебаркадером, а «Флора» в 1865 году стала сторожевым судном. Через семь лет ее как плавающую базу перевели в Саймонстаун.

У острова «Флора» едва не попала в беду. Однажды ночью лопнули швартовы фрегата, на борту которого в то время находилась группа больных моряков, привезенных из Западной Африки. Корабль начал медленно дрейфовать под юго-восточным ветром. Долго никто не замечал опасности. Вдруг кто-то увидел, что огоньки поселка как бы затухают. Моряки успели бросить якорь, к счастью до того момента, как фрегат отнесло на глубокую воду. «Флора» оставалась на якоре у островного шельфа⁷, а через несколько дней ее подвели к острову.

На борту почти не оставалось продовольствия и воды. Такелаж сняли, и корабль сам не мог передвигаться. Если бы его отнесло дальше в океан, то на острове не нашлось бы ни одного судна, способного вернуть «Флору». В те дни подводного кабеля еще не было, поэтому и команда и больные скорее всего погибли бы в океане.

Что касается «Черепехи», то она, видимо, была еще способна на морские странствия. Однажды на острове пересохли все источники пресной воды, и рабочие по-

⁷ Шельф — мелководье вблизи островной или материковой суши с глубинами не свыше 200 м. — *Прим. ред.*

гибали от жажды. Тогда «Черепаша» подняла паруса и двинулась на юг к Святой Елене, возвратившись с наполненными водой бочонками. Название судна не говорит о его быстроте или оборотистости, но тем не менее оно вернулось как раз вовремя, чтобы спасти людей от гибели.

В 1881 году Англия фактически оставила остров Вознесения, и бесполезный гарнизон из пятисот военных моряков, содержание которого обходилось в сорок тысяч фунтов в год, покинул остров. Вскоре после войны и этот гарнизон показался Адмиралтейству обременительным. Оно отказалось от его содержания, так же как и от других «балластов» королевского военно-морского флота. В 1922 году английский флаг был наконец спущен и хозяином острова стал директор Восточной телеграфной компании.

Но на Гарнизоне до сих пор сохранились воспоминания о военных моряках — слишком долго были они хозяевами острова. Все здания в поселке и в горах по-прежнему принадлежат Адмиралтейству — они отданы связистам кабельной службы в бессрочное пользование. Такие названия, как «Дыра в Бочке» — скверик посредине поселка, — напоминают о тех временах, когда здесь торговали ромом в разлив. Сейчас адмиралтейский домик уже развалился и его уничтожают белые муравьи, а когда-то это была прелестная вилла — резиденция морского коменданта на Крестовом Холме. Как-то раз я повстречался с доктором, который принял госпиталь от военно-морского врача. Он рассказал мне, что операционный стол сохранился еще со времен Нельсона — устрашающее ложе с пятнами крови и с железными кольцами, которые помогали распять пациента, когда ему без наркоза отпиливали руку или ногу.

Красный фонарь у полицейского участка представляет собой медный бортовой иллюминатор, забытый моряками военного корабля. Они построили и тюрьму, которая вот уже много лет бездействует. Моряки же воздвигли в 1843 году церковь Св. Марии, в стенах которой замурованы плиты с именами военных, павших в морских сражениях, погибших в горах и умерших во время службы на острове. Я вспоминаю еще маленькую купель из серого известняка, в которой крестили местных детишек.

Большинство домиков на Гарнизоне построено сто лет назад. Чиновники кабельной службы перестроили только стены, выложив их из лавовых кирпичей, после чего они стали очаровательными. Главная комната — это всегда открытая, затененная веранда, доступная исключительно приятному юго-восточному пассату. Без ветра жизнь на острове была бы невозможной. Периодически он меняется и дует уже от берегов Западной Африки. Тогда его называют береговиком: это горячий и неприятный ветер, он приводит в раздражение всех, пока не появится благословенный пассат.

В домах вы найдете мебель, которая становится в наши дни антикварной, — такой мебелью красного дерева старая Восточная телеграфная компания снабжала своих представителей в отдаленных местах: гардеробы, комоды, большие шкафы, украшенные фирменной виньеткой компании. На кухнях — керосиновые холодильники и газовые плиты.

Большую часть времени жители проводят вне дома. Обедают на веранде, а многие там же и спят. Здесь же можно устроить веселую вечеринку. В таких случаях сюда ставят несколько маленьких запыленных полированных столиков, уставленных бутылками с огненным джином и закусками на старинных подносах, которые можно отыскать только у связистов-кабельщиков, живущих в самых экзотических уголках земного шара. Каких только историй не услышишь здесь после захода солнца!

Около каждого дома имеется резервуар на сорок галлонов воды. Народу на острове немного, и сейчас разрешено употреблять по семь галлонов в день на человека.

Когда я приехал сюда второй раз, в апреле 1957 года, жители особенно страдали от жажды, так как большой резервуар в горах дал течь и пересох. Запаса воды хватило бы только на двадцать дней, но тут в горах прошел дождь. К концу своего пребывания моряки построили здесь ветряную мельницу, которая накачивала соленую воду в общую башню, и в каждом доме, куда вода шла по трубам, можно было принять морскую ванну. К великому сожалению островитян, этого удовольствия теперь они уже лишены.

В суровом островном мире есть и рай — гора Грин. Когда вы покидаете Джорджтаун и из глаз скрывают-

ся маленькие, любовно взращенные садики, заросшие бугенвиллиями и петуниями, когда попадаешь в дикий мир застывшей лавы, кажется, что остров здесь уже навсегда одет в какую-то уродливую маску. На протяжении первой половины пути к вершине видны лишь кратеры, угрюмые холмы и красная или серая пыль да острые обломки шлака, которые за шесть миль пути изрежут ваши башмаки; лава так и застыла, как текла, — волна за волной. В этой вулканической пустыне люди часто теряют дорогу, их находят потерявшими рассудок и полумертвыми от жажды.

Я вышел из «джипа» у так называемой Одной Лодки. Под ногами скрипела крошащаяся лава, издавая тихий звон, подобный разбитому фарфору.

Обследован ли весь остров? Весьма сомнительно. Наверняка есть еще неисследованные уголки, скрытые зазубренными выступами лавы и широкими расщелинами. По ночам от охлаждения лава со зловещим шипением сжимается. Куски шлака принимают очертания человека или зверя, и становится жутковато. Лучше уж держаться поближе к дороге.

По дороге к горе Грин есть три примечательных места: Возблагодарим Господа — с маленьким бассейном и краном от трубопровода; Одна Лодка и Две Лодки. Лодки — это гички, снятые с судов; они распилены пополам и поставлены на попá рядом с дорогой как реликвии морского юмора. На высоте девятисот футов дорога внезапно поднимается вверх, и тут начинаешь понимать, какую адскую работу проделали матросы и африканцы из Западной Африки, которые построили это шоссе, доведя его до вершины. Дорога имеет много зигзагообразных поворотов и рампов⁸. Днем здесь еще можно проехать безопасно, но ночью на это отваживаются лишь немногие.

На высокогорье вдоль дороги растут алоэ и опунция⁹, а на высоте тысячи семисот футов появляются сухие и колючие травы — пища для овец.

Ландшафт горы Грин молодой. Сто пятьдесят лет назад здесь не росло ничего, кроме цветущих кустов и папоротника. Английские моряки завезли сюда не

⁸ Рампы — транспортные пересечения, развороты и т. п. — *Прим. пер.*

⁹ Опунция — растение семейства кактусов с сочными стеблями. Родина — Центральная Америка. — *Прим. пер.*

только деревья со всего мира, но и тонны плодородной земли для горной фермы. Порой кажется, что деревья и растения даже изменили климат острова. В течение десяти лет после второй мировой войны здесь выпадало очень много осадков. Возможно, это объясняется тем, что воздух над пастбищами стал более прохладен, а культура растений повысилась.

Самые красивые деревья растут на острове Вознесения в ущельях — здесь более мощный слой почвы и влажнее, чем на склонах. Это главным образом кедр и кейптаунский тисс. Однако много деревьев, высаженных на склонах, привезено из других стран — эвкалипты, араукарии, можжевельник, акация, клещевина¹⁰. Засуху хорошо перенесли ивы и сосны.

Недалеко от вершины, на высоте двух тысяч футов, снова все меняется — мы попадаем словно в Девоншир¹¹, в оазис с зелеными, благоухающими аллеями. Это — ферма с кокосовыми пальмами и бананами, с розами и геранями, с дикими кустами малины и имбиря. Это целые огородные грядки, засаженные дробком, гуайявой и черной смородиной. А вокруг — дома, памятники тем, кто посреди океана построил дорогу и ферму, может быть самую странную ферму на земле. Здесь и старинный санаторий «Красный Лев» — длинные бараки для моряков, заболевших желтой лихорадкой, заканчивающиеся часовой башней, где выдавали ром; коровники и свинарники, покрытые шифером, — настоящие дворцы для скота. Все это было сооружено навеки.

Для акведука пришлось пробить в горах туннель, где так темно, что пришлось протянуть проволоку — иначе собьешься с пути. Новичкам всегда советуют крепко держаться за нее, а в одном месте обязательно перепрыгнуть — там будто бы проходит канава. Этот древний туннель используется и в наше время. Пройдите через него, и вы окажетесь над долиной Сломай

¹⁰ Как видно из перечня названий, на острове Вознесения прекрасно акклиматизировались различные древесные породы: эвкалипт из Австралии, кедр и кейптаунский тисс — хвойные из Южного полушария (виды *Podocarpus* и *Widdringtonia*), араукария из Южной Америки, можжевельник из средиземноморских стран. Европейские ивы и сосны также хорошо растут на острове. — *Прим. ред.*

¹¹ Девоншир — графство на юго-западе Великобритании. — *Прим. пер.*

Шею. Здесь так круто и дует такой сильный ветер, что рассказы о сломанных позвонках не вызывают никакого сомнения. Тропинка идет над самым обрывом, и нужно внимательно смотреть под ноги, пока не дойдешь до коттеджа, где когда-то повесился пастух. Да, в прошлом острова Вознесения немало мрачных страниц. Но вот еще несколько шагов, и на душе становится радостней. Перед нами таверны «Шерри» и «Пинта Пива», где всегда прохладно. Они названы так не случайно: на этом месте у моряков всегда разыгрывался сильнейший аппетит.

Наконец, на вершине старого кратера имеется еще цементный бассейн для сбора дождевой воды. Это чудесное местечко, созданное руками человека в самой гуще облаков, окружено бамбуком. В бассейне величественно покачиваются голубые лилии, плавают золотые рыбки и прыгают лягушки. А на берегу валяется длинная ржавая якорная цепь, которую использовали когда-то для подъема в гору тяжелых грузов. На Ассеншене есть примета. Говорят, что стоит лишь взять эту цепь в руки и загадать желание, как оно тотчас же исполнится.

Генерал Годфри Манли, посетивший остров через девять лет после его заселения, нашел здесь конюшню и в ней девять лошадей. Он промчался на одной из них по холмам и долинам, заполненным вулканической пылью, до горы Грин, где увидел маленькую деревушку с полдюжиной домов, которая подобно орлиному гнезду прилепилась всего в трехстах футах от вершины. Там генералу подали завтрак из «бифштекса» и «телячьих котлет», хотя и то и другое было приготовлено из черепашьего мяса. Генерал отметил, что на острове сажают обыкновенный и сладкий картофель¹², тыкву и вид банана, называемого пизангом¹³. Из Западной Африки завезены тропический шпинат

¹² Сладкий картофель, или батат — многолетнее травянистое растение семейства выюковых. Одно из древнейших культурных растений тропических стран. В диком виде неизвестен. Клубни батата употребляются в пищу в вареном, печеном и жареном виде. — *Прим. ред.*

¹³ Пизанг, или банан текстильный: из него получают особенно прочное волокно, так называемую «манильскую пеньку», используемую для изготовления канатов, веревок, тканей, мешков и т. п. — *Прим. ред.*

калалоо¹⁴, перец, кассава¹⁵, бананы и дыни, дающие ранние урожаи. У офицеров, которые жили на острове, вошло в привычку брать с отъезжающих «контрибуцию», заставляя их посадить несколько полезных растений. И теперь, отдавая дань этому обычаю, каждый чиновник, покидающий остров, непременно должен был посадить дерево или цветок, не культивировавшийся раньше на острове Вознесения.

Не уходите с вершины Грин, пока не зайдет солнце, и в ясную погоду вы увидите зрелище, которое невозможно наблюдать нигде больше. Повернитесь на восток, и вы увидите, как гигантская тень горы медленно падает на поверхность океана. Достигнув горизонта, она поднимается, и на восточном склоне неба вырисовывается четкое отражение пика острова Ассеншен.

На острове и прежде не было свежей воды и древесины. Он привлекал к себе внимание только из-за черепах. Англичанин, капитан Лесли, который жил здесь в конце XVIII века, заявил, что черепахи на острове самые лучшие в мире. «Они жирные и большие, притом на вкус таковы, что мне до сих пор ничего подобного не доводилось пробовать». Еще одно подобное свидетельство находим у капитана английского корабля «Вицл» Джорджа Янга. Капитан «Вицла» зашел на остров Вознесения за черепахами, надеясь спасти моряков, заболевших цингой. Янг сообщает, что черепахи действительно «спасли жизнь многим морякам и их семьям».

На Ассеншене водится зеленая черепаха (ее жир имеет зеленоватый оттенок) — единственная настоящая морская черепаха, которую признают эпикурейцы. Среди зеленых черепах встречаются гиганты весом в пятьсот килограммов¹⁶. Интересно, что на остро-

¹⁴ К а л а л о о — шпинатное дерево (*Pisoma alba*). Его молодые листья используются как приправа к рису. — *Прим. ред.*

¹⁵ К а с с а в а — растение рода маниок (*Manihot esculenta*) семейства молочайных. Родина маниока — Южная Америка. Всего известно до 130 видов маниока, из них несколько видов съедобны. В пищу употребляют клубневидные корни, из которых вырабатывают муку для приготовления лепешек, каши, спирта, пива. — *Прим. ред.*

¹⁶ З е л е н а я, или суповая, черепаха (*Lhelonia mydas*) — единственный представитель рода обыкновенных морских черепах. Длина панциря достигает 110 см, вес — до 450 кг. Ее мясо служит для приготовления супа, яйца также съедобны. — *Прим. ред.*

ве никогда не находили черепаху-самца. Это царство самок; они появляются здесь в период между праздником рождества и июнем, всегда темной ночью, заползая далеко на песок, чтобы их не смыло прибоем. Здесь самка выкапывает плавниками песчаную ямку и откладывает в нее от пятидесяти до шестидесяти яиц. Кстати сказать, эксперты по черепахам никогда не говорят о самцах и самках, они называют их «быками» и «курицами».

Однако деликатес, который каждый день ожидает вас на столе, наскучит быстро. Поэтому роскошный черепаховый суп вовсе не так часто готовят на Ассеншене. Кроме того, охота на черепаху разрешается только по специальной лицензии, да и для приготовления супа нужно целых три дня, поэтому хозяйки предпочитают возиться с этим блюдом лишь по большим праздникам.

Так было, например, в 1957 году, когда на острове гостил герцог Эдинбургский. Госпожа О. Г. Эллиот-Пайл, которая варила суп королю, рассказывала мне, как она это делала. Суп был из филе черепахи. Потом положили мозговые кости, специи и пряности, свежий горный базилик, тимьян, петрушку и помидоры. На второй день добавили черепашого жира, сельдерей и еще черепашого мяса, и, наконец, на третий день процедили, сделав бульон прозрачным. Обед был на восемнадцать персон, но супа хватило всем. Лангусты с салатом из латука, нежные свиные отбивные с пюре и шведской брюквой, кофейный мусс и ром с изюмом дополнили в тот день ленч герцога Эдинбургского.

Давайте сравним это меню с едой, которую вкушал один саркастически настроенный морской офицер, побывавший на острове Вознесения в 80-х годах прошлого века: «На Ассеншене нет ни черта, кроме черепах, крыс и буревестников. По субботам забивают и так уже подыхающего вола и стюард подает деликатес — солонину с кашей. Счастливый обладатель пучка моркови или капусты на полкроны может задать лукуллов пир. Воды так мало, что ее выдают как порцию рома. Прелестное местечко, негде провести время, или поест, или даже утолить жажду».

Краали черепах, которые в начале XIX века были разрыты в песчаных впадинах, вымытых приливами и отливами, теперь стали площадками для игр и пла-

вательными бассейнами для детей. Прежде моряки иногда за одну ночь ловили сотню или две черепах и держали их в этих загонах. За год в Англию увозили тысячу черепах — для короля, лордов Адмиралтейства и других высокопоставленных особ. На брюшном панцире каждой черепахи писали имя того, кому она предназначалась. Парусные суда подолгу находились в плавании, и, бывало, дежурный, имея в виду черепаху, докладывал капитану: «Мне не нравится, как сегодня выглядит лорд Мелвилл, сэр» или: «Вчера ночью умер герцог Веллингтон». Однако существовала традиция, которой свято придерживались все военные моряки: «Черепашка короля никогда не умирает».

Служащих местного Гарнизона в старину почти каждый день кормили черепашьим мясом, которое варили и жарили, как говядину или баранину, но ничто не могло отбить его специфического привкуса. Поэтому большинство моряков терпеть не могли черепашье-го мяса. Им кормили даже арестантов; начальник тюрьмы приказывал: «Дважды в неделю давать черепашковый суп». Находились, однако, солдаты, которым это мясо нравилось. Мне попал как-то в руки дневник с такой записью: «Нам давали черепах в разном виде — суп, бульон, отличные котлеты, похожие на тефтели, пироги с черепашьим мясом».

Нужно сказать, однако, что стакан свежего молока на острове Вознесения всегда ценился больше, чем тарелка черепашьего супа.

Ловцы черепах набрасывают им на спину петлю. Затем захватывается передний плавник черепахи, конец веревки накручивают на палку и с помощью этого рычага переворачивают ее на спину.

Черепашки заползают на пляжи, расположенные совсем близко от поселка, — они так и не научились бояться людей.

Но уже с незапамятных времен люди привыкли осторожно обращаться с этими монстрами — ударом плавника черепаха может перебить кисть.

Через десять недель после того, как черепаха отложила яйца, их «высиживает» солнце, и из песка выползают маленькие черепашки. Они начинают свое рискованное путешествие к морю. Многих поедают морские птицы, а в воде их ждут страшные морские угри. У меня сохранились два панциря черепашек; они

считаются достопримечательностью острова и высоко ценятся живущими здесь связистами кабельной службы. Секрет изготовления таких «чучел» неизвестен, выглядят они как надутые птичьи яйца.

Время от времени здесь появляются тараканы. Несколько лет назад прошли обильные дожди, там, где была только голая лава, поднялась высокая трава, и вместе с травой началось вторжение тараканов. Они заполнили все дома. В те дни на острове принимали моряков с американского военного корабля, но от танцев в клубе пришлось отказаться. Вся танцевальная площадка превратилась в движущийся ковер из тараканов, слуги не успевали их сметать.

Хотя тараканы есть и сейчас, подобного нашествия больше не повторялось. Скорее можно услышать рассказ о том, как на дома и сады нападают сухопутные крабы, а они страшнее тараканов. Некоторые из них достигают девяти дюймов в длину. Это злобные чудища с огромными ртами, окрашенные в коричневый, желтый или пурпурно-красный цвет. Они обитают в зарослях кактусов, которые растут в кратерах, и охотятся за мертвечиной. Один связист как-то рассказывал мне: «Самым омерзительным зрелищем в моей жизни была орда крабов, пожиравших дохлую овцу». На острове бытует легенда о пастухе, который заснул, и крабы выели ему глаза. Я верю в нее, во всяком случае доподлинно знаю, что у одного пастуха краб украл часы и их потом нашли в норе.

Капитан Брэндрет считал крабовую проблему настолько серьезной, что обучил свору собак охотиться за ними. Крабы организовали оборону в своих норах: они ожесточенно отмахивались поднятыми клешнями и так больно щипали собак, что те выли от боли. Крабы находятся в вечной вражде с крысами. Если крыса догонит краба, то он не уйдет от нее живым. В то же время счастлива будет та крыса, которой удастся выбраться живой из крабовой норки. Что же касается кроликов, то молодых крольчат крабы уничтожают, но старых оставляют в покое.

Поджаренных крабов островитане употребляют на закуску. Если вы захотите поохотиться на крабов, отправляйтесь в Долину Сверчков. Захватите с собой ружье небольшого калибра и вернетесь с неплохой добычей!

Остров Вознесения — удачный пример того, как безрассудно использует человек одни виды животных в борьбе против других. Более ста лет назад на острове появились первые крысы и расплодились в таком количестве, что первый английский комендант решил избавиться от них. Он попросил привезти кошек, но те быстро сбежали в отдаленные уголки острова и уничтожали вовсе не крыс, а домашнюю птицу и диких цесарок. Тогда другому коменданту пришлось завести собак, чтобы расправиться с кошками. Однако собаки никак не могли прижиться на острове — они ранили лапы об острые кромки шлака. Сейчас на Ассеншене собак нет, если не считать двух овчарок на горной ферме.

Крысы на острове двух видов: черная, горная крыса с блестящей шкуркой и коричневая, обитающая в поселке. Дарвин предполагал, что появление этих двух видов вызвано различными условиями обитания¹⁷. Имеется также маленькая «лавовая» мышь, но она не приносит практически никакого вреда.

Натуралисты, занимающиеся проблемами превращения домашних животных в диких, найдут богатый материал, наблюдая островных кошек. Я люблю кошек, но дважды подумаю, прежде чем возьму в свой дом какую-нибудь из тех свирепых и кровожадных представительниц этой породы, которые живут на острове. За столетия свободной жизни они отрасли себе страшные, почти собачьи клыки. Домашние кошки сторожат здесь хозяйский дом, как собаки, бросаются на посетителей и ходят по пятам за хозяином из дома в дом. «Осторожно, злая кошка» — вот какие надписи не мешало бы иметь над входом в ассеншенский дом. Кошки кусают внезапно и сразу убегают. Приходится следить за детьми. На станции кабельной службы существует строгое правило, разрешающее держать в доме не более одной кошки. Я думаю, что здесь отказались бы от них, не будь кошки так полезны: ведь они охраняют дома от крыс.

Каждая кошка, будь она дикой или ручной, знает,

¹⁷ Красочно описывая природу острова, Ч. Дарвин отмечает, что крысы были, вероятно, завезены на остров и что они отличаются от обыкновенных крыс не только иной окраской, но и меньшими размерами. — *Прим. ред.*

когда появляются птенцы у крачек¹⁸. В такие дни эти создания покидают дома, и вся кошачья свора отправляется полакомиться птенцами. Некоторые дикие кошки осмелели настолько, что загрызают на горных склонах ягнят.

Несколько лет назад всю репу уничтожили черви. Из Англии для борьбы с ними прислали нескольких грачей. Птицы свили гнезда, вывели птенцов, обучили их летать, после чего вся колония грачей покинула остров Вознесения, чтобы никогда сюда не возвращаться. Постоянно на острове осели только цесарки и красноногие куропатки. Генерал Манди, посетивший остров в начале XIX века, говорил, что цесарки собираются здесь в гигантские стаи и летают подобно фазанам. За один год было убито две тысячи цесарок.

В те дни в горах бродило много дикого скота, но быки сделались опасными, и солдаты истребили их.

Кролики на острове — потомки кейптаунских, а может быть кроликов с острова Роббен. Их привез один капитан задолго до того, как остров был заселен, но кроликов почти всех уничтожили. Во время второй мировой войны американцы, служившие на острове, застрелили последних диких коз из того древнего стада, что населяло горы и долины почти четыре с половиной века.

В причудливом животном мире острова Вознесения, привлекающем внимание натуралистов, соперниками громоздких черепах являются грациозные темные крачки. Миллионы этих загадочных морских птиц заполняют все равнинные места, причем не в одно и то же время года, как можно было бы ожидать, а с интервалом в девять месяцев. Никто не знает, куда они деваются и когда улетают с острова. Вообще образ жизни темных крачек еще остается невыясненным. На острове их называют вечно бодрствующими вайдэвейками. Однажды я услышал, как на птичьем базаре они переговаривались со своими птенцами, и сразу понял, почему это место получило такое название. Приветствуя наступающий день, птицы пищат таким дружным хором, что становится совершенно ясно — все они уже

¹⁸ Крачки (Sterninae) — подсемейство птиц отряда чаек, небольших или средних размеров птицы с узкими длинными крыльями, тонким и острым, прямым (не крючковатым на конце, как у настоящих чаек) клювом. — *Прим. ред.*

проснулись. Вайдэвейк Фэар (Птичий базар) — исконное место их обитания на юго-западном берегу, где между невысоких холмов располагаются небольшие плоские площадки. Шум, который производят тысячи птиц, несомненно напоминает гул большого базара.

Темные крачки населяют очень большую территорию от островов Вест-Индии до тихоокеанских. Колонии их иногда огромны, но я полагаю все же, что на острове Вознесения — одна из самых больших. Иногда птицы летят сплошной стаей и заслоняют солнце. Кто хоть раз повидал крачек с их длинными гибкими крыльями и вильчатыми хвостами, тот никогда не забудет этого зрелища. Вы можете ходить среди них; они ничуть не испугаются и не станут даже взлетать. Доктор Джеймс Чейпин, заместитель главного орнитолога Американского музея естественной истории, рассказал как-то, что однажды видел сразу около ста тысяч крачек, а ведь по соседству был не один такой «базар». Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что на острове Вознесения миллион, а то и два миллиона темных крачек.

Доктора Чейпина послали на остров во время второй мировой войны. Американские инженеры построили рядом с птичьим базаром взлетную дорожку длиной в милю. Эта гигантская работа была завершена в три месяца, и, таким образом, не только бомбардировщики, но и истребители могли совершать безопасные перелеты через океан. Совершенно неожиданно птицы поставили под угрозу всю эту затею. Пилоты возненавидели крачек, которые с пронзительным криком взмывали в воздух, как только запускались моторы самолета. Одна крачка пробила ветровое стекло в рубке «летающей крепости» и повредила радиостановку. Летчики испробовали и яд, и пули, и дымовые шашки, и сигнальные ракеты, но птицы продолжали откладывать яйца буквально под фюзеляжами самолетов.

Доктор Чейпин стал изучать ситуацию. От внимательного глаза орнитолога не укрылось то обстоятельство, что птицы улетали, если их яйца оказывались разбитыми. Он порекомендовал заняться этим организовано, и солдаты стали разбивать по сорок тысяч штук яиц в день. Только тогда удалось отвадить птиц от аэродрома.

Когда я очутился на этой взлетной полосе, которая называется Вайдэвейк Филд, я снова увидел американцев. Они вернулись на остров и строили здесь базу управляемых снарядов. Когда на аэродром, построенный посреди океана, случайно садился транспортный самолет, крачки ему уже не мешали. Но они не были уничтожены, что могло обеспокоить орнитологов, а лишь переселились в другое место.

На рассвете я стоял у холма, где кончалась взлетная дорожка, и видел, как вдалеке взмывают птицы, приветствуя наступающий день, как они чиркают крылом по водной глади, хватая маленьких рыбок.

Крачки — очень своенравные птицы. Когда-то давно места, где они откладывали яйца, оказались затопленными. И тогда крачки остались на острове Вознесения почти на целый год, чтобы вновь отложить свои яйца. Они, видимо, привязаны к острову лишь до той поры, пока не смогут подняться в воздух на собственных крыльях молодые птенцы. Когда армады крачек мигрируют с острова, они не летят длинными косяками, как бакланы, которым вожак указывает направление, а разлетаются по всему небу, и никак нельзя угадать, куда они направляются.

Я сказал, что на острове Вознесения приблизительно два миллиона крачек. Жители острова съели миллионы их яиц. И хотя сама птица невелика, ее зеленое яйцо с темными пятнами не уступает по размерам куриному. Некоторые хозяйки употребляют эти яйца для пудингов, пирогов и омлетов; одни их жарят, варят в скорлупе или без нее, а другие даже смотреть на них не могут.

Если вы хотите найти абсолютно свежее яйцо крачки, обведите на поверхности лавы круг и выньте все яйца из его пределов. Потом подождите, пока птицы начнут класть сюда свежие. И в течение двух-трех месяцев каждый день вы будете иметь свежие яйца. В настоящее время крачки и их яйца находятся под некоторой охраной, а в прежние, «гарнизонные», времена их истребляли в огромных количествах. Судя по отчетам, рекорд составлял сто двадцать яиц, собранных за неделю. Сохранилась запись одного из матросов: «Боюсь, что я заболел. В прошлый раз смог съесть за один присест четыре дюжины яиц, а сейчас едва справился с двумя дюжинами».

В те времена моряки, что жили на черепашьем ра-
ционе, дали Ассеншену прозвище «Суповый остров».
Правильнее было бы назвать его «Супо-яичным остро-
вом». Население Святой Елены считает яйца крачек
большим деликатесом. Каждый, кто работает на
острове Вознесения, имеет право увезти с собой две
дюжины яиц, и пароходы, которые идут на юг, всегда
везут на остров Святой Елены подарки с «родственной
земли».

Во многих местах лава окрашена пятнами свежего
гуано. Впадины в шлаке забиты старыми отложения-
ми помета, по ним ученые определили, что на острове
гнездовали ныне исчезнувшие с лица земли виды пинг-
винов и альбатросов.

Гуано это добывали с бóльшим или меньшим успе-
хом. В Инглиш-Бее, заливе к северу от Гарнизона,
находилась штаб-квартира компании по разработке
гуано. Здесь еще сохранилось несколько построек.

Если плыть дальше на запад, то попадешь к
островку Ботсуэйн-Бёрд. Здесь есть целая скала из
гуано. Я встретил одного жителя Святой Елены, кото-
рый тридцать лет назад жил и работал в этом ужас-
ном месте. Да и на меня этот остров произвел доволь-
но жуткое впечатление.

Остров Ботсуэйн-Бёрд поднимается прямо из моря
невдалеке от берегов острова Вознесения, но глубина
пролива такая, что между двумя островами может
пройти даже большое судно. Ходить по этой массив-
ной колонне высотой триста футов, на верхушке кото-
рой не больше края плоского пространства, может
только опытный скалолаз. Бледно-желтого цвета от
нагромождений гуано, он напоминает некий чудовищ-
ный старый зуб, высовывающийся из прозрачной си-
ней воды. На скалу заброшена веревочная лестница,
по ней исследователи и сборщики гуано карабкаются
наверх и попадают на узкую опасную тропинку, веду-
щую к вершине. Как проделал этот путь первый иссле-
дователь — страшно даже подумать!

Полицейский сержант Диллон со Святой Елены
рассказал мне, как пятнадцатилетним мальчиком он
отправился на добычу гуано. Их артель провела пять
дней на острове и в конце недели вернулась на Гарни-
зон. «Чтобы не свалиться во время сна со скалы в
море, нам пришлось выкопать себе ямки в толще гуа-

но, — вспоминает Диллон. — На полдороге к вершине есть пещера нечто вроде ниши, где мы и устроили себе жилище. Но и там мы не могли найти покоя. Вершина скалы и вовсе неприступна. Здесь человека буквально скидывали в море птицы и поедали вши».

Незадолго до описываемого события на Ботсуэйн-Бёрд побывала группа американских натуралистов — членов экспедиции Кливлендского музея, отправившего шхуну «Блоссом» к островам Южной Атлантики. Пятеро натуралистов провели ночь на острове. Их ноги и руки оказались искусанными и растерзанными острыми птичьими клювами и когтями, они беспрестанно кашляли, так как пыль гуано проникала в легкие. Тем не менее они тщательно изучили жизнь птиц и привезли много чучел.

Остров Ботсуэйн-Бёрд является также гнездовием ассеншенского фрегата¹⁹, птицы, описанной еще два века назад шведским естествоиспытателем Линнеем и обитающей сейчас только на этом островке. Тело у фрегата величиной с курицу, а размах крыльев достигает десяти футов. У самцов и самок черное оперение. Фрегаты неожиданно и злобно нападают на других птиц, как это делали в старину пиратские корабли-фрегаты, — отсюда и их название. Фрегат врасплох застигает какую-нибудь зазевавшуюся олушу или крачку и, если жертва тотчас не уступит рыбу, наносит сокрушительный удар своим острым крючковатым клювом. Фрегатов называют еще «боевыми ястребами» (некоторые виды, встречающиеся на островах Тихого океана, можно приручить. Их используют для передачи известий, как голубей). Яйца фрегатов белые, овальной формы, по величине больше утиных, так же как и яйца крачек, считаются деликатесом у жителей Святой Елены.

Тропическая птица ботсуэй, которая дала название острову, имеет красный клюв, белое оперение и белые длинные перья на хвосте, развевающиеся наподобие вымпелов.

¹⁹ Фрегаты (Fregatidae) — семейство птиц отряда веслоногих, представленное одним родом фрегат. Длина фрегата достигает 100 см, крылья длинные и острые. Оперение на спине черное с металлическим отливом. Распространены в тропической зоне океана. Гнездятся колониями на океанических островах. — *Прим. ред.*

Крачки непрерывно воюют с другими птицами за место на вершине скалы, где гнездится еще и олуша, соревнуясь с крачками в подводном нырянии.

Вы уже убедились, что остров Вознесения далеко не пустыня, и все же можете не понять того, в чем заключается магическая сила его притягательности. Я расскажу, как мне открылась тайна острова.

Время — пять утра, берег еще погружен в темноту, а моторный катер уже везет меня к скале в заливе Кларенс. В глубь скалы врезаются ступеньки, образуя ряд выступов, которые получили название «Лестница в ад». С них ловят здесь акул-людоедов. Длинные пологие волны с шумом разбиваются о Берег Мертвеца. Моторка причаливает к молу, где мы пересаживаемся в маленькую лодку, которая движется вдоль ступенек. Мы — это Брюс со станции кабельной службы, два лодочника со Святой Елены и я, любознательный путешественник.

Лодку то подбрасывает на волне, то кидает вниз, прибой грохочет в нескольких ярдах. Брюс считает, что выйти на берег будет нелегко. Я убеждаю его, что привык плавать в маленьких лодочках и не вижу никакой опасности. Брюс направляет лодку к канату, что свисает над ступеньками. Он прыгает, промахивается и оказывается в бурлящей черной воде. Я вспоминаю об акулах. Вместе с одним гребцом мы вытаскиваем Брюса на борт, в то время как другой демонстрирует свое умение удерживать лодку подальше от прибора. Мы ловим момент, когда волны не так сильно качают челн, и взбираемся на ступеньки. И вот я второй раз на острове Вознесения. Пока Брюс идет сменить одежду, я бесцельно брожу вокруг Гарнизона.

Иду по центру маленькой столицы острова к двухэтажному «Клубу Изгнанников», которому королева Виктория в свое время даровала часы. Двери клуба распахнуты настежь, на длинном балконе стоят плетеные стулья. Проходит десятилетие за десятилетием, а для мужчин и женщин Гарнизона по-прежнему одним из самых больших удовольствий остается потягивать виски на балконе, обвеваемом прохладным пассатом. (Виски здесь, как и раньше, стоит меньше шести шиллингов бутылка, а джин — меньше трех.) Здесь ведутся неторопливые беседы о жизни на кабельных станциях где-нибудь в Рио или на Кокосовых островах,

об уединенных уголках и больших многолюдных столицах. Здешние жители, как говорится, повидали свет, и я по сей день не могу понять, почему они так привязаны к Ассеншену. Захожу в клуб и осматриваюсь, пытаюсь найти ответ.

На стенах висят три огромных черепаховых панциря. На одном из них, самом старом, высечены имена всех военных и гражданских комендантов, на втором — имена директоров телеграфных компаний, на третьем — фамилии американских офицеров, командовавших воздушной базой. Первый панцирь напоминает о трагическом прошлом острова Вознесения: на нем среди прочих — имена трех комендантов, которые погибли на своем посту, и одного, который был смещен.

В чем секрет Ассеншена? Я познакомился с одним связистом кабельной службы, который провел на острове обычный срок — два года — и завербовался еще на шесть месяцев (до того этот человек провел пятнадцать лет в Александрии — городе, который не назовешь ординарным или обычным). Вспомнился мне и один фермер, который в молодости попал на военный флот и почти всю жизнь счастливо прожил на горе Грин. Когда моряки уступили место связистам и он вынужден был уехать, это стало трагедией его жизни. Я вспомнил и врача, который проработал на острове Вознесения много лет и отказывался от всех предложений о переводе. Однажды он поехал в отпуск в Англию и всей душой возненавидел ее. Возвращение на Ассеншен стало для него праздником.

И это тот самый остров, который некогда внушал ужас! «Голая, тощая скала, — писал о нем один моряк двести лет назад. — Если бы не знаменитые большие черепахи, то остров был бы известен лишь как точка на карте в середине океана, которую мореплаватели должны по возможности избегать». Один английский генерал заявил: «Святая Елена — скала, а Ассеншен — кусок лавы».

Так в чем же все-таки секрет?

Новый день встает над опрятными бунгало и укромными палисадниками Гарнизона, и я надеюсь, что он принесет мне ответ.

Я гляжу на восток и вижу старинный Форт-Торнтон, я смотрю на запад и вижу еще одну батарею с пушками времен короля Георга и королевы Викторнии.

Это место — морской и военный музей, первым экспонатом которого оказалась проржавевшая лодка наполеоновских времен, а последним — установки для атомных снарядов, привезенные на Лонг-Бич американскими военными самолетами. Если они свезут сюда еще несколько бочек с горючим, черепахам негде будет откладывать яйца. Но, конечно, не реликвии бывших трагедий, не мрачное дыхание прошлых войн и не угроза новых удерживают людей на острове. Вон там, у Берега Мертвеца, например, видно старое морское кладбище. Назвали это место так потому, что огромная волна обрушилась однажды на могилы, перевернула их и усеяла весь берег скелетами и гробами. Такие вещи только усугубляют загадку острова.

Может быть, людям нравятся пляжи и море? Так знайте же — если вас застанут гуляющим по берегу, вы заплатите штраф в пять фунтов, то есть, конечно, в том случае, если вам удастся вернуться живым. Коварное море, которое опустошает могилы, очень любит заставить людей врасплох, выманив их на золотой песок. Волны заливают Лонг-Бич и футбольное поле, они разбиваются о мол и ломают портовый кран. Однажды огромная волна смыла с мола няньку с двумя маленькими детьми, оставив на берегу безутешных капитана морской пехоты и его жену.

Так что теперь единственным местом для купания является Беспокойная Бухта, где кабели выходят на сушу. Это защищенное место среди скал, здесь стоит домик для связистов под красной крышей и купальня кабинка, прикрытая банановыми листьями. Но даже в этом месте далеко заплывать опасно. Когда кто-нибудь находится в воде, удить запрещается, потому что наживка привлекает страшную барракуду и акул. И всегда кто-нибудь должен находиться на страже у узкого входа в бухту и следить, чтобы не заплыли сюда акулы-людоеды.

Вы любите порыбачить? Здесь рай для удильщиков. «Однажды мы вдесятером удили с понтона рядом с молом, — рассказывал мне один связист. — Мы поймали больше ста рыб, главным образом морского окуня». Тунец и многие другие рыбы хорошо ловятся на крючок с моторных лодок у берега. Лангустов ловят сетью. Рыбное меню можно разнообразить также устрицами. Самой лучшей рыбой острова Вознесения

считается черный тюрбо (здесь его просто называют черной рыбой). Это мусорщик, который охотно питается морскими водорослями и очищает днище всякого судна, стоящего на якоре. Каждый день кухонные кладовые в любом доме заполняются разнообразной свежей рыбой. Так что с утра здесь принято есть мясо, а на ужин, как правило, употребляют только рыбу.

Чем еще может угостить Ассеншен? Хорошей бараниной с гор, иногда бифштексом, привезенным на самолете из Америки, бананами с островной фермы, дикой гуайявой, из которой готовят желе, папайей (дынным деревом), грейпфрутами, гранатами и помидорами. Небольшая фабрика минеральных вод в Гарнизоне изготавливает содовую воду, имбирное пиво и топизирующие напитки по цене два с половиной пенса за бутылку. А вазы на верандах заполнены горными цветами, которые называют маками; при перевозке их заворачивают в листья папоротника и имбиря. Если вы искусный садовод, то в вазе могут появиться и собственноручно выращенные гвоздики.

Мне думается, что жены связистов кабельной службы любят остров за то, что вести хозяйство здесь нетрудно; все абсолютно здоровы, детишки чувствуют себя превосходно. Бывает, что проходит год и больше, а на острове не случается ни одной смерти (когда я был здесь последний раз, на Ассеншене жило пятьдесят местных белых да около двухсот человек со Святой Елены). Жизнь кажется безбедной, когда имеешь под рукой библиотеку, кино под открытым небом, теннисный корт и самую никудышную в мире — построенную на лаве площадку для гольфа.

На острове жизнь все еще намного дешевле, чем в городах. Из одежды здесь нужны лишь шорты, рубашка, иногда костюм. Машина тут не является необходимостью, хотя автомобили появились на острове еще в 1931 году и сейчас имеется несколько современных моделей. К этому нужно еще добавить самодельный детский автомобиль и несколько мотоциклов. Моряки провели в городе трамвайные рельсы и протянули провода по всему Гарнизону, на этом дело и стало, так как началось строительство автомобильной дороги с твердым покрытием и нескольких обычных дорог. Однако автотранспорту никак не удается спастись от безжалостной лавы. Покрышек хватает не больше чем

на три тысячи миль. Предполагать, что автомобилисты могут полюбить остров Вознесения, не приходится. Водить машину здесь не удовольствие, а необходимость, когда нужно подъехать к горам или к американской зоне.

Несомненно, прелесть острова Вознесения в какой-то мере может объяснить гора Грин — без нее остров был бы всего лишь меланхоличной уединенной скалой. Пребывание в горах оставляет неизгладимое впечатление. Каждые полгода связисты берут себе неделю отпуска, они бродят и лазают по горам и дышат горным воздухом. Особенно нравится разводить по ночам костры — это кажется им сугубо «горным» развлечением.

Я стою на балконе и смотрю на город; мимо меня проходят на работу люди, приехавшие с острова Святой Елены. В их любви к Ассеншену никакой загадки нет. Они подписывают контракт на два года, и большинство пытается задержаться здесь на более длительный срок, прежде чем вернуться на свой давленный нуждой остров. По крайней мере на два года остров Вознесения означает для них обеспеченное существование и хорошую пищу. Умелый повар получает в месяц семь фунтов, и это считается целым состоянием. Некоторые связисты подрабатывают в свободное время приготовлением пищи и другими хозяйственными работами.

На острове Вознесения каждый находит себе занятие, и это лучший способ не затосковать в изолированном от большого мира месте. Каждый островитянин, начиная с самых высоких постов, выполняет несколько обязанностей. У директора в приемной два стола: один — за которым он решает проблемы кабельной и радиосвязи, другой — за которым восседает как старший администратор острова, судья и мэр. Другой чиновник службы связи является по совместительству секретарем Клуба и церковным проповедником. Врач — в то же время архивариус острова, и, кроме того, он оформляет браки. В течение месяца на остров, как правило, приходит по одному судну, поэтому начальник порта является еще директором столовой и клерком в суде, а его жена — почтмейстером. Если вам потребуется починить туфли, вы несете их к булочнику. Мясник — первоклассный повар и кельнер. Управляю-

щий электростанцией Джошуа при случае сделает вам прическу.

Рано утром, пока солнце не высветит ярким светом безжизненную лавовую пустыню, Гарнизон кажется уютным комфортабельным и независимым морским городком. Теперь, мне кажется, удастся кое-что понять. Холостяку вроде меня это место, если он страдает каким-нибудь нервным заболеванием или находится в состоянии неудовлетворенности, которое нельзя вылечить джином по три шиллинга за бутылку, не придется по вкусу. Но семейного человека такого рода простая жизнь вполне устроит. (Что касается жен, то одна из них выразилась так: «Я люблю Ассеншен, потому что здесь нет социальных проблем — каждый знает свое место».)

День и ночь напролет через телеграфную станцию на остров несутся по кабелю новости из Англии и Южной Америки, Западной и Южной Африки. Казалось бы, связистам невозможно забыть взбалмошный большой мир... Но им это удастся. Их беспокоят только собственные дела, и они вполне удовлетворены безопасным и беззаботным времяпрепровождением в Гарнизоне, а если наскучит однообразная шлаковая пустыня, что же — к их услугам горы.

Покидая остров Вознесения, они уносят с собой крики крачек, треск миллионов сверчков после редкого дождя, оглушающий грохот бьющихся о берег волн. Они уносят с собой звездные ночи, и тихие вечера, и безмятежное солнце, выплывающее из-за кромки горизонта над безбрежным океаном.

Глава одиннадцатая

СЧАСТЛИВЫЕ ОСТРОВА

Жары там нет и зноя нет,
И человек не знает бед,
И, не старея никогда,
Он остается навсегда
Таким, каким попал туда.

Эндрю Лэнг (перевод А. Эппеля)

Как бы я ни любил путешествовать, мне нелегко покидать друзей и уплывать к новым берегам. Было грустно на душе, когда комфортабельный лайнер ком-

пании «Юниэн Касл» увезил меня из Лас-Пальмаса.

Но вот уже новые приключения захватили меня, и я снова обрел счастье в некоем городе среди банановых листьев и виноградных лоз, сквозь которые пробивается запах жареной кукурузы, кофе, а иногда и рома.

Стоило показаться пику Тенерифе и кафедральным шпилям, как бывалые моряки сразу узнавали Канарские острова. Рядом с городом — кальдера ¹ Бандама. На высоте семисот футов — кратер безупречной формы, на дне которого неожиданно для путешественника возникает фермерский домик, окруженный живой изгородью из апельсиновых деревьев, бананов, винограда и пшеницы. И может быть, вам доведется купить что-нибудь на Триане, главной улице Лас-Пальмаса. Здесь дешевы отличные кожаные вещи, а гигантские куклы известны на весь мир. Здесь я встретил продавца игрушек сеньора Казанова. Он рассказал мне, что эти куклы делают вовсе не здесь, а в Барселоне. Вы можете выпить или поесть в «Санта-Каталине» или в парке Сан-Тельмо и заметите, что даже в самых роскошных ресторанах цены вполне приемлемые.

Но мне хотелось унести со счастливых островов нечто большее, чем мимолетное впечатление туриста. Я много читал о них и решил задержаться в Лас-Пальмаса, чтобы поближе познакомиться с этими испанскими владениями в африканских водах.

Ученые считают пики Канарских островов вежами, которые заставляют задуматься над одной из величайших загадок человечества: кто были гуанчи ², народ, обнаруженный на всех этих островах первооткрывателями? Были ли здесь сады Эдема, проглоченные кон-

¹ Кальдера — овальное или круглое углубление в верхнем конце жерла вулкана, образующееся обычно в результате взрыва газав.— *Прим. пер.*

² Гуанчи — древнее население Канарских островов. По мнению антропологов, представляли собой сохранившийся на островах (в условиях изоляции) остаток распространенной некогда в Европе кроманьонской расы. Ко времени открытия и завоевания островов испанцами (1402—1494) численность гуанчи достигала 20 тыс. человек. Они занимались земледелием и скотоводством, пользовались каменными и деревянными орудиями. Знатных сородичей гуанчи хоронили в пещерах, а трупы мумифицировали. Язык гуанчи был близок берберским языкам.

После испанского завоевания часть гуанчи была истреблена, часть увезена в рабство, остальные смешались с испанскими колонистами.— *Прим. ред.*

вульсиями земли, которые послужили основой для легенды о всемирном потопе? Многие столетия Канарские острова казались человеку краем света³.

Вот как, например, рассказывал о них Геродот: «Мир кончается там, где по морю нельзя больше ехать, в месте, где находятся сады Гесперид, где Атлас поддерживает небо, стоя на скале, имеющей форму конусообразного цилиндра».

Дым, поднимавшийся из жерла вулкана Тенерифе, был виден с африканского побережья. Понятно, что древние устремляли сюда свои экспедиции и что римляне высаживались на архипелаг за много сотен лет до того, как французские и португальские моряки вновь открыли эти острова для Европы. И в самом деле, в арабских хрониках мы находим, что адмирал Фаррук был здесь в 999 году, а финикийцы, наверное, намного раньше.

Я всегда чувствую беспокойство, если не могу объяснить какого-нибудь названия. Некоторые думают, что Канарские острова получили свое наименование от канарейки — той дикой коричневой или зеленой птички, которая здесь водится. Однако, чтобы найти правильное объяснение названию островов, приходится обратиться к древнеримскому ученому Плинию Старшему. Он рассказывает, что царь Джуба (Юба) в 40 году до н. э. привез отсюда двух больших собак (по-латыни «канис») и поэтому назвал острова Канарскими.

Документы сообщают, что гуанчи ели собак, похожих на овчарок. Это были большие собаки, называемые «бардино», которые выжили на некоторых островах этой группы и представляют собой хорошую служебную породу, отличающуюся свирепостью и злобой. Бардино использовались для охраны знати, а также девственных весталок гуанчи, а потомки собак, которых можно узнать по коричневым и черным пятнам, теперь охраняют фермы. Островитяне гордятся своими знаменитыми бардино и посвятили им скульптурную группу, которая возвышается на площади Святой Анны.

— С бардино приходится вести себя очень осторожно,— предупредил меня сеньор Перес Нараньо из

³ Канарские острова были впервые открыты кадисскими рыбаками (Испания) не позднее II в. до н. э.— *Прим. ред.*

туристского агентства.— У меня была такая собака. Она так и не стала ручной и кусала всех — отца, сестер, братьев, так что мне пришлось отвести ее на жи-водерню.

Гран-Канария вполтину меньше Тенерифе. Этот остров получил название «Великого», потому что здесь гуанчи сопротивлялись испанской интервенции более яростно, чем жители других островов. Представьте себе блюдечко с грязью, перевернутое вверх дном, края которого иссечены глубокими ущельями, называемыми «баранкос», — и перед вами предстанет Гран-Канария, каким его можно увидеть с воздуха.

Перес Нараньо рассказал мне о ценах на острове. В мире все так часто меняется, и я, пожалуй, не стану говорить о стоимости жизни здесь в сентябре — октябре 1956 года, когда я там был. Могу сказать только, что цены оставались (а может быть, и остаются?) в высшей степени доступными. Многие импортные товары в Лас-Пальмесе не облагаются налогами, и это объясняет их невероятную дешевизну: за пачку американских сигарет здесь платят всего шиллинг, да и другие предметы роскоши весьма недороги.

Дешевы здесь и еда и напитки. Отель «Санта-Каталина» — лучший в Лас-Пальмесе и не уступает первоклассным европейским гостиницам. Я платил там за огромную комнату с ванной и за стол — а готовят здесь отлично — меньше трех фунтов в день. На острове Гомера я «сошел с туристской тропы» и попал в небольшой, но хороший пансион; с постояльцев, которые долго живут здесь, брали всего семь шиллингов. И даже в Лас-Пальмесе и на Тенерифе можно найти отличные пансионы, где возьмут всего пятнадцать шиллингов за день, и это — включая еду и чаевые. Мне рассказывали об одном американском коммивояжере, который после второй мировой войны накопил шестисот фунтов. Он искал такое место в мире, где мог бы на эти деньги учиться рисовать, плавать, валяться на солнышке и вообще вести беззаботную жизнь. Лас-Пальмас — это как раз то, что ему было нужно. Он нашел здесь колонию художников, состоявшую из местных уроженцев и испанцев, которая все время увеличивалась. Прошло три года, а американец не истратил и половины своего капитала. Правда, за это время он не стал художником-профессионалом, но ему явно

пришлись по душе неторопливая жизнь, хорошая еда и терпкие вина.

Лас-Пальмасские автобусы напомнили мне что-то очень знакомое, но я долго не мог понять, что именно. Наконец, один приятель разъяснил, что здесь все еще ходят старые лондонские автобусы. Лас-Пальмас — город звонков, гонгов и автомобильных сигналов, но ездят здесь осторожно, и при мне не произошло ни одной аварии.

Канарцы берегут себя и летом работают лишь с восьми утра до двух часов дня. Магазины открыты с девяти до часу, а потом с трех до семи. Лавки же, принадлежащие индийцам, вообще не закрываются. По вечерам островитяне с большой охотой пользуются пляжами, благо все они недалеко от города. Местные жители — заправские рыболовы; тунца здесь ловят на удочку, а на других рыб охотятся с ластами. Рыбаки утверждают, что подводная охота у них лучшая в мире.

Народ здесь бережливый и экономный. Жители острова говорят, например, что их козы дают самое жирное молоко, хотя и живут вместе с домашней птицей на крышах.

Главная улица Лас-Пальмаса названа по имени пригорода Севильи Трианой. Местная Триана — нечто вроде ярмарки невест. Мужчины подвергают детальному обсуждению прошедшую красотку и выкрикивают «пиропосы» — смачные комплименты, которые доставляют девушкам немало удовольствия, хотя лица их при этом ровно ничего не выражают. Если комплимент покажется девушке бестактным, она холодно бросит в ответ: «У меня у самой дома есть зеркало».

Я медленно иду по Триане, изучаю витрины и покупаю себе роскошный чемодан (много веков назад испанцы научились у арабов кожевенному искусству). Я вижу знакомые книги... вон там, например, уже переведенная на испанский язык книжка о снежном человеке. Женщины особенно охотно покупают расшитые полотняные изделия и «модистас» — кружевные мантильи. Французские духи продаются по парижским ценам. Испанские жемчуга и перламутр, веера и корзинки, куклы, изображающие тореадоров и цыганок, хорошее вино и продукты — все это можно увидеть на витринах Трианы, и здесь есть на что истратить свои песеты.

Во многих дверях вставлен квадратный глазок «реха»: испанцы не любят выставлять напоказ свою домашнюю жизнь. В ставнях имеется небольшая оконная створка на висячей петле — «постиго», через которую сеньорита может незаметно переговорить со своим возлюбленным. Если вам представится возможность, загляните в «патио» — внутренний дворик, — и вы увидите там вьющиеся растения и папоротник. По обеим сторонам каждой улицы стеной растут кусты красных и лиловых бугенвиллий. Существуют целые острова цветов, и только Мадейра, пожалуй, может соревноваться с Гран-Канарией за звание райского сада. Эвкалипты, кактусы и алоэ разрослись в северной части острова. По дорогам растет дикая герань.

В пещерах, вырубленных в утесах из мягкого песчаника, как в сотах, живут потомки древних гуанчи. У бедняков нет денег на жилье, а по закону не нужно платить лишь за такой дом, у которого нет дверей. Попробуйте добраться до этих пещер, и вы поймете, какими великолепными альпинистами были гуанчи. Здесь есть такие горные гнезда, куда можно добраться лишь по узкой кромке вдоль ущелья, что под силу только опытным скалолазам.

Я проехал через Арукас — город бананов и рома, мимо старых деревушек гуанчи и плантаций кофе, пока не добрался до большой долины Беррасалес, минеральные источники которой привлекают внимание больных со всех островов. Вода источников богата углекислотой, известной своей целебной силой. Я разговорился с одним мужчиной с Тенерифе. Он работал в Англии и заболел там ревматизмом, поэтому все свои отпуска проводит теперь в Беррасалесе. И это ему очень помогает.

В отеле я получил свой обед «сухим пайком»: холодный омлет с ветчиной, чесночная сосиска, язык, сыр, бутерброды и фрукты. Я искупался в теплом источнике и принялся за еду. Таким мне и запомнился Беррасалес: я сижу в тени дерева, поглощаю вкуснейший завтрак, а за спиной плещется на скалах волшебный источник. Позднее, летя самолетом от Ла-Лагуны (Тенерифе) на Гран-Канарию, я еще раз полюбовался сверху на места, где только что побывал: на церковные шпили и белые трубы ромовой фабрики в Арукасе, маленькие круглые запруды, на городок Гую, где к

сыру для запаха добавляют цветы дикого артишока, на долину, гостиницу в Беррасалесе.

Повсюду на побережье Канарских островов выращивают бананы. Иногда это оказывается выгоднее, чем продавать землю под застройки, и вот в Лас-Пальмесе между портом и деловым центром вдруг вырастают банановые джунгли. Отцом канарских бананов был сэр Альфред Джонс — дальновидный судовладелец из Ливерпуля, именем которого жители назвали одну из улиц Лас-Пальмаса. Благодаря ему город обозначили на морских картах; это произошло после того, как для судов, идущих в Западную Африку, здесь были построены угольные склады. Джонс открыл банки и отели, и он же отправил первые корзины с бананами страждущим потребителям в Британию и на континент.

Зайдя в контору пароходства близ «пуэрто» в Лас-Пальмесе, я словно попал в XIX век. Контора была построена мистером Павиллардом и сэром Альфредом Джонсом еще в те годы, когда Лас-Пальмас представлял собой всего лишь пустой залив, а остров жил производством вина и сахара. Сын владельца Юджин Павиллард провел меня по комнатам, которые выглядели настоящим музеем: кубинские панели из красного дерева, модели старинных пароходов, стеклянные, перегородки, резное дерево, причудливые пресс-папье и бювары, витая железная лестница, ведущая на крышу.

— С тех пор как отец открыл контору в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году, она никогда не закрывалась, ни днем, ни ночью, — рассказывал мне Юджин.

Старинные кресла с подлокотниками, регистрационные фолианты в кожаных переплетах, старые картины — все это напоминало о тех золотых временах, когда энергичного бизнесмена неизменно ждала удача, а войны не мешали еще торговле. На стене висел портрет человека с пышными усами — сэра Альфреда Джонса.

Юджин Павиллард и приятный молодой канарец из конторы открыли для меня некоторые стороны жизни Лас-Пальмаса, которые мне не удалось бы увидеть без их помощи. Городу почти пятьсот лет, в нем есть современные, хорошо распланированные магистрали, но в квартале Вегуэта вы попадаете в колумбовы вре-

мена. Я вспомнил, как в дни моего детства гид показывал мне гаротту в Лас-Пальмасе:

— Хотите еще раз посмотреть на нее?

Скоро мы очутились в старом доме, в подземелье которого находилась тюрьма. В одном мрачном каменном мешке можно было увидеть сразу две машины смерти: вверху — эшафот с виселицей, внизу — гаротту. Да, да, здесь до сих пор висел этот ужасный стальной ошейник, который так запомнился мне с детства. Жертву сажали на стул, и гаротта плотно обхватывала шею. Затем в действие вступал тяжелый, быстро вращающийся винт, который в одно мгновение раздавливал позвоночник.

Мой приятель объяснил, что гаротту на островах уже давно не применяют. Жители испытывают здесь непреодолимый страх перед смертной казнью, который восходит еще ко временам гуанчи. Даже на мясника смотрят с опаской, а судебный исполнитель внушает такой ужас, что каждый канарец, проходя мимо, шепчет: «Диос ме либре де тус манос! (Господи, избавь меня от его рук!)».

В Лас-Пальмасе много мавританских домиков с плоскими крышами. Остров по своей культуре ближе к Африке, чем Тенерифе, и вся атмосфера здесь более африканская, в то время как Санта-Крус-де-Тенерифе с его узкими кривыми улочками — совершенно испанский город. Время от времени на Гран-Канарию обрушивается вихрь тончайшего песка из Сахары. Он сыплет все, и суда не могут сняться с якоря. Бывает, что выпадает настоящий «кровавый дождь» — ливень, окрашенный африканской пылью в красный цвет. А жаркий юго-восточный ветер «левантер» приносит полчища саранчи, которая плотным слоем в четыре фута закрывает всю землю. К счастью, все эти гости из Африки бывают довольно редко.

Иногда говорят, что старые улочки города Санта-Крус-де-Тенерифе еще больше, чем испанские, напоминают иллюстрацию к Ветхому завету. Во многих домах высятся квадратные башни «мирадорес», к стенам прилеплены лестницы, ведущие к плоским «азотеас», на которых можно принимать воздушные ванны.

На Канарских островах принято считать, что народ на Тенерифе медлительный и провинциальный. Здесь

до сих пор еще ночью по субботам можно услышать, как юноши с гитарами поют серенады своим возлюбленным. В Лас-Пальмесе этот обычай запрещен, потому что он мешает людям спать.

Некоторые говорят, что Тенерифе нравится им больше, чем остров Гран-Канария, из-за его вулкана Пико-де-Тейде, который возвышается над островом, как Столовая гора над Кейптауном. Честно говоря, люди и улицы, гавани, молы и пляжи интересуют меня больше, чем горы и ландшафты, но мне приходилось видеть и Эверест и почти все большие африканские вершины. Я приехал на Канарские острова не ради tenerифского вулкана, но все же был рад представившейся возможности осмотреть это чудо.

Ущелья, забитые лавой, груды черной окалины и кратеры напоминают, что Тенерифе знал много вулканических извержений. Может быть, остров взорвется когда-нибудь, как это было с Кракатау, ибо вулкан достаточно активен. Полвека назад жителей разбудили громкие взрывы и толчки. Вскоре в двадцати милях от вулкана открылся новый кратер. Но все обошлось без человеческих жертв и материального ущерба. С конца XVIII века каких-либо серьезных извержений не наблюдалось, и жителям удастся не придерживаться общеизвестной философской точки зрения о «жизни, как на вулкане». Площадь острова — девятьсот квадратных миль, так что спастись от извержения, если оно случится, нетрудно.

Дон Мануэль Рафолс с супругой подвезли меня как можно ближе к вулкану. По дороге они показали мне прохладную Ла-Лагуну — университетский город с кафедральным собором, украшенным мраморными и серебряными фигурами, и монастырской церковью, где раз в столетие на святой мессе прислуживают монахини-траппистки⁴. Вот где место для поклонников резных деревянных дверей, балконов и гербов. Город расположен на высоте двух тысяч футов над уровнем моря, и по ночам даже летом приходится укрываться одеялом. Тут была крепость гуанчи. Сейчас здесь летают

⁴ Трапписты — монашеский орден (основан в 1662 г. в Нормандии), отличающийся особенно суровым аскетизмом и требующий от своих приверженцев пожизненного молчания.— *Прим. пер.*

рейсовые самолеты из Испании, и пилоты опасаются внезапных туманов, скрывающих аэропорт.

Вдоль дороги бредут крестьяне со своими осликами, мужчины закутаны в шерстяные одеяла-покрывала, у женщин на голове маленькие соломенные шляпки. Фруктовые сады и виноградники, банановые и помидорные фермы уступают место полям пшеницы, фасоли и картофеля. Тут и там видны заброшенные виноградные прессы. Вино делают и сейчас, но много виноградников погибло от вредителей; канули в прошлое времена, когда канарское вино было известно во всем мире.

В горах, где собираются облака, хорошо растут сосны. Островитяне собирают иглы, которые употребляют для упаковки бананов. Выше мы попадаем в вечнозеленый пояс, затем оказываемся в густом тумане, из которого выбираемся уже на высоте пяти тысяч футов. А еще через тысячу ландшафт становится похожим на районы Карру — безводного плато в Южной Африке. Это Лас-Канадас, лавовое плато, несомненно одно из самых суровых мест на земле. Кресты отмечают места снежных трагедий. Здесь имеется полицейский пост, единственная задача которого — посылка спасательных отрядов на случай автомобильной аварии, когда людям грозит гибель зимой в горах.

Мне показали знаменитую метеостанцию в Изане. На высоте почти восьми тысяч футов живут пятьдесят человек ученых с семьями. Дома у них большие и крепкие: ведь зимой, когда дороги блокированы снежными заносами, они совсем изолированы от мира. Еще ближе к вершине сооружен «парадор» — государственная гостиница для туристов. Некоторым больным, видимо, идут на пользу чистый горный воздух и яркие лучи солнца. Однако врачи не всегда уверены в несомненных достоинствах высокогорного санатория и рекомендуют многим оставаться внизу, на пляжах.

Последним признаком человеческого жилья на величественной горе — дом отдыха «Альта Виста», расположенный лишь на тысячу четыреста футов ниже вершины. Я постоял немного на тропе мулов, ведущей к хижине, и повернул обратно. Горные восхождения не по мне, хотя, конечно, в ясный день стоило бы взобраться на пик. В моем старом путеводителе говорится:

«Вокруг вершины — царство уединения и хаоса», но, очевидно, автор имел в виду только окрестности кратера. Отсюда виден каждый остров в Канарской группе и Африканское побережье. Ни одна панорама в мире не дает такого широкого горизонта.

В зарослях лавра охотники искали фазанов, а в чаще древовидных вересков — кроликов. Мне всегда казалось, что я мало знаю ботанику. Баннерман из Британского музея говорил мне, что на этих островах сохранилось много реликтовой флоры. В течение тысячелетий остатки африканской, азиатской и американской флоры оставляли на этом куске земли богатые и разнообразные следы своего пребывания. Птицы и течения заносили семена, и остров стал теперь естественным цветочным садом, настоящим раем для ботаников. Гумбольдт совершил восхождение на пик и описал леса, которые вскоре были сожжены и обращены в древесный уголь. К счастью, многое еще уцелело и до сих пор сохранились растения и деревья, которые остались только на Канарских и нескольких других островах.

С окрестностями Ла-Оратавы связана одна романтическая легенда о чудотворной девственнице Канделарии. Много веков назад какой-то пастух нашел на берегу деревянный образ этой девственницы. Некоторые говорят, что то был ностр⁵, смытый с потерпевшего аварию судна. Так или иначе, но этому образу приписывалось свойство исцеления от всех болезней, и поклоняться ему приходили люди с разных островов. Однажды его украли. Позднее образ появился вновь на острове Фуэртевентура, где был реставрирован и сохранялся в течение многих лет. В начале XIX века во время сильного шторма образ унесло в море. Папа прислал новый, который сохраняется здесь и по сей день.

Оратава — источник вдохновения многих художников и поэтов. Ее называли самой прелестной долиной в мире, а также (и это, пожалуй, можно утверждать с большим основанием) самым здоровым городом на земле. У меня Ла-Оратава всегда останется в памяти. Ленч в роскошном отеле сеньора Рафалса был превос-

⁵ Ностры — носовые украшения старинных судов. — *Прим. ред.*

ходен. Я с удивлением смотрел на тележки с закусками, которые ввозили официанты. Сначала подали гигантское блюдо, на котором были навалены маслины, тунцы, жирные сардины, отличные местные омары, устрицы с чесночным соусом, маслом и нарубленной петрушкой, креветки и сосиски, острый рис и перец. Лишь после этого к ленчу приступили всерьез.

Рядом с гостиницей растет удивительное старое драконово дерево. Существовало еще одно, еще более крупное и самое древнее дерево на земле, по форме напоминавшее песочные часы, но оно было разбито ураганом девяносто лет назад.

Листья драконовых деревьев похожи на острые массивные шипы, а ветки напоминают щупальца осьминога. Как только дерево выбрасывает ветви, оно больше не тянется вверх, зато все время разрастается вширь, так что за столетия вырастает настоящий монстр, не лишенный, однако, привлекательности во время цветения. Это дерево выделяет знаменитый кроваво-красный сок, который продают под названием «драконова кровь».

Гуанчи мумифицировали своих мертвецов и с помощью сока драконова дерева сохраняли их кожу. Они обожествляли дерево, считая редкое цветение предвестником хорошего урожая.

Если драконово дерево погибало от старости, это, по их мнению, предвещало несчастье. Золотые волосы, которыми славились венецианские женщины, обязаны своим происхождением специальной краске, главным ингредиентом которой была «драконова кровь». Европейские аптекари высоко ценили этот сок и немало запрашивали за изготовленные из него лекарства. Потом сок стали смешивать с виноградным спиртом и использовать при лечении желудка или кожных язв. Считается, что зубочистки из древесины драконова дерева полезны для десен.

Драконово дерево, что растет близ Икода, избегло потока лавы, извергшейся на живописную деревню Икод-де-лос-Виньос. Оно имеет сорок футов в окружности; считается, что его возраст насчитывает две тысячи лет. Я живо представляю себе, как вокруг мощного ствола собирались для свершения религиозных обрядов воины-гуанчи. Есть еще такое дерево в Ла-Оратаве. Именно около него легендарный Дракон ох-

ранял сады Гесперид⁶. Золотые яблоки, о которых упоминается в легенде, на самом деле, конечно, апельсины, которые и по сей день растут в долине.

Я не лингвист, но названия местных блюд всегда изучаю прилежно. Конечно, не обходится и без недоразумений. Однажды вечером я спросил в ресторане Лас-Пальмаса:

— Когда вы подаете обед? (Испанцы обедают поздно, не раньше девяти вечера.)

К моему удивлению, официант ответил:

— Да, сеньор, здесь есть очень миленькие сеньориты.

Я серьезно отношусь к еде и был возмущен, что меня поняли так неправильно.

В мире много развлечений, и я никогда не пропускаю самое интересное — рынок. Мясо на рынке в Лас-Пальмаса можно увидеть редко, раз или два в неделю, зато это с лихвой компенсируется дешевой и разнообразной рыбой, от осьминогов до тунцов. Островитяне утверждают, что их апельсины из Тельды, фиги из Иерро и арбузы из Лансароте — лучшие в мире. Да и козьим сыром местного производства никак нельзя пренебречь.

На острове не завтракают ветчиной с яичницей, как это принято у англичан. День здесь начинается с чашки крепкого кофе с молоком, привезенным с материка, бутербродом больо⁷ или куском пирога и иногда сладким напитком, изготовленным из шоколадного порошка и приправленным корицей.

Бедный люд (а богачей тут немного) питается в основном гофио. Именно гофио пахнет на узких городских улочках, в деревенских домиках под черепичными крышами, в пещерах, где ютятся нищие. Гофио питаются и гуанчи. Приготовить блюдо нетрудно. Для этого обдирают кукурузный початок, зерна размалывают и поджаривают, а потом заливают водой или горячим молоком с сахаром. Готовить гофио можно таким же образом из пшеницы, ячменя или ржи. Островитяне

⁶ Дракон — в древнегреческой мифологии фантастический крылатый огнедышащий зверь, охраняющий сады Гесперид, дочерей Атланта и Гесперид, обитавших в неизвестных землях где-то к западу от Греции. — *Прим. ред.*

⁷ Сладкая булочка (*исп.*).

едят гофио так же, как когда-то гуанчи: его намазывают на хлеб или заправляют им суп. Гофио — составная часть многих блюд, приготовляемых на островах.

Осьминогов и других головоногих продают на рынке, а в меню обозначают словом «кальмарес». Их с удовольствием едят даже туристы-консерваторы. Осьминог очень жесткий, и его надо уметь приготовить. На Канарах осьминога вымачивают в оливковом масле и белом вине, а потом добавляют лук, нарезанную петрушку и хлебные крошки. Затем его обваливают в муке, жарят в горячем масле и подают с томатным соусом, лимоном или просто с рисом.

Кальдо де пескадо⁸ — типичное канарское рыбное блюдо. Рыбу жарят и подкрашивают шафраном в желтый цвет, а потом подают с гофио или картофелем. Другое традиционное блюдо — санчоко⁹. Канарио — соленая рыба, щедро приправленная чесноком; она подается со сладким картофелем и помидорами. А может быть, вам посчастливится попробовать с этим блюдом «эль-лихе»¹⁰, который готовится из горячих специй, соли, оливкового масла и уксуса.

Теперь о мясе. Даже лучшие отели на островах имеют лишь небольшое разнообразие мясных блюд, по преимуществу из телятины и кур. По праздникам здесь готовят козлятину в соусе — мясо козленка, вымоченное в вине и уксусе, натертое чесноком, поджаренное и украшенное перцем. Имеется недорогое, но вкусное тушеное блюдо, называемое «пучеро»¹¹, — мясо или сосиски, которые долго тушат с различными овощами. В Испании его называют «олья подрида»¹².

Для разнообразия телятину готовят со специями и пряностями, с соусами, приготовленными из молотых орехов, хереса и тертого сыра. Испанцы любят украшать кушанья овощами: яркие краски хорошо сочетаются с пурпуром женских юбок. Вместо телятины на стол часто подают свинину. Отменное местное блюдо, которое готовят только в шикарнях отелях, — горная ветчина. Ее кладут на снег и просушивают на солнце.

⁸ Букв. «рыба в соусе» (*исп.*).

⁹ С а н ч о к о — недожаренное или недоваренное блюдо.—
Прим. пер.

¹⁰ «Эль-лихе» — соус (*исп.*).

¹¹ Букв. «тушеное мясо» (*исп.*).

¹² Горячее блюдо из мяса с овощами.— Прим. пер.

Снег регулирует процесс приготовления ветчины: она никогда не бывает испорченной.

Паэлья¹³ — блюдо, которое делается из различных ингредиентов; его вкус зависит от настроения повара и от того, что было у него под рукой. Основные продукты — рис, мелкие кусочки цыпленка, мяса или крабов, красный перец и фасоль. Паэлью подают на стол прямо из печи на горячей сковородке.

Мне очень понравилась сердцевина артишока. Хороши и жареные бананы, хотя, как правило, их предпочитают есть сырыми. В Испании и на Канарах чаще всего едят чечевицу, сухую фасоль и крупный желтый горох; даже крестьянин может позволить себе тушеную фасоль с маленькими кровяными сосисками.

Обед начинается супом: летом это, как правило, гаспачо, вынутый из холодильника. С непривычки эту смесь толченых помидоров, нарезанных огурцов, лука, зеленого перца, хлебных крошек, масла, уксуса и чеснока можно принять за салат. Потом следует испанский омлет, который жарят на оливковом масле; хотя он и уступает по тонкости французскому, но вовсе не плох. Могут подать и рыбу, например местную саму в миндальном соусе.

В конце обеда — цыплята с громадными стручками фасоли и креольским рисом, зажаренные в масле. Бананы, мороженое или какое-нибудь местное сладкое блюдо из меда, миндаля или яиц с миндалем подают на десерт. Крестьяне едят также гигос пикос, в котором выходец из Южной Африки сразу узнает опунцию с ее сочной зеленой желеобразной сердцевиной.

В барах и кафе на Канарах посетителям бесплатно подают закуски в таком количестве, что иных владельцев гостиниц хватил бы удар. Закажите херес, и вам дадут блюдо с оливками и анчоусами, чашку с земляными орехами и еще одну — с ломтиками свекловицы, а также солидную порцию тунца. К напиткам подают и много аппетитных колбасок салчица.

Здесь готовят сладкий некрепкий ром, причем в бутылку кладут какие-нибудь корешки. Юджин Павиллард уверял меня, что только этот ром да еще шотландское виски обладают уникальным свойством не вызывать головной боли, даже если его выпить в

¹³ Плов (исп.).

чрезмерных количествах. Лично я предпочитаю мансанилью, фино или амонтильядо¹⁴. Еду я обычно запиваю терпким кларетом риоха или для разнообразия красным бильбаосским вином. Мне понравились также местное вино пальма с непривычным ананасовым привкусом, густое красное вино с Тенерифе асентехо и белое вино с виноградников Иерро.

На Тенерифе и Гран-Канарию заходят океанские лайнеры. Здесь построены большие отели. Но в архипелаг входит еще пять островов. Некоторые из них имеют аэродромы, так что, если времени у вас мало, можно воспользоваться самолетом. Но Гомера и Иерро покрыты горами, и добраться до них можно только на маленьком испанском пакетботе, который снует между островами. Им я и воспользовался.

Пальма (не путайте с Лас-Пальмасом) — красивый остров. Если вам доводилось под командой капитана Ллойда плавать на лайнере «Винчестер Касл», который доходит до южной оконечности Канаров, то вы увидите его столицу — Санта Крус-де-ла-Пальма, расположенную на горном склоне. Капитан Ллойд покажет вам с близкого расстояния и остров Иерро. На острове Пальма находится самый большой вулканический кратер в мире — Ла-Кальдера; он уходит вглубь на семь тысяч футов. На дне его растут зеленые деревья.

Природа создала здесь, в глубине вулкана, «Каменный корабль». Раз в пять лет его украшают, подновляют «такелаж», и даже те, кто уехал с Пальмы и живет совсем в других уголках мира, стараются во что бы то ни стало приехать сюда на религиозную церемонию — фиесту.

Остров Гомера с его укрытым портом Сан-Себастьян и богатыми землями всегда был предметом вожделения многих государств, в его гавани бросали якоря различные мореплаватели, в том числе и Христофор Колумб. Отсюда к неизвестным берегам и не обозначенным на картах морям отплыло немало португальских каравелл и испанских галеонов. Люди с Гомеры владеют языком свиста, и я непременно познакомлю вас с ними.

Фуэртевентура — большой остров, но он очень мало

¹⁴ Сорта сухих испанских вин.— *Прим. пер.*

освоен, потому что там нет пресной воды. Однако в дождливые годы здесь собирают замечательные урожаи пшеницы. На фермах можно увидеть верблюдов — только они способны служить средством транспорта в сухой сезон. На острове Лансароте тоже имеются пустынные участки, напоминающие Сахару. В 1824 году здесь произошло извержение вулкана и новый кратер выбросил каскады раскаленных камней.

На острове сохранилась яма для экзекуций — воспоминание о тех жестоких временах, когда людей осуждали на смерть. Им предоставляли право выбора: или ничего не есть и только пить воду, или наоборот. Рассказывают, что один хитроумный преступник выбрал молоко и оставался в живых так долго, что пришлось отказаться от такого способа казни.

Последний из семи островов — Иерро — считали некогда самой западной точкой мира. Для ботаника это вообще интереснейший остров, так как жителей здесь немного, зато растительность исключительно разнообразная. Я уже упоминал о фигах из Иерро — весьма примечательных деревьях. Каждое из них смогло подавить окружающую растительность и занять очень большую площадь. Растут фиговые деревья, окруженные специальной оградой, принося невиданные урожаи. Одно дерево может дать до четырехсот фунтов фиг. Иногда многодетный фермер оставляет в наследство каждому ребенку по гигантской ветви фигового дерева, и это совсем неплохо. В неурожайные годы бедняки питаются гофио и сушеными фигами.

На северо-западном берегу Иерро есть несколько скал, и только на них живет гигантская ящерица, самцы которой достигают в длину полуметра. Они не опасны, и некогда их даже употребляли в пищу. Будучи на острове, я видел живых ящериц, а вот жареных попробовать не довелось.

На Канарах можно услышать историю о восьмом острове, загадочном Святом Брандоне, расположенном к западу от архипелага. Первые открыватели потратили немало времени, отыскивая этот земной рай. Уверенность в его существовании была так велика, что когда Португалия уступила Канары Испании, то в договор был включен «исла нао трузота» («ненайденный остров»). На самом деле эта загадка имеет вполне реальное объяснение — исследователи, наблюдая другие

острова с Тенерифе и Пальмы, видели на горизонте миражи со столь четкими очертаниями, что их нетрудно было принять за землю. Но не вступайте с канарцами в спор относительно острова Святого Брандона, ибо они не сомневаются в его существовании.

Какие еще воспоминания оставляют острова? Странное дело: иные крупные события затмеваются маленькими происшествиями, которые оставляют в памяти наиболее яркие следы и даже звуковые ассоциации.

Я вспоминаю молодого негра-чистильщика с Трианы, который заманил меня в вестибюль какого-то частного дома, где он мог привести в порядок мои ботинки, не опасаясь конкуренции. Пока он работал, служанка с огромными серьгами в ушах мыла щеткой лестницу и пела. Чистильщик подмигивал мне в такт песни. До сих пор эта сцена стоит перед моими глазами.

Я отдал белье в стирку девушке в отеле. Потом зашел в бар с низким потолком и стенами из темных деревянных панелей, украшенных латунными накладками, отражавшимися на мраморном полу, занял место в глубоком кресле из красной кожи, заказал вина, лениво взял лондонскую газету и потихоньку потягивал из бокала, наблюдая за уборщиками, выметающими банановые листья из сада.

Потом я отправился в доки и смотрел, как механики разбирают немецкую подводную лодку, которая была потоплена у Гран-Канарии, а потом вытащена на берег. Здесь же рядышком стояла сугубо мирная парусная испанская шхуна, рыбаки ходили на ней в богатейшие рыбные районы к западному берегу Сахары. На такелаже были развешены большие рыбацьи сети. Рыбаки выгружали подсоленные бонито и кефаль.

— Salud у атог у pesetas! — воскликнул Юджин Павиллард и поднял свой стакан.

— За здоровье, любовь и деньги! — ответила вся компания.

— Vamos!¹⁵ (здесь это произносится «уа-уас») — зывал кондуктор автобуса, который совершает маршруты от порта к городу.

— Vamos, vamos, vamos!

¹⁵ «Vamos», или «guaguas» — маршрутный автобус (исп.).

Этот крик постоянно раздается на улицах Трианы, однако кондуктор никогда не станет торопить водителя резким звонком. «Vamos» — и автобус снова трогается в путь.

Как-то ночью я увидел во дворе «Санта-Каталины» мелькание мантильи. Я присмотрелся — девушка с бриллиантовыми серьгами ритмично покачивалась в танце вместе со своим кабалеро. Да, на этих островах люди умеют пользоваться прелестями жизни.

И везде птицы, собравшиеся сюда со всего мира, — здесь они нашли приют, здесь дали начало новым видам. В сосновых лесах обитают канарские дятлы, в горах — коршуны и грифы. Но самое сильное впечатление осталось у меня от большой канарской морской ласточки «парделлы», которая прилетает с просторов океана и выводит здесь птенцов. Таинственный крик «парделлы» знаком каждому островитянину.

Я больше предпочитаю коллекционировать воспоминания, чем обычные дорожные сувениры. (Книги, меню и бутылки с вином к дорожным сувенирам не относятся.) Но однажды я захватил с собой табличку, которую выдают путешественникам в самом лучшем канарском отеле. Эту табличку следует вешать на двери номера, если вы не хотите, чтобы вам мешали. Там так и сказано: «No molestar» («Не беспокоить»). Иногда мне кажется, что эта табличка висит над Канарскими островами.

Глава двенадцатая

Блондины с неясным прошлым

Если вы любите неразгаданные загадки, то вам следует еще раз побывать со мной на Канарских островах. Я приехал сюда в поисках гуанчи — народа, происхождение и язык которого до сих пор остаются одной из величайших загадок человечества.

Вы можете возразить, что гуанчи давно исчезли, но на улицах Тенерифе мои друзья показывали самых настоящих блондинок, мелькавших среди жгучих брюнеток. Па и вообще, в различных уголках острова

люди, которые знали, что гуанчи меня интересуют, часто внезапно останавливали мое внимание:

— Посмотри, настоящий гуанчи!

И всегда это был человек со светлыми волосами и голубыми глазами, совершенно отличный от канарцев испанского происхождения.

Быть может, вам доводилось видеть все семь Канарских островов в тумане, когда из облаков торчат только их пики, едва заметные с Африканского побережья. Они всегда вызывали интерес путешественников и исследователей.

Ученые считают, что гуанчи колонизовали эти острова уже давно. Это были высокие блондины с белой кожей, а женщины отличались очень красивой фигурой; волосы у них, как и у мужчин, были светлыми, рыжими или каштановыми, и они сохранили этот цвет волос в течение веков. Попадая сюда впервые, путешественники ожидали встретиться с африканским типом, а находили европеоидный. И не только цветом кожи, но и характером гуанчи напоминали европейцев. Заселены были все острова. Несмотря на некоторые отличия между жителями отдельных островов, все они были похожи между собой и говорили на диалектах одного языка. Правильнее всего было бы предположить, что гуанчи пришли на острова со стороны моря. Но каким образом? Ведь у них не было лодок. И в самом деле, они настолько не смыслили в мореходстве, что приходили в ужас от одной мысли пройти под парусом или на веслах от одного острова до другого.

Гуанчи хорошо плавали, и один испанец, побывавший здесь в XV веке, сообщал, что они легко преодолевали девять миль, отделявших Лансароте от необитаемого острова Грасьоса. Но это не объясняет проблемы, потому что самые близкие к Африке острова — Фуэртевентура и Лансароте — все же отстоят от материка на шестьдесят миль.

Согласно романтическим гипотезам, пики Канарских островов — это все, что осталось от континента Атлантиды. Гуанчи будто бы были пастухами расы атлантов, и им удалось спастись, потому что они находились со своими стадами в горах, когда вся остальная земля погрузилась в пучину океана. Существует также много других гипотез, и я еще вернусь к ним.

Пока же я должен опровергнуть теорию существования Атлантиды, хотя это и не доставляет мне удовольствия. В ней слишком много вымысла. Геологи доказали, что Канары — не часть погрузившегося в море континента, а вулканические пики третичного периода. Промеры между островами и Африканским побережьем обнаружили такие глубины, что даже если когда-либо и существовал «континентальный мост», то его смыло задолго до того, как на земле появились люди.

Каменные орудия и другие находки, обнаруженные в пещерах, показывают, что острова были заселены много тысячелетий назад. В те времена лодки делались самой примитивной конструкции и в них нельзя было бы приплыть сюда из Европы. Даже на небольшом расстоянии от Африканского побережья многие, вероятно, погибали во время шторма.

Среди этих первых смелых навигаторов были, наверное, карфагеняне. Греческие и римские писатели упоминают их в своих трудах. Гомер за тысячу четырехста лет до нашей эры говорит о колониях на островах. Плиний дает довольно точное описание, хотя и упоминает, что острова расположены на краю земли, «где океан не хочет больше нести суда, где солнце опускается за волны в царство ночи». Затем на острова на долгое время опускается завеса неизвестности, пока французское судно не открывает их вновь для Европы в начале XIV века.

Проходит немного времени, и сюда начинают отправлять экспедиции португальцы, однако им не удается покорить гуанчи; солдаты рассказывали о белокожих людях, которые ходят нагими или одетыми в козьи шкуры. В деревнях они видели фиговые деревья и огороды. Из своих набегов португальцы привезли местного божка, а также четырех дружелюбно настроенных красивых мужчин, которые весело пели и плясали, пока не поняли, что они захвачены в плен.

Португальцы были неплохими солдатами и моряками; их рассказы о нагих девушках и замужних женщинах, носивших только набедренную повязку, вполне достоверны, и тем не менее эти описания не помогают решить загадку гуанчи. Ясное представление об образе жизни этого народа Европа получает лишь от двух ученых монахов — Бонтье и Ле Верьера, которые

сопровождали французского завоевателя Жана де Бетанкура, высадившегося на островах в XV веке. Их описание является единственным важным свидетельством из первых рук о живых гуанчи и их языке. Через двести лет важные страницы к истории гуанчи дописывает испанский монах Эспиноза, но к этому времени гуанчи уже почти не встречались.

Если вчитаться в описания этих очевидцев, мы обнаружим, что далеко не все гуанчи были белокурыми. Возможно, что случайно или намеренно на остров попадали и там оставались представители других народов — арабские и семитские типы, карфагеняне, пираты из берберских и марокканских племен и представители негроидной расы. В наиболее чистом виде гуанчи сохранились на Тенерифе.

Все сходились на том, что они были замечательными людьми, хотя и с несколько странными обычаями. У гуанчи выделялись: знать, воины и крестьяне. Они рассказывали завоевателям, что бог создал людей из земли и воды, мужчин и женщин поровну, и дал им для поддержания жизни стада овец. После этого было сделано еще несколько мужчин, но овец они не получили. Бог сказал им:

— Служите тем и другим, и они прокормят вас.

Благородные люди не могли сочетаться браком с людьми низкого происхождения, и, если не было никого, на ком знатный мог бы жениться, не осквернив чистоту своего рода, братья женились на сестрах. В некоторых хрониках говорится, что представители знати были белокожими, а крестьяне — темнокожими.

Испанцы, которые через некоторое время вместе с французами приняли участие в длительном покорении Канаров, считали гуанчи гигантами. Конечно, гуанчи были выше сравнительно низкорослых испанцев. О них говорили, что они бегают с быстротой лошади и перепрыгивают глубокие ущелья. Женщины-гуанчи были сильными и смелыми и сбросили немало французских и испанских солдат с острых вершин в пропасть.

Гуанчи добывали огонь трением. Они перетирали зерна вручную на каменных жерновах (как делают и до сих пор) и смешивали пшеницу с молоком и водой, приготовляя древнее островное блюдо гофио. Кроме овец они держали коз, свиней и собак. Последних, как и ящериц, они употребляли в пищу. Другими важными

продуктами их питания были масло, сыр и мед. Они ловили рыбу. В огромных количествах поглощались моллюски-мидии — об этом свидетельствуют целые горы ракушек, найденных на островах. Летом гуанчи забирались в горные пещеры, зимой спускались на берег.

«Клянусь сделать каждого счастливым» — такую клятву произносил каждый вождь гуанчи на Тенерифе, принимая власть.

До завоевания французами гуанчи и в самом деле были счастливым народом.

Наверное, на упомянутых выше французских монахов должны были произвести впечатление люди белой расы, которые все еще жили в каменном веке. Топоры делались из обсидиана — темной вулканической породы. Металлические орудия им были неизвестны. Гуанчи металы камни из пращи. Щиты¹ изготовлялись из древесины драконова дерева. Горшки для пищи были грубой формы — гуанчи не знали гончарного круга. Иглы и шила делались из козьих костей. Найденны деревянные чаши и ложки. Черпаки, накопачники для копий и рыболовные крючки были костяными.

Так как у гуанчи не было лодок, они ловили рыбу с берега на крючок. Иногда гуанчи вплавь загоняли косяки рыб в сети, расставленные у берега. Ночью рыбу слепили факелами и били гарпунами. Иногда в маленьких заливах ее травили соком эвфорбии².

Большинство гуанчи жили в естественных или выкопанных пещерах на Гран-Канарии. Дома они строили из каменных блоков, но без извести. Крыши делались из сосновых балок, стены в комнатах были обиты деревом. Дома на Фуэртевентуре имели настолько узкий вход, что в такую дверь мог протиснуться лишь один человек. Французские монахи пишут: «Народу здесь немного, но они очень высокие и их трудно взять живыми. Это беспощадные люди — если гуанчи кого-нибудь берут в плен и тот начинает воевать против соплеменников, они убивают его. Деревни многочисленны, и на Фуэртевентуре они расположены ближе друг к

¹ Щиты в то время на Канарах не были известны; их стали изготовлять под европейским влиянием. — *Прим. пер.*

² Э в о р б и и — группа кактусоподобных растений с густым млечным соком. — *Прим. пер.*

другу, чем на Лансароте Гуанчи любят козий сыр, он и вправду вкусен. Островитяне очень решительного нрава, они строго придерживаются своих верований, у них есть храмы, в которых они приносят жертвы».

Среди гуанчи Лансароте в обычае была полиандрия. У одной женщины могло быть три мужа, каждый жил с ней по месяцу. Видимо, сначала этот обычай был принят на всех островах, однако это не поднимает завесы над тайной происхождения гуанчи, потому что на африканских территориях, близких к Канарским островам, полиандрии не наблюдалось.

Некоторые из законов гуанчи пристали бы и современному цивилизованному нациям. Они были честными. Убийц изгоняли, потому что смертной казни не существовало.

— Только бог может брать жизнь, которую он даровал, — объясняли гуанчи монахам.

На большинстве островов гуанчи сражались с таким мужеством, что до самого конца XV века завоеватели не могли полностью покорить их. До нас дошли яркие описания этой жестокой войны. Гуанчи сражались до последнего. Если они и сдавались, то только ради спасения детей и женщин. За восемьдесят лет войны на Гран-Канарии армия гуанчи уменьшилась с четырнадцати тысяч до шестисот человек. В последней битве многие бросались в пропасть, не желая сдаваться, оставив врагу полторы тысячи женщин и детей. В горах Тенерифе война длилась до конца 1495 года. Гуанчи сражались бы, наверное, и дольше, если бы их армию не постигла эпидемия чумы.

С тех пор гуанчи фактически прекратили свое существование: одни были убиты в боях, другие угнаны в рабство. Завоеватели овладели их женщинами и ограбили. Так исчезла с лица земли, унеся загадку своего возникновения, неолитическая раса, которая в течение почти ста лет смогла оказать достойное сопротивление вооруженным огнестрельным оружием захватчикам.

Можно было бы предположить, что ключ к загадке дадут наскальные надписи, однако они встречаются очень редко, да и те, которые имеются, сделаны не гуанчи, а путешественниками, раньше других побывавшими на островах. Одна из них известна как

«надпись Анага». Этот небольшой угловатый камень был обнаружен в естественном карьере в северной части Тенерифе. По роду надписи можно судить, что она высечена металлическим орудием. В XIX веке один археолог высказал предположение, что по форме эти письмена напоминают палестинские знаки III—II веков до нашей эры, обнаруженные на юге Испании и в северной части Африки, в особенности в Карфагене, но расшифровать письменные знаки он не смог. Доктор Хутон из Гарвардского университета, один из крупнейших исследователей гуанчи, полагает, что эту надпись, так же как и другие на Иерро, Тенерифе и Гран-Канарии, могли оставить карфагеняне. Хутон не нашел никаких доказательств, по которым Анагский камень можно было бы приписать гуанчи.

На Иерро найдено больше надписей, чем на каком-либо другом острове, хотя его обитатели, по-видимому, были самыми отсталыми в культурном отношении. На камне высечены не алфавитные знаки, а круги, эллипсы и зигзагообразные линии, не напоминающие какую-либо известную форму письма. Профессор Рене Верно, исследовавший эти знаки пятьдесят лет назад, пришел к выводу, что письменного языка у гуанчи не было. Некоторые алфавитные надписи на Иерро он отнес к нумидийским, встречающимся в окрестностях Карфагена.

Хутон указывал, что маленький островок часто был объектом разных экспедиций за рабами. Иерро находится на самом западе архипелага, то есть на краю мира древних; скорее всего, к берегам его не раз приставали разного рода искатели приключений, которые оставляли там следы своего пребывания. Удивительно, как им только удавалось попасть на остров, да еще и убраться с добычей — ведь Иерро представляет собой сплошное нагромождение скал. Никто не мог разгадать надписей Иерро, так что наскальные изображения, которые столь часто являются помощниками ученого, на этот раз лишь усугубляют загадку.

Если бы удалось найти несомненные следы письменности гуанчи, то загадка, видимо, была бы разгадана. Одни ученые утверждают, что письменности у гуанчи не было вообще, другие все еще надеются найти ключ к разгадке в необследованных или скрытых от глаз пещерах. Во всяком случае работы предстоит много.

Те два монаха, что приплыли с Бетанкуром, и более поздние авторы отыскивали кое-какие следы письменности гуанчи. Исследователи не всегда указывают, к какому именно диалекту относится эта запись, но неизменно отмечают общность многих слов. Аетоп на всех островах означало воду, аho — молоко, chivato — молодого козленка, а tabonas — каменные ножи. Первого же гуанчи, встретившегося французским и португальским завоевателям на каком-либо острове, они брали с собой, и он служил им переводчиком на всех остальных островах. К сожалению, словарный запас языка гуанчи, с которым мы знакомы, слишком незначителен, чтобы выдвинуть достоверную гипотезу. Однако несколько таких гипотез все же существует, и я упомяну о них.

Мумии и черепа, хранящиеся в музеях на островах, могут также приоткрыть завесу над тайной происхождения этого удивительного народа. Музей в Лас-Пальмасе скорее напоминает морг. Легионы туристов приходят сюда поглазеть на светловолосых гуанчи, а выходят ошарашенные и потрясенные.

Никто из пытающихся разгадать тайну гуанчи не может пожаловаться на недостаток мумий, многие из которых уже увезены с островов отнюдь не в научных целях. Ими торговали моряки — прах мумий пользовался большим спросом у знахарей в Англии, да и в других местах; кроме того, он применялся для магических заклинаний. Из одной пещеры нередко извлекали по несколько сотен мумий. Огромное кладбище гуанчи, расположенное на небольшом острове неподалеку от нынешних доков в Лас-Пальмасе, было в конце XIX века ограблено. Кто-то обнаружил, что мумии хорошо горят, и тысячи их были использованы как топливо. Даже мертвым гуанчи не повезло.

Всякий, кто бывал в Лас-Пальмасском музее, не может не отметить цвет волос мумий: желтые, золотые, рыжие, темно-каштановые, но никогда вы не увидите черных, как у испанцев. Было высказано предположение, что по цвету волос мумий нельзя судить о том, были ли эти люди при жизни блондинами или брюнетами, потому что время и вещества, используемые для мумификации, могли высветлить волосы. Однако у нас на руках свидетельства ранних исследователей, которые утверждали, что гуанчи были блон-

динами, и считали, что некоторые из них больше походили на белокурых шведов, чем на африканцев, живущих в южных широтах.

Мумии гуанчи, видимо, свидетельствуют также о каких-то их связях с древним Египтом. Своих покойников мумифицировали три народа на земле: египтяне, инки из Перу и гуанчи. Невозможно представить себе, чтобы инки или какой-нибудь иной из народов Южной Америки смог на примитивных судах, преодолев пассат, пересечь Атлантику и колонизовать Канарские острова. Значит, это сделали египтяне.

Техника бальзамирования у египтян и гуанчи имеет много общего. И те и другие при бальзамировании удаляли кишки у трупов знатного происхождения, никогда не делая этого, мумифицируя трупы бедняков. Я избавлю вас от описания прочих деталей. О сходстве говорит и захоронение мумий в пирамидальных могильниках.

При идентификации расы огромную, а подчас и решающую роль играют измерения черепа. Профессор Верно, весьма добросовестный ученый, изучил большое количество черепов гуанчи. Самый главный и потрясающий вывод его исследований — это то, что гуанчи были потомками кроманьонского человека (мы имеем в виду тех весьма развитых людей, которые сменили неандертальцев). Профессор Верно утверждает, что измерения черепов кроманьонцев и гуанчи обнаруживают так много идентичных черт, что можно говорить об их прямом родстве. Да и орудия гуанчи напоминают кроманьонские.

Профессор Верно считает, что во время великого катаклизма в истории человечества, когда в Европе началась эпоха неолита, то есть примерно за две тысячи лет до нашей эры, кроманьонцы ушли из Франции на юг. Исчезновение кроманьонского человека само по себе загадка. Верно думает, что они некоторое время жили на территории Испании, затем продвинулись в Северную Африку и, наконец, мигрировали на Канары.

Как уже было сказано выше, кроманьонцы и гуанчи имеют общие черты. И те и другие — высокие люди со светлой кожей и удлиненным черепом. Однако более поздние исследования не подтвердили гипотезу Верно. Мне тоже трудно согласиться с этим, потому что

кроманьонцы известны как замечательные мастера наскальной живописи, а на Канарских островах не найдено образцов этого примитивного искусства. Будучи в Лас-Пальмесе, я попросил сеньора дона Переса Нараньо, который занимается изучением гуанчи всю жизнь, поподробнее рассказать о гипотезе Верно.

Вот что я услышал в ответ:

— В шестнадцатом веке один догадливый итальянец зарисовал гуанчи. Рисунок эти можно увидеть в музее. Между кроманьонцами и гуанчи вроде бы есть некоторое сходство, но доказать это невозможно. Я надеюсь, что когда-нибудь, в результате новых находок, мы узнаем больше о языке гуанчи и тогда многое поймем. В настоящее же время, если составить список неразгаданных тайн мира, то загадка гуанчи, видимо, окажется в нем на первом месте.

Я видел маленький словарь языка гуанчи, составленный монахами. Таоро, Техина, Адехе, Анамбро, Анага, Галдар и названия многих других островов — это все слова из языка гуанчи. Марзаган на Гран-Канарии напоминает о Марзагане близ Агадира на Африканском материке; можно проследить и другие схожие наименования. Это дало повод объединять гуанчи с берберами (не жгучими брюнетами, которые сейчас населяют Африку, а теми блондинами, которые некогда обитали в Южной Европе). Раскопки в Мерса Матрухе говорят о сходстве культур древнего Египта и берберов. Если гуанчи были бы берберского происхождения, это объяснило бы мумии.

Пытаясь установить сходство культуры, черепов и языка, доктор Хутон обнаружил много несоответствий. Не будучи догматиком, он предположил, что в период неолита остров был заселен каким-то средиземноморским народом; видимо, это были темноволосые люди с длинными черепами и примесью африканской крови. Второе заселение острова произошло в период появления в Северной Африке гончарного искусства и сельскохозяйственных культур. На этот раз появились невысокие белокожие люди с чертами лица монголоидного типа. Примерно в то же время стала известна третья группа — высокие белокурые люди, спустившиеся с Атласских предгорий Марокко и Алжира. Именно они определили главные характерные особенности гуанчи, доминирующие над остальными. В ре-

зультате смешанных браков создан новый тип, который, как предполагает Хутон, был ошибочно принят профессором Верно за кроманьонцев. Культура гуанчи — результат смешения всех этих рас.

Хутон обнаруживает и четвертый этап заселения островов, расположенных ближе к Африке; это происходит в то время, когда в Восточном Средиземноморье наступил бронзовый век. На остров пришли люди с темной кожей и каштановым цветом волос, и именно они принесли с собой высокую материальную культуру, гончарное ремесло и умение возделывать пшеницу, которые мы обнаруживаем на Гран-Канарии. Хутон указывает также, что примерно в этот же период на острова проникли арабы и берберы.

Другие исследователи предполагают, что древними поселенцами островов могли быть ассирийцы или евреи. Согласно Плинию, в лесах за Атласскими горами жило племя смешанного берберо-арабского происхождения, известное под названием «канарии», — еще один слабый намек, который может послужить ключом к разгадке тайны. Один ученый, автор оригинальной теории, считает, что древние египтяне пришли в Африку с Канарских островов и принесли с собой обычай бальзамирования трупов.

Английский ученый сэр Клеменс Маркхем поддерживает теорию, согласно которой гуанчи — потомки древней иберийской расы, некогда населявшей Западную Европу. Это были высокие сильные белокурые люди, имевшие много достоинств и мало пороков. Они пришли на острова из Сахары еще до того, как пустыню заселили арабы и африканцы. Маркхем предложил и оригинальную теорию происхождения слова «гуанчи». Он говорит, что старое название крепости гуанчи на Тенерифе было «Ченерфе», в то время как «гуан» означает «чей-либо сын», так что, желая сказать «сын Тенерифе», они произносили «гуан ченерфе», или, объединяя слова, «гуанч».

Современный американский антрополог Карлтон Кун полагает, что у нынешних жителей Канарских островов крови гуанчи не меньше, чем испанской. На него произвела большое впечатление теория профессора Верно. Кун обнаружил среди островитян немало людей с типично низкими прямоугольными лицами и глубоко посаженными глазами под густыми бровями.

Другой современный исследователь миграций племен, Хирман, не берется точно назвать время появления гуанчи на острове, но считает, что это произошло, вероятнее всего, в III веке до н. э., когда индоевропейцы проникли в Европу³. Он предполагает также, что на островах могли осесть в результате кораблекрушения готы или вандалы.

С известной определенностью можно утверждать, что группа Канарских островов издревле и неоднократно заселялась людьми, которые имели плавучие средства, достаточные, чтобы перевезти людей и мелкий скот, а также домашний скерб с Африканского материка. Некоторые попадали сюда случайно, но основное население держало курс именно на эти, близкие от материка острова, иначе они не везли бы с собой женщин, овец и крупный домашний скот.

Загадка не менее интересная, чем происхождение гуанчи,— почти полное отсутствие мореходных знаний у этого островного народа. Из ранних манускриптов явствует, что островитяне не сооружали даже маленьких лодок или плотов для каботажного плавания. В то же время их отдаленные предки каким-то образом все-таки добрались до Иерро, от которого до Африки двести шестьдесят миль. Некоторые ученые утверждают, что у гуанчи не было металлов или твердого камня, из которого можно делать орудия, пригодные для изготовления лодок, хотя древесины на островах в избытке. Но мне трудно представить, чтобы такой высококультурный народ не был достаточно изобретательным и не имел надлежащих орудий. Они изготовляли сосновые гробы для своих покойников и использовали дерево для многих других целей, так что сумели бы соорудить и лодки, если бы нуждались в них.

Гуанчи замечательно шили. Следовательно, для них не составляло труда натянуть шкуры на деревянные рамы и сделать лодки подобные тем, на которых христианские миссионеры приплыли из Ирландии в Корнуэлл. Я теряюсь в догадках. На свете нет такой группы островов, чьи древние обитатели не сумели бы выдолбить хотя бы грубого каноэ.

Тайна гуанчи, видимо, будет разгадана еще в на-

³ Индоевропейцы появились в Западной Европе в III или II тысячелетии до н. э.— *Прим. пер.*

шем веке. Ведь эти гористые острова никогда столь тщательно не исследовались, как пески Египта, и много еще погребальных пещер осталось здесь нераскрытыми. Гуанчи часто хоронили трупы на таких горных вершинах и обрывах, что их под силу обнаружить лишь самым опытным скалолазам. Особенно богатыми были королевские захоронения. Когда-нибудь острова выдадут секреты могил гуанчи, и тогда мы сможем, наверное, решить загадку их происхождения. Но на вопрос, почему народ мореплавателей не плавал по морям, по-видимому, так и не удастся ответить.

Глава тринадцатая

СВИСТУНЫ С ОСТРОВА ГОМЕРА

Хотите побывать на острове, где люди говорят на птичьем языке? Тогда покиньте обычные туристские маршруты Канарских островов и отправляйтесь на запад, на остров Гомера. Уже много столетий жители здесь владеют языком свиста — еще одним чудесным проявлением человеческой изобретательности.

Больше нигде в мире вы не встретите такого языка. «Сильбо гомеро», как его стали называть лингвисты, воистину уникален. Это не код, а весьма определенный язык, основанный на фонемах испанского языка. Мне очень хотелось бы, чтобы вы слышали, как гомерианцы свистят на улицах порта, на лодках и, главное, в горах.

— Гаста ла виста!¹ Гаста луэго!² Вольвера отра вец!³ Аддио!⁴

К сожалению, я не могу воспроизвести звучание этих высвистанных слов, хотя, полагаю, это можно сделать при помощи нот.

Вот как я впервые познакомился с этим языком. Была ночь. Отъезжающие стояли у борта парохода «Леон и Кастильо» водоизмещением в девятьсот тонн, что совершает рейсы из Лас-Пальмаса к другим остро-

¹ Hasta la vista! — «До встречи!» (исп.).

² Hasta luego! — «До свиданья!» (исп.).

³ Volvere otra vez! — «Приезжайте еще!» (исп.).

⁴ Adio! — «Прощайте!» (исп.).

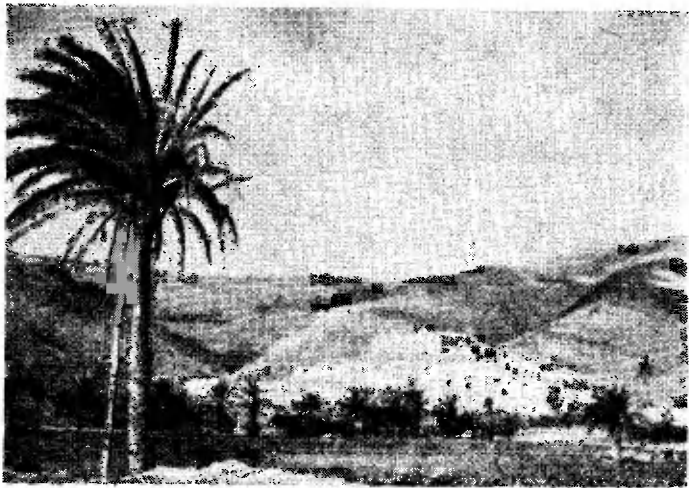
вам, и высвистывали свое «прощай» провожавшим их у причала гомерианцам.

Капитан был со мной весьма любезен. Зная, с какой целью я еду на остров Гомера, он нашел для меня самых опытных свистунов. Среди них был бородатый моряк Пепе с серьгами в ушах, похожий внешне на испанского пирата. Потом он рассказал мне, что родился на острове Гомера, а английский выучил в Нью-Йорке. Гомерианец вскоре блестяще продемонстрировал мне свое искусство. Пепе был единственным человеком на судне, который свободно говорит по-английски.

Во время путешествия кто-то все время подавал к моему столу вино. Здесь я чувствовал себя как дома. На «Леоне и Кастильо» было пять классов: люкс с туалетом в каждой каюте, первый, второй, третий и палубный. Две сотни пассажиров располагались на палубе со своими козами, свиньями, домашней птицей и даже кошками. У некоторых были гитары, и они неплохо пели. Тут же ютились солдаты, одетые во франкистскую серую форму. На судне плыло и несколько девиц, отправленных домой по приказу губернатора Лас-Пальмаса, закрывшего все дома с красными фонарями. Многие везли с собой громадные плетеные бутылки с вином. Эта публика была во вкусе О'Генри — большая масса людей, взглядевшись в которую Сомерсет Моэм вновь смог бы неторопливо и неопровержимо доказать, что суть вещей на деле совсем иная, чем она нам представляется.

Едва «Леон и Кастильо» со своим грузом отвалил от берега, как он неуклюже накренился на левый борт. Вскоре его уже мотало по волнам. Утром, когда я вышел из своей обитой красным плюшем каюты, судно все еще не выровнялось и постоянно зависало на краю волны, что свидетельствовало о его негодных мореходных качествах. Певцы и гитаристы, солдаты и девушки приумолкли, и я понял, что, до тех пор пока мы не укроемся в бухте Гомера, никакого свиста услышать не удастся. Если вы боитесь морской болезни, не плавайте на «Леоне и Кастильо». Наймите лучше вертолет.

Обычные самолеты не совершают посадку на Гомере, и вы это сразу поймете, как только увидите скалы и ущелья острова. И сразу же становится понятным, откуда возникла необходимость в языке сви-



*В Лас-Пальмесе много мавританских домиков
с плоскими крышами*

ста. Гомера — горный островок вулканического происхождения. На нем — четыре маленьких городка, несколько деревень и ферм и всего тридцать тысяч жителей. На острове — одна дорога и много труднопроходимых козых троп. Остров имеет четырнадцать миль в диаметре. Вдоль и поперек он перерезан широкими и крутыми ущельями «барранкос», по дну которых бегут ревущие потоки. Они заглушают человеческие голоса, и, чтобы добраться до приятеля на другой стороне ущелья, нужно часами с трудом пробираться по его обрывистым краям. Так что люди здесь предпочитают свистеть. Подобно всем языкам мира, язык свиста зародился еще в доисторические времена и выражал простейшие мысли, но в настоящее время развился настолько, что все, что может быть сказано по-испански, высвистывается «по-гомериански».

Однако первые носители языка свиста не были испанцами. Это были гуанчи, таинственный белокурый и голубоглазый народ. Вспомните нормандца Жана де Бетанкура, завоевавшего для Генриха III Кастильского остров Гомера и другие острова, который брал с собой в походы двух ученых монахов. Вот что они пи-

шут: «Гомера — родина высоких людей, которые владеют самым замечательным из всех языков. Они говорят губами, как если бы у них не было языка вообще. У этих людей существует легенда о том, что их, ни в чем не повинных, жестоко наказал король, приказавший отрезать им языки. Судя по тому, как они разговаривают, в эту легенду можно верить. На острове в изобилии растет драконово дерево и другие виды древесины. Есть и мелкий рогатый скот. Здесь есть еще много любопытных вещей, но перечислять их все было бы утомительно».

Эспиноза приводит другую версию легенды: «Говорят, что люди с Канарских островов — потомки африканских племен, которые подняли восстание против римлян и убили судью. В наказание их не казнили, а вырвали языки. Не имея ни перьев, ни бумаг, они не могли передать потомкам историю своего бунта. Бедняг бросили в лодки без весел и предоставили судьбе. Лодку прибило к островам, где они и вынуждены были поселиться».

Может быть, легенда и содержит какую-либо долю истины, однако ясно, что человек без языка не может свистеть, как это делают жители Гомера.

Еще монахи замечали, что женщины с Гомера самые красивые на Канарских островах, но, по их мнению, и самые распутные. Островитяне уделяют много времени песням и танцам, благо добыча хлеба насущного не доставляет им больших хлопот. У них есть козы и козье молоко, свиньи, рыба, разные травы и коренья. Но после завоевания от этого веселого народа осталась одна тысяча человек, да и тех оттеснили в горы.

Таким образом, гуанчи исчезли с лица земли, а с ними и их язык. Но они успели научить испанских завоевателей свистеть. Принципы, положенные в основу языка свиста у гуанчи, были использованы в испанском варианте, и островитяне продолжали «вести беседы» над грохочущими стремнинами.

Порт Сан-Себастьян на острове Гомера расположен на плоском участке земли в ущелье шириной в полмили — там, где оно соединяется с широкообразной бухтой. Город с его черным вулканическим песком на пляжах и финиковыми пальмами, белым фортом и низкими прохладными домиками под красными кры-

шами за зелеными ставнями, пожалуй, самый красивый и малоизвестный маленький порт на островах. Вдоль ущелья на полмили поднимаются образцовые плантации помидоров и лимонных деревьев, черного перца и сладкого картофеля, пока долина не становится все уже и не переходит в горы.

Капитан судна, мой приятель, дал мне рекомендательные письма и послал со мной на берег Пепе. Вскоре я оказался в хороших руках. Служащий порта сеньор Хуан Арона Ногуэра и управляющий банком сеньор Гуильермо Морено Фернандес показали мне город и нашли для меня искусных свистунов.

Это были пастухи из района Монта де Чипуде. Может быть, именно здесь родился язык свиста. Но те, кто его описывал и считал, что им владеют лишь немногие горожане, ошибались. Я провел тесты, которые убеждают, что простые сообщения могут высвистывать и получать все на Гомере, да и в Сан-Себастьяне это не утерянное искусство, а общепринятая манера разговора. Как-то я увидел маленькую девочку, стоявшую на пороге дома с другими детьми.

— Она может свистеть? — спросил я.

Мой переводчик что-то сказал девочке. Та вышла на дорогу и просвистела мужское имя — низкими отчетливыми нотами, звуки эти были живыми и привлекательными, как пение соловья.

— Антонио Эваристо! — свистела она. — Антонио Эваристо!

Мужчина на другом конце улицы обернулся и поднял правую руку в знак того, что услышал. Это всегда делается именно так: вначале высвистывается имя человека, к которому обращаются, а он, услышав, поднимает руку.

— Все в порядке, Антонио Эваристо, можете идти дальше... Я вовсе не собиралась беседовать с вами, — просвистела в ответ девочка.

Антонио сделал удивленный жест и зашагал дальше. Никто на улице не обратил на это ни малейшего внимания.

Я подозвал двух мужчин, вышел с ними на пляж и попросил отойти друг от друга на некоторое расстояние. Потом переводчик с моих слов сказал несколько фраз, которые один островитянин должен был просвистеть другому. Вокруг собралась толпа зевак. Все за-

смеялись, когда я через переводчика попросил одного из них снять рубашку. А когда на другую мою просьбу — снять шляпу — островитянин по ошибке начал развязывать шнурки от ботинок, зрители буквально покатались со смеху. Оба испытуемых не были большими знатоками языка свиста, но обещали найти для меня профессионала и уверяли, что тут-то я уж не разочаруюсь.

В тот день я еще не раз слышал язык свиста, который часто используется здесь в чисто практических целях. В нижней части города есть насосная станция, которая подает воду наверх — к томатным и банановым плантациям. Подача воды сопровождается рядом сложных операций, и поэтому между плато и насосной станцией нужна настоящая связь. Она и осуществляется с помощью языка свиста.

Официантка в кафе высвистывает каждый заказ, каждое блюдо, от картофельного супа до блинчиков с соусом, повару на кухне. Друзья сказали мне, что она может даже сообщить, как должны быть приготовлены яйца. Официантка может заказать вино или кофе с сахаром, причем, когда речь идет о сладком, свист становится, по моему мнению, более мелодичным.

Родители с помощью свиста беседуют с детьми, и каждый ребенок, даже не достигший годовалого возраста, откликается на свое имя. Дети учатся высвистывать предложения и делают это так же просто, как поют песни. Для них это вполне естественно.

Вы всегда узнаете человека по свисту, так как каждый житель Гомеры свистит по-своему.

Бывает, что на пустынной дороге ломается машина. Иногда водителю удается досвистеться до кого-нибудь, кто передаст сообщение — свистом же — в ближайший гараж. Рыбаки пересвистываются от лодки к лодке, сообщая о косяках тунцов и об улове. Когда производится погрузка на стоящих в порту судах, вместо традиционных «майна-вира» слышится свист. Это особенно важно там, где отвесные скалы нависают над берегом. Например, у Гермигуа, где, для того чтобы переправить пассажиров и груз с берега на беспалубное судно, используют подъемник.

На Гомере еще не везде есть телефон, и свист жителей за много лет спас немало людей, к которым в экстренных случаях нужно было вызвать доктора.

Однажды на рыболовецкой базе Кантера, на юге острова, срочно понадобился врач. База расположена в заливе, изолированном от остальной части острова острыми скалами, и добраться туда можно только морем. Через шесть минут врач в Сан-Себастьяне уже знал, что его ждут на Кантере, более того, ему сообщили даже симптомы болезни. Пять человек, рыбаки и пастухи, передали это сообщение на расстояние в девять миль.

Если же необходим врач, он прилетает из Лас-Пальмаса на вертолете, потому что, как я уже говорил, обычные самолеты не могут приземляться на Гомере.

Здесь любят рассказывать историю про одного хитрого богатого землевладельца. Он жил полвека назад в Сан-Себастьяне: фермы его находились на юге острова. Землю обрабатывали издольщики, которым приходилось отдавать землевладельцу определенную часть своего стада — свиней и овец. Издольщики часто обманывали хозяина, но он никогда не мог проверить свои подозрения. Как только первый крестьянин узнавал, что приехал хозяин, он тут же свистом предупреждал об этом своих товарищей.

Наконец, землевладелец решил взять уроки свиста и в очередное свое посещение сумел составить полный список припрятанных от него пастухами свиней и коров, коз и овец. Сборщики налогов до сих пор испытывают подобные трудности на своей собственной шкуре, потому что об их передвижениях всегда заранее становится известно. В результате получается так, что обнаружить должников становится непосильной задачей.

Мистер Патрик Дункан, сын последнего генерал-губернатора Южной Африки, незадолго до второй мировой войны провел несколько недель на Гомере. Он увлекался верховой ездой, и, если ему нужна была лошадь на время путешествия по острову, он выражал свое пожелание свистом. Дункан хорошо говорил по-испански и вскоре сам легко обучился высвистывать «слова» и принимать простейшие сообщения. На острове он встретил пожилого англичанина, который потерял весь свой некогда значительный капитал и поселился на Гомере, где можно прожить на два шиллинга в день. Англичанин знал о языке свиста несо-

мненно больше других иностранцев, но, к сожалению, его знания умерли вместе с ним.

Преподаватель фонетики в Университете Глазго мистер Андре Класс недавно провел три месяца на Гомере, и за это время они с женой сумели постичь азы «сильбо гомеро». Андре Класс, пожалуй, самый большой авторитет по этому вопросу. Он достаточно полно описал структуру языка свиста в «Архивум лингвистикум» («Archivum Linguisticum») и других научных журналах.

В письмах ко мне Класс подчеркивал, что «сильбо гомеро» не представляет собой ничего загадочного. Это, видимо, одна из разновидностей испанского языка, а что касается форм музыкального свиста в других языках, то их можно отнести лишь к кодам.

«Местные жители прижимают кончик языка к губам и в то же время пытаются артикулировать слова, как и при нормальной речи,— поясняет Класс.— Они могут вполне ясно высвистеть все, что говорят по-испански».

Жители Гомеры изменяют высоту тона с помощью языка. Губы и пальцы остаются неподвижны. Конечно, воспринимающий сообщение сильно зависит от контекста, и некоторые отдельные «слова», взятые сами по себе, могут быть не понятны. При длительном разговоре собеседники часто ошибаются, и фразу приходится повторять по нескольку раз. Ошибки могут быть вызваны изменениями высоты звука без вариаций в его тембре.

Однажды в горах Гомеры, в лесу, супруги Класс услышали высвистываемые испанские имена:

— Фелипе! Альфонсо! Фредерико!

При этом на много миль вокруг наверняка не было ни души! И все же мистер Класс нашел «свистунов». То были черные дрозды, прекрасные певчие птицы, имитировавшие человеческие имена, которые часто слышали.

Вы спросите, почему этот язык характерен именно для Гомеры? Во-первых, как я уже говорил, этому способствовал горный рельеф острова. Во-вторых, сам испанский язык, пожалуй более чем любой другой, поддается переложению на свист. Конечно, можно высвистывать простейшие сообщения и на других языках, но испанская фонетика дает возможность выразить все

человеческие эмоции. Кроме того, «свистуну» с Гомеры помогают прекрасная акустика ущелий и очень хороший слух. У большинства островитян здоровые зубы, что тоже немаловажно, так как это позволяет им издавать звуки, больше похожие на свист páра, нежели на человеческое дыхание.

Каково же наибольшее расстояние, которое можно «покрыть» свистом? Мистер Класс знал людей, свист которых был услышан на расстоянии до трех миль. Говорят, что рекорд острова — восемь миль, и, хотя Класс склонен считать это преувеличением, он не видит оснований совершенно не доверять этим сведениям.

Мистер Семлер Браун, большой специалист по Канарским островам, посетил Гомеру в начале XX века и установил, что некоторые крестьяне свистели так, что их было слышно на расстоянии трех-четырех миль. Браун ссылается также на сообщение одного путешественника, который рассказывает об англичанине, попросившем гуанчи свистнуть ему на ухо и в результате оглохшем на две недели!

Островитяне уверяли меня, что при свисте на далекое расстояние необходимо приставить к языку согнутый палец правой руки, а левой сделать воронку вокруг рта.

Те, кто побывал на Гомере и пытался изучить «сильбо гомеро», обычно приходили к печальному заключению, что язык вымирает. Некоторые даже полагали, что он отомрет с появлением телефона. Когда в 1935 году от Сан-Себастьяна к Гермигуа и другим населенным пунктам в глубине острова были проложены первые шоссейные дороги, один американский ученый предсказывал дуэль между свистом и автомобильным гудком, уверяя, что язык свиста будет раздавлен насмерть колесами грузовиков. К счастью, ничего подобного не произошло. Гомера остается островом носителей языка свиста, и для этого романтического языка находится все новое и новое применение.

Время от времени в «сильбо гомеро» проскальзывает какое-нибудь слово из исчезнувшего языка гуанчи. В конце XIX века в надежде пополнить словарь «сильбо» на Гомеру приехал французский лингвист Лажар, но он не преуспел в своем начинании. Доктор Хутон пришел позднее к заключению, что этот язык

был до испанского завоевания известен лишь гуанчи на острове Tenerife. На Гран-Канарии Лажар не нашел никого, кто был бы знаком с языком свиста.

На «Леоне и Кастильо» я доехал до Иерро, самого маленького и удаленного острова в группе Канаров. И здесь снова встретился с «сильбо».

На Иерро такие отвесные берега, что построить город на побережье невозможно. Здесь есть лишь бухта с причалом для лодок, пышно нареченная Пуэрто-де-ла-Вальверде. Еще недавно пассажиров и грузы поднимали по склону скалы в проволочной клетке. Теперь в горах пробито шестимильное шоссе, ведущее к городу Вальверде,— на высоту в две тысячи футов.

Я сказал своему приятелю Пепе, что надеюсь отвезти на острове вина, и упомянул также о сушеных фигах, которые считаются самыми вкусными в мире. Пепе, видимо, еще на корабле поручил меня заботам пассажиров, живущих на Иерро. Не успел я сойти на мол, как гостеприимные хозяева посадили меня в автобус и оплатили проезд до Вальверде.

Весь путь до города показался мне страшным кошмаром: неогражденная дорога над скалой обрывается прямо в море. Водитель на поворотах часто отвлекался, чтобы поболтать с приятелем. На обочине мелькали белые кресты — память об автомобильных катастрофах. Где-то внизу я разглядел огоньки далекого маленького «Леона и Кастильо» и забеспокоился, доведется ли мне когда-либо вновь ступить на его палубу.

Итак, я вполне созрел для стакана вина, предложенного мне в таверне, расположенной где-то на террасах Вальверде, около которой остановился наш автобус. Мои знакомые привели веселого круглолицего испанца и, подумав, представили мне как алькальда, или мэра. Он был глух и нем. Тут я заметил, что во все окна заглядывают люди, и только тогда сообразил, что говорящий по-английски гость здесь редкость и вызывает огромное любопытство.

Наконец и мне удалось заказать вина на всех. Вскоре я уже почти забыл об острых скалах и жутких пропастях. Кто-то принес пакетик с фигами, о которых теперь я уже и не думал. «Алькальд» вышел на улицу и вернулся с ящерицей длиной почти в два фута. По выражению его лица я понял, что она не кусается, и без опасения рассматривал гигантскую реп-

тилию, несомненно принадлежащую к чудесам острова Иерро. Потом с улицы донесли гудки автобуса: час, отведенный на осмотр Вальверде, истек. В приподнятом настроении, уже не боясь дороги, я сел в автобус и когда добрался живым и невредимым до «Леона и Кастильо», то попросил Пепе передать мою благодарность всем вальвердцам.

За ночь судно — теперь оно уже не кренилось — снова вернулось к той спокойной стоянке у Сан-Себастьяна на Гомере, которая так понравилась Колумбу. Здесь оно должно было простоять целый день, чтобы погрузить бананы и бочки с вином, а я с первой моторкой отправился на встречу с моим другом, который говорил по-английски, — очень хотелось услышать что-нибудь еще о языке свиста.

Пепе стоял на носу судна. Прежде чем сойти на берег, он что-то просвистел кому-то на пристани. В ответ я услышал свист, означавший, что «сигнал принят», и тогда Пепе начал «настоящий разговор». Он закончил его до того, как катер пристал к молу. На берегу меня уже встречали Хуан и Гильермо. Мы зашли в кафе на площади Кальва Сотело, расположенном в тени лавров. Хуан не был удивлен тем, что дорога вверх на Вальверде не пришлась мне по душе, однако выразил надежду, что фиги и вино в какой-то степени компенсировали пережитый страх. Я был просто потрясен, когда узнал, что Хуан хорошо знаком со всеми деталями моего недавнего путешествия на Иерро.

Я совсем забыл о том, как Пепе переговаривался свистом с берегом. Они с Хуаном договорились устроить этот спектакль для меня, когда судно еще только отправлялось на Иерро. Хуан и Гильермо привели на мол старика — эксперта по свисту по прозвищу «Паломо» («Голубь»), который и перевел им все, что высвистел Пепе. Паломо присоединился к нам в кафе. Я узнал, что он сражался на Кубе еще во время испано-американской войны⁵, да и сейчас работает, хотя ему уже за восемьдесят. Паломо — крепкий мужчина; год назад он таскал мешки весом по сто килограммов. Старик свистит совсем неплохо, хотя и жалуется, что

⁵ Испано-американская война 1898 г. — первая империалистическая война за передел мира, развязанная империалистами США. — *Прим. ред.*

потеря переднего зуба сильно ограничила его возможности.

Я попросил своих друзей вспомнить о каких-нибудь интересных случаях практического применения «сильбо гомеро». На это Хуан заметил, что каждая страница истории острова передана с помощью языка свиста в горы и оттуда она снова дошла до самых отдаленных заливов на берегу.

Я вспомнил маленькую девочку, которая пересвистывалась с Антонио Эваристо. Она стояла возле дома, где провел свою последнюю ночь в Старом Свете Христофор Колумб, прежде чем пуститься в великое путешествие по неведомым водам. Конечно, отплытие «Санта-Марии», «Пинты» и «Нины» сопровождалось свистом «репортеров». Они повествовали о любви Колумба к Беатриче-и-Бобадилла с Гомеры и о том, что на суда грузят телят и коз, овец и свиней, кур и фрукты. А потом с острова вывезли тот сахарный тростник, который так преобразил облик Вест-Индии. Так что островитянам было что передать свистом еще во времена Колумба.

Я уже говорил, что искусство это существовало с незапамятных времен, и представил себе, как древние гуанчи свистели, плавая на отмелях и сгоняя рыб в плетеные ловушки. Это были, видимо, счастливые времена, но затем пришли завоеватели и истребили веселый и мирный народ. Многие гуанчи предпочли броситься со скал вниз, чем жить под игом завоевателей. Подробности этих трагедий передавались свистом во все уголки острова.

Свистом мятежники договорились о совместном выступлении, когда жители Гомеры взбунтовались против тяжелых поборов и свирепости испанских губернаторов. Свистом созывали они народ на битвы, когда корабли Дрейка⁶ атаковали Сан-Себастьян, а через пять лет сдерживали наступление голландцев. Свист разносился по всему острову, когда в начале XVII столетия город заняли алжирские пираты, а Сан-Себастьян был охвачен пожаром. Свирепствовали ли штормы, грохотали ли бурные потоки по дну ущелий, терпели ли суда бедствия, смывало ли рыбаков с борта в

⁶ Дрейк, Френсис (род. около 1545 г.— ум. в 1595 г.) — английский мореплаватель и пират. Впервые после Ф. Магеллана совершил кругосветное плавание (1577—1580).— *Прим. ред.*

море — остров всегда узнавал новости от свистунов. А во время гражданской войны в Испании республиканцы ушли в горы с пулеметами и здесь окопались в неприступной Рок-Агандос. У них не было ни пищи, ни воды, и лишь свистом республиканцы смогли сообщить на остров, что вынуждены сдатьсь.

Пожалуй, самая известная демонстрация языка свиста на Гомере была организована в 1906 году для короля Альфонсо XIII⁷. Король не верил тому, что ему рассказывали о языке свиста, пока два солдата из местной милиции не доказали справедливость этих утверждений. Правда, они допустили небольшую ошибку. Солдат, стоявший рядом с Альфонсо, получил указание, которое означало: «сними *свою* шляпу», но он не совсем правильно понял своего товарища и стащил шляпу с короля. Обоим было предложено выбрать для себя награду, и они предпочли... освобождение от воинской повинности. Интересно, что король узнал о языке свиста только после прибытия в Сан-Себастьян, да и сейчас об этом замечательном искусстве в Испании знают очень мало, а испанские ученые почему-то обходят эту тему стороной.

Гомера — странное название, и никто не знает точно, откуда оно произошло. Известно, однако, что в горах Сахары, откуда, возможно, пришли предки гуанчи, жило племя гумеро. Один ученый утверждал, что народ там знал язык свиста. Может быть, это и так, хотя мне кажется, что замечательное искусство высвистывать слова зародилось в ущельях Гомеры. И теперь любой свист напоминает мне об острове верблюдов и маленьких осликов, об ульях, сделанных из полостей сердцевин пальмы, о сардинах и тунцах, о женщинах под черной вуалью в старой церкви, где молился еще Колумб.

«Я мог бы назвать лишь немного мест, столь оторванных от всего мира и навевающих впечатление полной изолированности», — писал о Гомере в начале XX века английский орнитолог. Действительно, с тех пор Гомера не очень изменился.

Сейчас много бедняков эмигрируют с Гомеры в Венесуэлу, которая им кажется южноамериканским

⁷ Альфонсо XIII — король Испании в 1902—1931 гг. — *Прим. пер.*

раем. Я видел этих несчастных, они обнимали жен и матерей на пристани Сан-Себастьяна и печально взбирались на борт «Леона и Кастильо» со своими трогательными узелками.

Но вот якорь поднят. Мужчины вышли на палубу с гитарами и запели «Малагуэну» и «Тахаресте» под аккомпанемент тамбуринов. Их щемящие мелодии лишь усугубляли тоскливое настроение. Но тут раздался свист, который отвлек мое внимание от грустных гитаристов. Он раздавался со скалы над Сан-Себастьяном и был исполнен призывных тонов, он летел над водой, заглушая печальные мелодии. Один из пассажиров, сидевший на скатанных одеялах на палубе, встал и свистнул в ответ.

— До свиданья,— услышал он от своего друга. И ответил ему, перекрывая свистом добрую милю:

— Вольвере отра вец! Адио! (Я еще вернусь! Прощай!)

Глава четырнадцатая

ОСТРОВ МАЛЕНЬКИХ НЫРЯЛЬЩИКОВ

И вот передо мной снова Мадейра — остров чудесного вина, редких фруктов и хорошей рыбы, остров, который я всегда покидаю с неохотой. Но на этот раз, к счастью, почтовый пароход компании «Юниэн Касл» уйдет с Мадейры без меня.

Первым и самым сильным впечатлением от острова всегда будут мальчишки-ныряльщики. Когда бы вы ни прибыли на Мадейру, днем или ночью, всегда можно услышать их звонкие голоса:

— Шестипенсовик, капитан, бросайте шесть пенсов в во-о-оду!

— Смотрите, как нырнет малыш, сэр, бросьте шиллинг для малыша!

— Полкроны, сеньоры! Полкроны, и вы увидите, как глубоко я опущусь.

Мой приятель, сеньор Афонсо Коельо, рассказывал, что этот своеобразный вид спорта возник здесь сто лет назад, когда на остров начали регулярно заходить пассажирские пароходы.

— Раньше в этом не было смысла — у матросов не водилось денег, которые они могли бы выбрасывать за борт.

Большинство мальчишек-ныряльщиков — дети портовых рабочих. На каждой лодке, как правило, по два мальчика, а выручку делят на три равные части, третья идет владельцу лодки.

— Если мальчишка заработает за день фунт стерлингов, это совсем неплохо, — объясняет мне Коельо. — Чтобы столько заработать, нужно очень много нырять.

Ночью медные монеты не заметны, а серебряные легко обнаружить — они отражают свет от фонарей, которые мальчишки берут с собой. Но на дне Фуншалской бухты, вероятно, уже скопилось целое состояние в виде мелкой разменной монеты.

Коельо рассказывает, что мальчишки — довольно посредственные пловцы и даже любитель может побить их на дистанции в сто метров. Это — мастера прыжков в воду, плавают же они лишь на небольшие расстояния и стараются как можно дольше отдохнуть в промежутках между погружениями.

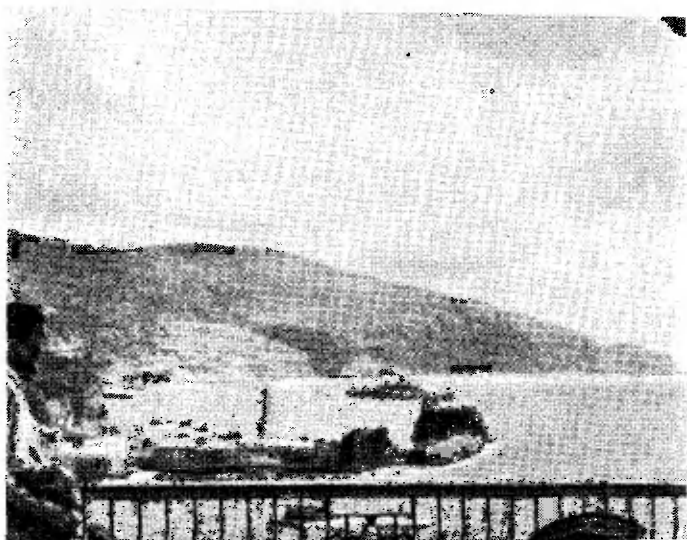
— Я еще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из них утонул, попал под винт или получил серьезную травму, — замечает Коельо.

Нырять на большие глубины — настоящее искусство. Я видел, как мальчишки погружались на пятнадцатиметровую глубину и благополучно появлялись на поверхности, чудом выбирая свободное место, хотя в бухте курсирует множество моторных лодок.

Проплыть под килем судна — подвиг, на который способны лишь немногие. Нужно непрерывно опускаться все ниже и ниже с открытыми глазами, с трудом сдерживая дыхание. Чтобы выиграть время, мальчишки погружаются под углом и резко идут вниз на глубину порой до тридцати шести футов. Они плывут под плоским днищем корабля, с нетерпением ожидая, пока на другой стороне не забрезжит дневной свет.

Если не выдержат нервы, пловец может попасть в ловушку под судном, ибо ширина его днища достигает порой девяноста футов. Однако пловец почти всегда достигает цели. Темноту воды сменяет голубизна неба, и вот наконец свежий воздух! И все это за шиллинг!

Как долго мальчишка-ныряльщик может удерживать дыхание под водой? Пожалуй, около минуты, и



В 20—30-х годах почтовые пароходы «Юниэн Касл» приходили на Мадейру на рассвете... прямо к ступеням очаровательной гостиницы «Рейд»

это довольно много, ведь самые опытные ныряльщики могут продержаться до девяноста секунд, но никто не выдерживает более ста.

В настоящее время этот вид «спорта» упорядочен. Нырять разрешают детям не моложе четырнадцати лет, и, чтобы получить разрешение, нужно обязательно пройти медицинский осмотр. В двадцать один год юношу забирают в армию, и после прохождения службы он вынужден искать себе другое занятие. Иногда в лодках можно увидеть маленьких трех-четырёхлетних мальчуганов, а старшие при этом делают вид, что дрожащие мальцы готовы нырнуть за монетой.

— Посмотрите, как нырнет малыш, сэр! Бросьте шиллинг для малыша!

Но малыши не ныряют. Они здесь только для рекламы, а за пенни ныряет их старший компаньон.

В 20—30-х годах почтовые пароходы «Юниэн Касл» приходили на Мадейру на рассвете, и я обычно нанимал частный катер, который доставлял меня прямо к ступеням очаровательной гостиницы «Рейд».

Подъемник доставлял меня вдоль отвесной скалы к знаменитому саду, откуда я проходил в столовую; здесь вам подавали все — от гранатов до яблок, от дынь до винограда. За окном — пламенеющие купы ибискуса, дальше виднеются пляжи с бронзовыми телами людей на скальных террасах. Когда-нибудь я покину родные берега и останусь в этой гостинице, чтобы посмотреть, что еще нового откроется мне здесь, на Мадейре.

И вот я снова в отеле «Рейд». Его никак не назовешь самым дешевым, но, поскольку он несомненно относится к лучшим отелям в мире, во всяком случае не хуже тех гостиниц Шепарда, в которых мне случалось останавливаться, цены в нем довольно умеренные. Не уступает также отель «Рейд» и тем «караван-сараям», которые новеллисты с такой любовью избирают фоном своего романтического воображения.

История хозяина гостиницы Вильяма Рейда — это длительный период взлетов и падений. Рейд был ловким шотландцем, который обосновался с семьей в Фуншале более ста лет назад. Вскоре он разбогател на гостиничном деле. Он купил один отель и построил другой. На солнечный остров стали приезжать один за другим больные из Англии. У меня есть старый справочник, изданный семьдесят лет назад, где указано, что в то время Рейд был владельцем «Санта-Клары», отеля в классическом смысле этого слова, комнаты в котором стоили от восьми шиллингов в день и выше (были тогда и такие цены). Вторая его гостиница — «Кармо» близ Английского клуба; ему принадлежал также «Дойчес Отель Хортас», о котором в справочнике говорится: «Обслуживание здесь не хуже, чем в первоклассных гостиницах Германии». Последним предприятием Рейда была покупка в 1890 году земли, на которой сейчас построен отель его имени.

Многие из вас знакомы с тем незабываемым видом, что открывается на океан с крутых утесов. Скала в зависимости от времени года украшена то бугенвиллиями кирпично-красного или вишневого цвета, то огненно-рыжей бегонией, то пурпурной глицинией. Из трещины в скале выглядывают цветочные головки гигантских агав, похожих на алоэ, здесь же красуются опунции и голубая лаванда, называемая «гордостью Мадейры». Утесы омываются морскими волнами, и с пло-

ских камней у подножия можно сразу нырнуть в чистую глубокую воду. Любители пляжей напрасно станут искать на Мадейре песчаные отмели, но я бы рекомендовал им не пренебрегать согретыми солнцем камнями.

Рейд не успел закончить строительство своего отеля. После него он достраивался и расширялся другими владельцами. Гостиницы функционировали круглый год. На летний период Рейд закрывал только виллу Виктория. В прошлом веке на Мадейре не было холодильников, но Рейд создал систему хранения продуктов непосредственно на природном льду. В горах Рико Аррейро он забивал зимой льдом и снегом целую пещеру, а летом его люди каждый день приносили оттуда куски льда. Пища в отеле «Рейд» всегда была свежей, а напитки холодными — ни с чем не сравнимая роскошь.

Вильям Рейд скончался в начале XX века, оставив своим сыновьям, Вильяму и Альфреду, процветающее предприятие. После первой мировой войны одна английская компания перекупила у них гостиницу «Рейд» за сто тысяч фунтов. Люди без претензий, подобные мне, вполне удовлетворились бы кругленькой суммой, но Рейдам этого оказалось мало. Они вложили деньги в различные предприятия, обанкротились, потеряв все заработанное ими и их отцом. Братья Рейд умерли бедняками в небольшом коттедже на склоне горы, откуда открывался хороший вид на отели — памятники некогда громкой славы их семьи.

Между мировыми войнами гостиница «Рейд» превратилась в гигантский отель, потом была закрыта — вплоть до окончания второй мировой войны, так что десять долгих лет парадные двери оставались на замке. В 1949 году гостиница начала функционировать, и британский консул на Мадейре предложил своему другу Уинстону Черчиллю посетить остров, уверяя, что это неплохое место, где можно заняться живописью. Черчилль отплыл на пароходе «Дурбан Касл», причем в Саутгемптоне лайнеру пришлось задержаться, пока премьер кормил своих лебедей. На Мадейре Черчиллю устроили фантастический прием. Бедные островитяне всегда склонны тратить на фейерверки гораздо больше, чем могут себе позволить. Приезд Черчилля превратил город в сплошной фонтан огня.

Черчилль остановился в «Рейде», в номерах, которые за тридцать лет до него занимал Ллойд-Джордж. В отеле в этот момент не было ни одной двуспальной кровати, но управляющий знал прихоти сэра Уинстона, и кровать достали. «Рейд» имеет прекрасный винный подвал, где немало шампанского, но Черчилль не изменил своим привычкам и привез с собой очень старый янтарный Пол Роджер. На дворе стоял январь, лил дождь, и погода была неприятной для прогулок. И все же Черчилль совершил несколько поездок по острову и написал свое знаменитое полотно «Камера де Лобос». Из-за неожиданно начавшейся избирательной кампании Черчиллю пришлось сократить свой отдых.

— Он заревел, как лев, потребовал себе летающую лодку и до утра курил сигары,— рассказывал мне британский резидент.

Но известие о кратком визите Черчилля и фотографии, запечатлевшие его пребывание на острове, облетели весь мир. Мадейра вновь появилась на карте туристских агентств.

Визит Черчилля явился настоящим «судным днем» для обслуживающего персонала. Он приехал буквально через день после того, как вновь открыли «Рейд», и машина обслуживания еще только набирала обороты после десятилетнего безделья. Большое здание с фасадом, выкрашенным в красный, белый и зеленый цвет, может разместить две сотни гостей. Строительство его обошлось примерно в полмиллиона фунтов. На одни панели в новом роскошном баре ушло целое состояние. Они сделаны специально для гостиницы и обрамляют длинные оконные рамы, из которых открывается вид на гавань и на уступы Фуншала — вплоть до самых утесов Гарахау. Это один из самых лучших гостиничных баров в мире.

Здесь Черчилль все же попросил принести ему самой старой мадеры, и к обеду подали бутылки урожая 1792 года. Будучи поклонником хороших вин, он был просто в восторге.

— Леди и джентльмены! — воскликнул премьер.— Это великий момент. Изумительное вино, изготовленное на этом острове. Только подумать — оно появилось сто пятьдесят лет назад, через три года после французской революции! К подобному вину следует относиться с уважением, которого оно заслуживает.

И, перекинув салфетку на руку, Черчилль сам стал разливать вино гостям.

Если просмотреть старые книги посетителей отеля «Рейд», то на первых страницах можно встретить имя Сесилия Родса. Здесь любил купаться Джордж Бернард Шоу; он научился даже танцевать в этом отеле.

Тропический сад гостиницы занимает площадь в несколько акров: десять садовников следят здесь за растениями. Когда Рейд купил эту землю, на террасах холма росли виноградники. Он приказал выкорчевать их и насадить капустное дерево, алоэ, хризантемы, розы и другие растения, которые превратили сад в джунгли из цветов.

Почти все слуги в «Рейде» португальцы или жители Мадейры, но ключевые посты занимают представители других стран. Главный официант и главный бармен — итальянцы, метрдотель — француз, и зимой, когда народу приезжает больше, персонал дополняет «бригада» (так говорят в гостиницах) администраторов из Франции и Италии. Нет, нет, я не забыл управляющего. В тот же момент, когда я увидел этого худощавого, скромного, но обращающего на себя внимание швейцарца в плотно облегающей фигуру смокинге кремового цвета, я понял, что вижу его не в первый раз. Конечно же, это был Ферстер из отеля «Шепард», где он служил управляющим во время второй мировой войны и после нее до 1952 года, когда был подожжен этот самый известный в мире отель. Мистер Ферстер перенес на Мадейру стиль «Шепарда». Даже в порядке подачи блюд наметились сходные элементы. Например, послеобеденный чай подавали по-английски — в шезлонгах: та же череда слуг, везущих на тележках в безупречном порядке чай и горячие гренки, намазанные маслом, хлеб и пирожные. Именно у Шепарда умели давать лучшие в мире обеды под открытым небом.

У Рейда над скалами для купания выстроен открытый павильон для завтраков и ленчей. Во время ленча играет музыка. Как-то я пришел в павильон послушать оркестр. Чувствовал себя превосходно. Вокруг все было прекрасно. Между колоннами павильона сидела гибкая черноволосая девушка, одетая в темно-синий жакет и красное полосатое платье; на столе перед ней стояла бутылка золотистого вина. В гавани между старым фортом на скале Lvv и втесом стоял гол-

ландский барк; на нем виднелись фигуры курсантов морского училища, которым удалось довести корабль под парусами почти до самой якорной стоянки. Да и на моем собственном столе были расставлены закуски, словно предназначенные для натюрморта: рыба в майонезе, мелко нарезанные помидоры, зеленые и черные маслины, тунец, мясной салат и салат по-русски.

Повара «Рейда» знают свое дело. Отличная рыба, вкусная домашняя птица и овощи местного происхождения занимают почетное место в меню. Если вам захочется отведать португальское блюдо, попросите метрдотеля и увидите, что можно приготовить из осьминога, тушеной рыбы, острого риса и жареного мяса под маринадом, нашпигованного салом с тертым чесноком и приправленного специями. Если добавить к этому сладкое досейро, то тогда вы полностью оцените искусство португальского повара. Засахаренные фрукты и марципаны пользуются большой популярностью у всех португальцев, причем к ним обычно добавляют пастилу из миндальных орехов. Следует добавить также, что португальский кофе никогда не бывает плохим.

Директором отеля «Рейд» сейчас мистер Грехем Блэнди, он имеет к тому же акции паровой компании и является экспертом по винам. Блэнди вложил средства во многие предприятия на Мадейре, у него отличная библиотека и много различных хобби. Мистер Блэнди ответил на большинство моих вопросов, касающихся острова. Его жена Милдред, уроженка Южной Африки, возила меня по очаровательным уголкам и виноградникам Мадейры, постоянно повторяя, как они с мужем любят этот остров.

На набережной Фуншала выделяется несколько административных зданий фирмы «Братья Блэнди». Она основана давно и имеет акции во многих предприятиях. Имя Блэнди даже стало синонимом Мадейры. Однако не следует забывать, что на острове нет ни одного иностранца — представителя власти. Иностранец может быть владельцем гостиницы, но пошлину с него всегда будет брать местное правительство.

Основатель династии — Джон Блэнди — был квартирмейстером британской армии, он появился в местном гарнизоне во время оккупации острова в 1807—1809 годах и вышел в отставку, чтобы начать свое дело.

О нем известно мало, хотя потомки Блэнди перерыли все официальные документы в поисках подробностей истории его жизни. Он дожил до семидесяти двух лет. Блэнди отправлял вина в Лондон, а как только на остров начали заходить первые пароходы, сразу же повел выгодную торговлю углем.

Вина Блэнди вот уже много лет пользуются заслуженной репутацией в Англии. Сын Джона Блэнди — Чарльз Ридпат — также был способным коммерсантом. Новые сорта винограда, закупленные Чарльзом во время эпидемии филлоксеры, принесли ему позднее огромный доход. Он помог виноградарям засадить новыми лозами их виноградники и проявил большую смелость, поддерживая эту культуру, пока общественное мнение снова признало вина Мадейры. Вино, которым торговал Чарльз незадолго до своей смерти, оценивалось в двести тысяч фунтов. В те дни мадеру начали использовать даже в медицинских целях — для лечения расстройства желудка.

Внук Чарльза — Дж. Б. Блэнди — продал дело и в 1865 году уехал в город Дурбан, в молодой Наталь, где занялся мельничным делом. Здесь родилось четверо его детей. Потом он вернулся на Мадейру и вновь основал фирму с филиалом в Лас-Пальмасе.

В 80-х годах, обслуживая туристов на побережье, Блэнди спустил на воду несколько маленьких пароходиков, которые хорошо послужили острову вплоть до постройки дорог.

Именно к этому времени относится покупка фирмой для перевозки угля знаменитого американского клиппера «Ред Джекет», того самого, который сто лет назад пересек Атлантику за тринадцать дней. «Ред Джекет» прошел также путь от Ливерпуля до Сиднея за шестьдесят девять дней. В трех случаях ему удавалось покрывать за сутки более четырехсот миль. Вот какие были в XIX веке парусные суда! Они ходили быстрее многих пароходов нашего атомного века. Клиппер проработал углевозом два года. Но однажды во время сильного шторма его разбило о прибрежные скалы. К счастью, Блэнди успел снять носовую фигуру корабля. На острове хранятся и другие реликвии с этого исторического судна.

В XIX веке уголь на Мадейру привозили на маленьких деревянных шхунах. Блэнди купил несколько та-

ких шхун, переоборудовав их на лихтеры. Немцы потопили один из них во время первой мировой войны при атаке Фуншала в 1916 году. Остальные затонули через десять лет во время страшного урагана. Кроме «Ред Джекета» фирма купила под перевозку угля и такие парусники-рекордсмены, как «Ла Хог» и «Европа».

В течение многих лет на лихтерах подвозилась к кораблям вода из старого колодца, что расположен под домом губернатора. Фирме принадлежит и система ирригации левада (о ней я скажу ниже), которая снабжала водой часть острова.

В числе великих людей, которые посетили Мадейру и стали членами семьи Блэнди, нужно упомянуть ученого, сэра Вильяма Томсона, который стал позднее лордом Кельвином. В Фуншале он проводил некоторые исследования, в частности занимался измерением приливов у скалы Луу.

Мужем мисс Мэри Блэнди стал мистер Грэхем, известный в медицинском мире под именем «Грэхем с Мадейры». Этот человек, как только получил диплом врача, прибыл на Мадейру на двухсоттонном бриге и стал одной из самых примечательных личностей острова. Ботаник и садовод, он был крупным авторитетом по естественной истории острова. Именно благодаря его медицинским статьям на Мадейру потянулись больные туберкулезом.

Доктор Майкл Грэхем питал слабость к коллекционированию часов. У него их было двести штук, в том числе гигантские церковные часы, а также часы с огромным шестнадцатифутовым маятником. Причем все предметы его коллекции были не только экспонатами. Он аккуратно заводил их и содержал в полном порядке. Доктор Грэхем был гостеприимным человеком, но гости находили громкое тикание и бой многочисленных часов по ночам весьма обременительными. Сам хозяин, казалось, не замечал этого шума. Он любил также играть на органе в лондонской церкви Святого Павла. Когда он в 1935 году умер в возрасте девяноста пяти лет, лондонская «Таймс» писала: «Доктор Грэхем был самой Мадейрой. На острове, несомненно, не было ни более любимого человека, ни более влиятельной личности».

Когда вы будете завтракать в открытом павильоне «Рейла» над скалами, обратите внимание на бунгало

под красной черепицей, в котором вам приготовили ланч: в этом старом доме жил доктор Грэхем.

Лучшим частным имением на всей Мадейре было, пожалуй, принадлежавшее супругам Грем Блэнди — Квинто де Палейро. К нему примыкала ферма с восемьюстами акрами и с прославленным садом. Это место представляло для ботаников огромный интерес. Поэтому генерал Сметс, как только ступил на берег Фуншала, сразу же отправился на Квинто де Палейро (он уже ранее бывал на острове и изучал травы в труднодоступных уголках Мадейры).

Блэнди купил поместье вскоре после своего возвращения из Наталя. Потом его семья владела им более семидесяти лет. Ферма расположена на высоте тысячи восьмисот футов над уровнем моря, поэтому здесь нет условий для выращивания таких культур, как сахарный тростник, бананы и виноград. Зато прекрасно созревают цитрусовые, клубника, пшеница, кукуруза, ячмень. Огромный сад раскинулся на тридцать акров, здесь можно найти хвойные из Ньясаленда, заросли аронника, тысячи деревьев камелии самых красивых сортов, огромные секвойи, магнолии, ели с острова Норфолк, с Гималаев и сосны с Канарских островов, южно-африканские цветы на каменных россыпях (бабианы, иксии, хрустальная трава) и многое другое. Вы увидите здесь и деревья, типичные для самой Мадейры: ландышевое, драконово, гигантский вереск, мадейский остролист и местную породу эбенового дерева.

В саду Квинто де Палейро с куста на куст перелезают павлины — яркоперые родственники индюшек. Иногда на них устраивают охоту. Молодых павлинов поджаривают, как индеек, в собственном жире и нашпиговывают орехами. Это — превосходное блюдо.

Как и повсюду на Мадейре, водоснабжение поместья осуществляется с помощью ирригационной системы левада (о ней я уже упоминал), от которой южно-африканские фермеры, посещающие остров, приходят в восторг. Жители острова вот уже пять веков строят левады, и эта разветвленная система позволяет им доставлять воду в любое место. Каждая такая система начинается от источника где-нибудь далеко в горах, и

выдолбленные в горной породе русла, стоки и желоба позволяют доводить ее за счет небольших перепадов на расстояние до семидесяти миль. Там, где система пересекает участки других владельцев, вода проходит через туннели. Одни левады принадлежат государству, другие — компаниям. Стоимость воды определяется временем ее использования.

У меня всегда кружится голова от высоты, поэтому я с ужасом отметил, что некоторые левады высечены прямо на острых верхушках скал. В одних случаях выбивали траншеи, в других — делали желоба с помощью камня или цемента. К левадам вела узенькая тропинка. По ней можно было легко пройти, чтобы в случае необходимости устранить неисправность в системе. Теперь эти дорожки соединяют и деревни. Любители приключений, которые рискнут пройти по тропинкам левады, окажутся в самых изумительных местах: девственные леса и отгороженные от всего мира горами долины, пики, водопады. Для альпинистов левады — подлинное удовольствие. Для тех же, кому внезапные обрывы глубиной в несколько сотен футов большой радости не представляют, существуют обычные дороги. В районе Рибейро Фрио мне удалось найти место, где крутизна меня не пугала. Здесь я прошел по тропинкам левады, и эта прогулка стала одной из самых интересных в моей жизни. Пожалуй, никогда у меня не было такого чувства, словно я оказался где-то между небом и землей.

В Квинто де Палейро Грем Блэнди предложил мне стакан одного из самых старых вин в мире. Он рассказал мне его историю и вновь наполнил бокал чудесной мадерой... Это — целое событие в жизни, и я выражаю мою признательность Грему Блэнди.

Прежде всего замечу, что мадера не похожа ни на одно вино в мире, и этим своим свойством она, возможно, обязана огню. Зарко, человек, открывший остров и его первый губернатор, вообразил, что необходимо очистить его от леса для поселенцев. Он поджигал леса, так что пламя бушевало несколько лет. Но в середине XV века, когда Зарко давно уже умер, на пепле и листовенном перегное расцвели виноградники.

Английские торговцы, обосновавшиеся на острове три столетия назад, занялись вывозом вина. Одни суда

везли мадеру в Англию, другие — в Индию. Когда владельцы встречали в Англии свои суда и пробовали вино, то оказывалось, что за время перевозки вкус его загадочным образом улучшился. Другие же вина в тропиках теряли свои вкусовые качества или портились. Вскоре стало ясно, что мадера приобретает присущий ей тонкий вкус лишь после длительного пребывания в сухом и жарком трюме. До сих пор этой загадки никто не может объяснить.

— Вино — оно живое, — говорил мне один эксперт в Фуншале. — За ним необходимо заботливо ухаживать, как за ребенком или стариком. Я не могу объяснить, почему мадера живет вечно, но уверен, что это так. Видимо, пожар, который устроил Зарко, может как-то объяснить загадку. Думаю, что сочетание пепла с вулканическим происхождением острова и придает каким-то образом характерный привкус мадере. Дело здесь в почве, самой богатой в мире.

Я удостоился чести побывать даже в подвале, откуда Грем Блэнди достал бутылку мадеры урожая 1792 года. Я был очарован историей, рассказанной мне при этом хозяином, и удивительным, ни с чем не сравнимым вкусом темного вина.

Именно это вино было продано Наполеону, когда по дороге на остров изгнания он побывал на Мадейре. Британский консул Вейч распорядился, чтобы в бочки его судна перекачали более ста галлонов мадеры. Наполеон заказал также фрукты и несколько книг, расплатившись золотыми наполеондорами. Вскоре после этого на острове начали строить английскую церковь, в фундамент которой были заложены эти монеты. Однако за вино никто не заплатил. Виновный в этом Вейч после смерти императора вывез оставшееся вино со Святой Елены и продал его Чарльзу Блэнди. Много лет спустя мадеру Наполеона приобрел Майкл Грэхем, который и оставил несколько исторических бутылок буаля 1792 года Грему Блэнди и его брату Джону. Как большой любитель вина, я со всей ответственностью могу заявить, что на Мадейру стоит поехать лишь для того, чтобы отведать мадеры. Она бесподобна!

За два года до смерти доктор Майкл Грэхем принимал французского знатока вин Андрэ Симона и угощал его вином 1792 года. «Оно было превосходно — выдержано по цвету, букету и запаху и, что еще более

замечательно, если здесь можно употребить слово „более“, своей родословной», — записал Симон. И вино все еще было превосходным, когда октябрьским вечером 1956 года я с благоговением поднес к губам стакан роскошного буая.

В Фуншале я встретился еще с одним специалистом, мистером Горацием Зино, у которого дегустировал другие старые вина Мадейры. Господин Зино — президент ассоциации «Вина Мадейры», которая занимает причудливое старинное здание с двором, прилегающим к общественному парку. Это даже не здание, а целая группа различных построек, в число которых входит, например, бывший монастырь. Деревянная облицовка потолков из останков разбитых кораблей придает комнатам романтический вид. В отдельном помещении стоят сотни искусно оплетенных бутылок. Может быть, цена такой плетенки всего шиллинг, но она украсила бы любую квартиру. В другой комнате мистер Зино познакомил меня с процессом современной тепловой обработки, которая придает вину те же свойства, что и некогда долгое тропическое путешествие в перегретом трюме парусника. В системе центрального отопления температура постепенно поднимается от 0° до 140° по Фаренгейту, и вино совершенно непостижимым образом приобретает превосходный вкус.

В этих подвалах я видел много огромных оплетенных бутылок столетнего вина. Бочки были сделаны из дуба или бразильского атласного дерева. В этом здании работают четыре дегустатора, они следят, чтобы каждый сорт соответствовал стандарту.

— При дегустации вина необходимо соответствующее настроение, — замечает мистер Зино. — Просто поражаешься, как совпадают при этом мнения экспертов. Каждый из четверых оценивает вино индивидуально, а когда они сопоставляют свои замечания, то обычно приходят к удивительным совпадениям.

Половина винограда, выращиваемого на Мадейре, все еще отжимается ногами. В подвалах вино хранится в козьих мехах или в бочонках, которые сразу ставятся рядами на волокуши, чтобы потом их вывезти на быках. Да и почему во имя прогресса следует отказываться от старых методов, применение которых и сейчас позволяет давать превосходное вино?



Вино на Мадейре хранится в козьих мехах...

Мистер Зино провел меня в большое помещение, отделанное под таверну, где проводят время пассажиры с кораблей, заходящих каждый год на Мадейру. Здесь вы можете бесплатно выпить столько вина, сколько сумеете, а в качестве сувенира вам дадут с собой маленькую бутылочку. Все виды мадеры можно разделить на четыре класса. Во-первых, сершиал, совершенно сухое вино из винограда, который произрастает преимущественно на склонах Камаро де Лобоса. Первоначально оно изготовлялось из белого винограда сорта «рислинг». Вино, будучи подано с сыром, возбуждает аппетит. Но этого аристократического вина делают мало. Во-вторых, вердельо, который выжимают из светлого винограда того же названия. Это тоже сухое вино, оно подается к супу. Некоторые знатоки полагают, что вердельо — самая лучшая разновидность мадеры. В-третьих, буаль; в него добавляют сахар в различном количестве, что зависит от традиции фирмы-изготовителя. Буаль — вино на все случаи жизни. И наконец, знаменитый малмси, который изготавливают из винограда «мальвазия», — сладкое вино,

принадлежащее, несомненно, к лучшим десертным винам мира.

Мистер Зино гордится своим старым солерасом, своим малмси 1808 года, буалем 1926 года и большим запасом вина, приготовленного в 1862 году из черного винограда «террантес», еще до того, как грибок поразило много виноградников. А самое старое вино в его запасах — 1775 года. У него было также вино 1795 года, но оно начало терять вкус, и дегустаторы заметили это раньше, чем сорт успел утратить свой букет.

— Его было не так уж много, и мы допили вино, — с удовлетворением заметил мистер Зино.

Что еще осталось в моей памяти от Мадейры? Я вспоминаю англиканскую церковь в Фуншале, с круглым залом, без шпиля и колоколов, которая всегда поражает посетителей. Она была построена в те времена религиозной нетерпимости, когда на острове была разрешена только римская католическая церковь, и ее каноны оказались обязательными даже для церковной архитектуры. Протестантов, которые умирали на Мадейре в XVIII веке, приходилось хоронить в море, потому что они не имели даже своего кладбища.

Один из владельцев фирмы «Гордон Дафф и Компани» не хотел очутиться после смерти в море. На смертном одре он попросил похоронить его под зданием своей старой конторы в Фуншале. Совладельцы уступили просьбе компаньона, и в конце века, когда здание реконструировалось, под полом был обнаружен скелет человека.

Вы уже знаете, что я неравнодушен к рынкам. Я не забуду базар в Фуншале и большой ассортимент рыбы на его прилавках: океанские рыбы, окрашенные ярко, как колибри; кроваво-красный тунец, которого португальцы зовут «воадор»; гигантская красная рыба-скорпион карнейро; ставрида чичарро; ярко-синий с золотым отблеском доурадо; нелепая на вид, но аппетитная рыба-солдат; необыкновенно вкусная рыба-кролик; мадейрский хек и, конечно, эспада, или рыба-шага.

На Мадейре любят рыбу-шага и часто подают на судах компании «Юниэн Касл». Ее ловят на крючок на глубине три тысячи футов и больше. Это, как мне кажется, самая глубоководная из рыб, употребляемая

в пищу. На каждую удочку цепляют по сотне крючков с наживкой. Рыбаков всегда ожидает богатый улов. Рыба-шпага похожа на длинного черного угря с огромными глазами. Ее английское название — scabbard-fish (рыба-ножны), и она действительно напоминает ножны, в которые вкладывается меч. Отведайте ее в таком виде, в каком ее подают у «Рейда» или на борту пакетбота, и вы поймете, что это настоящий деликатес подводного мира.

Пассажиры с проходящих пароходов редко заглядывают в уединенные уголки Мадейры. Вы можете подумать: откуда взяться таким уголком на острове всего лишь в двести сорок квадратных миль? Но поднимитесь по фантастической дороге к Гранд-Курралю — гигантской чаше, сдавленной вулканическими вершинами, и вы поверите гиду, который рассказывает, что некоторые жители, обитающие в этих недоступных «крепостях», никогда не бывали в городе. И я навсегда запомню горы Пико Ариеро, Балкоэс и Санто да Серра, а также труднодоступные левады, глубокие расщелины и бездонные ущелья, куда можно проникнуть только пешком.

Глава пятнадцатая

ОСТРОВА ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

У Анголы — два аванпоста в океане, два небольших вулканических островка, управляемых из Луанды. Это — Сан-Томе и Принсипи. Романтичные португальцы назвали их «жемчужинами моря». Но моряки дали им совсем другое прозвище — «обитель акул». Корабли, попадающие в эти воды, сразу же окружают акулы-людоеды. Здесь их значительно больше, чем где-либо еще в водах Западной Африки.

Если плыть из Луанды на почтовом судне, следующим до Лиссабона, за тридцать шесть часов можно добраться до острова Сан-Томе, находящегося на экваторе. Мой приятель, пилот португальской авиакомпаний, говорил мне, что из-за низкой облачности и гористого ландшафта острова не любит здесь летать.

Ведь Пико-де-Сан-Томе поднимается на высоту до семи тысяч футов, да и другие вулканические кратеры немногим ниже.

Наверное, безоблачным выдался тот знаменательный день, когда португальский лоцман Руи де Секвейра увидел вершины гор на острове в день Святого Фомы. Шел 1473 год; и, хотя лоцманы вели суда к новым землям под парусами и без локаторов, то был век великих открытий. А через двадцать лет португальский король Хуан II повелел рыцарю из своей свиты заселить остров. Колонизация эта была осуществлена одним из самых странных и наиболее жестоких методов, которые только знает история.

В Португалии просили убежища от инквизиции более девяноста тысяч испанских евреев. Это были мараны — люди высокой культуры: врачи, хирурги, банкиры и крупные дельцы. Король Хуан II приказал им покинуть страну в течение восьми месяцев. Но среди маранов были и такие, которые ослушались короля и не покинули Португалию. Тогда король решил отнять детей у родителей, не пожелавших креститься, и отправить их в Западную Африку, где и обратить в христианство. Так из Португалии были изгнаны тысячи еврейских мальчиков и девочек. На этих же кораблях вместе с ними увозили на поселение политических и уголовных преступников. Несчастных высаживали в разных пунктах побережья Гвинеи. На Сан-Томе попала большая группа мальчиков-евреев.

Сейчас евреев на острове нет, потому что за прошедшие века они смешались с другими народностями. Однако здесь встречаются темнокожие люди с семитскими чертами, и на этих удаленных от большого мира островах можно совершенно неожиданно услышать легенды из Ветхого завета. Патер-иезуит Джозеф Уильямс обнаружил следы иудаизма в фольклоре западноафриканских племен. Некоторые из их легенд и поверий появились, по-видимому, много столетий назад благодаря евреям-номадам, которые пересекали Сахару, но на Сан-Томе это влияние несомненно следует отнести к концу XV века, когда здесь появились португальские изгнанники.

Потомки евреев принесли острову процветание. Они первые стали сажать какао, благодаря чему эта колония величиной в несколько сот квадратных миль стала

самой богатой из соизмеримых по величине островов мира. Были воздвигнуты красивые деревянные постройки. Землевладельцы вели себя подобно средневековым баронам. Один богач, по имени Гаспар Фернандес, построил в горах деревянный замок и даже содержал отряд солдат. Остров охотно принимал на поселение людей всех национальностей: сюда заходили корабли с вином, мукой и маслом, сыром, кожей для сапог, мечами, стеклом и четками.

В те дни остров экспортировал сахар и рабов, купленных в Бенине¹ или на побережье Гвинеи. Процветание зиждилось на рабском труде, потому что рабам не только не нужно было денег, но их можно было даже не кормить. Каждому рабу с семьей выделялся участок, где он высаживал просо и ямс, салат и капусту. Они пили козье молоко и пальмовое вино. Один из путешественников того времени рассказывает, что белый человек, доживший до пятидесяти лет и убеленный сединами, был здесь редкостью.

Именно в годы первых поселений произошло крупнейшее кораблекрушение — у берегов Сан-Томе разбилось невольничье судно «Амадор», шедшее из Луанды в Бразилию. Сотни ангольцев чудом спаслись и бежали в дремучие леса острова, где построили себе укрепленные крепости-деревни. Случись такое где-либо на равнине или в открытой местности, их быстро окружили бы и взяли в плен, но на Сан-Томе, пересеченном множеством узких ущелий и рек, покрытом густым тропическим лесом, существуют тысячи недоступных мест. Этим отчаянным «анголаров», как прозвали рабов, бежавших с затонувшего судна, так и не поймали. Однажды они сами спустились со своих «орлиных гнезд» в поисках женщин и увели их с собой. У них не было ничего, кроме собственных рук и огромного желания выжить. «Анголары» строили крепости, мастерили луки и стрелы и даже нападали на фермы. Португальская полиция, вооруженная мушкетами, прогоняла их, но они снова и снова возвращались и отбирали имущество у поселенцев.

«Анголары» были сломлены лишь к концу XVII столетия. Их потомки уединенно и независимо живут те-

¹ Бенин — государство в Западной Африке, в восточной части Верхней Гвинеи, существовавшее до конца XIX в.— *Прим. ред.*

перь в рыбацких деревушках на побережье острова.

Немало бед обрушивалось на остров Сан-Томе. Он пережил голландское нашествие и даже частичную оккупацию в начале XVII века. Многочисленные угнетатели нашли свою смерть на острове, поэтому Сан-Томе называют еще голландским кладбищем. Спустя сто лет французы захватили порт Сан-Томе, разграбили и подожгли город. Часто восставали рабы. Пираты грабили суда, стоявшие на якоре вблизи острова. Поэтому не удивительно, что португальцы — владельцы сахарных плантаций в конце концов настолько отчаялись, что в один прекрасный день вместе со своим скарбом отплыли в Бразилию.

Но наступило такое время, когда остров Сан-Томе потерял былое значение и существовал только тем, что снабжал провизией корабли, перевозившие рабов. Остров стал как бы постоянным двором.

На Сан-Томе почва очень богатая, состоящая из темно-коричневой вулканической породы, а высокие горы обуславливают самые разнообразные климатические условия. Со временем началось освоение новых культур, хотя и старые давали невиданные урожаи. Каучук, хинин, кофе и какао приносили землевладельцам огромные доходы, причем какао постепенно вытеснило остальные культуры. Поэтому когда в 1875 году Португалия предоставила свободу рабам, феодалы восприняли это решение как страшный удар для себя.

На острове к тому времени было десять тысяч рабов, и все они в день освобождения кинулись в город. На берегу их встретили команды военных моряков с канонерок, но беспорядков не произошло. Вскоре бывшие рабы стали умирать с голоду, но многие предпочли смерть возвращению к плантаторам.

А хозяева тем временем стали подыскивать новые источники рабочей силы. Из Либерии они привезли круменов. Свободолюбивые и преданные своей родине, те верили каждому слову контракта, предусматривавшего возвращение их через два года на родину. Но португальцы вовсе не собирались этого делать. Тогда крумены тайно начали выдалбливать в лесах каноэ. Они, конечно, не подозревали, что от материка остров отстоит более чем на сто миль, но если бы и знали, то не поколебались бы в своем решении. Многие из них

вышли в море в маленьких лодчонках с ничтожными запасами пищи и воды. Лишь нескольких беглецов подобрали проходящие суда. Позже были найдены лодки с мертвыми людьми. Одни из круменов стали добычей акул, другие погибли от жажды.

Тогда магнаты какао решили отправиться за рабочей силой на острова Зеленого Мыса, Мозамбик и даже в Китай. В общем это предприятие также закончилось неудачей, хотя и сейчас на острове иногда можно встретить процветающих китайских лавочников. А в самом конце XIX века плантаторы потихоньку возобновили работорговлю, чтобы иметь в экстренных случаях даровую рабочую силу.

Для этого они отправили своих агентов в Анголу, откуда те проникли даже в Конго и в Северную Родезию. Вожди племен поставляли им «сервикаес», как называли там африканцев, продаваемых в кабалу. В течение нескольких лет через порты Анголы прошло четыре тысячи мужчин, женщин и детей. Ни один из них так и не вернулся домой. Контракты были разорваны, а африканцев, которые не знали ни слова по-испански и не могли даже выразить свой протест, заставили служить во славу денежного мешка.

К 1908 году только один Сан-Томе давал шестую часть всего мирового производства какао.

Наверное, вам приходилось слышать о том, что торговлей какао в Англии занимаются квакеры — религиозная секта, отличающаяся очень строгими правилами (в частности, она осуждает рабство). Квакеры строго следуют своим принципам в повседневной жизни, даже в тех случаях, когда затрагиваются интересы их кармана. Когда до них дошли слухи о рабах на Сан-Томе, участь работорговцев была предрешена.

Для того чтобы узнать правду, квакер Уильям А. Кедбери послал на Анголу и Сан-Томе людей, которым полностью доверял. Они докопались до истины: формально люди, работавшие по кабальным договорам, считались взятыми в плен войнами враждебных племен, с которыми-де на Сан-Томе, за редкими исключениями, обращались вполне сносно. На самом деле, хотя телесные наказания и были запрещены законом, работников били по рукам плоским круглым деревянным инструментом («пальматория»), который не оставлял никаких следов. Вся эта система, по мне-

нию посланников Кедбери, практически ничем не отличалась от рабства.

Для Кедбери и других покупателей какао всего этого было достаточно. Они заявили португальцам, что не купят больше ни унции какао, пока те не станут на своих плантациях применять свободный труд. Португальцы ответили, что люди, присылаемые на остров, — грубые дикари, которые погибли бы, если бы были предоставлены самим себе, и поэтому почитают за большое счастье получить работу на плантациях какао. Но Кедбери стоял на своем, заявляя, что не купит ни зерна какао, пока пятьдесят тысяч рабов Сан-Томе не будут отправлены на материк.

И их пришлось отправить на родину. Новый набор рабочих производился уже под наблюдением британского консула. В течение более чем сорока последующих лет благодаря квакерам система набора рабочей силы была безупречной. В настоящее время рабочую силу все еще продолжают вывозить из Анголы, с островов Зеленого Мыса и из Мозамбика. Работников обеспечивают сносной едой: рис и сухая рыба, мясо, фасоль, мука из маниока, консервированное молоко для детей, пальмовое масло, немного вина. Единственный напиток, которого совсем не употребляют на острове, — это какао.

Столица Сан-Томе — прелестный порт Санта-Анна-де-Шавес в северо-восточной части острова. Это, как нередко случается и в самой Португалии, — рыбацья деревушка, превратившаяся со временем в портовый город. На южной оконечности залива стоит большая белая крепость. Здесь есть городская площадь и узкоколейка, соединяющая гавань с ближайшими горными деревушками. Что же касается самой Анны-де-Шавес, этой загадочной женщины, именем которой назван город, один из самых больших пиков и река, то о ней, к сожалению, не известно ни одной легенды — вообще ничего, кроме имени.

Если вы собрались на пикник, то берите рыбацью лодку и отправляйтесь на север к островку Горлица. Это совсем недалеко — всего несколько миль. Остров покрыт пальмами и деревьями какао, но — что главное — он находится точно на экваторе. Здесь стоят даже специальные столбы, по которым каждый может точно определить свое местоположение.

Сразу же за пределами Санта-Анна-де-Шавес начинается лес. Выше двух тысяч футов над уровнем моря какао растет плохо, поэтому нетронутые леса все еще покрывают большую часть острова. В горах ботаники находят редкие виды растений. Ползучие бегонии и вереск, лавр и кипарисы — типичные представители островной флоры. Натуралист Александр Барнс обнаружил несколько неизвестных науке бабочек на гниющем дереве. На окутанной туманом вершине ему первому удалось поймать самца бабочки *Charaxes odysseus*. До этого времени в сачки натуралистов попадались только самки, и музеи всего мира оспаривали друг у друга право заполучить роскошный экземпляр самца с пурпурными крыльями. Барнс нашел также целый ряд поразительных разновидностей растений и насекомых, которые появились, видимо, в результате изоляции острова. Голуби и другие птицы отличались от соответствующих видов на материке. Из млекопитающих на Сан-Томе встречаются летучие мыши, крысы и обезьяны, причем они обитают в здешних лесах уже длительное время. Каким-то образом на остров пробралась черная кобра — рептилия, об окончательном истреблении которой мечтают местные жители. Довольно много здесь морских черепах, часто заползающих на пляжи. Из их панцирей делают причудливые гребни.

Климат на Сан-Томе слишком жаркий для лошадей, поэтому богатые землевладельцы ездят на мулах. Когда проезжает белый человек, рабочие низко кланяются. Плантации какао столь велики, что жилые поселки на них не уступают по размерам крупным деревням (самое большое поместье на острове насчитывает более трех миллионов деревьев какао).

И в наши дни остров — прибежище «фугитариос» — людей, которые нарушили контракт и ушли в горы или на отдаленные участки побережья, подобно древним «анголарам». И попробуй разыскать тех, кто укрылся в джунглях!

Сан-Томе, по-видимому, был одним из тех островов, на которых останавливались финикийцы во время своего известного путешествия вокруг Африки за 600 лет до н. э. Одно время историки сомневались в достоверности этого путешествия, но позднейшие исследования подтвердили слова Геродота. «При на-

ступлении осени,— писал он,— они (финикияне) приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии (древнее название Африки) ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы; после уборки хлеба плыли дальше. Так прошло два полных года, и лишь на третий они вновь увидели Геркулесовы столбы и благополучно добрались домой».

Историк Дж. Уилер нанес на карту путь карфагенских галер и вычислил, что экспедиция оставила южную оконечность Африки в апреле 612 года до н. э. и высадилась на Сан-Томе в том же году в июле. Пустынный остров с его разнообразным климатом и богатой вулканической почвой был одним из немногих мест в этих краях, где карфагеняне могли вырастить урожай.

Любимое блюдо на острове — цыплята, тушенные в пальмовом масле и приправленные огурцами, помидорами, красным перцем и специями. Я обратил внимание также на блюдо «алмоко».

И все же если вам доведется подойти к острову Сан-Томе ночью, то посмотрите на воду, и в свете бортовых огней вы увидите плавники рыбы, которая долго еще будет основной пищей бедняков. Сан-Томе — заповедник акул.

Остров Принсипи лежит в девяноста милях к северу. Это — Сан-Томе в миниатюре. Четыре века назад доходы от продажи сахара на Принсипи составляли капитал старшего сына португальского короля; поэтому его и называли «остров Принца».

Принсипи поднимается из океана подобно темной грозовой туче. Но, высадившись на остров, вы попадаете в цветник, к благоуханию которого примешивается еще аромат хвойных деревьев, которые выглядят очень смешными, потому что на их ветках расселись попугаи. Резко уходят вверх иглоподобные пики, самый высокий из них, именуемый просто «Пико», — высотой в три тысячи футов. Кроме того, выделяются Бико де Папагайо (Клюв Попугая) и Фосинхо де Као (Собачья Морда).

Сан-Антонио — столица, да и вообще единственный крупный населенный пункт острова. По другую сторону острова лежит залив «Западный» (Вест-бей), из-

любленное место стоянки английских кораблей, которые охотились за судами работорговцев. «Западный» безопасен даже в сезон торнадо. Офицеры часто пользовались гостеприимством мадам Ферейра, жены губернатора, о которой ходят легенды. Мадам Ферейра жила в большом доме, обслуживаемом только рабынями. Когда появлялся военный корабль, они несли ее к берегу в гамаке под пологом, расписанным геральдическими знаками дома Ферейра. Она ящиками дарила морякам яблоки, апельсины, кофе. Когда офицеры навещали губернаторшу, то находили в этом заброшенном уголке все самое лучшее, что есть в Европе, приобретенное за богатства Африки. Моряков после долгого плавания вдоль побережья Западной Африки поражал этот контраст богатства и бедности.

Пираты часто заглядывали на Принсипи, чтобы пополнить запасы воды и высмотреть жертвы. Эйвери (Длинный Бен) разграбил и сжег тут два датских судна. Побывал здесь и Хоувел Дэвис. Он шел под английским флагом, но был уличен в вероломстве и погиб от пули в доме губернатора. Его люди приступом взяли форт, изгнали оттуда португальцев и сожгли все португальские суда, которые стояли в то время в гавани.

В середине XIX века Принсипи посетил писатель Уинвуд Рид. Его глубоко потрясла жестокость в обращении с африканцами, которую он наблюдал на побережье Западной Африки, но на Принсипи ему понравилось. «Принсипи — настоящая маленькая страна отшельников,— писал он.— Нет преступников, потому что нет законов. Нет и преступлений — за отсутствием побудительных причин; нет бедняков, так же как нет и богатых. Мне никогда не доводилось видеть в Африке столько счастливых людей, как на острове Принсипи, равно как и столько симпатичных девушек. Увидев вас, они дарят вам улыбку, которая совратила бы и святого. Представьте, какой эффект она производит на грешника! А потом вас слепит блеск других черных глаз, и мягкие руки играют в прятки в вашей шевелюре; а потом вы сидите под какой-нибудь стройной пальмой, пьете молоко кокосового ореха, берете уроки местного португальского диалекта и наслаждаетесь полднейной сиестой. Тогда хочется пренебречь забо-

тами большого мира и, оставшись на острове, мечтать, мечтать и мечтать...»

Испании принадлежит десять тысяч квадратных миль Западной Африки: зеленый остров-гигант Фернандо-По, несколько островков поменьше и нездоровый маленький анклав, вытянувшийся вдоль берега и известный под названием Испанской Гвинеи или Рио-Муни².

Когда, сидя под тентом французского лайнера «Азия», я увидел сдвоенные пики Фернандо-По, то понял, что это зрелище так величественно, что не уступает даже горе Камерун, виднеющейся по другую сторону морского канала шириной в восемнадцать миль.

Об этих испанских колониях, как правило, не упоминают, а Испанская Гвинея, пожалуй, наименее известное место из всех африканских территорий. Столица ее — Бата³. Один проживающий здесь английский делец сказал, что я ничего не потеряю, если не посету этот город. Он работал на одну из старых фирм на западном побережье. В его работу входила инспекция факторий по всему побережью — от Баты до Пуэнт-Нуаро, поэтому он все время был в дороге. До некоторых мест ему приходилось добираться под парусом в маленьком баркасе. Это нравилось ему больше, чем круиз на океанском лайнере.

Он с любовью говорил о двух чудесных островках неподалеку от Рио-Муни, также принадлежащих Испании: Элобее и Кориско. «Нигде вокруг Африки вы не найдете более симпатичных островков. Климат там более здоровый, чем на материке; это замкнутые мирки, где тысячи местных жителей выращивают бананы, земляные орехи и ловят черепах в песке. Много лет назад на Кориско обосновались голландцы. Оттуда они снабжали свои суда пшеницей, овощами и бананами, и до сих пор на острове сохранились остатки небольшого голландского форта».

² 12 октября 1968 г. была провозглашена независимость этой колонии. Страна получила название Экваториальная Гвинея (столица — Санта-Исабель). — *Прим. ред.*

³ Бата — второй по значению город Экваториальной Гвинеи, расположен на ее материковой территории, порт на побережье Атлантического океана. — *Прим. ред.*

Но если вы ищете романтику в чистом виде, утверждает торговец, плывите на Аннобон. Аннобон — осколок земли вулканического происхождения. Длина его всего четыре мили, лежит он в двухстах милях от берега. Четыре века назад здесь налетела на рифы португальская шхуна, которая шла из Конго в Бразилию. Освобожденные таким образом рабы сумели выбраться на берег. Если на Сан-Томе рабам пришлось скрываться, то здесь весь остров оказался в их распоряжении. Вначале Аннобон принадлежал Португалии, потом она переуступила его Испании с условием, что он всегда останется «местом для свободной и открытой перевозки и торговли африканцами». К счастью для черных робинзонов, Испания больше чем на столетие совершенно забыла, что в ее владения входит этот остров.

Жители Аннобона охотились на китов по старинке — с ручным гарпуном, они снабжали американских китобоев дровами и водой, получая взамен старую одежду, ружья, спирт и табак. В садах у них росли ананасы и лимоны, апельсины и тамаринды, сладкий картофель и ямс. У них было много кур и свиней. Боцманы проходящих кораблей вскоре поняли, что здесь всегда можно выгодно выменять свежую провизию: за пакет иголок — связку кур, за сухари — фрукты, за бутылку рома — огромную корзину с рыбой. Золотые же sovereignы на островитян не производили ни малейшего впечатления, а пустая бутылка ценилась дороже доллара.

Если на борту судна находился священник, островитяне приходили к нему исповедаться, крестить ребенка, освятить брак. В конце XIX века на Аннобоне появились первые белые люди — испанские священники. В деревне на севере острова они обнаружили настоящую коммуну из двух с небольшим тысяч африканцев; обитатели острова не знали никаких налогов, не ведали и преступлений. Аннобон был настоящим раем в тропических водах, не принадлежащим никому и управляемым местным вождем, которого время от времени избирали на общей сходке.

Германия прослышала о «бесхозном» острове как раз во времена своей колониальной экспансии. Рассказывают, что к острову подошел немецкий корабль «Циклоп» и попытался водрузить на нем флаг с чер-

ным орлом. В ответ на это испанский священник поднял флаг своей родины.

В настоящее время Испания в знак своих прав на остров держит там одного чиновника морской службы и несколько констеблей. Островитяне хорошо разбираются в испанских песетах, но очень смутно представляют себе диктатора Франко. За четыре века небольшая кучка потерпевших кораблекрушение рабов увеличилась до двух тысяч человек, и катастрофа у Аннобона стала, таким образом, одним из самых счастливых эпизодов в истории экваториальных вод.

Так же как Аннобоном, Испания пренебрегала Фернандо-По, до тех пор пока его не занял отряд британского флота и не создал здесь базы для охотников за рабовладельческими судами. Тогда испанцы спохватились и заявили о своих правах на Фернандо-По. Через несколько лет Англия предложила за остров пятьдесят тысяч фунтов, и испанское правительство хотело было пойти на эту сделку, но из-за протестов общественности вынуждено было отказаться от нее.

Этот остров лежит в глубине Гвинейского залива, и его вулканические пики и горная цепь противостоят другому чуду — тринадцатитысячфутовой горе Камерун. Остров по форме напоминает параллелограмм в восемьсот квадратных миль. Он назван по имени португальского мореплавателя и был передан Испании в то же время, что и Аннобон.

Первые испанские поселенцы погибали от лихорадки или их прогоняли аборигены. Бежавшие с Принсипи рабы построили на юге острова убежища, где живут и поныне, называя себя «птогами» или «птоами» (то есть португальцами). После того как остров был занят англичанами, на нем закрепились африканцы из Вест-Индии и других частей Западной Африки, где говорят по-английски и где английский язык стал преобладающим. Вершины, горы и заливы носят и английские и испанские названия.

Самой интересной народностью Фернандо-По, несомненно, являются аборигены — буби⁴. Они все еще

⁴ Буби (едийя, фернандцы) — народ, живущий на острове Фернандо-По. Язык буби, относящийся к северо-западной группе семьи языков банту, очень близок языку дуала, народности, населяющей побережье Гвинейского залива. По-видимому, буби и дуала связаны общностью происхождения.— *Прим. ред.*

живут в условиях каменного века — в примитивных поселениях, расположенных в малодоступных горных местностях. Один исследователь, изучавший их язык, сделал интересное открытие. Буби, по его мнению, попадая в темноту, начинают терять дар речи. Их словарный запас так мал, что буби вынуждены выражать свои мысли большей частью с помощью рук.

Исследователи, побывавшие на острове в конце века, плохо отзывались о буби. «Это самый мерзкий народ в мире, — заявил Ричард Ландер. — Их вождь — кровожадный дикарь, недаром его зовут „головорезом“». Другой путешественник, Т. Хатчинсон, назвал буби «самой ленивой и бестолковой расой, которую только можно встретить в Африке». Еще писатель Уинвуд Рид сообщил: «Буби фантастически ненавидят цивилизацию. Я впервые увидел дикарей, и нужно сказать, что зрелище это не из приятных. Их женщины ужасны». Каждый миссионер характеризовал буби как каннибалов, у которых в обычае и черная магия, и полигамия, и другие остатки язычества.

Может быть, не все буби — милые люди, но они далеко не так плохи, как пытаются их представить упомянутые авторы. Похоже, что исследователи видели худших из них, развращенных горячительными напитками белых, где-нибудь недалеко от Порт-Кларенса — гавани и столицы на севере острова. (Сейчас она носит название Санта-Исабель.) Далее же к югу жили подлинные представители буби — лесные жители, дружелюбный и гостеприимный народ. Обитают они в горных деревнях, окруженных частоколом. У буби светло-коричневый цвет кожи. Они значительно отличаются от континентальных африканцев как своими обычаями, так и внешним видом.

Буби говорят, что их предки вышли из кратера высокого пика Санта-Исабель. На самом деле они, видимо, пришли с материка в XVII веке, но это совершенно самостоятельное племя и происхождение его — полная загадка. Они говорят на языке банту. Буби не умеют обрабатывать железо и даже теперь применяют деревянные колья и танцуют под деревянные бубны.

Буби нельзя отнести к древним охотникам, потому что они не похожи на пигмеев и, кроме того, вот уже много веков обрабатывают землю. Их деревни окружены небольшими аккуратными полями, на которых

возделываются ямс, бананы и таро⁵. Но при первой возможности они идут на охоту. Легенды буби рассказывают об охоте на буйволов. Видимо, красный буйвол Камеруна в древности водился в этих лесах, отрезанных несколько тысячелетий назад от материка в результате землетрясения. Сейчас буби охотятся на небольших антилоп, дикобразов, обезьян и белок, в пищу идет также и мясо гигантского питона, что водится на острове. На берегу собирают черепах и крабов. И никто, по-видимому, не сможет убедить буби работать на плантациях белого человека.

Буби имеют кремневые ружья. Они превосходные трапперы, а корзины-ловушки, которыми они ловят рыбу,— настоящее произведение искусства. Они могут даже делать такие корзины, в которых удастся хранить пальмовое масло или воду. А вот считать они могут только до пяти, хотя память у них хорошая, и они вовсе не склонны забыть те времена, когда испанцы в начале колонизации пытались истребить всех буби и охотились за ними с собаками, как за дичью.

Много лет назад буби воевали между собой. Потом появился великий вождь по имени Мока, который объединил всех буби. Его деревня, лежавшая на юге острова близ озера, стала центром объединения всех буби и до сих пор остается главным поселением этого народа. Она расположена на высоте шести тысяч футов на голом торфянике, столь не похожем на тропические джунгли у подножия. Один белый путешественник семьдесят лет назад встречался с Мока. Он рассказывает о нем как о дикаре, который уединенно живет со своими сорока женами подобно тибетскому ламе. Столица Мока была расположена на высоком плато, окруженном горами. По поверью, вождь буби не должен видеть моря.

Фернандо-По таит и еще одну племенную загадку. В первые годы английской оккупации капитан королевского флота Филмор сделал зарисовки некоторых жителей острова — это были светлые люди с лицами кавказского типа; они отличались развитым интеллектом. Сейчас людей подобного типа на Фернандо-По нет. Филмор полагал, что это были последние из гуан-

⁵ Таро — тропическое многолетнее растение из семейства ароидных, с крахмалосодержащими клубневидными корнями, употребляемыми в пищу. — *Прим. пер.*

чи. Дротики, которые они применяли, считал Филмор, подобны тем, что находят в захоронениях гуанчи на Канарских островах.

Для альпиниста взобраться на десяти тысячефутовый Пико-де-Санта-Исабель особого труда не составляет. Но для первых альпинистов это было проблемой, тем более что буби отпугивали их. Ведь они были уверены, что белый человек, который обнаружит их поселения, навлечет на них всяческие беды. Первое зарегистрированное восхождение было совершено в 1840 году метисом Джоном Бикрофтом, который сначала был британским консулом на острове, а позднее назначен испанцами губернатором. Двое слуг, сопровождавших Бикрофта, погибли от холода, и буби сочли это дурной приметой. Поэтому когда через двадцать лет знаменитый ботаник Густав Манн и испанский офицер Пеллон совершили второе восхождение, они обнаружили, что почти вся растительность вокруг вершины выжжена. Это сделали буби, которые надеялись таким образом прогнать белых с мест, принадлежавших их предкам.

Манн несколько раз взбирался на Санта-Исабель, а также на Мистерио («Пик с секретом»), который является второй по высоте вершиной на острове, поднимаясь почти на девять тысяч футов. Он впервые доставил из Западной Африки в Кью⁶ древесный папоротник. Манн и Пеллон нашли банку и английский флаг, оставленный Бикрофтом на кромке кратера. В бытность свою британским консулом, на Санта-Исабель восходил знаменитый Ричард Бертон. А под сигнальным шестом, оставленным Манном и Пеллоном, до сих пор лежит и бутылка из-под сидра с бумагой, на которой оставили свои имена английские миссионеры. Вершина Санта-Исабель представляет собой гигантский обрывистый кратер, заросший клевером, вереском и цветами. С нее видны кратеры и поменьше; некоторые из них заполнены озерами.

Отсюда же можно увидеть плантации какао — землевладельцам не дают покоя лавры Сан-Томе. На Фернандо-По выращивают некоторые сорта самого лучшего какао, но в конце 20-х годов плантации опусте-

⁶ Кью (Kew) — пригород Лондона, где находится Ботанический сад.— *Прим. пер.*

ли — не хватало людей. Испанские агенты отправились в Либерию, где совершили сделку с вице-президентом. Из либерийских джунглей начали отправлять партии рабов по девять фунтов за голову, за каждую партию из полутора тысяч человек полагалась отдельная премия в тысячу фунтов. Потом слухи об этом дошли до Лиги наций. Президент Либерии и вице-президент были освобождены от своих постов, а вся система набора рабочей силы объявлена незаконной.

Санта-Исабель — столица острова с гаванью, которая представляет собой осевший вулканический кратер, круглую бухту, где для судов сделаны проходы. Дорога ведет на стофутовый холм, и перед вами открывается уютный городок с выбеленными домиками и садами, а также площадью в испанском стиле, где находятся собор и склады торговых компаний. Я хорошо знаю Западную Африку, но нигде не могу припомнить главной улицы длиной в пять миль, которая была бы обсажена манговыми деревьями — пять миль сплошной зеленой листвы и золотых плодов.

Фернандо-По был когда-то местом ссылки политических преступников, потом его заменило менее приятное местечко Рио-де-Оро⁷, но еще несколько лет назад на площади Санта-Исабель можно было увидеть настоящих университетских профессоров и других примечательных личностей, которые уныло потягивали шерри и строили планы побега. Однажды целой группе удалось бежать с помощью англичан — торговца и капитана судна. Они спрятались в бочках, в которых должно было находиться пальмовое масло; эти бочки перекатали в лодки и подняли на борт. Вскоре после того, как судно вышло в море, побег был обнаружен, и вдогонку пустилась испанская канонерка. Но капитан приготовился: он поставил на бочки с беглецами другие — с пальмовым маслом, и испанский досмотровый отряд вынужден был вернуться на свой корабль с пустыми руками.

Я уже говорил, что Санта-Исабель — столица острова, хотя в конце века она была «разжалована». Это случилось после прибытия нового губернатора, напичканного за время поездки к острову историями о не-

⁷ Рио-де-Оро (Западная Сахара) — южная часть Западной Сахары, владение Испании.— *Прим. ред.*

здоровом климате Санта-Исабелли. К тому же он сразу узнал, что его предшественник только что умер от лихорадки. На следующий день и новый губернатор слег с приступом малярии. Он выздоровел, но ничто уже не могло заставить его остаться в Санта-Исабель. В одной миле от города, в горах, он обнаружил небольшое местечко Базиль с хорошим климатом. Здесь губернатор выстроил себе дом и отсюда управлял делами острова. Как раз к этому времени здесь появился первый телефонный аппарат, и из Санта-Исабель к Базиллю протянули линию. Аборигены украли проволоку, и тогда губернатор организовал службу скороходов. Он отказывался пить местную воду, о которой говорили, что она заражена, и поддерживал свое здоровье чистым легким шерри. Губернатор не покидал Базилья, пока не кончился срок его службы на острове.

С тех пор испанские чиновники во время серьезных эпидемий нередко спасались в Базиле. В последнее время, например, в Санта-Исабель была распространена сонная болезнь. Попытки колонизации острова белыми поселенцами терпели неудачу одна за другой. Бывший британский консул Хатчинсон сообщает, что за первые пять месяцев умерло двадцать процентов переселенцев из Испании. «За короткое время на улицах появилось несчетное количество мужчин, женщин и детей, которые еле передвигались и которых едва можно было назвать живыми существами,— писал он.— Пятьдесят человек уехали на пароходе обратно в Кадис. Казалось, на судно грузили скелеты, обтянутые кожей, а не живых людей». Но современной медицине удалось справиться с сонной болезнью, и Санта-Исабель вновь стала полноправной столицей Фернандо-По. Ушли в прошлое времена, когда офицер английского судна давал своей команде приказ:

— Первому отряду — копать могилы. Второму отряду — сколачивать гробы!

Глава шестнадцатая

ВОЛШЕБНЫЙ ПРИЗРАК

Там из году в год ободок голубой
Каймит океанскую гладь кисеей,
И тучки золотые там ходят легко —
И оп, словно рай, далеко-далеко.

Джеральд Гриффин

*«Благословенный остров»
(перевод А. Эпеля)*

Атлантида, величайшая загадка океана, неумирающая легенда о затерянном континенте, имеет свои корни в Африке. До сих пор она порождает обильную литературу, как художественную, так и научную. Тот, кому удастся доказать, что рассказ Платона об Атлантиде — истина, будет несомненно увенчан славой.

Мне известно, что бывший хранитель Кейптаунского музея послал на остров Святой Елены своего надежного помощника, чтобы тот изучил орудия первобытного человека, якобы там обнаруженные. Гипотеза оказалась ошибочной. «Обработанные» камни, найденные на острове, оказались естественными скальными обломками, а не делом рук первобытного человека. Представьте, сколько научных теорий оказались бы несостоятельными, если бы подобное «открытие» оказалось истинным!

Так что затерянный континент до сих пор вызывает споры и ставит в тупик лучшие умы. Вспомните, откуда все началось. Греческий философ Платон сообщил о материке, расположенном по другую сторону Гибралтарского пролива, о континенте, который больше Африки и Азии, вместе взятых. В течение одного дня и одной ночи материк был расколот землетрясением и поглощен морской пучиной. Погибла волшебная, высокоцивилизированная страна с цветущими городами, дворцами, храмами, каналами и мостами. И уж, конечно, здесь было много золота, серебра, слоновой кости и красивых женщин. Каждый как мог наслаждался жизнью в этой утопической стране, и вооруженные дротиками воины Атлантиды периодически совершали набеги на Северную Африку, а однажды по глупости напали даже на Афины, но были обращены в бегство и вытеснены из Средиземноморья.

Платон указывает даже дату катастрофы, в результате которой Атлантида погрузилась на морское дно,— 9600 год до н. э.

В течение многих веков легенда об Атлантиде воспринималась как неоспоримый факт. Ведь Платон был серьезным автором и не рассказывал фантастических историй. Однако он, по-видимому, отдавал себе отчет в том, что не каждый ему поверит, и поэтому добавил: «Легенда об Атлантиде вовсе не сказка, а доподлинно правдивая история». В подтверждение этих слов он сослался на мнение своего предшественника Солона, который слышал эту историю от египетских жрецов.

Однако уже в XVII веке ученых одолели сомнения. Но критики быстро прикусили языки, когда глубоководные замеры, произведенные в конце XIX века в Северной и Южной Атлантике, обнаружили «подводную грядку», пролежавшую посреди океана и поднимающуюся на девять тысяч футов над уровнем дна¹. Гряда проходит от Арктики до Антарктики. Плавая по Атлантическому океану, я часто наблюдал отдельные вершины этой гряды. Это острова Мадейра, Канары, скалы Святого Павла, где гряда приближается к Бразилии, Святая Елена, Тристан и Гоф, где она вновь уходит от континента. Гигантские нагромождения рифов — хребет, что скрывается под водой, а иногда и выступает над нею,— достаточно убедительно свидетельствуют о затонувшем континенте. Но когда это случилось?

Насколько мне известно, ученые полагают, что Атлантида существовала в давние эпохи, лет этак миллионов шестьдесят назад, еще до того, как на земле появились люди. Те, которые в той или иной степени принимают на веру сообщение Платона об Атлантиде, сейчас в меньшинстве. Однако послушаем и их.

Сторонники существования Атлантиды указывают прежде всего на замечательную общность древних цивилизаций: архитектуры, обычаев и религий Южной Америки, Северной Африки и Западной Европы. По

¹ Собственно на подводной гряде или, точнее, на Срединно-Атлантическом хребте поднимаются острова Буве, Тристан-да-Кунья, Гоф, Вознесения, Святая Елена, Сан-Паулу. Остальные острова, перечисляемые автором, венчают боковые отроги этого хребта и подводные плато на дне Атлантического океана.— *Прим. ред.*

обеим сторонам океана жили солнцепоклонники. У ацтеков бытовала легенда о потопе; ее разделяли и евреи и жители Вавилона. Загадочный язык басков в Пиренеях, не основанный ни на одном из европейских языков, имеет, однако, сходство с языком американских аборигенов. Пирамиды находят не только в Египте, но и на полуострове Юкатан в Мексике; и в той и в другой стране, разделенных тысячами километров, мумифицировали мертвых и клали в могилы почти одинаковые предметы.

У американских индейцев есть легенда о богах — белокожих иноземцах, которые живут на острове в океане к востоку от Америки. Средиземноморские же народы верили когда-то в «благословенную страну» на западе.

Затем загадка нефрита. В погребениях майя в Центральной Америке находят очень красивые украшения из зеленого нефрита. В ранних захоронениях попадались большие куски камня, в более поздних — они значительно уменьшились в размерах. Нефритовых месторождений нет нигде в Центральной или Южной Америке. Предполагают, что нефрит привозили туда из Атлантиды.

Профессор Эдвард Халл, занимавший пост президента Королевского геологического общества Ирландии, твердо верил в существование Атлантиды.

«Флора и фауна обоих полушарий поддерживает геологическую теорию, согласно которой жизнь началась из какого-то общего центра в Атлантическом океане, — сообщал Халл. — До и во время ледниковой эпохи Атлантику на севере и юге пересекали большие материковые мосты. Я делаю этот вывод на основе тщательного изучения глубоководных замеров эхолотом, нанесенных на карты Адмиралтейства»².

Другой ирландский геолог, профессор Р. Шарф, полагал, что, когда на земле появился человек, Мадейра и Азорские острова все еще были соединены с Иберийским полуостровом. Он продлевал этот отромок континента на юг до острова Святой Елены и считал, что континент начал опускаться к концу третичного времени. Но до определенных его участков,

² Теория материковых мостов в настоящее время уступает место гипотезе континентального дрейфа — «расползании» — материков. — *Прим. ред.*

которые позднее стали островами, люди все еще могли перебираться по суше.

Разительное сходство обнаруживают также растения и животные. И в самом деле, в Америке и Африке существуют идентичные виды и роды. Муравьи, мотыльки, бабочки, земляные черви, слизняки, улитки и земляные моллюски могут преодолеть небольшие расстояния, но вряд ли им удалось бы пересечь Атлантический океан. Материковый мост в Атлантике мог бы объяснить также наличие некоторых ящериц в Чили, близких к североафриканским видам, и десятиногих пресноводных ракообразных, известных по обеим сторонам океана.

Тюлень-монах, превосходный циркач, но вообще-то весьма оседлое животное, которое никогда не уходит далеко от земли. Он водится и в Средиземноморье и на островах Вест-Индии.

Диких коз и кроликов путешественники впервые обнаружили на Азорах. Один остров, Сан-Мигел, тогда назывался Козьим, а Флорши был прежде Кроличьим островом. Если эти млекопитающие действительно местного происхождения, то они некогда могли попасть на Азорские острова по материковому мосту и, когда погибла Атлантида, выжили на поднявшихся над водой высокогорьях.

Геологов, поддерживающих теорию Атлантиды, немало обрадовали образцы, взятые недавно со дна Атлантического океана, а также некоторые другие исследования смещений подводных пластов. Оказалось, что Сабрина — вулканический остров группы Азоров — исчезла уже в исторические времена, так же как великая Атлантида! Кабельное судно, работавшее в пятистах милях к северу от Азорских островов, забросило кошки на тысячу семьсот морских саженей; они извлекли на поверхность осколки стекловидной лавы. Директор геолого-топографической службы во Франции, доктор Пьер Термье, специально изучавший лаву после катастрофы в Монпелье, заявил по поводу извлеченных образцов: «Если лава образовалась под водой, она должна была бы кристаллизироваться». Однако лава осталась стекловидной, и это подтверждает тот факт, что ее отверждение могло происходить только при атмосферном давлении. Таким образом, нынешнее морское дно некогда было сушей или горой, покрытой

лавой, поднимавшейся над поверхностью воды, а потом внезапно опущенной на глубину до десяти тысяч футов. П. Термье отнес время погружения к геологическому понятию «современной эпохи», потому что район этот все еще нестабилен и лава до сих пор не распалась. Конечно, то, что по геологическим понятиям относится к современности, могло происходить на деле, скажем, пятнадцать тысяч лет назад.

Шведские исследователи совсем недавно брали керны осадочных пород со дна Атлантики вдоль побережья Западной Африки. Они обнаружили кремниевые водоросли (микроскопические формы растительной жизни), которые произрастают только в пресной воде. Это натолкнуло их на мысль, что здесь некогда существовало озеро и что эта часть «срединной возвышенности» в Атлантике в свое время находилась над водой.

Профессор Чарльз Шакерт искал Атлантиду к западу от Африканского побережья и утверждал, что усматривает ее следы в пяти островах Зеленого Мыса и трех из группы Канарских. Скальные породы, растения и животные говорили о несомненной связи с Африкой третичного периода. «Эти острова — осколки Большой Африки», — заявил профессор.

Можно ли считать, что населенный человеком континент был затоплен морем в течение нескольких часов? Даже самые отъявленные «атлантилисты» не принимают ту часть повествования Платона, где он говорит о катастрофе, которая свершилась за сутки. Однако, по мнению некоторых астрономов, Венера могла так близко подойти к Земле, что облака ее испарений, внедрившись в земную атмосферу, привели к потоку, который за короткое время смог поглотить Атлантиду.

Катастрофы, происшедшие в уже обозримые исторические времена, показывают, что основой легенды Платона могла послужить какая-то прошлая трагедия земли. В начале XIX века гигантские волны — следствие крупного вулканического извержения — захлестнули две тысячи квадратных миль территории Индии, отличавшихся большой плотностью населения. Меньше чем два века назад большая часть Лиссабона с ужасающим грохотом соскользнула в море, и шестьдесят тысяч человек погибло за шесть минут.

Противники существования Атлантиды заходят так далеко, что заявляют, будто Платон придумал всю эту историю, пытаясь обосновать свои собственные утопические идеи, развернутые в книге «Республика». Однако так думают немногие. Большинство же оппонентов готово допустить, что в сообщении древнего философа сохранились некоторые зерна истины. Поэтому многие блестящие умы продолжают искать объяснение этой романтической легенды.

Возможно, что финикийцы или другие навигаторы прошлого открыли Америку за полторы тысячи лет до викингов и принесли сообщение об этом открытии в Средиземноморье. У Платона мы находим некоторые подтверждения этому. В одном из самых интересных мест его книги говорится: «Остров (Атлантида) находился на пути к другим островам, а от этих островов можно добраться до всего противоположного континента, который окружен настоящим океаном».

Источником легенды для Платона могло послужить падение Минойской империи на Крите около 1400 года до н. э. Критяне сосредоточили всю морскую торговлю между Европой, Азией и Африкой; они разбогатели благодаря своему морскому могуществу. Правители Крита жили во дворцах, подобных атлантическим дворцам Платона. Потом что-то стряслось с империей, города были захвачены чужеземцами и разрушены. Поражение минойцев оказалось настолько тяжелым, что империя словно исчезла с лица земли. Хозяевами Средиземноморского бассейна стали финикийцы, а финикийский моряк — главной фигурой в Средиземном море. Может быть, рассказ Платона отразил события на Крите? Трудно, однако, себе представить, как земля, которую писатель видел за Геркулесовыми столбами (Гибралтарский пролив), могла быть спутана с Критом. Правда, в те времена путешествие даже из Египта на Крит было для каботажных мореплавателей сложным предприятием, и это расстояние представлялось им намного большим, чем оно было на самом деле.

Профессор Лео Фробениус, известный своими находками в Зимбабве³, в течение тридцати лет отправ-

³ Зимбабве — археологический комплекс в Южной Родезии с каменными постройками, в том числе большим эллиптическим «храмом» и другими руинами. Культура Зимбабве охватывает

лял в Западную Африку экспедиции в поисках страны Сенегамбии. Он был совершенно уверен, что финикийцы прежде обнаружили Канарские острова и только потом высадились на побережье Западной Африки. Они не поняли, что это Африка, и полагали, что открыли новый континент, который назвали Атлантидой.

Другая школа ученых помещает Атлантиду в Испанию. В качестве свидетельства пребывания здесь атлантов они указывают на пещерные рисунки, далеко превосходящие способности первобытного человека.

Согласно следующей теории, Атлантида находится на месте знаменитых солончаков Марет в Западной Ливии. Есть основание предполагать, что поля и постройки людей эпохи неолита в результате землетрясения были внезапно затоплены потоками воды. Людям, которые спаслись от этой катастрофы, пришлось бежать из Марета. Следы их обнаружили в Уэльсе, следовательно, беженцам удалось добраться даже до Британии. Последователи этой теории утверждают, что под солончаками (кстати сказать, прекрасно известными солдатам второй мировой войны), если их раскопать, обнаружатся поселения той затонувшей расы, которая упоминается в Платоновой легенде об Атлантиде.

Когда я думаю о наиболее приемлемом объяснении всех этих теорий, то вспоминаю о том, что под морем уже находили землю. Большая Доггер-банка в Северном море несколько тысяч лет назад поднималась над водой, и траулеры доставили наверх немало каменных орудий, доказывающих, что она была когда-то обитаемой.

В море вблизи Гельголанда водолазы обнаружили каменные стены. Некоторые археологи думают, что они окружали храм Посейдона на «королевском острове» в Атлантиде Платона. Философ упоминал о веществе «орихалк», которое атланты ценили так же высоко, как золото. Полагают, что его можно отождествить с янтарем, который часто находят в водах близ острова. Слоновая кость, упоминаемая Платоном, которая и по сей день попадает в сети траулеров, рыбакающих в Доггер-банке, вполне могла быть костью мамонтов, мор-

время неолита, раннего и развитого железного века в Южной Африке (VI—XVIII вв.). Была создана предками современных народов банту.— *Прим. ред.*

жей и нарвалов. Атланты (на самом деле фризы⁴), без сомнения, меняли янтарь и кость на серебро и золото. На Гельголанде добывали медь.

Истории известно, что жители побережья Северного моря однажды направили в Грецию большую военную экспедицию и покорили всю страну, за исключением Афин. Этот факт мы также находим у Платона. Процесс затопления суши тающими ледниками в Северном море проходил медленно. Если судить по фризскому фольклору, то последняя территория исчезла в море всего семьсот лет назад. Фризы всегда воевали с морем. Их острова протянулись вдоль побережья Европы от Голландии по Дании почти на триста миль. Начиная с XIII века площадь островов Северной Фризии уменьшилась с тысячи до ста квадратных миль. Фризские легенды не без основания рассказывают о затонувших деревнях и погрузившихся в воду полях. Поэтому плато в Северном море можно считать Атлантидой Платона.

Мне нравится эта теория, она объясняет очень многое у Платона. Хотя Северное море и не расположено против Геркулесовых столбов, но оно лежит во всяком случае за Гибралтарским проливом. То есть далекое плато Доггер-банка с гораздо большей вероятностью можно сопоставить с легендарной Атлантидой, чем остров Крит.

Однако в доисторический период произошли и другие потопа. Поэтому исследователи обнаружат, возможно, не одну Атлантиду, а много остатков суши и исчезнувших народов в различных уголках океана.

Бенджамин Джауэтт, английский ученый, переведивший труд Платона, заметил: «Разве это не замечательно, что несколько страниц „Диалогов“ выросли в большую легенду, которая включает в себя не только европейские народы? Она оказалась настолько соответствующей умунастроению людей, что пустила корни в каждой стране. Сказка об Атлантиде — плод воображения, но она никогда не переставала интересоваться человека».

⁴ Фризы — потомки древнегерманских фризских племен, обитавших на побережье залива Зейдер-Зе и по реке Эмс, часть которых переселилась вместе с англосаксами на Британские острова, часть — ассимилировалась немцами и голландцами. — *Прим. ред.*

И в самом деле, британского премьер-министра Вильяма Эварта Гладстона она заинтересовала настолько, что он решил направить на поиски Атлантиды военный корабль, и только вето казначейства, побоявшегося больших расходов, приостановило эту затею. Зато миссис Элизабет Блоссом из Кливленда, штат Огайо, такие пустяковые соображения не останавливали. Нанятая ею шхуна «Блоссом» в течение нескольких лет искала Атлантиду на просторах Южной Атлантики. Это было несколько десятков лет назад, когда ученые еще не располагали теми совершенными радарными и эхолотными приборами, которыми они вооружены теперь. Однако было обследовано много островов в поисках, как выразился руководитель экспедиции, «недостающего звена, которое соединило бы Атлантиду с сегодняшним днем и перенесло бы потерянный континент из области мифологии в сферу истории».

Участники экспедиции совершили восхождения на горы Азорских островов и островов Зеленого Мыса в надежде найти остатки атлантической цивилизации. На Святой Елене, этом древнем осколке суши посреди океана, они находились так долго, что двое из команды женились на местных девушках и остались на острове. Экспедиция не нашла следов Атлантиды. Она была не первой, которая потерпела неудачу в этих розысках, и еще многие будут искать потерянный континент.

Простыми словами: «Я расскажу об одной старинной истории» — Платон начал самую интересную из сказок человечества.

Атлантида, если она когда-нибудь существовала, исчезла до того, как появились первые карты, начертанные рукой смелых мореплавателей. Но на картах британского Адмиралтейства, выпущенных в XX веке, до сих пор можно кое-где найти острова, помеченные загадочными буквами «П. С.» («Положение сомнительно») и «С. С.» («Существование сомнительно»).

Первые открыватели, вооруженные примитивными секстантами, нередко допускали ошибки, которые исправляли совсем недавно, а некоторые неточности, связанные с нанесением на карту отдаленных районов, не устранены и по сей день. Немалое количество подоб-

ного рода ляпсусов содержат карты морей, омывающих Африку, и лоций, содержащих описание рейсов кораблей на юге континента. Нередко находишь на карте острова, которые потом уже никогда не были обнаружены, и задаешь себе вопрос: что же в действительности видели мореходы?

В конце XVII века голландская Ост-Индская компания посылала к южной оконечности Африки судно за судном в надежде найти остров Санта Елена Нова, который должен был находиться где-то между побережьем материка и островом Святой Елены. Эти надежды еще больше возросли, когда корабельный плотник Людевик Классен сделал свое заявление представителям компании в Батавии⁵.

Он утверждал, что был взят в плен португальцами и служил на одном из португальских судов. «Однажды, — рассказывал Классен, — судно подошло к острову, где стадами бродил скот, буйно произрастали овощи и фрукты». Он не знал пути к этому острову, но был убежден, что тот расположен недалеко от Святой Елены. Классен дважды посетил остров и наблюдал, как португальцы строят там форты. Он говорил, что остров имеет удобную бухту и, следовательно, отличную стоянку.

Остров был изображен и на португальских картах. Голландцы поддались на эту удочку. Они посылали целые флотилии, цепочкой прочесывавшие Южную Атлантику. Новый остров Святой Елены так и не удалось увидеть, но он еще долго оставался на картах. Даже много лет спустя шкиперы все еще не теряли надежды найти его и, проходя близ Святой Елены, заставляли впередсмотрящих подниматься на клотик. Лишь в конце XVIII века несуществующий остров исчез с карт.

Намного дольше, чем Санта Елена Нова, просуществовал и, казалось бы, более реальный остров — Саксембург, который, по предположениям, находился где-то на 30° южной широты, на полпути между Южной Америкой и Южной Африкой.

Впервые об острове сообщил в 1670 году капитан Линдеман. Его наблюдали также два человека с топ-

⁵ Батавия — старое название столицы Индонезии Джакарты. — *Прим. ред.*

мачты, которые видели «узкую вершину, похожую на колонну». Более чем через сто лет существование острова подтвердил капитан Галлоуэй с американского судна «Фанни». Он сообщил, что остров не исчезал из поля зрения в течение четырех часов. Галлоуэй наблюдал также высокие холмы и даже обрыв на одном из них.

В первой половине XIX века капитан Дж. О. Хед с судна «Тру Бритон» также видел остров. Судя по его вахтенному журналу, Саксембург должен был быть примерно там же, где наблюдали его и оба ранее сообщавших об острове капитана. Однако очень опытный мореход капитан Джеймс Хорсбург понапрасну пытался обнаружить Саксембург спустя несколько лет, да и вообще его никто никогда не видел.

Высказывалось предположение, что люди, сообщавшие об острове, видели точно имитировавшие сушу облака, которые в течение длительного времени не меняли своих очертаний на горизонте. Другие подобные сообщения объясняются «плавающими островами» — большими скоплениями морских водорослей, пучками тростника и травы, вынесенными тропическими реками в море. Иногда эти островки могут нести на себе даже землю. Причем ее бывает достаточно для того, чтобы на ней произрастало несколько небольших деревьев. Ничего удивительного, что моряки в прежние времена «видели» остров, хотя никакой суши на деле не было.

Как объяснить существование острова под названием «Большой»? Он помечен на старых картах Южной Атлантики со следующей легендой: «На 45° южной широты расположен очень большой приятный остров, открытый Антонием Ларошем, уроженцем Англии. В восточной части острова имеется хороший порт, здесь Ларош нашел деревья, пресную воду и рыбу. Людей они не видели, хотя и были на острове шесть дней».

Остров Большой пытались найти и другие моряки. Им встречались признаки земли — бледная окраска морской воды, обломки деревьев, бурные водоросли. Но сам «приятный остров» больше никогда не предстал перед взором человека. Правда, дальше к югу были найдены огромные айсберги, которые несли на себе скальные породы и почву и иногда помечались как

острова. Однако невозможно представить себе, чтобы Ларош имел в виду такой айсберг.

В 1829 году капитан Робсон на барке «Анна» зашел на Тристан-да-Кунью, а потом отправился к Маврикию. Через шесть дней после того, как судно покинуло Тристан, он записал в вахтенном журнале: «Видел скалы, выступавшие примерно на восемь футов над водой, об них с грохотом разбивались волны. Скалы образовывали нечто вроде подковы. Они обросли длинными ламинариями».

Если попытаться найти риф, описанный капитаном Робсоном, то он должен был бы находиться где-то под прямым углом к тому пути, которым все суда проходят вокруг южной оконечности Африки, направляясь на восток. По этому пути прошли сотни американских китобоев, и они непременно обнаружили бы острые скалы. Понятно поэтому, почему капитаны усомнились в существовании рифа Робсона. Один из них весьма осторожно замечает: «Разве нельзя предположить, что иногда за банки и скалы принимают мертвых китов, стаю скатов или иных морских чудовищ?»

Один остров, а точнее, группа острых скал посреди океана до сих пор вызывают споры среди геологов и поклонников теории Атлантиды. Мне однажды довелось наблюдать это загадочное и безжизненное видение — скалы Святого Павла вблизи экватора, между Бразилией и Западной Африкой.

Мы шли на выдавшем виды почтовом пароходе «Арланца» из Рио в Англию. Неожиданно пароход слишком близко подошел к скалам, заревела сирена, офицеры на мостике прикинули к биноклям, но в ответ раздались лишь крики потревоженных птиц. Если бы здесь случайно оказались потерпевшие кораблекрушение, какую бы радость доставили мы им своим появлением!

Опасные скалы Святого Павла уже несколько веков известны морякам и нанесены на все карты. Сто с небольшим лет назад капитан Сандре с судна «Франсуа Казимир» сообщил о «большой черной массе» в нескольких милях к югу от скал. Морские власти отнеслись к этому сообщению скептически и даже с насмешкой. В навигационных инструкциях было прямо сказано: «Этому утверждению капитана Сандре не хватает всего лишь достоверности».

- И все же новое сообщение о двух островах, поднявшихся в Южной Атлантике, недалеко от скал Святого Павла, появилось. Это произошло в июне 1931 года. О находке сообщил английский лайнер «Леланд», и бразильский крейсер тотчас же отправился туда, чтобы поднять на островах бразильский флаг.

Скалы Святого Павла загадочны потому, что не обнаруживают своего вулканического или кораллового происхождения, что можно было бы ожидать от маленьких океанических островков тропических вод. Вся группа составляет в окружности всего полмили, самая высокая скала поднимается над уровнем океана на шестьдесят футов. Во время путешествия на «Бигле» Чарльзу Дарвину лишь с большим трудом и тревожениями (из-за множества акул и сильного прибоя) удалось высадиться здесь. Однако Дарвин уделял больше внимания олушам и крачкам, чем геологическому строению острова.

Когда в начале XX века эти места посетила экспедиция со «Скотии», ученых поразили черные скалы из камня, которого не встретишь нигде более. «Не осколок ли это был потерянной Атлантиды? — писал потом доктор Хэйви Пири. — И если так, то как превратился он в острый пик, который вздымается с узкого поста-мента на дне океана?»

В Южной Атлантике классическим примером «играющего в прятки острова» является остров Буве⁶, покрытый льдом, захлестываемый штормовыми волнами и вечно окутанный туманом. Он лежит в тысяче шестистах милях к югу-западу от Кейптауна. Это один из самых уединенных обломков суши в мире. В течение двух веков не было моряка, который с уверенностью мог бы сказать, представляет ли собой Буве один остров или три, да и сейчас он таит в себе загадки.

Остров был открыт в 1739 году французским морским офицером Буве, который, насколько он мог это сделать в сплошном тумане, определил положение острова. Видимость была плохой, и Буве не исключал предположения, что он мог увидеть какой-либо мыс Антарктического континента. Через несколько десяти-

⁶ Остров Буве — норвежский остров, гористый, берега крутые и обрывистые, вулканического происхождения. Покрыт льдом, лишь на северной, более солнечной стороне — пятна мхов и лишайников. На острове — стоянка китобоев.— *Прим. ред.*

летний здесь проходил капитан Кук, но он не заметил ничего и объявил, что Буве нанес на карту айсберг.

И все же в начале XIX века два английских китобоя вновь обнаружили остров Буве. Один из шкиперов, капитан Линдсей, назвал его своим именем. Вслед за ним на остров натолкнулся охотник за тюленями капитан Норрис, владелец двух небольших одномачтовых судов — «Живой» и «Веселый». Норрис не знал, что остров уже открыт, поэтому заново назвал его «Ливерпул Айленд». Погода ухудшилась, пошел снег с дождем. Норрис так и не стал высаживаться на остров.

И вот тут-то мы и подходим к загадке. Отойдя на северо-восток, Норрис увидел здесь еще один остров, по его расчетам лежащий в сорока пяти милях от Ливерпула (Буве). Этот новый кусочек суши он назвал островом Томпсон, а три возвышенности близ него помечены на карте как скалы «Чимниз» («Кратеры»).

Вскоре после этого Норрис возвращается к первому острову и, надеясь найти лежбище тюленей, посылает на берег лодки. По приказу капитана матросы поднимают на скале английский флаг, приписав тем самым остров к британской короне. Однажды разыгралась буря, и матросы вынуждены были провести на острове шесть дней без крова и топлива. Они закопались в снег, питаясь сырым тюленьим мясом.

Норрис писал о Буве: «Лодки обошли кругом, и не было видно ничего, кроме отвесных скал. Остров носит очевидные признаки вулканического происхождения, это не что иное, как сплошной шлак, прорезанный мощными потоками лавы, похожей на черное стекло с белыми прожилками».

Копия вахтенного журнала с «Веселого», хранящегося в архивах британского Адмиралтейства, говорит о том, что Норрис описал остров Томпсон «маленьким и низким», следовательно, он не мог спутать Томпсон с Буве, на котором вздымается вершина вулкана.

Нашелся еще один человек, который одновременно видел и Буве и Томпсон. Это был капитан Фуллер, ходивший здесь в 1893 году на американском промысловом судне «Фрэнсис Аллин». Однако, когда через пять лет сюда пришло немецкое поисковое судно «Вальдивия», остров Буве оказался на месте, а вот Томпсон исчез бесследно!

С тех пор и другие суда, снабженные радиостановками и различными современными средствами навигации, с большой точностью зафиксировали местонахождение острова Буве, но не смогли обнаружить остров Томпсон. Среди них можно упомянуть британское судно «Милфорд» с исследователем Антарктики адмиралом Эвансом на борту. Оно было здесь в 1934 году, а спустя двадцать лет у Буве бросил якорь южноафриканский фрегат «Трансвааль».

Я беседовал с двумя очевидцами, которые добрались на лодке до Буве. Одним из них был мой старый приятель У. Дж. Копенхаген. Он рассказывал о снежных лавинах, которые обрушивались в море, когда «Милфорд» кружил вокруг Буве, о сильном ветре и высоких волнах и вспоминал слова адмирала Эванса: «Навигация в этих низких широтах, где полно айсбергов, напоминает езду на велосипеде по кладбищу. Вы видите перед собой могильную плиту и поворачиваете в сторону лишь для того, чтобы обнаружить на своем пути дюжину других».

На Буве побывал норвежский китобой. В то время Норвегия решила заявить свои претензии на остров. Катер с китобоя подошел с подветренной стороны к айсбергу, который застыл вблизи захлестываемого прибоем берега. Один норвежский моряк не без труда высадился на сушу, обошел остров и, наконец, оказался на краю потухшего вулкана. «Остров,— рассказывает он,— похож на глубоко погружившийся в океан кратер, но вершина его все еще вздымается в облака на три тысячи футов». На этом злосчастном кусочке земли среди снега и льда сохранился след пребывания человека — старая угольная печка, оставленная здесь, по-видимому, американскими охотниками за тюленями в XIX веке.

Так что Буве на месте, но также ясно, что острова Томпсон не существует. И тем не менее специалисты наших дней не склонны расценивать сообщение Норриса о двух раздельных островах как ложное. Такой авторитет, как доктор Стенли Кемп, находился на борту исследовательского судна «Дискавери II», когда оно зашло на Буве. Он пытался в ясную погоду увидеть второй остров и сделал следующее сообщение: «Мы рыскали по всем направлениям в окрестных водах, обследовали около шести тысяч квадратных миль

моря и не могли найти ни следа острова Томпсон. Остров остается загадкой. Сообщение Норриса настолько подробно, что невозможно вообще не верить в него. Поэтому следует предположить, что: 1) Норрис принял за остров айсберг, 2) его компас безбожно врал, 3) остров когда-то существовал, а потом исчез. Мне представляется наиболее вероятной теория айсберга, потому что в некоторых условиях черные морены могут напоминать скалы и острова».

Доктор Э. Н. Радмоуз Браун, один из первых исследователей Антарктики, указывает, что нанести на карту остров легче, чем стереть его с нее. Он говорит: «Я знаю одного капитана, который двадцать лет плавает среди льдов. Однажды он свернул с курса и потерял целый час, надеясь удостовериться, что неясная тень на горизонте была ледяной горой, а не новым островом». Сам Браун не мог, однако, дать объяснения странному сообщению капитана Норриса о двух островах в том месте, где сейчас существует только один.

Глава семнадцатая

ЗАНЗИБАР И АРАБСКИЕ ОДНОМАЧТОВИКИ

Щедрой рукой разбросаны острова с восточной стороны Африканского континента по теплой глади Индийского океана. В годы моих юношеских путешествий мне посчастливилось увидеть здесь великолепный коралловый остров Занзибар. Я вновь посетил его много лет спустя и не пожалел об этом.

Занзибар остался в моих воспоминаниях одним из самых удивительных мест в мире. Рассказывают, что путешественники сходили на берег острова утром только для того, чтобы совершить небольшую экскурсию, но уже днем посылали на корабль за багажом. Цивилизация не может изменить характер Занзибара. Что-то таинственное все еще есть в домах, которые были свидетелями нашествий, рукопашных схваток на улицах, видели на своем веку и пиратов, и рабов в кандалах, и караваны Ливингстона и Стэнли. За каждым углом еще одна страница истории Занзибара — острова головорезов.

Под красным флагом занзибарского султана живет самый космополитический остров в мире. Белые, черные, коричневые и желтые — все смешалось здесь в пестром клубке. Население Занзибара строго разделено: суахили¹, арабы и индийцы. Их легко отличить друг от друга. Все местные африканцы от Сомали до Мозамбика — суахили, правда, на Занзибаре они представлены в более смешанном виде, чем на континенте, — ведь рабов доставляли сюда из самых отдаленных уголков Африки.

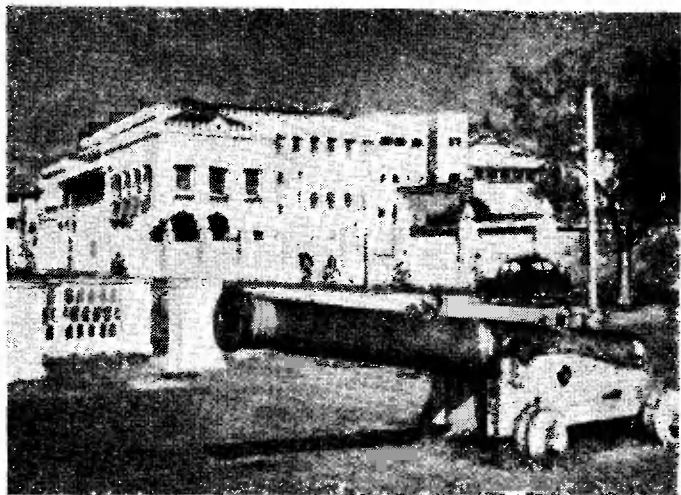
Вот описание суахили, оставленное Марко Поло: «Завитые в кольца волосы, отсутствие растительности на лице, типичная негроидная раса — вот каковы суахили, которые говорят на мелодичном языке. Если вы умеете говорить на суахили, вы можете пересечь всю Африку и почти всегда найдете применение языку. В языке суахили много заимствований из французского, португальского, арабского, даже английского, правда странно измененного»².

Суахили любят подражание. Для них это вполне естественно. Мужчина с одинаковым удовольствием наденет и европейский пиджак и арабский бурнус. Многие женщины-суахили носят черные покрывала из хлопчатобумажной ткани, как это делают арабские женщины, но лица при этом оставляют открытыми. Суахили — мусульмане. Все они любят музыку и танцы. «Когда вы играете на флейте на Занзибаре, танцует вся Африка до самых Великих Озер».

Пересекая бухту, вы попадаете в Нгамбо — большую деревню, застроенную домиками из известняка с крышами из пальмовых листьев. Это суахильский квартал Занзибара. Говорят, что над островом витают два неотъемлемых друг от друга запаха — акул и

¹ Суахили, в асуахили — народ в Восточной Африке, населяющий побережье Кении, Танзании и частично Мозамбика, а также некоторые близлежащие острова. Название «суахили» существует приблизительно с XII в.; произошло от арабского слова «сахель» — «берег» и означает «береговые жители». — *Прим. ред.*

² Основной словарный фонд языка суахили общепантуского происхождения, но в его словарном запасе много заимствований, главным образом из арабского языка, в меньшей степени — из персидского, турецкого, индийского и португальского. Заимствования из английского и (в меньшей степени) из французского характерны для современной лексики. — *Прим. ред.*



За каждым углом еще одна страница истории Занзибара

франгипанни (жареных лепешек). В Нгамбо запах акул забивает все остальные. Взывая к покупателям, по улицам бродят живописные торговцы. Они носят горшки с горячими углями, из которых поднимается легкий дымок с характерным запахом кофе. К кофе здесь подают сушеную акулу, несколько бананов или фиников — вся еда обойдется в один пенни. Ночью на улицах звучат тамтамы. Женщины ритмично двигаются при свете факелов, самозабвенно исполняя танец «лелемама».

На Занзибаре всегда можно встретить арабов из Омана. Высокие и невозмутимые, они владеют большими участками земли и принадлежат к местной аристократии. Светлокожие, с тонкими чертами лица и черными бородами, эти люди словно сошли со страниц исторических преданий — великодушные хозяева, живущие в коралловых домиках с запертыми ставнями, владельцы таинственных гаремов, преподносящие случайным гостям роскошные подарки. По будням они ходят в белых тюрбанах, длинной светлой одежде «канзу» и сандалиях. Нередко их можно увидеть и в более экзотическом наряде: сверкающих головных уборах, с роскошными кинжалами, заткнутыми за сереб-

ряные пояса. Неимущие арабы работают на Занзибаре портовыми грузчиками, плетут корзины, носят воду.

Серебро и золото — внешние признаки процветания богачей и бывших завоевателей Занзибара, по которым они отличаются от остального населения.

Среди индийцев, населяющих Занзибар, представлены почти все секты и касты, известные в самой Индии. Представители индуистской и мусульманской религий соперничают в торговле, но мирно уживаются друг с другом. Здесь и состоятельные парсы, и изящные индийцы из Гоа — они обычно служат поварами в европейских домах, и тонконогие кули со своей неизменной ношей.

Сингалы — ювелиры и ремесленники, превосходно обрабатывающие черепаховую и слоновую кость, черное дерево и золото, — живут уединенно. В квартале Малинди пропивают свои рупии и затевают драки темнокожие моряки с «доу» — одномачтовых арабских судов с треугольным парусом, что приходят сюда из Персидского залива. Путешественник, ненадолго сошедший на берег, за время короткой прогулки встретит сирийцев и конголезцев, абиссинцев и нубийцев, японцев и китайцев, сомалийцев, представителей Южной Африки, Маврикия и Сейшельских островов, Мадагаскара и Турции и даже таинственных пришельцев с Коморов, которые называют себя арабами, но говорят на языке банту.

На острове всего несколько сот белых, но и среди них представлены все европейские нации. Когда на Занзибаре звонишь по телефону, можно не знать номера, достаточно сказать только: «Пожалуйста, мистера Смита». А если телефон не ответит, то телефонистка скажет: «Его нет дома, обычно он в это время в клубе, я сейчас соединю».

Европейцы живут с удобствами. Как правило, каждый день на Занзибар приходит пароход, так что остров не теряет постоянного контакта с миром. Электрические фонари освещают улицы, словно сошедшие из сказок «Тысячи и одной ночи». Поло, гольф и теннис скрашивают жизнь, хотя Занзибар особенно популярен своими пляжами и рыбалкой. За небольшую плату белый может снять огромный арабский дом с кокосовыми пальмами в саду и порталом, напоминающим вход в крепость.

Занзибар всегда привлекал людей, которые были готовы начать любое прибыльное дело, не задумываясь о последствиях. Один авантюрист взялся как-то построить дворец для занзибарского султана. Строительство шло своим чередом, но, прежде чем навели крышу, пошли дожди, и роскошные восточные колонны рухнули как карточный домик. Однако тот же подрядчик вновь рискнул возвести дворец. Эта попытка выглядела более удачной, и дворец стоял до тех пор, пока султан не повздорил с английским флотом. Обстрел военных кораблей превратил его в руины.

Много лет назад американская компания предложила султану проект строительства железной дороги. В услугу за предоставленную концессию она бралась оборудовать его дворец электрическим освещением и кондиционированным воздухом. Султан согласился на это заманчивое предложение. Пожалуй, это была самая короткая железная дорога в мире. Линия начиналась от дворца, вела прямо к базару, бесцельно петляла среди бесчисленных аллей, потом выходила на открытое пространство, заканчиваясь через семь миль на гвоздичной плантации, носящей какое-то невероятно странное название — Бубубу. Были учреждены должности управляющего дороги и его заместителя — обе с высокими окладами. Каждый день поезд с открытыми вагончиками вез на работу довольных рабочих, а вечером, удовлетворенно попыхивая, возвращал их в город.

Если кто-либо из белых боссов намеревался совершить путешествие по железной дороге в Бубубу (больше, конечно, ради любопытства, нежели по деловым соображениям), об этом давали знать заранее. В специальный вагон ставили кресла, и поезд дожидался, иногда по часу и по два, пока важный посетитель не спеша шествовал к станции.

Однажды один из занзибарских железнодорожников проводил отпуск в Англии. Он обратился к крупной английской железнодорожной компании с просьбой предоставить ему бесплатный проезд по дорогам — акт вежливости, который часто оказывают по отношению к сановным представителям иностранных железных дорог. Такое право ему было предоставлено. В благодарственном письме чиновник заверил, что англичане смогут воспользоваться теми же привилегиями

на Занзибаре. Теперь железнодорожная линия на Бубубу закрыта, так что таких взаимных актов вежливости более не предвидится.

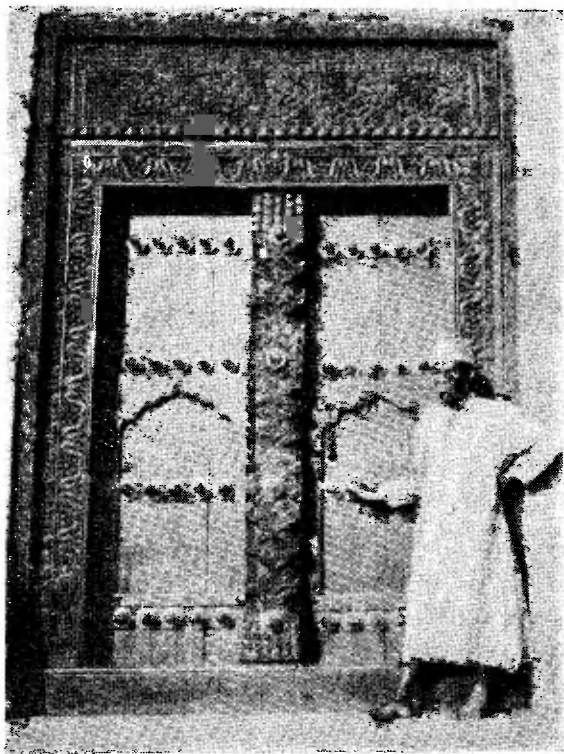
Каждый, кто когда-либо бродил по улицам Занзибара, непременно останавливался и восхищался массивными дверями старых домов из ракушечника. Двери эти, украшенные богатой резьбой, захватывают воображение и неизменно привлекают внимание. Издан приказ султана, согласно которому двери нельзя изымать из зданий и экспортировать с острова. Это — мудрое постановление, иначе Занзибар утратил бы свое средневековое обаяние. Не каждый понимает знаки резных дверей, символику их древних росписей. Да и большинство островитян, пожалуй, не видит теперь в этих орнаментах ничего, кроме затейливых украшений.

А ведь главная дверь старинных занзибарских построек должна была обеспечивать суверенным арабам процветание и защиту их хозяйства. Вначале появлялись украшенные резьбой двери и рамы и лишь потом — сам дом. Резьба имеет на всех домах некоторые общие элементы: лотос, розетку и финиковую пальму. Каждый из них или все сразу присутствуют в старинном оригинальном орнаменте. Повсюду на дверях можно увидеть рыбу, какую-нибудь разновидность граната или ананаса.

Ладан считался символом воды. Все остальные символы говорили о плодородии. Может быть, они были привнесены из Египта и Сирии, где поклонялись богине-рыбе. Волнистые линии также означают воду. Цепочка, вырезанная по периметру всей двери, дает представление о безопасности дома, а в наши дни напоминает о тех цепях, которые были в ходу, когда Занзибар представлял собой невольничий рынок.

Большие медные наконечники и шишки скопированы с индийских, где двери должны были выдерживать атаку боевого слона. Вот уже почти две тысячи лет с муссонами на Занзибар приезжали люди из Аравии, Индии и из портов Красного моря. Все эти иноземные влияния можно проследить по мотивам резьбы дверей в коралловом городе.

Эти великолепные двери сработали мастера — арабы и суахили. Но уже тридцать лет назад техника эта была утрачена, и, хотя индийцы пытались продолжить традицию, они значительно уступали в мастерстве



Эти великолепные двери сработаны мастерами — арабами и суахили

своим предшественникам. Индийскую дверь сразу же распознаешь по арке, в то время как старые двери обязательно сохраняли прямоугольную форму.

Когда я в последний раз был на Занзибаре, мне предложили за тридцать фунтов купить дверь, очевидно позднюю имитацию арабской. Как я уже упоминал, подлинные старинные предметы вывозить не разрешается, хотя мне и приходилось слышать рассказы о воротах, украденных ночью и спрятанных на стоящих в гавани пароходах.

Люди, изготавливающие двери, делали знаменитые занзибарские сундуки, которые в наши дни уже трудно найти. В конце XIX века прекрасный сундук с тяже-

лыми латунными накладными украшениями можно было еще купить за сорок шиллингов. В наши дни вам повезет, если вы приобретете такой сундучок за цену, всего лишь в двадцать раз превосходящую первоначальную. Арабские женщины хранили в них драгоценности. Сундук всегда имел потайное отделение, и, когда в замке поворачивался ключ, звонил колокольчик. Мне как-то предложили обнаружить тайник в сундучке, но я так и не смог этого сделать. Думаю, что тут неудачу потерпели бы даже таможенники. После моих бесплодных попыток владелец сундучка вытащил перегородку между двумя ящиками. Именно здесь находился незаметный желобок, где можно было хранить жемчужное ожерелье или драгоценности, принадлежавшие некогда целому гарему.

Такой старинный сундучок разрешается увезти с острова, если вам удастся убедить арабского торговца продать его. Но гигантские ворота, как им и положено, остаются на местах, повествуя своими украшениями всем прохожим не только о мастерах прошлого, но и о древней истории Занзибара вообще.

«Странные посудины,— сказал как-то один торговец, с которым мы сидели за столиком.— Приходят с северо-восточным муссоном, потом снова уходят, и никто толком не знает зачем».

Большие лайнеры стояли на рейде Занзибара, вырисовываясь темными теньями на малиновом фоне заката, а мимо них скользили доу, поворачивая через фордевинд к большой якорной стоянке на Малинди. Горячее, наполненное гвоздичным ароматом дыхание материкового бриза колебало их ветхие паруса. Команда пела хором какую-то старинную песню, которую вот уже две тысячи лет разносят муссоны над грядью Индийского океана.

Доу каждый год приходят из Индии, Аравии, из Персидского залива. Первые португальские мореплаватели, которые искали морской путь в Индию, обнаружили, что они пересекали океан, доходя до самого Мозамбика. Именно от арабских шкиперов Птолемей получил информацию, позволившую ему составить знаменитую карту Восточной Африки. Эти скитальцы морей веками сохраняли конструкцию своих судов.

Именно на кораблях подобного типа армия Александра Македонского прошла свой путь от Карачи до Месопотамии.

Мне очень хотелось попасть на борт океанского доу, чтобы выведать его секреты. Как-то целая флотилия их стала на якорь в зеленых водах занзибарской гавани. Я пробрался на парусник, с которого столбом подымался небольшой дымок — горели дрова. В отблеске красного пламени я увидел величавого старика в зеленом тюрбане, с тонкой бородкой. Все лицо его было изборождено морщинами; он сидел, поджав ноги, и курил наргиле после вечерней трапезы. «Как мы находим дорогу? — произнес он. — Иногда это совсем легко. Мы хорошо знаем берега — предки приходили сюда из Маската за много лет до нас... Над нашей головой вселенная, набитая звездами. Мы знаем звезды жаркого сезона и звезды холодных дней. Они всегда появляются в определенных местах, и это соответствует положению корабля. Такой-то порт лежит под той звездой, такой-то остров — под этой. Если мы далеко в море, а небо закрыто тучами — беда. Найдем сушу, когда снова появятся звезды. А ведь есть еще и солнце. Зачем компас, когда солнце укажет дорогу? Мы не спешим».

Моряки с доу — восточные викинги. Суда их, подобно древним ладьям, не имеют укрытия, за исключением небольшой высокой кормы. Они несут маленькие треугольные и большие плетеные паруса. Главная мачта слегка наклонена вперед. Меня всегда удивляло, как она выдерживает большие нагрузки: ведь весь ее старый такелаж из кокосового мочала всегда изношен. Когда видишь судно вблизи, оно производит впечатление антикварного экспоната. Лишь на немногих доу сохранилась краска. Из широких щелей между досками несет тяжелым запахом дельфиньего или рыбьего жира и известки. Бушприты некоторых доу украшены резьбой, а часто на них еще изображены и глаза, как это принято на всех китайских джонках. Грубо вырезана прямоугольная корма. Тяжелый руль, подобный тому, который, наверное, еще Ной мастерил для своего ковчега, удерживается кляпом.

Я видел, как делают доу. Это длительный процесс, требующий большого искусства. У арабского плотника немного инструментов, но он мастерски владеет ими,

особенно теслом. Хорошую древесину вывозят из лесов Восточной Африки. Твердые, крепкие бревна — лучший материал строителей доу. Большое доу состоит из двух корпусов, пространство между которыми заполняется известью, чтобы сделать судно водонепроницаемым. Если даже шкипер ошибется и судно налетит на коралловый риф, доу не затонет.

В некоторых доу при постройке не использовалось ни одного гвоздя. Каждая планка, каждый кусок дерева, палубные надстройки и стрингера укрепляются деревянными колышками. Этот метод и обеспечивает столь долгую жизнь судну, в котором нет ржавеющих железных элементов. Вся оснастка доу: фальшборт, румпель, крепежные планки, рангоут — массивная. Стоит только ступить на борт и посмотреть на мощный шпангоут, как сразу становится ясно, почему доу так низко сидит в воде. Да и само судно очень крепкое. Оно имеет хорошие мореходные обводы, мощную носовую часть, бимс и корму, которую не захлестывают встречные волны. Некоторые доу, которые я видел на Занзибаре, достигали не менее ста футов в длину. На них можно было пускаться в кругосветное плавание. Когда видишь судно с тугими парусами, наполненными пассатом, и изящным форштевнем, отбрасывающим белую пену изумрудного моря, оно вовсе не кажется старомодным.

И все же плавание на доу представляет собой предприятие, которое переносит нас к заре освоения океана. Эти бывалые, прошедшие горнило всевозможных приключений суда Индийского океана несут с собой запахи всех грузов, которые им когда-либо приходилось перевозить: ладана и кожи, кофе и слоновой кости, ковров и фиников, тканей, риса, губок. Все это кучами сваливается на открытой палубе, а сверху сидят пассажиры с багажом. На доу всего несколько бочек с водой, но шкиперов, похоже, это волнует мало, и они редко подходят во время плавания к большим кораблям, чтобы пополнить запасы свежей воды. А если и подойдут, то скорее чтобы попросить табака или чего-либо в этом роде.

На доу просто решается и проблема еды. Пищу готовят в железном ящике, наполовину заполненном песком. Сама же команда может, кажется, бесконечно жить на диете из занзибарских апельсинов, риса, фи-

ников и сушеного акульего мяса. Ночью на борт попадают летающие рыбы, привлеченные светом фонарей; иногда ловят черепах, заснувших на воде.

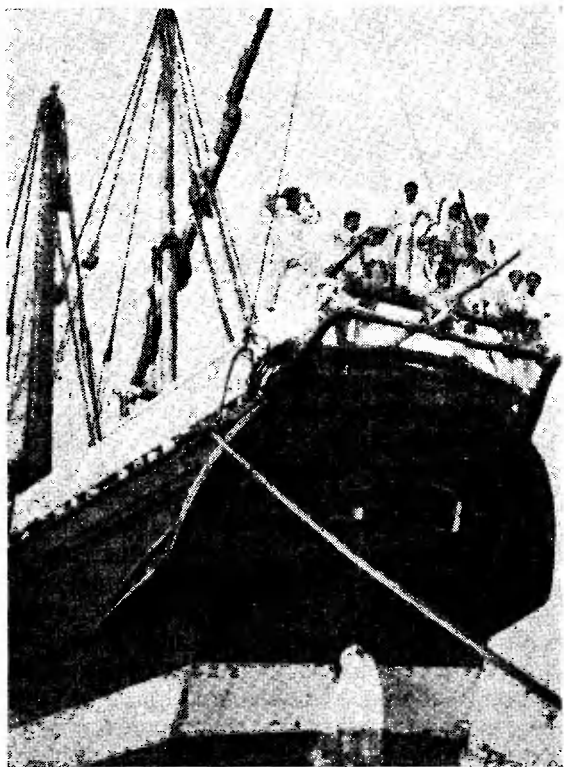
Безмятежное существование команды никогда не нарушают такие авралы, как мытье палубы или надраивание медных частей. Арабских моряков не пугает длительность рейса. Их пословица гласит: «Не считай дней месяца, которые тебя не касаются». Каждое утро, когда солнце еще не показалось на горизонте, раздается призыв к молитве: «Аллах Акбар!». А вечером, чуть солнце коснется синей кромки воды, капитаны снова превращаются в мулл. Все поворачиваются лицом к Мекке, падают на палубу, касаясь досок лбом, и молятся на коленях, пока не будут произнесены последние слова: «Мир вам, хвала аллаху!»

У этих бесстрашных моряков своя философия. «Нет чертей, кроме тех, которые выдуманы», — говорят они. И все же циклоны год за годом уносят в пучину немало доу. Гвардафуй³, зловещий мыс, который еще в конце XIX века считали «неизведанным рогом Африки», имеет на своем счету целые флотилии доу. Дело в том, что конструкция судна не позволяет идти против ветра и ему не всегда удается уклониться от встречи с прибрежными скалами, особенно если они окажутся с подветренной стороны. Большинство доу по ночам не зажигает красных и зеленых навигационных огней, так что они часто становятся жертвами столкновений с пароходами. Некоторые погибают в открытом море.

В наши дни владельцы доу в поисках прибылей обратились к добыче жемчуга. Даже в том смешанном запахе, что витает над доу, стоящими на якорю, всегда без труда распознаешь, какое судно занимается добычей раковин. Затхлый запах разложившихся ракушек не оставишь за бортом.

Некоторые из устричных отмелей, которые разрабатываются моряками, хорошо известны; другие, напротив, лежат в лагунах малоизвестных островов, и разузнать их местонахождение непросто. Чтобы найти драгоценную раковину, используют примитивную модель «подводного глаза» — стеклянную чашу или воронку со стеклянным дном, с которой опускаются в воду.

³ Гвардафуй — мыс на восточной окраине полуострова Сомали. — *Прим. ред.*



Старые торговые доу процветают в век турбин и теплоходов

Арабы — неплохие ныряльщики, но лучше всех ныряют сомалийцы, превосходно сложенные ловцы с развитой грудной клеткой. Они погружаются в воду обнаженными, зажав ноздри, с камнями для балласта в руках. Если в этом месте не появятся акулы, если руку пловца не захватит гигантский моллюск и если устричная отмель богата, то команде доу будет с чем появиться на жемчужном рынке Занзибара.

Так что, как это ни удивительно, старые торговые доу процветают в век турбин и теплоходов. Я как сейчас вижу перед собой этих викингов Востока. На гроте доу колышется флаг занзибарского султана, муссон

перебирает своими сильными пальцами громадные квадратные паруса и направляет бег судна к гаваням далеких островов.

Глава восемнадцатая

НА МАСКАРЕНАХ

Из Занзибара я отправился на Маскаренские острова (Реюньон, Маврикий и Родригес)¹, названные так по имени первооткрывателя Педру-ди-Машкареньянша².

На Маврикий полмиллиона жителей. Это большой остров площадью более семисот квадратных миль, в его лесах обитает десять тысяч диких оленей. Однако для тех, кто решил уйти подальше от мирских тревог, Реюньон и в особенности Родригес подходят как нельзя лучше.

Но я не разочаровался и в знакомом мне Маврикий. Иногда создается впечатление, что вы попали во Францию XVIII века. Кого только здесь не встретишь: лондонских полицейских, китайских лавочников, рабочих-индийцев. Все темнокожие островитяне говорят на так называемом креольском наречии. Это смесь французских, голландских и английских слов, которая к тому же благодаря рабам-африканцам построена на основах грамматики банту. И, несмотря на то что Джозеф Конрад³ пережил здесь неудачную любовь, он назвал этот сахарный остров «жемчужиной, источающей сладость для всего мира».

Порт-Луи — столица острова. Это душный восточный город, приправленный тем французским ароматом, который, видимо, никогда не покидал его с тех пор, как остров находился под французским владычеством. Полуголые индийцы сидят над чашечками с рисом, ти-

¹ Остров Маврикий вместе с островом Родригес в Маскаренском архипелаге и островами Чагос, Кардагос-Карахес и Агалета до получения независимости 12 марта 1968 г. был колонией Великобритании.— *Прим. ред.*

² Педру-ди-Машкареньянш открыл Маскаренские острова в 1507 г.— *Прим. ред.*

³ Конрад, Джозеф (настоящая фамилия — Юзеф Крженевский) (1857—1924) — английский писатель польского происхождения, автор приключенческих романов.— *Прим. ред.*



Порт-Луи — столица острова Маврикий

хие китайцы в белых европейских костюмах маячат у дверей, на которых висят бумажные фонарики; по улицам ходят китайки в черных широких брюках, с непокрытой головой. Но вот появляются отштукатуренные фасады домов — и перед вами снова Франция. Когда изящные черные лайнеры линии «Мессажери Маритим» высадят на берег своих пассажиров, Порт-Луи превращается как бы в маленький Париж.

Повсюду слышны крики муэдзинов, по улицам шествуют праздничные процессии индусов, участники которых несут огромных идолов. Китайцы, сложив руки, молятся перед изображением Конфуция.

В Духов день здесь выходят на улицы и католики. Епископ в мантии и митре возглавляет толпу темнокожих мальчиков-хористов. А там, где с флагштока резиденции губернатора свисает английский флаг, можно обнаружить и следы Британии.

Когда на машине добираться по извилистой горной дороге из Порт-Луи в Памплемусс, временами кажется, что ты попал в Индию. Те же плодородные земли, те же земляные хижины, которые рушатся словно карточные домики, когда начинается циклон, те же

перенаселенные дома. Всюду растут сахарный тростник, веерные пальмы, дыни и казуарины⁴, панданус⁵ и зелено-желтые алоэ, в каждом доме бамбук. С кряжистых деревьев, подобно гигантским зеленым губкам, свешиваются плоды хлебного дерева. Лианы обвили стволы фиговых деревьев. Выше, в горах, начинаются заросли папоротников и чащи горного бамбука. Свежий воздух наполнен тяжелым запахом опавших листьев. Нетрудно понять, почему тысячи индийцев переселились в Памплемусс. Здесь все для них привычно.

Маврикий — остров красивых названий. Деревни здесь именуют «Прекрасная Роза», «Большая Розали», «Золотистая Пудра». Там, где кончается дорога, ведущая через многие акры сахарного тростника к Курепипе, перед вами открывается водопад Тамарин⁶ — семь kloчочущих, сверкающих серебром ступенек, спускающихся к морю по глубокому ущелью. В чудесном районе Саванны на песчаном пляже Суйлак стоят маленькие полосатые купальные кабинки — это маврикийский Довиль⁷. Дорога карабкается вверх, совершая головокружительные повороты, и вот перед нами одно из чудес острова — цветные пески Шамарель. Это небольшой холм площадью всего в один акр, окруженный густым кустарником. Пески напоминают застывшие волны, но каждая из них окрашена живыми яркими оригинальными красками: оранжевыми, розово-лиловыми и синими. Возьмите горсть песка и бросьте его в соседнюю впадину — песок, как хамелеон, переменит цвет: зеленое станет красным, желтое растворится в пурпурном.

Однажды вечером я с проводником отправился в китайский квартал Порт-Луи. Друзья предупредили, что здесь я могу заразиться бубонной чумой. (На Мав-

⁴ Казуарина — очень древнее растение, безлистное, приспособленное к жизни в тропических пустынях. Родина — Австралия. — *Прим. ред.*

⁵ Панданус — род однодольных деревьев и кустарников семейства пандановых. Панданусы имеют тонкие стволы, воздушные корни-подставки и узкие листья, расположенные по густой спирали. Растут по морским побережьям, в устьях рек и в лесах. — *Прим. ред.*

⁶ Тамарин — южноамериканская обезьянка с длинной шелковистой шерстью. — *Прим. ред.*

⁷ Довиль — курортный городок на французском берегу. — *Прим. ред.*

рикии всегда где-нибудь болеют чумой.) Однако посмотреть квартал мне очень хотелось, а что касается возможности подцепить заразу, то в этих вопросах я фаталист.

На Маврикии тысячи китайцев; они привезли с собой свои обычаи, свой зеленый чай и опиум, акульи плавники и хлопущки, своих идолов, фантастические маски и театр. Если идти ночью по Порт-Луи, то кажется, что весь город спит. Улицы пустынные, только изредка встретишь бесшумно скользящего в тени индийца. И вдруг раздается звонкий лай бесчисленных китайских собачонок, за углом открываются освещенные смеющиеся улицы — это китайский квартал.

Вот лавка, известная своими лакомствами. Тут продают «бешдемер» — высушенный морской слизняк, на которого и посмотреть-то страшно; яйца, запеченные в горячем песке (китайцы считают: чем дольше они лежат, тем становятся вкуснее); какая-то мерзкая рыба, вымоченная в морской воде; осьминоги и каракатицы; апельсины, высохшие до размеров маленького мраморного шарика; имбирь, хранящийся в каменных жбанах; полоски жареной свинины, привезенные из Китая в баночках с загадочными надписями; ящички с чаем. И здесь же — шанхайский шелк, крошечные домашние туфли и сандалии, китайские свечи и хлопущки. За пятьдесят рупий вместе с резным ящичком можно купить набор ярко раскрашенных деревянных палочек из черного и сандалового дерева.

В ресторанах висят бамбуковые клетки — в них поют сверчки. Стоят горшки с кипящим маслом, кастрюли с грибами. Китайцы проворно управляют палочками для еды и наливают различные напитки черпачками из деревянных чаш. Здесь вы увидите замалчиваемый деликатес — суп из птичьих гнезд, о котором наслышан каждый, клетки с живой птицей, откуда можно выбрать себе к рису жирную пулярку, а также закажете сладкое шампанское и крепкие ликеры.

В углу — занавес из нитей с нанизанными на них шариками: он полускрывает дверь, ведущую в комнату для курильщиков опиума: тусклый свет жаровен, длинные опиумные трубки с маленькой выемкой на конце, специфический запах наркотика, фарфоровые валики-подушки, на которых забываются в дурмане наркоманы. Один француз описал мне свои ощущения от

курения опиума: «Немного опиума очищает мозг, и видишь конец всем своим затруднениям... но слишком много опиума — это уже нехорошо».

В китайских кварталах я видел женщин, которые не носили косичек и ноги их не были спеленуты. Вообще-то в Порт-Луи тысячи китайянок. Много лет назад выходцы из Китая стали брать себе в жены на Маврикии местных темнокожих женщин. Слухи об этом проникли на континент, и некий высокий таинственный сановник отдал распоряжение прекратить подобные браки. Вскоре после этого на остров прибыл пароход с китайскими девушками. Теперь в этих кварталах не встретишь никого, кроме китайцев.

В китайском театре я видел драму, которую играли на китайской сцене уже тысячу лет; это представление с медленно развивающимся сюжетом и скрупулезной детализацией сцен. Сначала в игру вступает оркестр ударных инструментов. В конце каждой реплики цимбалист звенит своими медными тарелками. Другой оркестрант извлекает звуки из ксилофона. Была здесь и скрипка, но корпус ее представлял собой квадратную коробочку, а смычок — длинную ручку со шнурком. Флейта в оркестре до странности напоминает волынку. Иногда музыкант вставал, снимал жилетку и в нужный момент со всей силой ударял в цимбалы. Запыхавшись от чрезмерных усилий, то один, то другой музыкант покидал свое место и возвращался назад с чашкой чая.

Меня очаровали раскачивающиеся фонарики, большие свитки с изящной живописью, флаги, расшитые золотом и серебром, яркие накидки, разукрашенные павлинами и разбросанными там и сям сверкающими брызгами бус, пламенные костюмы, стянутые на поясе богато украшенными обручами, замысловатые головные уборы. А на полу раскинуты ковры ярко-желтого, какого-то королевского цвета. Стоят экраны из богатой материи, расписанные изрыгающими огонь драконами. Помимо звуковой речи, отличающейся резкими перепадами тонов, у китайцев есть еще и язык цвета. Жизнь движется здесь в медленном темпе, но она не монотонна.

Из-за оркестра тихо выступила девушка. Ее оливковая кожа чуть тронута белой пудрой. Одета она совсем по-восточному. Я никогда не подумал бы, что китайская девушка может быть так красива. Прелестный

себе отчета в том, что эта странная птица, которая одолжила свой образ для литературы, вообще когда-либо существовала на земле. Я видел кости дронта в музее Порт-Луи. Дронт — довольно неуклюжая птица величиной с гуся внешне напоминает гигантского бегающего голубя (археолог, доктор Роберт Брум считал южноафриканского зеленого голубя Деланда родственником дронта). На островах, где у птиц нет естественных врагов и им не нужно пользоваться крыльями, они со временем начинают терять оперение. Потом появляется человек, и дни таких птиц сочтены.

Дронт, пожалуй, смог бы жить и дольше, потому что коки голландских судов, те, что захватили Маврикий, не знали, можно ли употреблять в пищу эту невкусную птицу, с жестким мясом. К сожалению, корабли завезли на остров свиней, которые давили яйца дронтов, а также кошек и собак, уничтожавших старых и молодых птиц. Кроме того, их истребляли моряки, которым не терпелось отведать свежего мяса. Последние дронты еще встречались в 1681 году в удаленных уголках острова, но к 1683 году все они были целиком истреблены. Во время путешествий по острову я слышал любопытную легенду, рассказывающую о том, что дронты якобы еще попадают высоко в горах в глубине острова. Боюсь, однако, что дронта не удастся более обнаружить, так как неожиданно в Новой Зеландии была найдена совершенно новая птица — гуйя. Дронтов не видели на Маврикии вот уже более двухсот пятидесяти лет.

Однажды я держал в руке яйцо дронта. Оно принадлежало мисс Кортиней Латимер из Ист-Лондона (Южная Африка). Некоторые зоологи рассматривают это большое кремовой окраски яйцо как самый важный экспонат для своей науки. Оно стбит, должно быть, на сотни фунтов дороже, чем бледно-зеленое яйцо большой гагары или ископаемое яйцо цвета слоновой кости мадагаскарского эпиорниса¹⁰, самой большой птицы древнего мира. В самом деле, пожалуй, единственным яйцом, которое не уступило бы яйцу

¹⁰ Мадагаскарский эпиорнис — ископаемая бескрылая страусообразная птица. Вымерла в XVII в. Рост эпиорниса достигал 5 м. — *Прим. ред.*

дронта, могло бы стать целое яйцо моа¹¹. Осколки таких яиц обнаружены в пещерах Новой Зеландии. За них платили большие деньги, но целого яйца моа пока еще не находил никто.

Кости дронта не такая редкость, как его яйца, хотя они и принадлежат к ценнейшим научным находкам. Я благоговейно взирал на скелет дронта в Порт-Луи. Думаю — это единственный скелет вымершей птицы. В конце XIX века несколько костей дронта, найденных в местных болотах, были посланы в Англию. Эксперты под руководством сэра Эдварда Ньютона восстановили и воссоздали два скелета; один безупречный экземпляр для островного музея и второй, почти столь же совершенный, — для себя.

Период французского владычества на Маврикии отмечен загадочной личностью по имени Этьен Ботино, секрет которого так никогда и не был раскрыт. Дело в том, что Ботино всегда знал заранее, когда то или другое судно прибудет на остров.

На почте Порт-Луи хранятся старые судовые регистры. Подобно многим другим изумленным посетителям, я просмотрел эти книги, датированные 1778—1782 годами, и нашел записи, в которых предвиделось прибытие почти шестисот кораблей. И каждый раз их приход (самый большой разрыв между предсказанным и действительным сроком составлял четыре дня) подтверждался подписями ответственных портовых чиновников.

Ботино был морским офицером, впервые прославившимся на Маврикии тем, что выиграл пари, указав точное число дней, в течение которых судно достигнет Порт-Луи. Позднее никто уже не пытался держать с ним пари, потому что Ботино почти никогда не ошибался. Он предложил продать свой секрет за большую сумму. Тогда французский морской министр распорядился вести точный регистр и проверить предсказания Ботино за два года. После этой проверки виконт де Суйлак, губернатор острова, предложил Ботино десять тысяч ливров и пенсию в тысячу двести ежегодно, если тот откроет свой секрет, но офицер отказался.

¹¹ Моа — вымершая новозеландская птица из отряда страусовых. — *Прим. ред.*

Самым крупным успехом Ботино было его сообщение о флотилии в составе одиннадцати кораблей, приближавшейся к Маврикию. Это произошло в то время, когда Франция и Англия находились в состоянии войны. Поскольку эта флотилия скорее всего была английской, на разведку выслали шлюп. Но шлюп еще не успел вернуться, как Ботино уже поспешил к губернатору и объявил, что флотилия изменила курс. Вскоре из Вест-Индии пришло судно, моряки которого видели, как в направлении Маврикия шло одиннадцать английских кораблей. Все эти показания были надлежащим образом зарегистрированы, о чем на острове имеются соответствующие документальные подтверждения.

Слава пророка побудила Ботино в 1784 году вернуться во Францию, где он намеревался получить должное вознаграждение за свои способности. Во время путешествия он повергал в изумление капитана, предсказывая появление встречных судов. Однажды этот человек-радар предупредил капитана, что до земли осталось не более тридцати лиг. «Капитан сказал, что этого не может быть,— писал Ботино.— Однако, внимательно просмотрев свой расчет курса корабля, вынужден был признать, что допустил ошибку, и тотчас изменил курс. Я определял землю трижды в течение пути, один раз на расстоянии ста пятидесяти лиг».

Ботино довольно холодно приняли в морском министерстве Парижа. На расстоянии многих тысяч лиг от Маврикия, где прославился Ботино, заслуги его быстро забыли. В поисках рекламы он обратился к газетам, но, несмотря на свидетельства, подписанные губернатором и его чиновниками, был просто высмеян.

Знаменитый революционер Жан-Поль Марат, заинтригованный особым даром Ботино, попытался организовать подлинную проверку искусства «наускопии», как его называл сам Ботино¹². Ботино никогда не раскрывал деталей своего секрета, но он упомянул ряд принципов, которые Марат цитировал в своих письмах. «Судно, приближающееся к земле, производит определенное воздействие на атмосферу, в результате чего его приближение может быть определено опытным глазом, прежде чем оно достигнет пределов видимости,—

¹² Марат был квалифицированным физиком и увлекался электротехникой.— *Прим. авт.*

писал Марату Ботино.— Моим предсказаниям благоприятствовали ясное небо и чистая атмосфера, господствующие в некоторое время дня на Иль-де-Франс (прежнее название Маврикия). Я пробыл на острове всего шесть месяцев, когда наверняка убедился в своем открытии, и оставалось только набраться опыта, чтобы наукопия стала подлинной наукой».

Бедняга Ботино довольно точно предсказал и судьбу своей миссии в Париже. Он закончил призыв к правительству словами: «Если раздражение и разочарование станут причиной моей кончины, прежде чем я смогу объяснить свое открытие, то мир лишится на некоторое время познания искусства, которое сделало бы честь восемнадцатому веку».

Жаль, что Ботино отказался от десяти тысяч ливров и пенсии, предложенных ему губернатором. Это, возможно, помогло бы разрешить тайну, которая поражает каждого, кто просматривал страницы с записями, несомненно подтвердившими искусство Ботино. Я читал показания очевидца — де Суйлака, отрывок из которых привожу: «С тех пор как началась война, он нередко делал свои заявления, достаточно точные, чтобы произвести сенсацию на острове. Мы беседовали с ним относительно реальности его науки; отмести все это как шарлатанство было бы нечестно... Мы можем подтвердить, что М. Ботино почти всегда оказывался прав».

Таким образом, до сих пор неизвестен секрет искусства Ботино, хотя существует несколько теоретических объяснений на этот счет. Один исследователь полагал, что предсказания Ботино порождали возникающие в тропиках миражи. Другая версия основывается на телепатической связи между Ботино и соответствующими субъектами на приближающихся судах.

Я не склонен видеть объяснение в простых совпадениях. Их было слишком много — в течение длительного времени. Мне представляется, что Ботино был одарен тем даром прозрения, которым обладают бушмены и некоторые другие африканские народы. Он мог «читать» такие слабые сигналы, которые люди обычно не различают.

Было бы странно предположить, что дар Ботино был не известен ни до, ни после него. В конце концов существовали же люди, которые гадали по воде или

обладали другими способностями, лежащими вне пределов чувственных восприятий человека. Я, например, совсем не был удивлен, когда прочел в одном солидном лондонском журнале об африканце, который в конце XIX века жил на острове Теркс¹³ в Вест-Индии. Каждый год он предсказывал своим соплеменникам время прибытия парусных шхун, идущих из Ньюфаундленда с грузом соленой рыбы. Этот африканец всегда носил с собой какой-то предмет наподобие бамбуковой арфы и уверял, что от шхун исходят воздушные волны, которые можно обнаружить по звукам, возникающим в расщепленном бамбуке.

Может быть, и среди нас живет Ботино, который когда-нибудь расстанется со своим секретом, не потребовав за это десяти тысяч ливров.

Когда я плыл с Маврикия к Дурбану, один из пассажиров предложил мне взглянуть на редчайшую марку в мире. Это был умный коллекционер, который обладал способностью отыскивать ценные марки в самых отдаленных уголках земного шара. На Маврикии он побывал везде, где только можно, и в конце концов все-таки разыскал эту марку. Он, правда, получил ее не в подарок, но марка все равно была приобретена за ничтожную часть своей подлинной стоимости. Коллекционер рассказал мне историю марки и своих поисков.

Это была одна из первых марок, выпущенных на островах или в британских колониях. Эскиз ее по просьбе жены губернатора гравировал часовых дел мастер. Дело в том, что губернаторша давала бал и намеревалась посылать приглашения по почте на визитных карточках с маркой. Сделать это было непросто. Шел 1847 год, и даже в самой метрополии почтовые марки появились всего лишь семь лет назад.

Часовщик Бернард выгравировал в одном углу медного клише для визитных карточек марку достоинством в одно пенни, а в другом — в два пенни. Марки походили на первые английские. На них была изображена голова королевы Виктории и надпись «Маврикий». На марке полагалось сделать отметку об оплате

¹³ Теркс — остров, входящий в состав Ямайки.— *Прим. ред.*

почтового сбора, но Бернард по ошибке написал два слова: «почтамт Маврикия». Марка в одно пенни была оранжево-красного цвета, в два пенни — темно-синяя.

После бала ошибку обнаружили, и оставшиеся марки изъяли из обращения. Не осталось никаких письменных свидетельств, по которым можно было судить, сколько марок было напечатано или сколько приглашений разослано. Большинство конвертов уничтожили, так как собирание марок еще не превратилось в хобби и никому не пришло в голову, что они когда-либо станут предметом ценности. И все же каким-то образом сохранилось около дюжины этих марок. Знатный филателист, король Георг V, будучи еще принцем Уэльским, заплатил в начале века 1450 фунтов за марку достоинством в два пенни и с надписью «почтамт Маврикия». Сейчас она оценивается в десять тысяч фунтов. Несколькими годами позже один американский филателист заплатил за подержанный, исписанный конверт, на котором были обе марки, двенадцать тысяч фунтов.

Мой знакомый дал объявление о покупке старых марок в газетах Порт-Луи. Он знал, что шансы найти знаменитую марку невелики, и был потрясен, когда получил несколько ответов с предложением ее купить. Он рассмотрел все марки под увеличительным стеклом. Они были превосходны, но коллекционер подозревал подделку. Местные эксперты подтвердили его опасения.

Несколько лет назад в Порт-Луи жил один хороший художник, который от нечего делать создал копии марок с отметкой «почтамт». Моему знакомому посоветовали проверять цвет марок, смочив уголок платка. И конечно же, краска сходила. Во всех случаях, кроме единственной синей марки в два пенни, которую он и купил. Тем не менее до сих пор на Маврикия искусные мошенники изготавливают будто бы пожелтевшие от времени конверты, на которых написан адрес характерным для тех лет почерком и наклеены знаменитые марки. Когда они предлагают эти конверты туристам, разговор обычно начинается словами: «Месье, я совсем не разбираюсь в марках. Сколько бы вы дали за эту?»

В ясный день с Маврикия можно увидеть пик Снегов Реюньона, несмотря на сто двадцать пять миль,

разделяющих оба острова. Реюньон некогда был колонией, а сейчас является департаментом Франции.

По форме он похож на черепаху, по площади намного больше Маврикия. Это остров гор и водопадов, кратеров, расщелин и глубоких ущелий. Это большой цветник, на котором люди зарабатывали состояния, выжимая из герани масло для духов или выращивая ваниль. Еще большие доходы приносили сахар и ром. Но среди островитян не все достаточно трудолюбивы, и в пяти городах острова — столице Сен-Дени, Сен-Луи, Сен-Пьере, Сен-Бенуа и Сен-Поле — немало людей, живущих чем бог пошлет.

Говорят, что самая тяжелая работа на Реюньоне у лоцманов, которые проводят корабли в единственную гавань — Пуан-де-Гале. Это страшное место и, пожалуй, самое коварное в мире. Здесь затонул, например, пароход, который в дни моей юности считался одним из лучших.

У креолов на Маврикии существуют особые слова, когда они хотят обозначить цвет полотна ослепительной белизны: «бурбонский белый». Название ведет свое происхождение с Реюньона: остров некогда назывался Бурбон, а намек заключается в том, что на Бурбоне можно было встретить, например, людей с темным цветом лица и голубыми глазами. Но Маврикии подобных сочетаний вообще не существует.

Реюньон называют Афинами Индийского океана, ибо нет другого такого же небольшого острова, который дал бы миру столько выдающихся поэтов и писателей, среди которых достаточно назвать всемирно известных Делиля¹⁴ и Жоржа Дюамеля¹⁵.

При случае Франция использовала Реюньон, как и Святую Елену, в качестве тюрьмы для изоляции государственных преступников. Здесь в изгнании провел годы предводитель рифов¹⁶ Абд-эль-Керим. Пожалуй, ему повезло больше, чем Наполеону. На Реюньоне широкие возможности для передвижений, в горах здоро-

¹⁴ Делиль, Жак (1738—1813) — французский поэт и переводчик, мастер описательной поэзии.— *Прим. ред.*

¹⁵ Дюамель, Жорж (род. в 1884 г.) — французский писатель, наследник индивидуалистической традиции французской культуры, сторонник теории нравственного самоусовершенствования.— *Прим. ред.*

¹⁶ Рифы — берберы, живущие в горах вдоль Средиземноморского побережья Марокко.— *Прим. ред.*

вый воздух, да и вообще на острове можно подыскать себе климат любого типа — от тропического до континентального.

На острове имеется действующий вулкан. Геологи считают это место одним из самых интересных в мире, потому что здесь одновременно можно наблюдать и старые и новые вулканические формации, заглянуть прямо в жерло вулкана с кольцеобразным кратером диаметром в четыре мили и увидеть вулканический процесс в развитии. Правда, до сих пор вулкан вел себя весьма спокойно. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь пал жертвой его деятельности.

Бори Сен-Винсент, путешественник, посетивший Реюньон в начале XIX века, писал о гигантских угрях длиной до двадцати футов, которые водятся в местных озерах. Ему не поверили. А ведь это чистая правда. Таких угрей ловят, например, в озере «Водяная Курочка» близ Салази. В тавернах подают приготовленные из них большие бифштексы. Старый канал, соединявший озеро с морем, оказался перекрытым в результате оползня, но угри не попали в ловушку. Известно, что на пути к месту своего размножения в море они могут двигаться и по суше.

В конце XIX века, еще до покорения Маврикия, Реюньон был захвачен англичанами. По условиям мирного договора остров возвратили Франции, причем это стало возможным лишь благодаря нелепой ошибке британской делегации. Англичане были уверены, что Реюньон находится в Вест-Индии, и не придали значения этому острову.

Родригес, третий из Маскаренских островов, остался английским. Мне никогда не приходилось видеть этого самого удаленного из Маскаренских трио острова, но о нем хорошо сказал один связист кабельной службы, который прожил на Родригесе три года перед второй мировой войной: «Когда, приехав с острова, я сошел на берег в Кейптауне, городской шум обрушился на меня, словно удар в челюсть».

Этот человек рассказывал мне и о других контрастах. На Родригесе до войны не было автомобилей. Ему же пришлось ехать в Кейптаун с пристани на машине, и эта поездка стоила связисту невероятного нервного напряжения. Реюньонцу все время казалось, что водитель участвует в гонках. Но спидометр пока-

зывает всего двадцать миль в час. Еще долгое время после того, как он покинул остров, городской шум действовал на него угнетающе. На Родригесе ему доводилось слышать лишь музыкальный лепет прибоя.

Родригес в административном отношении подчинен Маврикию, управляет им магистрат. Полицейские силы состоят из сержанта, капрала и трех констеблей. Имеются государственная сельскохозяйственная станция и католическая миссия. Священники ездят по острову на лошади, единственной на Родригесе.

Столица острова — Порт-Матюрин — это деревня с двумя улицами, китайскими лавками, церковью, больницей, школой, мечетью и мэрией. Еще один поселок — Сен-Габриэль — расположен в самой высокой части острова и весь скрыт в тени деревьев. Местные жители строят дома без гвоздей, бревна стен входят в пазы друг друга, а сверху привязывается крыша из листьев. Когда на острове бушуют лесные пожары или грохочут циклоны, хижины разваливаются. Но всего за несколько фунтов можно построить новый дом, так что потеря старого — не трагедия.

Родригес — обрывистый остров длиной в девять и шириной в четыре мили, перерезанный долинами. Любая прогулка по нему — упражнение в альпинизме. Поэтому излюбленный вид транспорта здесь — лодки, плоские пироги с треугольным парусом; когда стихает ветер, жители передвигаются по лагунам среди коралловых рифов, отталкиваясь шестами. Белые на острове пользуются парусными яхтами или моторными лодками.

Жизнь на Родригесе дешева хотя бы потому, что почти не нужно тратить денег на одежду. Мужчины и женщины круглый год ходят в шортах и рубашках с короткими рукавами. Здесь всегда тепло. У каждого — сад, на плодородной почве произрастает все, что душе угодно. Круглый год зреют бананы. Местный житель за несколько фунтов в месяц может содержать семью с шестью детьми, питаясь рыбой, кукурузой, бананами, ямсом, апельсинами, рисом и говядиной. Любимое развлечение — рыбалка. На удочку ловятся камбала¹⁷, синий и желтый тунец, перокет с золотой головой, кор-

¹⁷ Автор, видимо, ошибается. Вместо «сагах» следует читать «сагах» — исп. «саганце» — вид камбалы, которая встречается в тропических водах. — *Прим. ред.*

донье и рыба-единорог. Местные жители ловят гарпунно осьминогов, которых потом высушивают и экспортируют, а рыбу — вершей. Много лет назад на остров были завезены олени, на них иногда устраивают охоту. В больших количествах водятся здесь красноногие куropатки и цесарки.

Доказано, что на Родригесе в XVI веке побывали арабы, главным образом пираты. Заходили сюда и голландские моряки: они вырезали свои имена на деревьях, сажали черепах в опустевшие клетки для кур и отплывали обратно на своих кораблях. Нередко на Родригес заглядывали команды судов, разбойничавших на богатых морских путях Индийского океана.

Родригес — это как раз такой остров, на котором зарывают сокровища. Многие просто уверены в этом. На самом же деле это еще одно место в мире, где за сокровищами не надо опускаться глубоко в землю. Богатство острова — его здоровый климат. Девяносто лет для жителя Родригеса — не предел, а нередко здесь можно встретить и столетних стариков.

Глава девятнадцатая

ОСТРОВА ВЕЛИКОГО БЕЗМОЛВИЯ

В Индийском океане, к югу от экватора и к северу от Маскаренских, лежат острова Великой Тишины. Кажется, что их закрыл тенью гигантский Мадагаскар, потому что мало кто слышал об этих маленьких островках. Попробуйте запланировать поездку туда, и предложенное туристским агентством расписание убедит вас в том, что вы отправляетесь чуть ли не на край света.

Маршруты авиакомпаний почти не затронули этих островов. Я знаю один аэродром на Маврикии, где опускаются самолеты, летящие в Австралию, но есть такие районы, где только тени от крыльев морских птиц падают на коралловые острова. А сколько таких в океане! Обычные карты не дают никакого представления об этих рифах, отмелях и атоллах. И только на морских картах они указаны все.

Вглядитесь внимательно в крупномасштабные карты южной части Индийского океана, и только под лупой вам удастся увидеть незнакомые заливы, точки кораллов, скал и рифов, названных именами великих моряков и пиратов. Здесь есть Бухта Фальшивого Галеона и Гробовой остров, Волшебный остров и остров Знаменитый. В начале XIX века два английских гардемарина были убиты аборигенами на острове, который получил название Остров Убийства. Судя по моей книге — руководству для парусников, на острове Сирены кишат крысы. И все же я примирился бы и с крысами, и с рифами, с циклонами, и с приливами, если бы мне удалось постоять на белом пляже Каскадного залива или снова взглянуть, как поднимается солнце над горой Большой Палец, гигантской скалой, доминирующей над Порт-Луи и гаванью и в самом деле напоминающей большой палец.

Какой-то более терпеливый, чем я, человек насчитал только вокруг Маврикия более двухсот островов и островков. Может быть, в этих уединенных местах и есть что-то романтическое, но для многих людей отрешенность от мира стала роковой, а нередко одиночество приводило их к преждевременной смерти. Даже в последние годы потерпевшим кораблекрушение долго приходится ждать здесь помощи. Я знал итальянского моряка, судно которого потерпело крушение на одном из коралловых островков. Это было еще до второй мировой войны, радиостанции на корабле не было, и потерпевшим пришлось ждать больше двух месяцев, пока мимо не прошел грузовой пароход и не заметил сигнал бедствия. Итальянец говорил: «Я никогда не забуду этот проклятый остров, мадонна миа, восемь недель — одни проклятые кокосовые орехи». Если уж быть откровенными, то они забрали с судна немного риса, питались рыбами и черепахами, но черепаха не всегда роскошное блюдо.

Несомненно, однако, что итальянцам повезло намного больше, чем морякам, спасшимся с французского судна «Пророк», которое сто лет назад выбросило на коралловую отмель атоллов Каргадос Карахос, где потерпевшие кораблекрушение вынуждены были питаться одними птичьими яйцами.

Коралл недружелюбен к кораблям. Там, где карты неточны, он может стать убийцей. На совести коралло-

вых рифов Индийского океана немало судов, пропадающих без вести каждое столетие. Те, кто искал прибежища на этих кусочках суши среди океана, быстро понимали, что на голых коралловых берегах слишком легко угасает искра жизни.

Мне вспоминаются обломки шхуны «Ла Креол» на острове Агалегга, обнаруженные в начале XIX века. Шхуна шла вокруг Маврикия, когда ее отеснил к северу английский военный корабль. Спасаясь от преследования, шхуна попала в шторм и ночью разбилась на рифах острова Агалегга.

Остров состоит из двух клочков суши, соединенных песчаной отмелью, которая высыхает при низком приливе. Длина бóльшего острова — шесть миль. Оба окружены рифами. В начале XIX века острова были необитаемы, на них росли лишь казуариновые деревья. В наши дни здесь на тысячах акров раскинулись плантации пальм. В разное время на островках находили диких зайцев, куропаток, цесарок, свиней и даже павлинов. Но несчастные моряки с «Ла Креола» боролись за свою жизнь на побережье, где можно было найти лишь морских птиц, черепах, выползших на берег, да рыб, шнырявших между рифами. К счастью, под береговым песком они обнаружили немного пресной воды.

Молодой капитан Робер Дюфур (сын известного корсара) посчитал безнадежным дожидаться посторонней помощи. Он распорядился построить из остатков судна маленькую открытую лодку. Сколотив ее, несколько человек ушло за помощью на Сейшельские острова. Лодку подобрал английский фрегат, однако шла война и курс фрегата лежал в стороне от этих мест. Дюфур и другие потерпевшие, среди которых была семнадцатилетняя аристократка с Маврикия по имени Аделаида д'Эммерец, напрасно вглядывались в даль, ожидая, не появится ли на горизонте парус. Дюфур был влюблен в девушку. Он должен был доставить ее домой в Маэбур на западном берегу Маврикия, но тут их начал преследовать английский корабль.

Моряки ждали помощи, но так и не дождались. Лет через пять после этого кораблекрушения на остров Агалегга прибыла экспедиция с Маврикия с намерением основать здесь поселение и насадить кокосовые пальмы. Они нашли остров «Ла Креола» и скелеты его пассажиров. А тридцать лет спустя на острове обнару-

жили еще более печальную реликвию. Комендант поселения набрел в северной его части на могилу. Около нее нашли бутылку с запиской, написанной рукой капитана Дюфура: «Я виноват в ее смерти, потому что предложил эту поездку; но перед тем как умереть, я клянусь господу, что всегда уважал этого восхитительного целомудренного ангела». Холм, который представляет собой всего лишь нагромождение песка, был назван Горой д'Эммерец.

Да, на этих островах царит одиночество. К ним относится еще одно примечательное местечко — остров Тромлен. Тромлен — песчаная банка длиной в милю. В самой высокой своей точке она поднимается над поверхностью океана всего на пятнадцать футов. Остров местами зарос низким кустарником. Этот клочок суши лежит в двухстах сорока милях к востоку от Мадагаскара и в трехстах от Маврикия.

Сейчас на Тромлене французская метеорологическая станция, куда на шесть месяцев посылают метеоролога с двумя помощниками и несколькими слугами из местных жителей (образ жизни француза не позволяет ему вытерпеть такую монотонную жизнь более полугода). У них здесь деревянные домики и аппараты, опресняющие морскую воду. Мадагаскар своевременно получает с Тромлена предупреждения о циклонах.

В 1797 году французский транспорт «Звезда» наскочил в темноте на остров, который к тому времени не имел ни наименования, ни каких-либо зачатков цивилизации. Пресная вода сохранялась только в лужах, оставшихся после дождя. Рыбы, устрицы да иногда черепашки составляли единственную живность острова.

Когда транспорт разломился, утонули семьсот человек, сто десять добрались на волнах прилива к унылым берегам. Тридцать человек из спасшихся были французскими солдатами, а остальные — африканцами.

Белые тотчас же поняли, что долго на этой песчаной банке им не протянуть. Сколотив в отчаянье плоскодонную лодку, они забрали всю еду и отплыли в сторону Мадагаскара. Я нигде не нашел упоминаний об их дальнейшей судьбе. Наверное, солдаты погибли, так как в течение двенадцати лет после крушения ни одно судно не заходило на Тромлен.

Двенадцать лет! Почти невероятно, чтобы кто-нибудь за это время мог остаться в живых. Не говоря уже об отсутствии пресной воды, стоит вспомнить, что Тромлен в непогоду захлестывают волны. Циклоны губят здесь всякую жизнь, ветер опрокидывает хижины. Люди прячутся в кустах, виснут на деревьях, полужатопленных волнами.

И все же, когда капитан Тромлен в 1809 году проходил на судне «Дофин» близко от острова, он увидел в подзорную трубу дюжину размахивающих руками человеческих фигур на берегу. Лодка не без труда миновала рифы, и на борт были доставлены двенадцать чернокожих женщин. Они рассказали о крушении судна. Все пассажиры погибли от голода. Но им в течение двенадцати лет удавалось поддерживать свое существование скудными дарами моря — черепахами, рыбами, крабами. И если бы не крабы, которые всегда были под рукой, они наверняка бы погибли. Жаль, что капитан Тромлен не описал эту историю более подробно. Он был слишком немногословен, но все же упомянул, что почти все женщины к моменту спасения поседели.

Я знаю, что погибают иногда, казалось бы, самые приспособленные к лишениям люди, в то время как в этих же условиях выживают хрупкие женщины. И все же как они могли пересилить голод и жажду? И ураганы? Загадка. Я бы заподозрил Тромлена в слишком живом воображении, если бы крушение «Звезды» и история этого судна не были описаны во французском путеводителе по Индийскому океану. Краткое сообщение об этом имеется также в навигационной инструкции британского Адмиралтейства. Правда, название судна там искажено и упоминается о спасении только семи женщин после пятнадцати лет жизни на острове. Сообщалось о том, что они питались главным образом крабами и солоноватой водой. Я полагаю, однако, что другие источники дают более надежную версию происшествия.

Теперь и здесь, на Тромлене, названном так по имени капитана — спасителя этих женщин, разрушено царство тишины: начала работать радиостанция.

Сможете ли вы перенести одиночество в компании еще одного неизвестного и всеми забытого «Робинзона Крузо»? Ну что же, в таком случае к вашим услугам

остров Провиденс и участки суши вокруг него, маленькие точки в океане, лежащие в пятистах милях к северу от Тромлена. Острова нетронутой тишины...

Провиденс. Так был назван остров два века назад, когда на него выбралась команда потерпевшего крушение французского фрегата «Орѐз». Сейчас здесь плантация кокосовых пальм, принадлежащая фирме с Сейшельских островов. Один управляющий присматривает за черными рабочими, раз в четыре месяца сюда заходит шхуна. Провиденс — узкий остров в две мили длиной. Другие же островки этой группы представляют собой песчаные отмели или коралловые рифы. На каждом из них по нескольку кокосовых пальм, кустиков кассавы, лужи с черепахами да густые заросли дикого гибискуса¹. На одном из островков высиживают птенцов птица-фрегат и олуша. Здесь много веков откладывалось гуано, теперь его собирают и увозят с острова.

Шестидесят лет назад на кече² «Генриэтта» на Провиденс с Реюньона отплыл капитан Кремаси, молодой нормандец, который зарабатывал на жизнь эксплуатацией своего суденышка. Он вез с собой лопаты и кирки, надеясь выкопать на Провиденс несколько саженцев кокосовой пальмы (тогда остров был еще необитаемым), чтобы продать их на Реюньоне владельцам копровых плантаций.

Кремаси первым сошел на берег, нашел небольшие пальмы и послал ялик за людьми, лопатами и кирками на «Генриэтту». Ялик уже приблизился к кече, когда налетел ураган, и команде пришлось снять судно с якоря, чтобы его не вынесло на берег. Судно было спасено, но капитан остался на острове в одной рубашке и брюках. За поясом у него был мачете — широкий тяжелый нож, похожий на бордажную саблю.

Исследуя остров, Кремаси убедился, что люди здесь бывали и до него. Они выращивали ямс. Семена папайи были либо выкинуты на берег морским прибоем, либо

¹ Гибискус — вечнозеленые, красиво цветущие кустарники или деревья. Многие виды дают эфирные масла, используются как лекарственные растения. Молодые листья употребляются в пищу. Из стеблей получают волокна, идущие на изготовление веревок и грубых тканей. — *Прим. ред.*

² Кече — небольшое двухмачтовое парусное судно. — *Прим. ред.*

высажены на острове специально. Пустили здесь корни и опунции. В пальмовых рощах водились дикие голуби, на берег выползли черепахи, прилив выносил рыб, которые барахтались в лужах. Кремаси был один, но его «стандарт островной жизни» оказался роскошным по сравнению с тем, который выпал на долю женщин на Тромлене.

Кремаси боялся, что судьба сыграла с ним злую шутку. Он знал, конечно, что команда при первой возможности вернется на «Генриэтте» к острову. Но если маленький кеч пострадал во время урагана, на его ремонт уйдет еще много времени. А если судно погибло, то пройдут годы, прежде чем кто-нибудь заглянет на необитаемый остров Провиденс.

Как и находчивый Робинзон Крузо, Кремаси решил с комфортом устроиться на острове. Когда он провел первую ночь на берегу, по телу бегали крысы, так что ему пришлось соорудить себе убежище из колючих листьев опунции. Потом он вытесал столбы и построил хижину с крышей из широких пальмовых листьев. Луж с дождевой водой на острове было достаточно; он нашел также старый колодец со сносной питьевой водой. Трудно было разводить огонь. Подобно другим людям, которые пытались обходиться без спичек, Кремаси обнаружил, что методом первобытных людей, которые вращали палочку в отверстиях, выбитом в дереве, и держа наготове стружки, добывали огонь, цивилизованному человеку овладеть не так-то легко. И все же ему удалось за несколько часов терпеливого труда заставить древесину тлеть, и он ни разу не допустил, чтобы огонь погас.

На самой высокой точке рядом со своей хижинкой Кремаси из прибитых к берегу обломков дерева, сухих веток и старых пальмовых стволов выстроил сигнальную вышку. Теперь со всем философским спокойствием, на которое он был способен, Кремаси стал дожидаться спасения. Жизнь его шла в вечных поисках пищи. Он ловил рыб руками, забивал голубей палкой, вскрывал своим мачете кокосовые орехи. Рыбу и птиц он жарил в черепаховой скорлупе и часто пек ямс в золе.

Однако он никогда не забывал осматривать горизонт зоркими глазами моряка. Нередко далеко в океане проплывали облака, по форме похожие на ко-

рабли. Прошло десять недель, прежде чем он увидел не облако, а собственную «Генриэтту». Капитан бросился с факелом к сигнальной вышке... Когда поднялся дым, он услышал с кеча ответный сигнал — пушечный выстрел.

Кремаси рассказали, что «Генриэтту» отнесло далеко на юго-запад. Ей пришлось зайти на остров Майотту в пятистах милях от Провиденс, чтобы сменить паруса, поставить новый такелаж и заменить сломанный рангоут. В те годы моряки сами занимались такими работами. Но на это нужно было время; и все это время Кремаси пил молоко кокосовых орехов и размышлял о превратностях судьбы...

Вернувшись на Реюньон, он заполнил целую школьную тетрадку рассказом о жизни «Робинзона Крузо с острова Провиденс». Этот рассказ никогда не был напечатан, но, к счастью для меня (неспособного понять великий французский язык), на Маврикий попал английский перевод этой рукописи, и мне удалось его прочитать. Я и сейчас хотел бы выйти на берег острова на час-другой и поискать, не осталось ли каких-нибудь следов робинзонады капитана Кремаси. Может быть, он вырезал ножом свое имя на какой-нибудь пальме? Или же удастся найти останки его жилища, окруженного колючей опунцией? Да нет, пожалуй, ничего не осталось. Циклоны давно уже уничтожили все следы.

Наиболее загадочным из всех необитаемых островов Индийского океана является, пожалуй, Жуан-ди-Нова в Мозамбикском проливе, в семидесяти пяти милях от острова Мадагаскар. Некогда это был остров собак, а может быть, и по сей день он остается собачьим царством.

В течение многих веков моряки опасались острова — и не без оснований. Мощное, неожиданно возникающее течение подхватывает и несет корабль прямо к острову. Рифы близ него буквально завалены обломками судов. С некоторых из них на Жуан-ди-Нову и попали собаки. А может быть, собак оставили здесь рыбаки племени сакалава с Мадагаскара, что каждый год заглядывают на остров в поисках черепах. Среди собак Жуан-ди-Новы есть такие странные и сложные помеси, что, как мне представляется, их поголовье периодически получало свежее пополнение.

Впервые я услышал о собаках от моряка, который привел на Жуан-ди-Нове в 1911 году три недели, когда корабль «Тотенхем» налетел в темноте на рифы. С того времени утекло немало воды, но ему никогда не забыть, как они все удивились, когда вахтенный офицер крикнул: «Белая вода прямо по курсу». Машине дали обратный ход, но «Тотенхем» уже крепко сидел на рифах. Во время отлива корабль обнажил киль, моряки обошли вокруг него и отправились на остров.

«На берегу мы увидели собак — стаи беспородных bestий самого разного цвета, — рассказывал один из потерпевших крушение. — Самое любопытное, и это бросилось всем в глаза, что вряд ли хотя бы одна из собак умела лаять. Они громко выли по ночам, а свой цивилизованный лай, похоже, утратили. И еще: они бегали с опущенными хвостами, как волки. Когда мы выстрелили поверх собачьих голов, они опрометью бросились в кусты. Но выглядела эта свора весьма подозрительно. И мы предпочли жить на борту Тотенхема, пока корабль „Форт“ не отбуксировал нас в Дурбан».

Несомненно, во времена каравелл и галеонов и португальцы, и голландцы, и французы — все теряли здесь свои суда. Первые записи об острове говорят о том, что его населяли птицы; был он покрыт лесами с огромным баобабом посредине, который африканцы племени сакалава считали священным и охраняли.

С разбившихся кораблей случалось спасаться и кошкам. Может быть, собаки и кошки появились на берегу в тот день, когда в середине XIX века здесь раскололся на две половины барк «Святой Абс». Команда этого судна выпила все спиртное, какое было на борту (барк был нагружен именно вином), и, как говорится, сошла с катушек. К останкам других судов в 1863 году присоединился остов шхуны «Барон Гамельн», а четыремя годами позднее во время ужасных циклонов на берег вынесло «Бородино». В течение многих лет самой приметной вехой был «Тотенхем». Незадолго до второй мировой войны к нему присоединилось грузовое судно «Барон Полварт».

Так что птичья фауна острова сильно страдала от набегов собак и кошек, которые добывали себе пропитание за счет редких, исчезающих видов птиц, оставшихся еще на острове. Здесь обосновались и крысы,

которые плодились в таком множестве, что ни собаки, ни кошки не могли их истребить.

Неприветливое местечко этот Жуан-ди-Нова, и если в моем повествовании о нем не хватает современных данных, то именно потому, что, за исключением рыбаков, редко кто появлялся на острове. Я пытался обнаружить описание острова, составленное каким-либо ученым, но нашел всего лишь одно упоминание о посещении острова немецким профессором Вольцковом в 1894 году.

Никогда не слышал, чтобы на Жуан-ди-Нове искали клады, но что касается других островов Индийского океана, то почти о каждом из них можно рассказать легенду, а иногда там действительно обнаруживали малую толику золота или серебра. Я ужасно люблю слушать истории про клады, но должен предупредить вас, что единственное сокровище, которое вы найдете на этих островах (правда, не на всех), — это тишина.

После окончания второй мировой войны водолазы занялись проверкой некоторых легенд и вынесли на поверхность интересные подводные фотографии затонувших галеонов, средневековых якорей и пушек с расширяющимися стволами, облепленных кораллами. А если они и обнаруживали что-нибудь стоящее, то — будьте уверены — водолазы умеют держать язык за зубами. Ведь никогда не знаешь наверняка, не обнаружится ли еще какой-нибудь претендент на долю от находки.

Поэтому, рассказывая о сокровищах Индийского океана, я, может быть, говорю о кладах, которые когда-то действительно там были, но сейчас давно уже извлечены на поверхность.

Оливье ле Вассера, который был известен под пиратской кличкой «Обжора», повесили 17 июля 1730 года в Сен-Дени на Реюньоне. Прежде чем палач связал ему руки, «Обжора» бросил в толпу карту. «Найдете клад, кто сможет», — были его последние слова перед тем, как из-под ног выбили скамейку. Этот пират оказался не лишенным чувства юмора. Основные ориентиры карты были зашифрованы. Сделали немало копий, множество исследователей ломало себе головы над картой ле Вассера, немало экспедиций отправилось на поиски. Но все было безрезультатно. Лет десять назад на острове Маэ на Сейшелах, около деревни

Белль Омбр, высадились экспедиция, разыскивающая золото и драгоценные камни, награбленные «Обжорой» на португальском судне. Экспедиция в своих розысках использовала динамит, но разворотила взрывами только кораллы.

Другой остров в группе Сейшельских — Силуэт — сохраняет стойкую репутацию острова сокровищ. С него вывозили копру, но копра звучит не так романтично, как золото, которое было зарыто, когда пираты кренговали, чистили и смолили свои суда в этих неглубоких водах.

Один старый африканец, бывший раб, дожил до 20-х годов нашего века. Он утверждал, будто знает, где тайник на Силуэте. Однако это был упрямый и своеправный старик. После первой неудачной попытки договориться он отказался вести кого-либо к заветному месту. Говорят, одному богатому землевладельцу удалось все же соблазнить бывшего раба, и тот повел его к заветному месту. Они обогнули на лодке неприступную скалистую часть острова и уже собирались высадиться на берег, как вдруг африканец заметил, что за ними следят. Он испугался, вернулся к лодке и с тех пор не верил уже никому.

На Маэ похоронен пират Гудул. Его могила расположена неподалеку от гранитных стен дома, который он там себе построил. На могильном камне изображен корабль с надписью.

*«Здесь лежит Дан Франсуа Гудул,
бывший капитан корсаров.
Родился 15 июня 1765 года.
Умер 10 января 1835 года».*

Считают, что Гудул задолго до своей смерти прятал в будущую могилу часть сокровищ. Но островитяне ни за какие сокровища не желают тревожить костей старого пирата. В этом они непоколебимы.

Мой старый друг Джулиан Мокфорд, большой знаток этих островов, немало времени потратил на проверку легенд о кладах, зарытых на Сейшелах. Ему показали золотые кольца, найденные неподалеку от городка Виктория на Маэ, а также несколько причудливых старинных монет, обнаруженных в песке. Жители острова с глубокой убежденностью толкуют о дублонах и драгоценностях. Но они полагают, что счастли-

чки, нашедшие клады, никогда не распространяются об этом и продают свои находки осторожно и неспеша с помощью надежных моряков с индийских и арабских доу.

Возможно, на островах Индийского океана спрятал часть своих сокровищ капитан Кидд. Среди них часто называют Занзибар. Я четыре раза бывал на Занзибаре и специально посетил различные места, в которых, как считают, могли быть клады. Одно из них — развалины старого дворца Дунга, где, по мнению всех арабов, живут привидения. Когда полвека назад дворец сносили, то глазам людей предстали скелеты рабов, заживо погребенных в толстых стенах дворца. Нашли также священные боевые барабаны суахили и резные деревянные роги, которые хранятся теперь в занзибарском музее. Но самая ценная находка была сделана здесь еще раньше одним арабом, которому случилось закапывать своего мертвого осла. Под лопатой он обнаружил золотые монеты, на которых было выбито имя Гарун-аль-Рашида, багдадского султана. Мне лично не ясно, какое отношение имеет эта находка к капитану Кидду, но легенда именно такова. Когда нашли монеты, занзибарский султан послал своих людей перекопать всю землю вокруг дворца, но это, по видимому, ничего не дало.

Еще одно заповедное место на Занзибаре — неподалеку от знаменитого баобаба. Здесь гид покажет вам насечки, сделанные в толстой коре (я подозреваю, что для привлечения туристов их периодически подновляют). Несколько человек как-то высадились в этом месте, откопали ящик и отплыли обратно — так говорит местная легенда. Правда, в официальном документе записано, что при кладке фундамента для нынешнего султанского дворца был откопан металлический ящик со слитками золота.

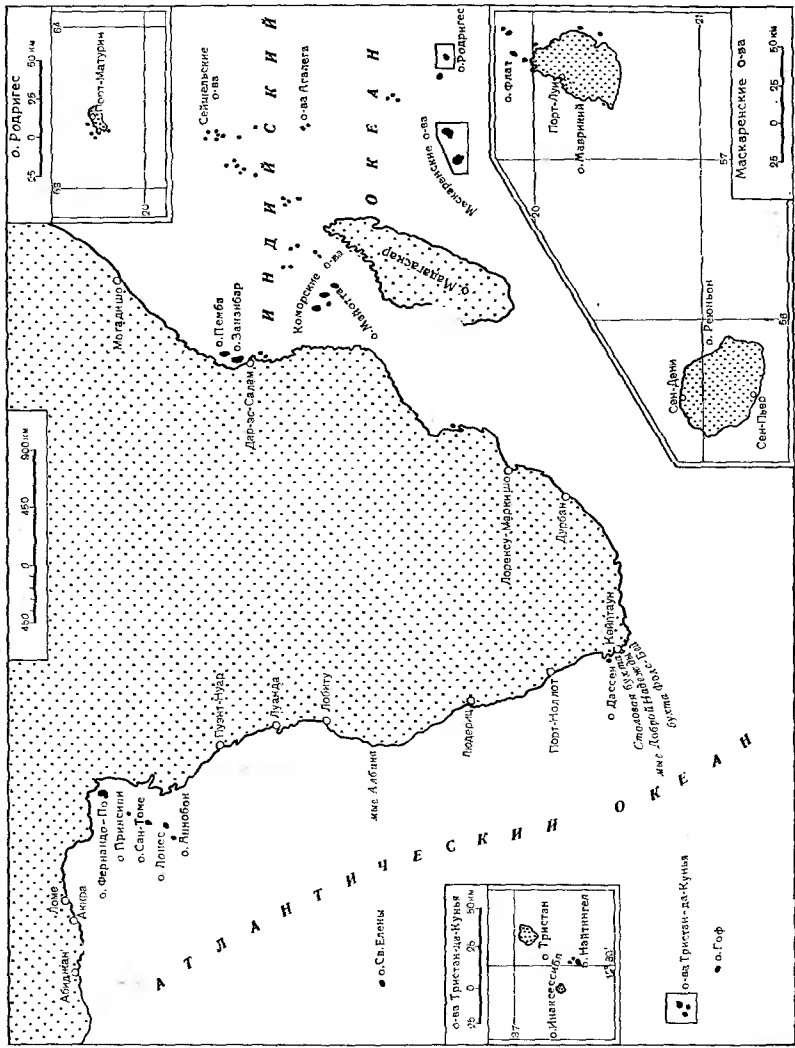
Наиболее многообещающим в этом отношении является, пожалуй, остров Иль-де-Депозе в группе Фаркуарских, к северу от Мадагаскара.

Легенда такова. Лет сто назад французские власти отправили в ссылку одного местного царька. Его везли со всем гаремом, приближенными и имуществом. На пути во Францию корабль затонул близ северо-западной части острова, где позже погиб и английский пароход «Эймстри».

В те времена Фаркуары были необитаемым, заброшенным клочком суши. Царьку с несколькими приближенными удалось спастись, но, когда остров посетило следующее судно, единственной живой душой на нем оставался сам царек. Он помешался в одиночестве, и излечить его не удалось.

Моряки рассудили, что, когда царек добрался до острова, все богатства были при нем. Может быть, они нашли и еще кое-что. Во всяком случае, могилы на Фаркуаре были потревожены, и не один раз. Однажды нашли крест. Но сам я предпочитаю искать ключи к зарытым сундукам с сокровищами не на кладбище, а, скорее наоборот, где-нибудь в другом направлении...

Вот мы и познакомились с далекими островами Индийского океана и с их легендами. Когда я уже не смогу путешествовать в тропиках, я сохранию в памяти невысокие коралловые островки, которые вначале, когда приближаешься к ним, выглядят маленькой точкой на горизонте: точка эта растет, удлиняется, скоро глаз уже начинает различать куполообразные вершины пальм и баньянов. Потом сверкнет изумрудом полоска воды на отмели, покажет белые зубы прибой на рифах, и уже без бинокля можно увидеть кусты, лодки и хижины под пальмовыми листьями. А когда загремит якорная цепь и на берег высыплет приветствовать корабль толпа возбужденных-островитян, воздух наполнится шумом и криками, нарушая тишину Великого Уединенного Покоя.



ПОСЛЕСЛОВИЕ

За последние годы широкие круги читателей могли познакомиться с природой, историей и населением островов Тихого океана по вышедшим в свет книгам Тура Хейердала, Бенгта Даниельссона и многих других¹. На этом фоне особый интерес представляет книга Лоуренса Г. Грина. Будучи, по его словам, «перелетной птицей», автор, известный писатель и журналист южноафриканского происхождения, совершил несколько путешествий, во время которых посетил множество островов Атлантического и Индийского океанов.

Начав свои странствования от Кейптауна, Л. Г. Грин описывает сначала крошечные островки, разбросанные вдоль юго-западных пустынных, скалистых, негостеприимных берегов Африки. Затем он отправляется в далекие плавания по Атлантическому океану и пересекает его с юга на север между субтропиками обоих полушарий.

В Атлантическом океане мало островов, они разделены огромными водными пространствами, но Л. Г. Грин посетил почти все, лежащие вблизи берегов Африки, а также разбросанные по центру Атлантики.

Грин описывает малоизвестные или вовсе не знакомые нам острова: Тристан-да-Кунья, крошечные островки Гоф и Селваженш, остров Святой Елены, Канарские, Мадейру и острова Гвинейского залива — Фернандо-По, Принсипи и Сан-Томе.

В Индийском океане помимо Занзибара и Маскарен он знакомит читателей с крошечными островками, разбросанными в его южной части вблизи Мадагаскара и словно прикрытыми тенью этого огромного острова.

Географическое положение островов, лежащих на пути из Европы в Африку и Южную Америку, из Африки в Индию, по дороге к антарктическим водам и ледяному континенту чрезвычайно выгодно. Не случайно поэтому на страницах книги перед нами оживает история колониальных захватов Португалии, Испании, Франции и Англии.

В XV и в начале XVI века Португалия, ставшая к тому времени сильным централизованным государством, снаряжала морские экспедиции, сыгравшие важную роль в великих географиче-

¹ Т. Хейердал, Аку-Аку, М., 1959; его же, Приключения одной теории, Л., 1969; Б. Даниельссон, Позабитые острова, М., 1965; его же, Счастливый остров, М., 1969.

ских открытиях. Португальцы открыли для Европы большую часть островов Атлантического и Индийского океанов, упоминаемых Л. Г. Грипом, — Тристан-да-Кунья, Святую Елену, Вознесения, Селваженш, Фернандо-По, Принсипи, Сан-Томе, Занзибар и Маскарены.

Во второй половине XVI века на арену колониальных захватов вступает Великобритания, для которой эксплуатация колоний явилась важнейшим средством первоначального накопления капитала и предпосылкой быстрого развития капитализма. Растет мощь английского морского флота. Искатели приключений, пираты и авантюристы устремляются в погоне за богатством и славой от берегов туманного Альбиона в далекие плавания. С именами Кюда и других пиратов связаны поиски кладов, зарытых ими якобы на острове Селваженш, о которых подробно рассказывает автор.

На первых порах английская колониальная экспансия велась главным образом торговыми компаниями, которым предоставлялась неограниченная власть в захватываемых районах. Эти компании получали огромные прибыли от работорговли, игравшей важнейшую роль в колониальных захватах. В это время острова Атлантического и Индийского океанов служили перевалочными базами и рынками торговли рабами Великобритании, Португалии, Испании, Франции, Омана. Мы находим у Л. Г. Грина страници, посвященные работорговле на островах Гвинейского залива, на Святой Елене, где встает мрачная тень британской Ост-Индской компании, играющей в ней ведущую роль.

Великобритания в полной мере оценила значение островов как опорных пунктов для поддержания связей со своими колониальными владениями в Африке и Индии, захват которых она начала осуществлять в этот же период. Л. Г. Грин не заостряет, однако, своего внимания на экспансионистской деятельности Британской империи. Постараемся восполнить этот пробел.

В 1673 году Англия овладела островом Святой Елены, в 1815 году — Вознесения, в 1816 году — островами Гоф и Тристан-да-Кунья в Атлантическом океане. Значение островов Святой Елены, Вознесения и Мадейры особенно возросло со второй половины XIX века, когда они стали промежуточными станциями подводных телеграфных кабелей, проложенных между Африкой и Южной Америкой.

В Индийском океане в 1810 году Великобритания захватила важные в стратегическом отношении острова Маскаренского архипелага — Маврикий и Родригес. Полагают, что остров Маврикий еще в средние века был известен арабским и малайским торговцам. В 1507 году на остров прибыли первые европейцы — португальские мореходы под водительством Педру-ди-Машкареньяша. В 1598 году остров захватили голландцы, в начале XVIII века им овладела Франция, в 1810 году — Англия. В 1814 году, согласно Парижскому договору, Маврикий вместе с островом Родригес стал официальным английским колониальным владением.

Описывая остров Маврикий как мешанину из «лондонских полицейских, китайских лавочников, рабочих-индийцев», автор тем задает вопрос, откуда эта мешанина возникла. Между тем это становится понятным, если учесть, что для работы на плантациях сахарного тростника на остров ввозили сначала рабов из

Африки (главным образом с Мозамбика и Мадагаскара), а затем в XIX веке, «законтрактованных» рабочих из Индии и Китая.

Остров Занзибар произвел на Грина впечатление «одного из самых очаровательных мест в мире». По-видимому, по этой причине он не говорит ни слова о его драматической судьбе. Расположенный вблизи Африканского побережья, Занзибар сохраняет весьма выгодное географическое положение. Уже в 50—100-е годы его достигали греческие и финикийские мореходы, плававшие под римским флагом. В средние века он становится политическим и торговым центром Восточной Африки. В X веке на остров проникают арабы и персы, в XVI веке им овладевает Португалия, которая использовала Занзибар в качестве плацдарма для завоевания Мозамбика. В конце XVII — начале XVIII века власть на острове захватил султан Маската, а в 1832 году он стал его резиденцией.

Занзибар превращается в крупнейший центр работорговли в Индийском океане. Уже в конце XVIII века в результате большого спроса в Америке на «живой товар» с острова ежегодно продавали за океан пятнадцать-двадцать тысяч человек.

В 1856 году Занзибар стал независимым султанатом. Особенно возросло значение острова с 1869 года, после того как вступил в строй Суэцкий канал, в связи с чем усилилась борьба европейских держав за его обладание.

В Восточной Африке и на Занзибаре столкнулись интересы Англии и Германии, которая в 1884 году создала Общество немецкой колонизации. В 1888—1891 годах Германия направляет колониальные экспедиции во внутренние районы Таиганьики, заключает договора о протекторате с вождями племен и стремится захватить прибрежную полосу страны и остров Занзибар, находившиеся во владении султана. Методы колониальной экспансии недвусмысленны: к берегам острова подошли немецкие крейсера. В результате Германия получила право аренды на эту территорию сроком на пятьдесят лет.

Однако германские империалисты натолкнулись в Восточной Африке на жестокое противодействие Великобритании, также оценившей значение этих территорий. В результате в 1890 году по так называемому Гельголандскому договору были признаны права Германии на Таиганьику, а Англии — на Кенийу, Уганду и Занзибар, который стал английским протекторатом с формальным признанием султана главой страны Занзибар, включавшей помимо самого острова еще и прилегающие к нему мелкие островки.

Сделанные нами исторические экскурсы отнюдь не охватывают всей сложности истории захвата островов колониальными державами. Как уже было сказано выше, еще меньше их встречается у Л. Г. Грина, «вольного путешественника», не связанного ни задачей, ни желанием проводить детальный исторический анализ.

Равным образом в книге не всегда полно и точно описывается природа островов, которые посетил автор. Все они большей частью вулканического происхождения, возвышаются на подводных хребтах и плато обоих океанов, обладая уникальным и часто только этим островам свойственным растительным и животным миром, который находился в длительной изоляции от материков.

Автор приводит довольно легковесные теории существования легендарной Атлантиды, не упоминая о гораздо более серьезных

научных исследованиях, посвященных этой проблеме; несколько мистически описывает «таинственные» острова южной части Индийского и Атлантического океанов, временное существование которых связано на деле либо с сильной сейсмичностью дна океанов, либо с крупными айсбергами, которые течения приносили от ледяного щита Антарктиды.

Автор побывал на многих островах после второй мировой войны, но роль и значение их в те времена отмечаются им далеко не всегда. Грин не видит того, что в настоящее время они стали важнейшими военно-стратегическими и морскими базами капиталистических стран на просторах океанов. Правда, хочет он того или нет, но то обстоятельство, что многие из обследованных им островов стали «надежным» местом для заключения непокорных и преступных элементов, все время дает о себе знать в книге. Достаточно вспомнить хотя бы истории побегов заключенных, как правило кончавшихся неудачей.

Не следует забывать, что со времени путешествий Грина прошло уже довольно много времени и автор в конце концов видел лишь то, что мог (и хотел). И все же слишком уж часто звучит у него рефрен о том, что острова, которые он видел, — земной рай, места блаженного, безмятежного существования, где человека покидают все житейские заботы и охватывает покой и благоденствие. С этим нельзя, конечно, согласиться. Главный недостаток книги Л. Грина — почти полное игнорирование социально-экономического уровня жизни людей на островах в условиях классовой дифференциации, колониального режима и расовой дискриминации.

Автор может со всеми многочисленными подробностями описывать удивительные способности некоего провидца Этьена Боттино с острова Маврикий и вместе с тем не заметить каторжных условий жизни рабочих на плантациях этого крупного плантационного монокультурного хозяйства сахарного тростника, семьдесят пять процентов которого принадлежат французскому, а также английскому капиталу. Не случайно здесь еще в 1935 году, с возникновением профсоюзов, время от времени вспыхивают забастовки.

Еще более яркие примеры тяжелого положения трудящихся можно проследить на примере Канарских островов, которые находятся под владычеством Испании. Канарские острова сегодня, по местному выражению журналиста Ю. Буксина, — «рай не для всех». А Лоуренс Грин пишет, что в сентябре — октябре 1956 года на острове Гран-Канария, главном из счастливых островов, как их иногда называют, «цены были в высшей степени доступными», еда и напитки дешевы и «жить здесь можно в высшей степени экономно». Он рассчитывал при этом свои расходы на шиллинги, которых не было и нет у местного населения. В 1971 году официально признанный минимум заработной платы составляет здесь три тысячи пятьсот песет в месяц. Однако многие семьи канарцев вынуждены тратить десять тысяч и более песет. Жизнь на островах дешева лишь для иностранных туристов, которые скупают беспошлинные товары, обслуживающий же их персонал вынужден постоянно бороться за повышение своего жизненного уровня.

Со времени путешествия Л. Г. Грина изменилась и политическая карта мира. Национально-освободительное движение, широ-

кой волной прокатившееся по колоннальным и зависимым странам всех континентов, достигло и океанических островов.

10 декабря 1963 года получил независимость остров Занзибар, оставшийся, однако, до 1964 года султанатом. 12 января 1964 года в стране произошел революционный переворот, султан был свергнут и к власти пришли патриотические силы, объединенные в двух прогрессивных партиях. Занзибар был объявлен республикой. Новое республиканское правительство изложило свою программу, по которой вся земля, принадлежавшая помещикам, должна быть передана крестьянам. В апреле 1964 года правительство приняло решение об объединении Республики Занзибар и Пембы с Республикой Танганьикой в Объединенную Республику Танзанию (страна получила наименование Танзании в октябре того же года).

12 марта 1968 года под звуки торжественного салюта в столице Маврикия Порт-Луи был поднят красно-синие-желто-зеленый флаг нового независимого государства. В этот день закончился длившийся сто пятьдесят восемь лет период британского колониального господства на острове.

12 октября 1968 года получила независимость Испанская Гвинея (Рио-Муни), принявшая название Экваториальной Гвинеи. В нее помимо материковой части вошли острова Фернандо-По и Аннобон. На острове Фернандо-По находится столица Экваториальной Гвинеи — город Санта-Исабель.

Пожалуй, трудно согласиться и с тем, что описываемые Гринном острова «не тронуты временем». Почти все они, конечно, уже подверглись сильному влиянию цивилизации. На Канарские и другие острова, имеющие удобные гавани и хорошо оборудованные порты, заходят корабли под флагами многих стран. Бывают на них и советские моряки рыболовных траулеров, китобойных флотилий. Заходят и научно-исследовательские суда, изучающие дно и акватории океанов. И мы узнаем об островах, до которых, несмотря на дальние расстояния, время доносит события, совершающиеся в большом мире.

Можно привести еще довольно много критических замечаний, касающихся книги «Острова, не тронутые временем». Однако не в них дело. Главное, что Л. Г. Грин, не являясь ни натуралистом, ни этнографом, ни историком в строгом смысле этого слова, в своих путешествиях не остается простым наблюдателем. Он сообщает читателю массу интереснейших сведений не только о ландшафтах островов, но, что главное, об эпизодах из их истории, часто драматических, о своеобразной жизни людей, живущих маленькими колониями вдали от больших материков.

Судьбы вольных или невольных «робинзонов», смелых охотников, сборщиков гуано, искателей кладов раскрывает Грин. Книга знакомит читателей с удивительной жизнью тристанцев и их неразгаданным «секретом долголетия», пребыванием Наполеона I на острове Святая Елена, малозвестным народом гуанчи с Канарских островов, о котором долгое время вели жаркие споры этнографы. Мы узнаем о языке свиста, который в ходу на острове Гомера, о марках с Маврикия и многих других удивительных вещах, интересных людях и событиях.

Эта увлеченность автора, богатый подбор фактов, эпизодов, полных приключений, заставляют нас простить Грину и некоторую «гастрономическую» увлеченность при описании блюд, которые

ему пришлось отведавать в различных отелях, или тот перечень кулинарных рецептов экзотических кушаний, приготовление и качество которых его сильно занимают.

Итак, познакомившись с книгой Л. Г. Грина, вы ощутили своеобразный мир далеких островов и узнали о многих не только позабытых, но зачастую и неизвестных вам эпизодах, фактах и событиях.

Главы I—IX переведены Г. Головневым, главы X—XIX — Г. Гаевым.

Л. А. Михайлова

ПЕРЕВОД УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ МЕР В МЕТРИЧЕСКИЕ

Меры длины

1 ярд = 91,44 см.

1 миля (сухопутная) = 1609 м.

1 миля (морская) = 1853 м.

1 акр = 4047 кв. м.

1 фут = 304,8 мм.

Меры жидких тел

1 галлон США = 3,785 л.

Меры веса

1 фунт = 453,6 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Остров прокаженных	7
<i>Глава вторая.</i> Птичье царство	21
<i>Глава третья.</i> Тристан хранит свою тайну	48
<i>Глава четвертая.</i> Остров затонувших кораблей	63
<i>Глава пятая.</i> Острова сокровищ в Атлантике	72
<i>Глава шестая.</i> Алмазы острова Гоф	86
<i>Глава седьмая.</i> Обломок посреди океана	100
<i>Глава восьмая.</i> Маленький город-остров	119
<i>Глава девятая.</i> Остров изгнанников	140
<i>Глава десятая.</i> Остров Вознесения (Ассеншен)	148
<i>Глава одиннадцатая.</i> Счастливые острова	180
<i>Глава двенадцатая.</i> Блондины с неясным прошлым	198
<i>Глава тринадцатая.</i> Свистуны с острова Гомера	210
<i>Глава четырнадцатая.</i> Остров маленьких ныряльчиков	223
<i>Глава пятнадцатая.</i> Острова Западной Африки	239
<i>Глава шестнадцатая.</i> Волшебный призрак	256
<i>Глава семнадцатая.</i> Занзибар и арабские одно-мачтовики	271
<i>Глава восемнадцатая.</i> На Маскаренах	283
<i>Глава девятнадцатая.</i> Острова великого безмолвия	298
Послесловие	313

Лоуренс Грин
ОСТРОВА, НЕ ТРОНУТЫЕ
ВРЕМЕНЕМ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Э. О. Секер
Младший редактор Л. З. Шварц
Художник Н. А. Абакумов
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Н. Титова
Корректор А. И. Киселева

Сдано в набор 2/VI 1971 г. Подписано
к печати 20/1 1972 г. Формат 84×108^{1/32}
Бум. № 2. Печ. л. 10,0. Усл. п. л. 16,8
Уч.-изд. л. 17,14. Тираж 75 000 экз.
Изд. № 2613. Зак. № 549. Цена 86 коп.

Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, «Краснопролетарская, 16